

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*

*Nr. 1
2013*

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Istorie, Stat și Drept
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039
din „04„ august 2009

Apare din 2006 de 4 ori pe an

Nr. 1 (27), 2013

ISSN 1857-1999

REDACTOR-ȘEF:

BURIAN Alexandru

doctor habilitat în drept, profesor universitar

SECRETAR ȘTIINȚIFIC:

CHIRTOACĂ Natalia

doctor în drept, conferențiar universitar

CONSILIUL REDACȚIONAL:

ANGEL Jose Luis IRIARTE, doctor în drept, prof. universitar (Spania);
ARHILIUC Victoria, doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Italia);
ABASHIDZE Aslan, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Rusia);
BALAN Oleg, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Moldova);
BENIUC Valentin, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
BOSHITSKY Iuryi, doctor în drept, profesor universitar (Ucraina);
FUEREA Augustin, doctor în drept, profesor universitar (România);
HEINRICH Hans-Georg, doctor în drept, prof. universitar (Austria);
KAPUSTIN Anatolii, doctor habilitat în drept, prof. universitar (Rusia);
MAZILU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
NAZARIA Sergiu, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
POPESCU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
ROȘCA Alla, doctor habilitat în științe politice, prof. universitar (SUA);
SEDLIȚCHI Iurie, doctor în drept, profesor universitar (Moldova);
TIMCENCO Leonid, doctor habilitat în drept, prof. universitar (Ucraina)

REDACȚIA:

CHINDÎBALIUC Oleana (redactor)

ADRESA NOASTRĂ:

Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablocikin, 2/1, bir. 305, MD 2069.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05

e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;

<http://www.rmdiri.md>

Indexul poștal: PM 32028

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2013.

Toate drepturile rezervate

SUMAR

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

- **CHIRTOACĂ Natalia, MĂTĂȘEL Adrian.** Consolidarea principiului neamestecului în dreptul internațional convențional și cutumiar al secolului XX5

RELATII INTERNAȚIONALE

- **BURIAN Alexandru.** Federalizarea Uniunii Europene și perspectivele NATO.....20

TRIBUNA DOCTORANDULUI

- **CHINDÎBALIUC Oleana.** Conducele ca un factor de influență geopolitică și un instrument de securitate națională în cadrul blocului continental Euroasiatic cu proiecție la axa de gaz Paris-Berlin-Moscova.....34
- **COTOVICI Alexandr.** Protecția penal-legală a dreptului la un proces de judecată echitabil în statele Europei continentale (experiență pentru Ucraina).....47
- **FLOREA Dumitrița.** Procesul de creare a normelor juridice internaționale60
- **HACIATURIAN Tamara.** Conceptele, definiția și tipurile de infracțiuni cu element de drept internațional69
- **HORODYSKY Ivan.** Cadrul juridic internațional privind crearea bazelor militare străine79
- **MĂTĂȘEL Alina.** Rolul Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în prevenirea conflictelor: implicarea OSCE în Ucraina.....87
- **POLGAR Michal.** În căutarea corelației între modificările în funcțiile de bază ale statelor și schimbările în diplomatie (In search of correlation between the changes in basic functions of states and the changes in diplomacy).....100

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **AKULOV-MURATOV Vladyslav.** Studiul mecanismelor de influență a politicii externe a Ucrainei în 2012 asupra sistemului și mecanismelor de guvernare.....111
- **CERNEȚCAIA Elena.** Instituția de reprezentant al organelor autoguvernării locale din Ucraina și alte țări: analiza comparativă.....139
- **VASILENCO Nicolae.** Caracteristici privind cooperarea consolidată dintre statele membre ale Uniunii Europene: domeniul inovare147
- **ZABZALIUC Olga.** Ideile federalismului în gândirea politico-juridică din Ucraina în anii 1917-1918155

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **DERGACIOV Vladimir.** Geopolitica Mării Negre: riscuri interne și externe166
- **YURCENCO Serghei.** Provocările politicii externe a Ucrainei și proiecția lor în regiunea Mării Negre178

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”190
- Date despre autori.....194
- Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”197

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by
Association of International Law from the Republic of Moldova

Co-founders:

Institute of History, State and Law
of the Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered with State Chamber of Registration
of Ministry of Justice of the Republic of Moldova
Certificate Nr. MD 000039
“4”, August 2009

Published quarterly
No. 1 (27), 2013
ISSN 1857-1999

EDITOR –IN – CHIEF:

BURIAN Alexander
Doctor Habilitat of Law, Full Professor

SCIENTIFIC SECRETARY:

CHIRTOACA Natalia,
Doctor of Law, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

ANGEL Jose Luis IRIARTE, Doctor of Law, Professor (Spain);
ARHILIUC Victoria, Doctor Habilitat of Law, Professor (Italy);
ABASHIDZE Aslan, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
BALAN Oleg, Doctor Habilitat of Law, Professor (Moldova);
BENIUC Valentin, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
BOSHITSKYI Iurii, Doctor of Law, Professor (Ukraine);
FUEREA Augustin, Doctor of Law, Professor (Romania);
HEINRICH Hans-Georg, Doctor of Law, Professor (Austria);
KAPUSTN Anatoly, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
MAZILU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
NAZARIA Sergei, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
POPESCU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
ROSCA Alla, Doctor Habilitat of Political Science, Professor (USA);
SEDLITSCHI Yuri, Doctor of Law, Professor (Moldova);
TIMCHENKO Leonid, Doctor Habilitat of Law, Professor (Ukraine)

EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana (editor)

OUR ADDRESS:

MD-2069, The Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandrururian@yahoo.com; alexandrururian@mail.ru;
<http://www.rmdir.md>

Edition index PIN: PM 32028

The views of Editors do not necessarily coincide
with the opinions of the authors.

The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts in the
published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2013.

All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- **CHIRTOACA Natalia, MATASHEL Adrian.** Enhancing the principle of non-interference in conventional and customary international law of the 20th century.....5

INTERNATIONAL RELATIONS

- **BURIAN Alexander.** Federation of the European Union and NATO prospects.....20

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- **KINDIBALYK Olyana.** Pipelines as a factor of geopolitical influence and tool of ensuring national security in the context of Eurasian continental block with the projection to the gas axis Paris-Berlin-Moscow.....34
- **KOTOVICH Alexander.** Criminal and legal protection right for fair trial in countries of continental Europe (experience for Ukraine).....47
- **FLOREA Dumitrita.** The process of creating international legal norms.....60
- **KHACHATURYAN Tamara.** The concepts and the definition of the crime with international element.....69
- **HORODYSKYI Ivan.** The international legal grounds of the creation of the foreign military bases.....79
- **MATASEL Alina.** The role of the Organization for Security and Cooperation in Europe in preventing conflicts: the involvement of the OSCE in Ukraine.....87
- **POLGÁR Michal.** In search of correlation between the changes in basic functions of states and the changes in diplomacy.....100

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- **AKULOV-MURATOV Vladyslav.** Study of the mechanisms of influence of the foreign policy of Ukraine in 2012, on her system and mechanisms of public administration111
- **CHERNETSKAYA Elena.** The institute of representative organs of local self-government of Ukraine and foreign countries: comparative legal analysis.....139
- **VASILENKO Mykola.** Features enhanced cooperation of the European Union member states: innovation.....147
- **ZABZALYUK Olga.** The idea of federalism in the Ukrainian political and legal thoughts of 1917-1918.....155

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- **DERGACHEV Vladimir.** Black Sea geopolitics: internal and external risks.....166
- **YURCHENKO Serghei.** Foreign policy challenges of Ukraine and their projection in the Black Sea region.....178

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....190
- About authors.....194
- Requirements to papers for publication in the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....200

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научно-теоретический и информационно-практический
периодический журнал, основанный
Ассоциацией международного права Республики Молдова

Соучредители:

Институт истории, государства и права
Академии наук Молдовы,
Европейский университет Молдовы,
Молдавский государственный институт
международных отношений,
Ассоциация внешней политики
и международного сотрудничества Республики Молдовы

Зарегистрирован Государственной Регистрационной Палатой при
Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039
от «4» августа 2009 года

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 1 (27), 2013 год.

ISSN 1857-1999

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр
доктор юридических наук, профессор

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталия
кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АНХЕЛ Хосе Луис **ИРИАРИ**, доктор права, профессор (Испания);
АРХИЛЮК Виктория, доктор юрид. наук, профессор (Италия);
АБАШИДЗЕ Аслан, доктор юрид. наук, профессор (Россия);
БАЛАН Олег, доктор юридических наук, профессор (Молдова);
БЕНЮК Валентин, доктор политических наук (Молдова);
БОШИЦКИЙ Юрий, доктор права, профессор (Украина);
КАПУСТИН Анатолий, доктор юрид. наук, профессор (Россия);
МАЗИЛУ Думитру, доктор права, профессор (Румыния);
НАЗАРИЯ Сергей, доктор политических наук (Молдова);
ПОПЕСКУ Думитра, доктор права, профессор (Румыния);
РОШКА Алла, доктор политических наук, профессор (США);
СЕДЛЕЦКИЙ Юрий, кандидат юрид. наук, профессор (Молдова);
ТИМЧЕНКО Леонид, доктор юрид. наук, профессор (Украина);
ФУЕРЕА Августин, доктор права, профессор (Румыния);
ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг, доктор права, профессор (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна (редактор)

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069
Тел. (37322) 23.44.17; Факс: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;
<http://www.rmdir.md>

Почтовый индекс: RM 32028

Мнения редакции не обязательно совпадают
с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации
и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права
и международных отношений», 2013.

Все права зарегистрированы.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **КИРТОАКЭ** Наталья, **МЭТЭШЕЛ** Адриан. Укрепление принципа невмешательства в договорное и обычное международное право XX века.....5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **БУРИАН** Александр. Федерализация Европейского союза и перспективы НАТО.....20

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- **КИНДЫБАЛЮК** Оляна. Трубопроводы как фактор геополитического влияния и инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте евразийского континентального блока с проекцией на газовую ось Париж-Берлин-Москва.....34
- **КОТОВИЧ** Александр. Уголовно-правовая охрана права на справедливый суд в странах континентальной Европы (опыт для Украины).....47
- **ФЛОРИЯ** Думитрица. Процесс создания международно-правовых норм.....60
- **ХАЧАТУРЯН** Тамара. Понятие и виды преступлений с международным элементом.....69
- **ГОРОДИСКИЙ** Иван. Международно-правовые основания создания иностранных военных баз.....79
- **МЭТЭШЕЛ** Алина. Роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в области предотвращения конфликтов: участие ОБСЕ в Украине.....87
- **ПОЛГАР** Майкл. В поисках корреляции между изменениями в основных функциях государств и изменения в дипломатии.....100

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **АКУЛОВ-МУРАТОВ** Владислав. Исследование механизмов влияния внешней политики Украины в 2012 году на её систему и механизмы государственного управления.....111
- **ЧЕРНЕЦКАЯ** Елена. Институт представительских органов местного самоуправления Украины и зарубежных стран: сравнительно правовой анализ.....139
- **ВАСИЛЕНКО** Николай. Особенности усиленного сотрудничества стран-членов Европейского союза: инновационная сфера.....147
- **ЗАБЗАЛЮК** Ольга. Идеи федерализма в украинской политико-правовой мысли 1917-1918 годов.....155

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **ДЕРГАЧЕВ** Владимир. Геополитика Черноморья: внешние и внутренние вызовы166
- **ЮРЧЕНКО** Сергей. Внешнеполитические вызовы Украины и их проекция в Черноморском регионе.....178

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет „Молдавского журнала международного права и международных отношений”.....190
- Наши авторы.....194
- Требования к оформлению статей для публикации в «Молдавском журнале международного права и международных отношений».....203

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

**CONSOLIDAREA PRINCIPIULUI NEAMESTECULUI
ÎN DREPTUL INTERNAȚIONAL CONVENȚIONAL
ȘI CUTUMIAR AL SECOLULUI XX**

*Natalia CHIRTOACĂ**
*Adrian MĂȚĂȘEL***

РЕЗУМАТ:
**CONSOLIDAREA PRINCIPIULUI NEAMESTECULUI
ÎN DREPTUL INTERNAȚIONAL CONVENȚIONAL ȘI CUTUMIAR AL SECOLULUI XX**

În articol se analizează problematica privitor la respectarea și consolidarea principiului neamestecului în dreptul internațional convențional și dreptul internațional cutumiar.

În contextul secolului XX, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state și-a găsit expresia în multe instrumente internaționale, de la documente universale, declarații regionale și bilaterale, până la practica statelor și instituțiilor internaționale.

Studiul prezent are rolul de a analiza principiul neamestecului în treburile interne ale altor state în contextul documentelor, declarațiilor, rezoluțiilor și evenimentelor specifice secolului XX, construind pe o dinamică integratoare, ce integrează dreptul internațional convențional și reperatele dreptului internațional cutumiar cu privire la neamestec.

Studiul este preocupat, în mod special, de analiza conținutului normativ, obiectivelor, excepțiilor și efectului legal al principiului, urmărind evoluția viziunii tradiționale a neamestecului către cadrele extinse specifice tendințelor evolutive ale principiului. În concluzie, studiul are rolul de a evalua orientarea principiului neamestecului în cadrul internațional al secolului XX.

Cuvinte cheie: *principiul neamestecului în treburile interne ale altor state, drept internațional convențional, drept internațional cutumiar, inadmisibilitatea amestecului în treburile interne.*

РЕЗЮМЕ:
**УКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА
В ДОГОВОРНОЕ И ОБЫЧНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО XX ВЕКА**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся уважения и укрепления принципа невмешательства в международное договорное право и обычное международное право.

В контексте XX века, принцип невмешательства во внутренние дела других государств нашел свое выражение в многочисленных международных документах, региональные и двусторонние заявления, в практике государств и международных учреждений.

* **CHIRTOACĂ Natalia** – Doctor în drept, conferențiar universitar, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); **CHIRTOACA Natalia** – Doctor in law, associate professor, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **ЧИРТОАКЭ Наталия** – Кандидат юридических наук, доцент, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

** **MĂȚĂȘEL Adrian** - Doctorand la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova), avocat (Iași, România); **MATASHEL Adrian** - PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova), attorney. (Iasi, Romania); **МЭТЭШЕЛ Адриан** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова), адвокат (Яссы, Румыния).

Настоящее исследование является анализом принципа невмешательства во внутренние дела других государств, в контексте документов, деклараций, резолюций и конкретных событий XX века, опираясь на комплексный и динамичный подход, ведущий к интеграции международного договорного и обычного права в отношении невмешательства.

Исследование направлено, в частности, и на анализ нормативного содержания, целей, исключений и юридического действия принципа, в свете эволюции традиционного видения невмешательства относительно расширенных эволюционных тенденций в конкретные рамки принципа. В заключение, исследование разработано для оценки ориентации принципа невмешательства в международных рамках 20-го века.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела других государств, договорное международное право, обычное международное право, недопущение вмешательства во внутренние дела.

(перевести на английский язык)

ABSTRACT

ENHANCING THE PRINCIPLE OF NON-INTERFERENCE IN CONVENTIONAL AND CUSTOMARY INTERNATIONAL LAW OF THE 20TH CENTURY

РЕЗЮМЕ:

**УКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА
В ДОГОВОРНОЕ И ОБЫЧНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО XX ВЕКА**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся уважения и укрепления принципа невмешательства в международное договорное право и обычное международное право.

В контексте XX века, принцип невмешательства во внутренние дела других государств нашел свое выражение в многочисленных международных документах, региональные и двусторонние заявления, в практике государств и международных учреждений.

Настоящее исследование является анализом принципа невмешательства во внутренние дела других государств, в контексте документов, деклараций, резолюций и конкретных событий XX века, опираясь на комплексный и динамичный подход, ведущий к интеграции международного договорного и обычного права в отношении невмешательства.

Исследование направлено, в частности, и на анализ нормативного содержания, целей, исключений и юридического действия принципа, в свете эволюции традиционного видения невмешательства относительно расширенных эволюционных тенденций в конкретные рамки принципа. В заключение, исследование разработано для оценки ориентации принципа невмешательства в международных рамках 20-го века.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела других государств, договорное международное право, обычное международное право, недопущение вмешательства во внутренние дела.

Introducere

În contextul secolului XX, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state și-a găsit expresia în multe instrumente internaționale, de la documente universale, până la declarații regionale și bilaterale. Practica statelor, a organizațiilor și instituțiilor internaționale, atestă și ea manifestări active în spiritul neamestecului în treburile interne ale altor state.

În vederea conturării cadrului principiului neamestecului în contextul secolului XX,

analiza este preocupată de o serie de întrebări cheie. Care este conținutul, care sunt obiectivele și care sunt excepțiile principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, care este conținutul normativ și care este efectul legal al principiului, delimitează cercetarea cu privire la neamestec în secolul XX. Mai mult decât atât, analiza este preocupată de caracterul de normă *jus cogens* al principiului neamestecului în treburile interne ale altor. Plecând de la aceste întrebări, studiul prezent este construit pe o dinamică

integratoare, care analizează atât dreptul internațional convențional și cât și dreptul internațional cutumiar, cu privire la neamestecul în treburile interne ale altor state. Analiza cuprinde evenimentele și documentele care enunță o normă a neamestecului ca un principiu al dreptului internațional, pe parcursul secolului XX. În concluzie, articolul are rolul de a evalua perspectivele și considerentele, cu privire la neamestec, specifice secolului XX.

1. Principiul neamestecului în dreptul internațional convențional al secolului XX

La începutul secolului XX, neamestecul reprezenta unul dintre principiile de bază ale dreptului internațional, devenind tot mai dominant în gândirea statelor și a noilor actori internaționali.¹ Astfel, încă de la începutul secolului principiul neamestecului câștigă tot mai multă sonoritate în sfera internațională, unde perioada de după Conferința de la Haga din anul 1907, a fost marcată de un interes sporit în procedurile de ajustare pașnică a controverselor dintre state, devenind o metodă primară utilizată de comunitatea internațională pentru evitarea războiului.²

Pașii cei mai importanți în conturarea acestor tendințe sunt călăuziți de evenimentele Conferinței de Pace desfășurată la începutul anului 1919 la Paris. Schița primului proiect al Conferinței se remarcă în primul rând printr-un număr relativ mare de proceduri pentru ajustare pașnică, unde șapte din cele douăzeci și unu de articole se îndreptau spre acest scop.³ Schița Convenției Ligii Națiunilor aducea în prim plan și prevederile legate de principiul neamestecului, integrat în textul final al Convenției Ligii Națiunilor în contextul Articolului 15, paragraful 8, dar nu ca regulă generală, ci doar ca regulă de procedură limitată, în ceea ce privește activitatea Consiliului Ligii cu privire la reglementarea

diferențelor dintre state.⁴ Articolul prevedea soluționarea litigiilor între state, după cum urmează: «în cazul în care disputa dintre două părți este susținută de una dintre ele, și este justificată de Consiliu, că provine dintr-un aspect, care, prin dreptul internațional, este numai în cadrul competenței interne a acelei părți, Consiliul trebuie să raporteze astfel, și nu va face nici o recomandare cu privire la soluționarea acesteia».⁵

La scurt timp după Conferința de la Paris, campaniile persistente de susținere a principiului neamestecului au continuat prin accentuarea inadmisibilității actelor de intervenție, mai ales în cazul opiniei publice Americane, reprezentată de către anti-imperialiști, care au condus o campanie persistentă împotriva actelor de intervenție comise de Statele Unite ale Americii în celelalte Republici Americane. Ei și-au exprimat dezacordul cu privire la invazia din Mexic, și din Republica Dominicană, sau împotriva ocupației militare din Haiti, întreprinse în timpul administrației Wilson, și împotriva politicilor Administrației Coolidge în America Centrală. Motivul principal al protestelor era reprezentat de imoralitatea acestor acte și politici, ele nerespectând flagrant libertățile popoarelor independente. Mai mult decât atât, ei afirmau că «aceste acte au făcut mărturisirile noastre repetate pentru respectul dreptului internațional nimic mai mult decât ipocrizie de rang». Fără îndoială, aceste proteste au influențat opinia publică și au jucat un rol important în aducerea unei schimbări salutare în politica inter-Americană a Statelor Unite ale Americii, ducând la adoptarea unor politici axate pe neimixtiune.⁶

În anul 1928, în cadrul celei de-a șasea Conferințe Internaționale a Statelor Americane desfășurată la Havana, Statele Unite ale Americii se pare că nu erau încă pregătite să renunțe la neintervenției și să accepte renunțarea la ceea ce considera a fi dreptul său sub dreptul internațional. Dar, odată cu acțiunile de protest ale opiniei publice și mai

¹ Kawser Ahmed, "The domestic jurisdiction clause and the United Nations Charter: A Historical View", *Singapore Year Book of International Law*, Vol. 10, 2006, p. 183.

² Helen H. Jones, "Domestic Jurisdiction-From the Covenant to the Charter", *Illinois Law Review*, Vol. 46, No. 2, 1951-1952, p. 220.

³ *Ibidem*.

⁴ Alexandru Buruiian (coord.), *Drept internațional Public*, Ediția a III-a revăzută și adăugită, Chișinău, 2009, p. 79.

⁵ League of Nations, "Covenant of the League of Nations", Paris, 1919, Articolul 15 (8).

⁶ Sumner Welles, "Intervention and Interventions", *Foreign Affairs*, Vol. 26, No. 1, 1947-1948, p. 120.

ales odată cu proclamarea «Politicii de bună vecinătate» la începutul anilor 1933, sub administrația președintelui Franklin D. Roosevelt, în conformitate cu care SUA își exprimau consimțământul de a nu a interveni în regiune, angajamentul Statelor Unite la norma neamestecului se contura în sfera relațiilor inter-Americane.

Abandonul amestecului a fost afirmat de Convenția de la Montevideo privind «Drepturile și obligațiile statelor», semnată la 26 decembrie 1933, în cadrul celei de a VII-a Conferințe Internaționale a Statelor Americane. Convenția de la Montevideo are un rol doesebit de important în cadrul procesului de dezvoltare a normei neamestecului, prin tranziția pe care aceasta a realizat-o, de la nivelul doctrinal la cel convențional în dreptul internațional.⁷ Mai mult decât atât, «Convenția de la Montevideo», sublinia că, drepturile fiecărui stat nu depind de puterea de a asigura exercitarea lor, ci de simplul fapt al existenței lor ca normă de drept internațional. Principiul neamestecului în treburile interne ale altor state este prevăzut în contextul Articolului 8 al Convenției, care prevedea că: «nici un stat nu are dreptul de a interveni în afacerile interne și externe ale altor state». O prevedere scurtă și concisă, așa cum aprecia George Scelle, dar de importanță particulară datorită angajamentului solid al Statelor Unite ale Americii la norma neamestecului. În consecință prin Convenția de la Montevideo, Secretarul Hull și-a manifestat consimțământul în cadrul celei de-a șaptea Conferințe Internaționale a Statelor Americane privind acceptarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state. Totuși, în timp ce pe de o parte angajamentul SUA era însoțit de o rezervă, formulată într-un limbaj larg și mai degrabă evaziv, care solicita timp pentru a pregăti interpretările și definițiile principiului general,⁸ pe de altă parte, statele Americii

Latine au adoptat principiul neamestecului afirmat în prevederile «Convenției de la Montevideo», în convingerea că principiul ar trebui să aibă un statut juridic ca unul dintre pilonii sistemului inter-American.

Anii care au urmat semnării Convenției de către SUA și de alte națiuni Pan-Americane, au fost martori unei ample citări a Convenției,⁹ iar trei ani mai târziu, principiul neamestecului înscris în prevederile Convenției de la Montevideo a fost reafirmat în Protocolul Adițional cu privire la neamestec, semnat la Buenos Aires în anul 1936. În conformitate cu Capitolul I al Protocolului, părțile declarau «inadmisibilitatea oricărei forme de intervenție de natură directă sau indirectă, indiferent de motivul invocat, în afacerile interne sau externe ale oricărei alte părți». Ce trebuie remarcat este angajamentul solemn al Statelor Unite ale Americii în ceea ce privește principiul neamestecului în treburile interne ale altor state, unde rezerva emisă în cadrul «Convenției de la Montevideo» nu a fost repetată în cadrul Conferinței de la Buenos Aires din anul 1936 în acceptarea Protocolului Adițional privind neamestecul.¹⁰

În plan european, noi accente evolutive ale principiul neamestecului în treburile interne ale altor state sunt aduse de contextul evenimentelor cauzate de războiul civil din Spania, desfășurat între anii 1936-1939. Războiul Civil spaniol nu a reprezentat doar o revoltă militară împotriva guvernului american, ci a fost în mod fundamental un război al ideologiilor rivale, unde conducătorul spaniol era susținut de fasciștii italieni, în timp ce guvernul republican era susținut de Uniunea Sovietică. La câteva săptămâni de la începutul rebeliunii, a fost reportat faptul că ajutor material extern inunda Spania. Pe de o parte, Germania și Italia sprijineau Armata Rebelilor-Naționaliști condusă de generalul Francisc Franco cu contingente de luptă ce depășeau 150.000, dar și cu material de război în valoare totală de

⁷ Jacques Noel, "Le principe de non-intervention", citat în Hugo Caminos, "The Role of the Organization of American States in the pronounciation and protection of democratic governance", *Recueil des Cours de L'Académie de Droit International de la Haye*, 273 (1998), p. 198.

⁸ Charles G. Fenwick, "Has the Specter of Intervention Been Laid in Latin America," *The*

American Journal of International Law, Vol. 50, No. 3, Jul. 1956, p. 637.

⁹ Thomas D. Grant, *The recognition of states: law and practice in debate and evolution*, Praeger Publishers, USA, 1999, p. 6.

¹⁰ Philip C. Jessup, *A Modern law of Nations*, New York, 1948, p. 173, citat în Hugo Caminos, *op. cit.*, p. 198.

peste 500 milioane de dolari,¹¹ iar pe de altă parte, Uniunea Sovietică oferea ajutor material și militar considerabil forțelor republicane. Acest flux de intervenții externe a cauzat o alarmă considerabilă pentru spațiul francez, care vedea posibilitatea unui amplu conflict între interesele și ideologiile concurente, ce ar putea duce la un război internațional care ar implica și Franța, în cazul în care acesta nu ar fi oprit.¹²

În consecință, pericolul unei conflagrații generale într-o Europă deja la un pas de război a dus la promovarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, de către prim-ministrul francez din acea vreme, Léon Blum, în special în spațiul britanic, care constituia un sprijin important în promovarea normei.¹³ La 6 august 1936, a fost prezentat un text preliminar tuturor puterilor europene, stabilind reguli definite pentru aplicarea de acțiuni comune de neamestec. Acordul a fost aprobat de 27 state europene, care s-au angajat să interzică exportul direct sau indirect de arme, muniții, materiale de război, aeronave și nave de război, de către stat sau indivizi particulari. Cu alte cuvinte, în acest context sistemul neamestecului a extins datoria neutralității, plasând o interdicție colectivă privind exportul materialelor de război.¹⁴ Șaptesprezece state semnate, inclusiv Marea Britanie și Franța au asumat o obligație chiar mai strictă «de a se abține de la orice intervenție directă sau indirectă, în afacerile interne ale Spaniei».¹⁵ Fără îndoială, propunerea pactului de neamestec a fost rezultatul unei inițiative franceze, o inițiativă care nu s-ar fi putut desfășura însă, fără influența foarte puternică a Marii Britanii, în contextul în care doar România și Cehoslovacia erau singurele state dispuse să ofere sprijin fără rezerve Franței pentru politica de neamestec în conflictul din Spania. La scurt timp după semnarea acordului

privind neamestecul, acesta a fost urmat de discuțiile privind instituirea unei «Comisii Internaționale pentru asigurarea neamestecului», cu rolul de a proteja acordul neamestecului împotriva încălcărilor. Acordul părților semnate a dus la desfășurarea primei întâlniri a «Comisiei internaționale pentru asigurarea neamestecului» la Londra, la 9 septembrie 1936.¹⁶

La câteva luni de la stabilirea acordului și de la înființarea Comisiei de la Londra, a fost evidentă ineficiența sistemului, unde cantități mari de materiale de război de contrabandă au continuat să intre în Spania. De la limitarea procedurilor voluntare în Spania, s-a mers mult mai departe și s-a ajuns la un acord extins, ce privea adoptarea unui sistem de supraveghere privind neamestecul, bazat pe supraveghere și control, atât pe uscat cât și pe mare, pentru a stabili dacă arme sau forțe de luptă, destinate pentru sprijinirea ambelor părți, intrau în Spania.¹⁷

Toate aceste măsuri s-au dovedit însă ineficiente, iar cantități impresionante de materiale de război au continuat să intre în Spania. Unul dintre factorii care au limitat eficiența sistemului de neamestec a fost considerat controversa care exista cu privire la legalitatea acesteia la nivelul dreptului internațional. Guvernul republican spaniol cataloga acordul neamestecului drept o «monstruozitate juridică», în timp ce Mexicul considera acordul drept o încălcare a dreptului internațional cutumiar, fiind un regres de la drept la politică, în sensul că elimină o problemă juridică, de la nivelul juridic la cel politic. Chiar și unele state participante în acord au avut unele dubii, pentru că acesta indica faptul că planul reprezenta o politică numai pentru această împrejurare excepțională, Războiul Civil din Spania, și nu forma un precedent juridic. Acest fapt este foarte bine sublinat de rezerva venită din partea României la acord, care prevedea că «admisibilitatea neamestecului constituie un caz special care nu poate crea un precedent și care nu implică, pentru guvernul român, obligația de a recunoaște principiul că un guvern legitim nu poate obține aprobarea

¹¹ Vezi Helen Graham, *The Spanish Civil War. A very short introduction*, OUP, Oxford, 2005.

¹² Ann Van Wynen Thomas, A. J. Thoomas Jr., "Non-intervention and the Spanish civil war", *American Society of International Law Proceedings*, 1967, p. 2.

¹³ Matthew D. Gallagher, "Léon Blum and the Spanish Civil War", *Journal of Contemporary History*, Vol. 6, No. 3, 1971, p. 56.

¹⁴ *Ibidem*, p. 4.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ Union of Democratic Control, *op. cit.*, p. 6.

¹⁷ Ann Van Wynen Thomas, A. J. Thoomas Jr., *op. cit.*, p. 3.

cererii sale de asistență către un alt guvern, în fața unei rebeliuni».¹⁸

Deși aceste inconsistențe au redus eficiența normei neamestecului în treburile interne ale altor state, acordul puterilor Europene de a opera o politică de neamestec a avut o semnificație vitală în determinarea rezultatelor luptei.¹⁹ Așa cum Blum remarca, în cadrul Adunării Naționale din data de 5 decembrie 1936, prin «acordul neamestecului Europa a fost salvată de la război». Salvarea continentului European de la război prin intermediul normei neamestecului rămâne astfel o justificare validă a rolului și a importanței principiului neamestecului în cadrul relațiilor interstatale ale secolului XX în contextul evenimentelor Războiului Civil din Spania.

Perioada post-1945 continuă cu efortul statelor non-aliniate, marea majoritate ex-coloniale, care au afirmat relevanța continuă a principiului, dar și cu efortul organizațiilor internaționale de a accentua și de a extinde principiul neamestecului în sfera dreptului internațional. În această perioadă, o serie de dezvoltări au avut un impact important asupra acțiunilor de intervenție, printre care creșterea voinței și capacității fostelor colonii de a rezista intervenției, eroziunea voinței occidentale de a interveni, o balanță generală a puterii care lucra în favoarea țintelor intervenției și emergența unui nou climat al legitimității internaționale, în defavoarea intervenției în particular. Toate aceste dezvoltări au avut un efect direct asupra accentuării importanței principiului neamestecului în treburile interne ale altor state în cadrul relațiilor interstatale dominate de confruntările dintre Est și Vest.

Cele mai importante transformări în evoluția principiului, și mai ales în conștientizarea importanței acestuia, au avut loc odată cu formarea Organizației Națiunilor Unite. Ca și Articolul 15 (8) al Convenției Ligii Națiunilor, Articolul 2 (7) a fost introdus în Carta ONU, semnată la San Francisco în anul 1945, pentru a limita autoritatea Organizației în ceea ce privește litigiile aflate

în cadrul de competență internă a statelor membre. Articolul 2, paragraful 7 prevedea că: «nici o dispoziție din prezenta Cartă nu va autoriza Națiunile Unite să intervină în chestiuni care aparțin esențial competenței interne a unui stat și nici nu va obliga pe membrii săi să supună asemenea chestiuni spre rezolvare pe baza prevederilor prezentei Carte».²⁰

Deși interzicerea amestecului în afacerile interne ale statelor în contextul prevederilor Articolul 2 (7) este adresată Organizației Națiunilor Unite, mai degrabă decât statelor, acest fapt nu înseamnă că Carta intenționa să legitimizeze intervenția statelor. Dimpotrivă, Articolul 2 (7), alături de câteva principii cheie ale Cartei, reflectă drepturile implicite ale statelor de a fi libere de intervenția din partea altor state, precum și obligațiile corelative de a se abține de la intervenție.²¹ Printre prevederile Cartei care implică o normă a neamestecului este astfel și Articolul 1 (2) și Articolul 55, care afirmă principiul drepturilor egale și de auto-determinare a popoarelor, Articolul 2 (1) care prevede că Organizația este bazată pe principiul egalității suverane a tuturor statelor sale membre, și Articolul 2 (4) care face un apel la adresa statelor de a se abține în relațiile lor internaționale de la amenințarea sau uzul forței împotriva integrității teritoriale sau independenței politice a oricărui alt stat, considerat în dreptul internațional cutumiar drept cel mai semnificativ aspect al neamestecului. În acest context, Articolul 2 (7) trebuie interpretat ca o întruchipare a principiului general de neamestec care se poate deduce și din contextul altor articole ale Cartei, precum și din contextul principiilor de drept internațional.²² În consecință, interpretarea textuală a Articolul 2 (7) reliefează principiul neamestecului ca unul dintre principiile de bază ale Națiunilor Unite, și nu doar ca o simplă formulă tehnică și juridică. Totodată, Carta Națiunilor Unite

²⁰ United Nations, "United Nations Charter", San Francisco, 1945, Articolul 2 (7).

²¹ Lori Fisler Damrosch, Lori Fisler Damrosch, "Politics Across Borders: Nonintervention and Nonforcible Influence over Domestic Affairs", *The American Journal of International Law*, Vol. 83, No. 1, January 1989, p. 8.

²² Kawser Ahmed, *op. cit.*, p. 184.

¹⁸ *Ibidem*, p. 4.

¹⁹ David Carlton, "Eden, Blum, and the Origins of Non-Intervention", *Journal of Contemporary History*, Vol. 6, No. 3, 1971, p. 40.

are un rol particular și în sublinierea faptului că măsurile de aplicare ale Articolul 2 (7) nu se referă numai la măsuri de natură militară în conformitate cu Articolul 42, dar, de asemenea, și la măsuri care nu implică utilizarea forței avute în vedere de Articolul 41.²³

Principiul neamestecului prevede și unele excepții, și nu duce astfel atingere aplicării măsurilor prevăzute în Capitolul VII al Cartei, care se referă la acțiuni în caz de amenințări împotriva păcii, de încălcări ale păcii și de acte de agresiune. Astfel, orice aspect ce constituie o potențială amenințare la adresa păcii, constituind o preocupare internațională, îl retrace de la scopul competenței interne. În temeiul Capitolului VII puterea Consiliului de Securitate nu este supusă excepției de competență internă, având rolul de a permite Consiliului de Securitate să abordeze rădăcinile unui conflict înainte de a ajunge la dimensiuni care sunt greu sau imposibil de gestionat. În consecință, toate deciziile de punere în aplicare adoptate de către Consiliul de Securitate în temeiul Articolului 41 și 42 sunt excluse din domeniul de aplicare al principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.²⁴

Odată cu evenimentele de la San Francisco, efectul Articolului 2, paragraful 7, a crescut treptat, și anii de după semnarea Cartei au accentuat cerința conform căreia problema neamestecului nu trebuie să fie determinată în mod necesar de orice problemă de drept sau morală, sau că aplicarea sa depinde de considerente de oportunitate pură. Plecând de la aceste aspecte, procesul de consolidare al principiului neamestecului a continuat în spectrul internațional, prin dezvoltarea și precizarea conținutului principiului în contextul rezoluțiilor Adunării Generale a Națiunilor Unite. De la mijlocul anilor '50 și până în anii '80, Adunarea Generală a fost în mod deosebit activă în dezbaterile legate de principiul neamestecului, această tendință continuând într-o anumită măsură chiar până în prezent. Mai precis, din anul 1957, trezeci și cinci de rezoluții adresând în mod special

problema amestecului au fost adoptate de către Adunarea Generală, și au fost multe alte referiri cu privire la acest aspect, chiar dacă nu în mod direct. Implicarea ONU în conturarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state face evidentă importanța progresivă pe care statele au acordat-o principiului, justificată mai ales de efectul legal pe care acestea îl produc. Efectul legal al acestora este cu atât mai accentuat, cu cât marea majoritatea a rezoluțiilor ONU cu privire la neamestec au fost adoptate prin consens.

Prima rezoluție de importanță particulară pentru principiul neamestecului în treburile interne ale altor state, este rezoluția 1236 de la 14 decembrie 1957, intitulată «Relații pașnice și de bună vecinătate între state».²⁵ Rezoluția menționa necesitatea de a dezvolta relații pașnice între state, în conformitate cu Carta, bazate pe respectul comun, non-agresiune, respectul reciproc pentru suveranitatea, egalitatea și integritatea teritorială, și neamestecul în afacerile interne ale altui stat, pentru a îndeplini scopurile și principiile Cartei.²⁶ Mai târziu, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state este menționat și în cadrul «Convențiilor de la Viena» din anul 1961, cu privire la relațiile diplomatice²⁷ și din anul 1963 cu privire la relațiile consulare,²⁸ care prevedeau neamestecul oficialilor în treburile interne ale altor state.

Procesul de consolidare al principiului neamestecului a continuat cu Rezoluția 2131 de la 21 decembrie 1965, intitulată «Declarație asupra inadmisibilității amestecului în treburile interne ale altor state și protecția independenței și suveranității lor».²⁹ Astăzi,

²⁵ United Nations General Assembly, "Peaceful and neighbourly relations among States", (A/RES/1236) 14 December 1957.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ United Nations, "Vienna Convention on diplomatic relations", 18 April 1961, *Treaty Series*, Vol. 500, 2005, Articolul 41, p. 13.

²⁸ UN, "Vienna Convention on consular relations", 24 April 1963, *Ibidem*, Vol. 596, 2005, Article 55, p. 23.

²⁹ UN/GA, "Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of their Independence and Sovereignty", (2131 (XX)) 21 December 1965; "Status of the implementation of the declaration on the Inadmissibility

²³ Benedetto Conforti, *The Law and Practice of the United Nations*, Third edition, Martinus Nijhoff Publishers, The Netherlands, 2005, p. 147.

²⁴ *Ibidem*, p. 149.

declarația de la 1965 este considerată drept cea mai importantă rezoluție a Adunării Generale a Organizației Națiunilor Unite privind consolidarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, afirmând că: «nici un stat nu trebuie să utilizeze sau să încurajeze utilizarea de măsuri, economice, politice, sau orice alt tip de măsuri, pentru a constrânge un alt stat, în scopul de a obține de la acesta subordonarea exercitării drepturilor sale suverane și de a asigura de la acesta avantaje de orice fel».³⁰ Precizările aduse de rezoluție realizează astfel în mod oficial trecerea de la viziunea tradițională a neamestecului, întemeiată în mod exclusiv pe mecanismele de forță, la viziunea extinsă a principiului neamestecului, prin integrarea în sfera principiului a tehnicilor lipsite de utilizarea forței, incluzând, aspecte de natură politică, economică, financiară sau socială.³¹

La scurt timp după adoptarea Declarației de la 1965, importanța principiului neamestecului în treburile interne ale altor state este accentuată în sfera relațiilor internaționale de listarea sa printre principiile de drept internațional incluse în Cartă, în preambulul «Convenției de la Viena privind dreptul tratatelor» din anul 1969: «având în vedere principiile dreptului internațional enunțate în Carta Națiunilor Unite, cum ar fi principiile egalității suverane și de auto-determinare ale popoarelor, ale egalității suverane și independenței tuturor statelor, a neamestecului în treburile interne ale altor state, a interdicției amenințării sau uzului de forță, și respectarea drepturilor omului și libertăților fundamentale».³²

În termeni substanțiali similari cu Declarația din anul 1965, principiul neamestecului este evocat și în rezoluția 2625 (XXV) a Adunării Generale a ONU, de la 24 octombrie 1970, intitulată «Declarație privind principiile dreptului internațional cu privire la relațiile de prietenie și cooperare între state»

în conformitate cu Carta ONU.³³ Rezoluția de la 1970 sublinia faptul că, respectarea strictă de către state a obligației de a nu se amesteca în afacerile interne a oricărui alt stat este o condiție esențială pentru asigurarea păcii și securității, deoarece practica oricărei forme de intervenție nu numai încalcă spiritul și litera Cărții, dar, de asemenea, duce la crearea de situații care amenință pacea și securitatea internațională: «nici un stat, sau grup de state, nu are dreptul să intervină, direct sau indirect, pentru orice motiv, în afacerile între sau externe ale altui stat».³⁴

Principiul neamestecului în treburile interne ale altor state câștiga tot mai multă precizie prin clasificarea actelor susceptibile de a reprezenta un amestec, subliniind că numai actele de o anumită magnitudine sunt susceptibile de a se califica drept ilegale, și numai actele care au un caracter «coercitiv» și care sunt destinate a forța o schimbare politică în statul-țintă, contravin principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.³⁵ În consecință, aspectul de «constrângere» delimitează în mod corespunzător principiul, uneori criticat în mod evaziv de a se opune tuturor interacțiunilor de la stat la stat. Astfel, elementul de constrângere privește miezul daunelor pe care principiul neamestecului în treburile interne ale altor state încearcă să le abordeze, unde drepturile suverane sau voința suverană sunt subordonate numai în cazul în care statul intervenient acționează coercitiv.³⁶ Mai mult decât atât, statele participante au acționat și în scopul de a oferi expresie juridică principiului, definind încălcările dreptului internațional în termeni specifici. Astfel, în termeni explicativi, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state include interzicerea intervenției armate sau altor forme de amestec, amenințările

of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of their Independence and Sovereignty", (2225 (XXI)) 19 December 1966.

³⁰ UN/GA, (2131 (XX)) 21 December 1965.

³¹ *Ibidem*.

³² UN, "Vienna Convention on the Law of Treaties", *Treaty Series*, Vol. 1155, 23 May 1969, p. 2.

³³ UN/GA, "Declaration on Principles of international law concerning friendly relations and co-operation among states in accordance with the Charter of the United Nations", (A/Res/2625(XXV)) 24 October 1970.

³⁴ *Ibidem*.

³⁵ UN/GA, (2131 (XX)) 21 December 1965.

³⁶ Maziar Jamnejad, Michael Wood, "Current legal developments: the principle of non-intervention", *Leiden Journal of International Law*, Vol. 22, No. 2, June 2009, p. 348.

îndreptate împotriva personalității altui stat, interzicerea aplicării sau incurajării folosirii măsurilor de ordin economic, politic sau de orice altă natură cu scopul de a constrânge un alt stat, interzicerea aplicării forței pentru a priva popoarele de dreptul lor la identitatea națională, interzicerea organizării, sprijinirii, instigării, finanțării sau tolerării activităților armate teroriste, interzicerea intervenției în luptele interne din alt stat. În consecință, Declarația accentua dreptul oricărui stat de a-și alege propriul sistem, politic, economic, social și cultural fără interferențe externe.³⁷ Declarația de la 1970 aducea și o distincție importantă între intervenția din partea ONU în treburile interne ale unui stat, și obligația statelor de a nu interveni în afacerile interne care țin de competența națională a unui stat.³⁸ Cea mai substanțială schimbare pe care declarația de la 1970 o aduce față de declarația precedentă privind neamestecul în treburile interne ale altor state din anul 1965, este dată de modificarea de la «condamnarea» neamestecului, la declararea «încălțării dreptului internațional».

Totodată, Declarația 2625 din anul 1970 afirma pentru prima dată norma neamestecului ca un principiu fundamental ale dreptului internațional. Astfel, deși am folosit pe parcursul analizei noțiunea de principiu, aceasta capătă validitate juridică doar în contextul «Declarației principiilor dreptului internațional privind relațiile de prietenie și cooperare între state» în conformitate cu Carta Organizației Națiunilor Unite.

După Declarația din anul 1970, alte instrumente adoptate de către Adunarea Generală a ONU au dezbătut principiul neamestecului în treburile interne ale altor state. Importanța acestor documente este însă substanțial mai scăzută, datorită caracterului controversat al acestora și a adoptării acestora cu voturi negative. Printre aceste documente se numără declarația privind stabilirea unei «Noii ordini economice internaționale»³⁹ de la 1 mai 1974, și «Carta drepturilor și

îndatoririlor economice ale statelor», adoptată de Adunarea Generală a ONU în același an.⁴⁰

Noi accente privind inadmisibilitatea intervenției în afacerile interne ale altor state sunt aduse de adoptarea rezoluției 36/103 a Adunării Generale a Națiunilor Unite de la 9 decembrie 1981, intitulată «Declarație asupra inadmisibilității intervenției și amestecului în afacerile interne ale statelor»,⁴¹ adoptată cu 120 de voturi pentru, 22 de voturi împotriva și 6 abțineri. Deși declarația nu a definit amestecul, ea a încercat să descrie scopul intervenției în mai mult detaliu decât rezoluțiile anterioare. Declarația sublinia că, forma în care se produce actul de intervenție, în mod direct sau indirect, deschis sau mai puțin deschis, sau domeniul în care acționează, fie spectrul economic, politic, sau social-umanitar, nu modifică cu nimic caracterul său ilicit.⁴² Cu toate că declarația de la 1981 nu încheia controversa legate de sfera de aplicare a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, ea are meritul de a fi stabilit o linie de demarcație între ceea ce intră sub incidența actelor ilegale de intervenție și poate fi calificabil drept amestec.

Deși mediul internațional post-1945 a fost caracterizat de tensiunile Războiului Rece, unde atât SUA cât și URSS au preferat să intervină direct în afacerile interne ale altor state, încălțând principiile Westphalice și împregnând în mod evident un accent important asupra cursului relațiilor internaționale și acțiunilor de intervenție, norma neamestecului a fost aprobată cu entuziasm și în afara sistemului Organizației Națiunilor Unite. Principiul neamestecului este astfel cuprins în numeroase tratate multilaterale, regionale sau bilaterale, din Europa, Asia și Africa, SUA sau America Latină, și chiar în cadrul statelor Pactului de la Varșovia, care au avut un rol important în definirea și elaborarea conținutului neamestecului în treburile interne ale altor state.

³⁷ Todos Victor, *Drept internațional public. Note de curs*, Universitatea de stat "Bogdan Petriceicu Hașdeu", Cahul, 2010, pp. 34-35.

³⁸ UN/GA, (A/Res/2625(XXV)) 24 October 1970.

³⁹ UN/GA, "Charter of the economic rights and duties of states", (A/3281 (XXIX)) 12 December 1974, 29th Sessios, Supp. No. 31, Chap. I, p. 3.

⁴⁰ UN/GA, "Declaration on the establishment of a new international economic order", (A/3201(S-VI)) 1 May 1974, paragraful 4 (a).

⁴¹ UN/GA, "Declaration on the inadmissibility of intervention and interference in the internal affairs of states", (A/Res/36/103) 9 December 1981.

⁴² *Ibidem*.

Organizația Statelor Americane a fost prima organizație regională care a inclus interdicția privind amestecul în constituirea sa, constituindu-se într-un pilon fundamental al sistemului inter-American: «nici un stat sau grup de state, nu are dreptul de a interveni, direct sau indirect, pentru orice motiv, în afacerile interne sau extreme ale altui stat».⁴³ Principiul neamestecului în treburile interne ale altor state a reprezentat un aspect atractiv și pentru Asociația Națiunilor din Sud-Estul Asiei, atunci când a fost stabilit în anul 1967 în cadrul Cartei ASEAN.⁴⁴ Norma neamestecului este considerată în mod universal un «principiu prețuit» și drept piesa centrală a regionalismului promovat de ASEAN, considerată totodată un model al cooperării extinse.⁴⁵ Referiri cu privire la principiul neamestecului sunt incluse și în Carta Organizației Uniunii Africane de la 1963, care prevedea în contextul Articolului III «neamestecul în afacerile interne ale statelor»,⁴⁶ și de Articolul 8 al Pactului Ligii Statelor Arabe care conținea prevederi cu privire la inadmisibilitatea amestecului între statele membre și elabora proceduri privind caracterul obligatoriu al deciziilor asupra statelor membre.⁴⁷ În plan european, «Tratatul de prietenie, cooperare și asistență mutuală» sau «Pactul de la Varșovia» încheiat la 14 mai 1955, enunța principiul neamestecului în treburile interne ale altor state în contextul Articolului 8,⁴⁸ iar câteva decade mai târziu, în anul 1975, Conferința pentru Securitate și

Cooperare în Europa prevedea neamestecul în afacerile interne ale altor state, prin dispozițiile «Actului Final de la Helsinki».⁴⁹ Tot în perioada Războiului Rece, principiul recunoașterii reciproce a neamestecului în afacerile interne este reflectat drept unul dintre cele cinci principii ale co-existenței pașnice îmbrățișate de Republica Popular Chineză, și drept unul dintre principiile de bază ale relațiilor interstatuale, susținut de statele non-aliniate.

2. Principiul neamestecului în dreptul internațional convențional al secolului XX

În ceea ce privește reflectarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state în cadrul dreptului internațional cutumiar se remarcă rolul deosebit de important pe care Curtea Internațională de Justiție l-a avut în evoluția sa, prin prisma hotărârilor sale. Chiar în primul său caz, Canalul Corfu din aprilie 1948, Curtea Internațională de Justiție a avut de-a face cu intervenția. când a respins cererea Regatului Unit privind dreptul de a interveni, afirmând că, «Curtea poate privi dreptul pretins de amestec, ca o manifestare a politicii de forță, politică ce în trecut a dat naștere la cele mai serioase abuzuri și prin urmare, care nu trebuie, oricare ar fi deficiențele prezentate ale organizării internaționale, să-și găsească nici un loc în dreptul internațional».⁵⁰ În cazul Canalului Corfu, Curtea Internațională de Justiție, a accentuat caracterul absolut și necondiționat al normei neintervenției, contribuind în mod decisiv la consolidarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.⁵¹

Douăzeci de ani mai târziu, CIJ a avut cea mai notabilă contribuție la acest subiect prin hotărârea emisă în cazul Nicaragua, cu privire la «Activitățile militare și paramilitare în și împotriva Nicaragua».⁵² Hotărârea din anul

⁴³ Organization of American States, "Charter of the Organization of American States", Bogota, Colombia, 30 aprilie 1948, 119 UNTS 3, Ninth International Conference of American States, Articolul 19.

⁴⁴ John Funston, "ASEAN and the Principle of Non-intervention-Practice and Prospects", Paper presented at the Council of Security Cooperation in the Asia Pacific 7th Comprehensive Security Working Group Meeting in Seoul, 1-2 December 1999, Institute of Southeast Asian Studies, No. 5, 2000, pp. 3-6.

⁴⁵ Lee Jones, "ASEAN and the Norm of Non-Interference in Southeast Asia: A Quest for Social Order", *Nuffield College Politics Group Working Paper*, March 2009, p. 3.

⁴⁶ Organization of African Unity, "Charter of the Organization of African Unity", ILM, Vol. 2, No. 4, July 1963, p. 768.

⁴⁷ The League of Arab States, "Pact of the League of Arab States", 22 martie 1945, Articolul 8.

⁴⁸ Vezi "Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance," 14 mai 1955, Articolul 8.

⁴⁹ Conference on Security and Co-operation in Europe, "Helsinki Final Act", 1 August 1975, retipărit în ILM, Vol.14, No. 5, September 1975, pp. 1292-1395.

⁵⁰ International Court of Justice, "The Corfu Channel Case (United Kingdom v. Albania)", Merits, Judgement of 9 april 1949, ICJ Rep. 4, 1949, p. 35.

⁵¹ Alexandru Buruian (coord.), *op. cit.*, p. 79.

⁵² International Court of Justice, "Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)", ICJ Rep. 14,1986.

1986 a abordat problema neamestecului în cadrul furnizării de ajutor extern unei facțiuni militare care lupta împotriva guvernului stabilit. Mai precis, Curtea a trebuit să determine dacă Statele Unite ale Americii au violat principiul neamestecului vis-a-vis de Nicaragua.

La 27 iunie 1986 CIJ prevedea în contextul paragrafului 202 că: «principiul neamestecului, implică dreptul fiecărui stat suveran de a-și conduce propriile afaceri, fără amestec extern, deși exemple de încălcări ale acestui principiu, nu sunt rare, Curtea consideră că acesta este parte integrantă a dreptului internațional cutumiar». Curtea a continuat prin a afirma că «un amestec interzis, trebuie să fie în consecință unul care are de-a face cu chestiuni în care fiecărui stat îi este permis, prin principiul suveranității de stat, de a decide liber. Una dintre acestea se referă la alegerea unui sistem, politic, economic, social și cultural, și la formularea politicii externe. Intervenția este ilegală atunci când utilizează metode de constrângere în ceea ce privește astfel de alegeri, care trebuie să rămână libere».⁵³

În continuare, în contextul paragrafului 242, Curtea a oferit un important punct de referință cu privire la intervenția umanitară, afirmând că «nu poate fi nici urmă de îndoială că furnizarea de ajutor strict umanitar persoanelor sau forțelor într-o altă țară, indiferent de afilierea lor politică sau de obiective, nu poate fi considerată un amestec ilegal, sau contrar dreptului internațional».⁵⁴ Curtea a continuat cu menționarea caracteristicilor pe care un asemenea ajutor trebuia să le îndeplinească: trebuie să fie non-discriminatoriu, și scopul trebuie să fie acela de «a preveni și de a atenua suferința umană, de a proteja viața și sănătatea, și de a asigura respectul pentru ființa umană». În consecință, pretinsa «asistență umanitară» americană, era exclusiv îndreptată către gruparea Contras și nu către toți cei aflați în nevoie în Nicaragua. În acest context, Curtea a reamintit și a oferit

⁵³ Vezi și opinia separată a Judecătorului Schwebel: «esența unui astfel de drept internațional cutumiar de neamestec așa cum există, a fost de mult timp recunoscut că interzice intervenția dictatorială a unui stat în afacerile unui alt stat», ICJ Rep. 14, 1986, paragrafele 98, 205.

⁵⁴ ICJ Rep. 14, 1986, paragraful 242, p. 124.

referiri la acest fapt prin exemplul tratatelor internaționale cu privire la mecanismele drepturilor omului, la nivel universal și regional, precum și la acțiunile din cadrul Organizației Statelor Americane. Mai departe, CIJ afirma «în orice caz, în timp ce SUA putea să își fi format propria apreciere a situației, privind respectarea drepturilor omului în Nicaragua, utilizarea forței nu ar putea fi o metodă adecvată de a monitoriza sau de a asigura respectarea acestora. În ceea ce privește măsurile luate de fapt, protecția drepturilor omului, un obiectiv strict umanitar, nu putea fi compatibil cu exploatarea porturilor, distrugerea instalațiilor petroliere, sau formarea, înarmarea și echiparea grupării Contras». O intervenție militară autorizată de Consiliul de Securitate, pe baza încălcărilor grave ale drepturilor omului și dreptului umanitar, nu se încadrează în interdicția neamestecului în afacerile interne sau externe ale statelor. Doar intervențiile militare unilaterale sau furnizarea de sprijin pentru mișcările secesioniste, fără susținerea Consiliului de Securitate, sunt pur și simplu, în cuvintele Curții, în prima sa hotărâre (Corfu), amintite și în hotărârea din anul 1986: «expresia pretinsului drept de amestec, ca manifestare a unei politici de forță, așa cum în trecut, a dat naștere la abuzuri dintre cele mai grave, și nu poate, oricare ar fi defectele prezente în organizarea internațională, să își găsească un loc în dreptul internațional. Amestecul, este probabil, mai puțin admisibil, în special sub forma pe care ar lua-o aici; pentru, din natura lucrurilor, ar fi rezervată celor mai puternice state, și ar putea cu ușurință, duce la împiedicarea administrării justiției internaționale în sine».⁵⁵ Curtea a concluzionat că argumentul derivat de la menținerea drepturilor omului în Nicaragua, nu poate permite o justificare legală pentru comportamentul SUA, și nu poate, în orice caz, să fie împăcat cu strategia legală a statului reclamant, care se bazează pe dreptul de auto-apărare.⁵⁶ Prin urmare, ajutorul oferit de Statele Unite în Nicaragua a fost considerat o

⁵⁵ ICJ Rep. 14, 1986, paragraful 202, p. 107.

⁵⁶ ICJ Rep. 14, 1986, paragraful 268, pp. 134-135.

încălcarea a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.⁵⁷

Hotărârile CIJ Justiție aduc și referințe cu privire la natura principiului, consolidând înțelesul său juridic în detrimentul reflecțiilor politice. Așa cum judecătorul Jennings a afirmat: «nu poate fi nici o îndoială că principiul neamestecului este un principiu autonom al dreptului cutumiar».⁵⁸ De asemenea, în cazul Nicaragua, Curtea Internațională de Justiție s-a referit în mod similar la «principiul de drept cutumiar al neamestecului».⁵⁹ Iar decizia Curții a subliniat că principiul neamestecului în treburile interne ale altor state reprezintă o normă cutumiară și este prin urmare obligatorie, ca sursă a dreptului internațional.

Hotărârea în cazul Nicaragua aducea și aprecieri cu privire la caracterul *jus cogens* al principiului, unde opinia separată a judecătorului Sette-Camara sublinia că principiul «s-ar putea califica cu siguranță ca *jus cogens*».⁶⁰ Cu toate acestea, în termenii Comisiei de Drept Internațional, neamestecul nu este considerat în sine o normă *jus cogens*. Deși norme specifice cad sub incidența principiului, cum este, în special, interdicția agresiunii, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state, nu a fost enumerat de Comisia Dreptului Internațional atunci când aceasta a descris conținutul de *jus cogens*, în contextul responsabilității statale,⁶¹ sau în Concluziile de lucru ale Grupului de Studiu a CDI.⁶²

⁵⁷ Marcelo Kohen, "The Principle of Non-Intervention 25 Years after Nicaragua Judgment", *Leiden Journal of International Law*, Vol. 25, 2012, p. 163.

⁵⁸ "Dissenting opinion of Judge Sir Robert Jennings", Judgement of 27 June 1986, ICJ Rep. 14, 1986, p. 534.

⁵⁹ ICJ Rep. 14, 1986, paragraful 245.

⁶⁰ ICJ Rep. 14, 1986, pp. 199-200.

⁶¹ Vezi James Crawford, *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries*, Cambridge University Press, UK, 2002, p. 188.

⁶² Martti Koskenniemi, "Report of the study group on the fragmentation of international law", (UN Doc. A/CN.4/L.682) 2006. Cele mai frecvent citate exemple de norme *jus cogens* erau considerate: (a) interdicția utilizării forței agresive; (b) dreptul de auto-apărare; (c) interdicția genocidului; (d) interdicția torturii; (e) crimele împotriva umanității; (f) interdicția sclavagismului și a comerțului cu sclavi; (g)

Hotărârea Curții Internaționale de Justiție în cazul Nicaragua constituie fără îndoială o piatră de hotar în jurisprudența Curții și un reper al dreptului cutumiar al neamestecului, din mai multe motive. În primul rând, hotărârea în cazul Nicaragua a abordat un număr de principii și norme fundamentale ale dreptului internațional, referitoare la drepturile omului și dreptul internațional umanitar, care ajută la clarificarea conținutului asistenței umanitare în contextul principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, constituind totodată punctul de plecare pentru dezvoltarea acestui concept într-o serie de rezoluții ale Adunării Generale, care au fost adoptate ulterior.⁶³ Și mai important, Curtea a tratat aceste principii în mod obiectiv și profund, într-o analiză fundamentată pe dreptul cutumiar, cu atenția cuvenită evoluției acestor principii de la adoptarea Cartei ONU, în particular prin adoptarea rezoluțiilor AG. În al treilea rând, hotărârea de la Nicaragua are o valoare simbolică, în măsura în care arată modul în care principiul egalității suverane în termenii neamestecului, se aplică concret în fața Curții, unde atât o superputere cât și o țară mică sau în curs de dezvoltare au exact aceeași greutate.

Analiza CIJ în cazul Nicaragua din anul 1986 rămâne de actualitate și astăzi, și constituie totodată un precursor al dezvoltărilor legale care au decurs de atunci.⁶⁴ Acest lucru este în special valabil în ceea ce privește relația dintre principiul neamestecului în treburile interne ale altor state și salvagardarea suveranității de stat, regimul de securitate colectivă și protecția drepturilor omului.

În concluzie, având în vedere evenimentele și documentele analizate pe parcursul secolului XX care enunță o normă a neamestecului ca un principiu al dreptului internațional, este evident parcursul ascendent al neamestecului în treburile interne ale altor state. Importanța crescută a principiului, nu poate fi pusă la îndoială pentru că acesta susține valori ca independența

interzicerea pirateriei; (h) interzicerea discriminărilor rasiale și apartehidului; (i) interzicerea ostilităților îndreptate către populațiile civile, paragraful 374.

⁶³ Marcelo Kohen, *op. cit.*, p. 157.

⁶⁴ *Ibidem*.

națională, diversitatea și rețineri reciproce, care sunt fundamentale ordinii internaționale.

Concluzii

În contextul secolului XX, principiul neamestecului este reprezentat în textul tratatelor multilaterale, regionale sau bilaterale, în contextul declarațiilor și documentelor internaționale. Reflectarea principiului neamestecului a mers dincolo de cadrele textuale și discursive, furnizate de aceste tratate și documente, fiind prezent în practica statelor și organizațiilor internaționale din întreg cadrul internațional.

Principala evoluție pe care principiului neamestecului o înregistrează pe parcursul secolului XX, evidențiază extinderea sa către noi cadre, unde indiferent de natura intervenției, politică, economică, militară sau diplomatică, ea își păstrează același caracter de ilegalitate față de dreptul internațional, încălcând astfel, prerogativele fundamentale ale statului, dreptul său la independență, suveranitate, integritate teritorială și dreptul de a decide în mod liber propriul sistem politic, economic, social sau cultural. Aceste precizări aduc viziunea extinsă a neamestecului, care depășește cadrul tradițional al manifestărilor forțate și marchează ascendența principiului neamestecului, de la considerente abstracte la un principiu internațional recunoscut pe scară largă, atât în dreptul internațional convențional, cât și în dreptul internațional cutumiar. De asemenea, evenimentele înregistrate pe scena internațională a secolului XX, au evidențiat faptul că principiul neamestecului nu are doar o natură de tratat, având în fapt rădăcinile în dreptul internațional cutumiar.

În concluzie, tratatele formale, cu caracter obligatoriu, precum și declarațiile, rezoluțiile și conferințele internaționale, au evidențiat că atât viziunea tradițională a neamestecului, unde intervenția întemeiată pe uzul forței sau pe amenințarea de acest tip, cât și viziunea extinsă a neamestecului, caracterizată pe utilizarea de mecanisme lipsite de utilizarea forței, sunt interzise. Dreptul convențional, împreună cu dreptul cutumiar al secolului XX evidențiază importanța și necesitatea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state în vederea asigurării dezvoltării durabile a societății internaționale.

Bibliografie:

1. Ahmed, Kawser, "The domestic jurisdiction clause and the United Nations Charter: A Historical View", *Singapore Year Book of International Law*, Vol. 10, 2006, pp. 175-197.
2. Buruian, Alexandru, (coord.), *Drept internațional Public*, Ediția a III-a revăzută și adăugită, Chișinău, 2009, p. 652.
3. Caminos, Hugo, "The Role of the Organization of American States in the pronounciation and protection of democratic governance", *Recueil des Cours de L'Académie de Droit International de la Haye*, 273 (1998), Netherlands, 1999, pp. 103-239.
4. Carlton, David, "Eden, Blum, and the Origins of Non-Intervention", *Journal of Contemporary History*, Vol. 6, No. 3, 1971, pp. 40-55.
5. Conference on Security and Co-operation in Europe, "Helsinki Final Act", 1 August 1975, retipărită în ILM, Vol.14, No. 5, September 1975, pp. 1292-1395.
6. Conforti, Benedetto, *The Law and Practice of the United Nations*, Thrid edition, Martinus Nijhoff Publishers, The Netherlands, 2005, p. 328.
7. Crawford, James, *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries*, Cambridge University Press, UK, 2002, p. 424.
8. Damrosch, Lori Fisler, "Politics Across Borders: Nonintervention and Nonforcible Influence over Domestic Affairs", *The American Journal of International Law*, Vol. 83, No. 1, January, 1989, pp. 1-50.
9. Fenwick, G. Charles, "Has the Specter of Intervention Been Laid in Latin America," *The American Journal of International Law*, Vol. 50, No. 3, July 1956, pp. 636-639.
10. Funston, John, "ASEAN and the Principle of Non- Intervention – Practice and Prospects", Paper presented at the Council of Security Cooperation in the Asia Pacific 7th Comprehensive Security Working Group Meeting in Seoul, 1-2 December 1999, Institute of Southeast Asian Studies, No. 5, 2000, pp.1-18.
11. Gallagher, D. Matthew, "Leon Blum and the Spanish Civil War", *Journal of Contemporary History*, Vol. 6, No. 3, 1971, pp. 56-64.
12. Graham, Helen, *The Spanish Civil War. A very short Introduction*, OUP, Oxford, 2005, p. 175,
13. Grant, D. Thomas, *The recognition of states: law and practice in debate and evolution*, Praeger Publishers, USA, 1999, p. 257.

14. International Court of Justice, "The Corfu Channel Case (United Kingdom v. Albania)", Merits, Judgement of 9 april 1949, ICJ Rep. 4, 1949. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/1/1645.pdf>. (Vizitat la: 08.09.2012).
15. International Court of Justice, "Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)", ICJ Rep. 14, 1986. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&code=nus&p1=3&p2=3&case=70&k=66&p3=5>. (Vizitat la: 08.09.2012).
16. Jamnejad, Maziar, Wood, Michael, "Current legal developments: the principle of non-intervention", *Leiden Journal of International Law*, Vol. 22, No. 2, June 2009, pp. 345-381.
17. Jones, H. Helen, "Domestic Jurisdiction-From the Covenant to the Charter", *Illinois Law Review*, Vol. 46, No. 2, 1951-1952, pp. 219-272.
18. Jones, Lee, "ASEAN and the Norm of Non-Interference in Southeast Asia: A Quest for Social Order", *Nuffield College Politics Group Working Paper*, March 2009, pp. 1-29.
19. Kohen, Marcelo, "The Principle of Non-Intervention 25 Years after Nicaragua Judgment", *Leiden Journal of International Law*, Vol. 25, 2012, pp. 157-164.
20. Koskenniemi, Martti, "Report of the study group on the fragmentation of international law", UN Doc (A/CN.4/L.682) 2006. [On-line]: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf. (Vizitat la: 06.08.2012).
21. League of Nations, "The Covenant of the League of Nations", Paris, 1919. [On-line]: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/leagcov.asp. (Vizitat la: 20.07.2012).
22. Organization of American States, "Charter of the Organization of American States", Bogota, Colombia, 30 aprilie 1948, 119 UNTS 3, Ninth International Conference of American States. [On-line]: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/decad062.asp. (Vizitat la: 20.07.2012).
23. Organization of African Unity, "Charter of the Organization of African Unity", ILM, Vol. 2, No. 4, July 1963, pp. 766-775.
24. The League of Arab States, "Pact of the League of Arab States", 22 martie 1945. [On-line]: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp. (Vizitat la: 20.07.2012).
25. Thomas, Ann Van Wynen, Thoomas, A. J. Jr., "Non-intervention and the Spanish civil war", *American Society of International Law Proceedings*, 1967, pp. 2-5.
26. "Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance", 14 mai 1955. [On-line]: <http://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/05/5-01/warsaw-pact-act.xml>. (Vizitat la: 12.07.2012).
27. Victor, Todos, *Drept internațional public. Note de curs*, Universitatea de stat "Bogdan Petriceicu Hașdeu", Cahul, 2010, p. 110.
28. United Nations, "United Nations Charter", San Francisco, 1945. [On-line]: <http://www.un.org/en/documents/charter/>. (Vizitat la: 12.07.2012).
29. United Nations General Assembly, "Peaceful and neighbourly relations among States", (A/RES/1236) 14 December 1957. [On-line]: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/1236%28XII%29&Lang=E&Area=RESOLUTION. (Vizitat la: 23.07.2012).
30. United Nations, "Vienna Convention on diplomatic relations", 18 April 1961, *Treaty Series*, Vol. 500, New York, 2005, p. 95.
31. UN, "Vienna Convention on consular relations", 24 April 1963, *Treaty Series*, Vol. 596, New York, 2005, p. 261.
32. United Nations General Assembly, "Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of their Independence and Sovereignty", (2131 (XX)) 21 December 1965. [On-line]: http://untreaty.un.org/cod/avl/ha/ga_2131-xx/ga_2131-xx.html. (Vizitat la: 12.07.2012).
33. United Nations, "Vienna Convention on the Law of Treaties", 23 May 1969, *Treaty Series*, Vol. 1155, New York, 1987, p. 331.
34. UN/GA, "Declaration on Principles of international law concerning friendly relations and co-operation among states in accordance with the Charter of the United Nations", (A/Res/2625(XXV)) 24 October 1970. [On-line]: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).
35. UN/GA, "Declaration on the establishment of a new international economic order", (A/3201(S-VI)) 1 May 1974. [On-line]: <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).
36. UN/GA, "Charter of the economic rights and duties of states", (A/3281 (XXIX)) 12 December 1974. [On-line]: <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).
37. UN/GA, "Declaration on the inadmissibility of intervention and interference in the internal affairs of states", (A/Res/36/103) 9 December 1981. [On-line]:

<http://www.un.org/documents/ga/res/36/a36r103.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).

38. Welles, Sumner, "Intervention and Interventions", *Foreign Affairs*, Vol. 26, No. 1, 1947-1948, pp. 116-133.

Natalia CHIRTOACĂ, Adrian MĂTĂȘEL

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАТО

Александр БУРИАН*

РЕЗЮМЕ:

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАТО

В данной статье анализируется перспектива федерализации Европейского союза и дальнейшие перспективы Североатлантического союза в связи с этими преобразованиями, так как согласно положениям Маастрихтского договора в рамках Евросоюза были учреждены три опоры ЕС (pillars): Экономический и валютный союз (ЭВС); Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и Общая политика в области внутренних дел и юстиции (ОПВДЮ).

Будь они выполнены, эти положения закрепили бы федеративные отношения в рамках ЕС, однако на референдумах во Франции и в Нидерландах в 2005 г. проект единой Конституции ЕС был отклонён, и весь Евросоюз оказался в двойственном положении, так как дальнейшее выполнение положений Маастрихтского договора стало нереальным.

Поспешное, и не до конца продуманное, расширение Евросоюза привело к появлению новых проблем так как неплохо действовавший до тех пор принцип принятия важнейших решений путем консенсуса оказался менее эффективным в новых условиях, отчасти, от слишком большого количества участников в процессе принятия решений и, отчасти, от слишком амбициозных требований некоторых новых членов ЕС.

Евросоюзу так и не удалось выработать механизмы, которые позволили бы иметь общую европейскую внешнюю политику, и на сей день в рамках ЕС есть 27 внешнеполитических подходов к любым проблемам мировой политики. Это касается и общей европейской политики безопасности, так как среди стран-членов Евросоюза нет единого понимания понятий «европейская безопасность» и «евроатлантическая безопасность» и происходит это, по мнению автора, из-за неясных отношений между НАТО и ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, НАТО, федерализация, европейская безопасность, евроатлантическая безопасность.

REZUMAT:

FEDERALIZAREA UNIUNII EUROPENE ȘI PERSPECTIVELE NATO

În acest articol se analizează perspectiva federalizării Uniunii Europene și perspectivele Alianței Nord-Atlantice în contextul acestor transformări, deoarece în conformitate cu Tratatul de la Maastricht în cadrul Uniunii Europene s-au stabilit trei piloni (stâlpi): Uniunea Economică și Monetară (UEM); Politica externă și de securitate comună (PESC) și Politica generală în domeniul Afacerilor interne și Justiției (PGAIJ).

* **BURIAN Alexandru.** Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Doctor habilitat în drept, profesor universitar, consultant științific principal, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei; președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova. (Chișinău, Republica Moldova). **BURIAN Alexander.** Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (Ret.), Doctor Habilitat of law (International Law), full professor, Chief Scientific Adviser, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova, president of the Moldavian Association of International Law. (Kishinev, The Republic of Moldova). **БУРИАН Александр Дмитриевич.** Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Доктор юридических наук, профессор, главный научный консультант Института истории, государства и права Академии наук Молдовы, президент Молдавской Ассоциации международного права. (Кишинев, Республика Молдова).

Dacă ele ar fi fost îndeplinite, aceste dispoziții ar fi consfințit relații federale în cadrul UE, dar în cadrul referendumurilor naționale organizate în Franța și Olanda în 2005, proiectul Constituției Europene a fost respins, și Uniunea Europeană s-a pomenit într-o dilemă, dat fiind faptul, ca aplicarea în continuare a prevederilor Tratatului de la Maastricht a devenit ireală.

O extindere pripită și nu pe deplin gândită a Uniunii Europene a creat probleme noi, reieșind din faptul, că principiul adoptării deciziilor prin consens, care a fost în vigoare până la extindere, sa dovedit a fi mai puțin eficace într-un context nou, pe de o parte, din cauza prea multor participanți în procesul de luare a deciziilor și, pe de altă parte, din cauza a prea ambițioaselor cerințele ale unor noi membri a UE.

UE așa și nu a reușit să dezvolte mecanisme care ar fi dat posibilitatea de a avea o politică externă europeană comună, și la momentul actual în cadrul UE sunt 27 abordări de politică externă pentru orice probleme de politica mondială. Aceasta se referă și la politica comună de securitate europeană, deoarece printre țările membre ale UE nu este nici o înțelegere comună a conceptelor de "Securitate Europeană" și "Securitatea Euro-Atlantică" și aceasta se întâmplă, în opinia autorului, din cauza relației ambigue dintre NATO și UE.

Cuvinte cheie: Uniunea Europeană, EU, NATO, federalizare, securitate europeană, securitate Euro-Atlantică.

ABSTRACT:
FEDERATION OF THE EUROPEAN UNION AND NATO PROSPECTS

(перевести на английский)

В данной статье анализируется перспектива федерализации Европейского Союза и дальнейшие перспективы Североатлантического союза в связи с этими преобразованиями, так как согласно положениям Маастрихтского договора в рамках Евросоюза были учреждены три опоры ЕС (pillars): Экономический и валютный союз (ЭВС); Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и Общая политика в области внутренних дел и юстиции (ОПВДЮ).

Будь они выполнены, эти положения закрепили бы федеративные отношения в рамках ЕС, однако на референдумах во Франции и в Нидерландах в 2005 г. проект единой Конституции ЕС был отклонён, и весь Евросоюз оказался в двойственном положении, так как дальнейшее выполнение положений Маастрихтского договора стало нереальным.

Поспешное, и не до конца продуманное, расширение Евросоюза привело к появлению новых проблем так как неплохо действовавший до тех пор принцип принятия важнейших решений путем консенсуса оказался менее эффективным в новых условиях, отчасти, от слишком большого количества участников в процессе принятия решений и, отчасти, от слишком амбициозных требований некоторых новых членов ЕС.

Евросоюзу так и не удалось выработать механизмы, которые позволили бы иметь общую европейскую внешнюю политику, и на сей день в рамках ЕС есть 27 внешнеполитических подходов к любым проблемам мировой политики. Это касается и общей европейской политики безопасности, так как среди стран-членов Евросоюза нет единого понимания понятий «европейская безопасность» и «евроатлантическая безопасность» и происходит это, по мнению автора, из-за неясных отношений между НАТО и ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, НАТО, федерализация, европейская безопасность, евроатлантическая безопасность.

В сентябре 2012 г. председатель Европейской Комиссии Жозе Мануэль Баррозу, охарактеризовав нынешний кризис еврозоны как отсутствие политического единства партнеров, объявил о том, что возникает необходимость «идти к федерации национальных государств. Таков наш

политический горизонт. Это должно определять направление нашей работы в предстоящие годы».¹

¹ José Manuel Durão Barroso. President of the European Commission. State of the Union 2012 Address Plenary session of the European Parliament / Strasbourg 12 September 2012. [On-line]:

Разумеется, сама по себе идея не нова. Но не будем вдаваться в историю и вспоминать идеи Виктора Гюго², графа Куденхове-Калерги³, Жана Монне⁴, Альтьери Спинелли⁵, Робера Шуманна⁶ и других мыслителей и государственных деятелей, которые в разное время ратовали за континентальный европейский союз. Оставим в покое и В.И. Ленина со своим лозунгом о «республиканских соединенных штатов Европы»⁷, не говоря уж о Льве Троцком который, исходя из своей теории «экспорта революции», собирался превратить Европу в «советские» Соединенные Штаты Европы⁸, а также Уинстона Черчилля⁹, который был одним

http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-596_en.htm. (Посещение сайта: 22.11.2012).

² Гюго Виктор. Будущее Европы. Участникам конгресса мира в Лугано. Отвиль-Хауз, 20 сентября 1872. Изд: В.Гюго. Собрание сочинений в 15 тт., т. 15, М., «ГИХЛ», 1956. [On-line]: http://antimilitary.narod.ru/antology/hugo/hugo_1872_Europe.htm. (Посещение сайта: 02.12.2012 г.).

³ Кембаев Ж. М. Концепция «Пан-Европы» Р. Куденхове-Калерги как одна из важнейших стадий в становлении идеи европейского единства // История государства и права. 2010. № 22, с. 38 - 42.

⁴ Травин Дмитрий. Жан Монне. Отец Европы. [On-line]: <http://www.idelo.ru/264/26.html/>. (Посещение сайта: 03.12.2012 г.).

⁵ The Ventotene Manifesto by Altiero Spinelli and Ernesto Rossi. For a Free and United Europe. [On-line]: http://www.altierospinelli.org/manifesto/en/manifesto1944en_en.html (Посещение сайта: 03.12.2012).

⁶ Вольтерс Кристиане. Кому обязан своим рождением Европейский Союз. [On-line]: <http://www.dw.de/a-2397557-1/> (Посещение сайта: 03.12.2012).

⁷ Ленин Н. О лозунге Соединенные Штаты Европы. // «Социал-Демократ», № 44, 23 августа 1915 г. Печатается по тексту газеты «Социал-демократ». [On-line]: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>. (Посещение сайта: 02.12.2012).

⁸ Л. Троцкий. О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» // Л. Троцкий. Сочинения, том 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925). [On-line]: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm232.htm> (Посещение сайта: 02.12.2012 г.).

⁹ «Соединенные Штаты Европы» по Черчиллю. [On-line]: <http://wites.ru/iz-istorii/18-politika-i-diplomatija-vtoroj-mirovoj-vojny/783-soedinennye-shtaty-evropy-po-cherchillju> (Посещение сайта: 03.12.2012 г.).

из самых последовательных сторонников Соединенных Штатов Европы, естественно, при главенствующей роли Соединенного Королевства в этом регионе и выдворения из него «варварской» России¹⁰.

Давайте начнем с Маастрихтского договора 1992 г.¹¹, с которого, собственно говоря, и начался ЕС, поскольку до этого в Европе существовали чисто экономические сообщества¹², а проблемы внешней политики и обороны осуществлялись на национальном уровне, а также в рамках НАТО¹³, так как идеи об учреждении *Европейского оборонительного сообщества* (ЕОС)¹⁴ наряду с *Европейским политическим сообществом*¹⁵ потерпели крах, а деятельность *Западноевропейского Союза*¹⁶ была полностью замещена Североатлантическим Альянсом.

Согласно положениям Маастрихтского договора¹⁷ в рамках Евросоюза были учреждены три опоры ЕС (pillars): 1. экономический и валютный союз (ЭВС); 2.

¹⁰ Winston Churchill speaking in Zurich 19th September 1946. [On-line]: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html> (Посещение сайта: 02.12.2012).

¹¹ Договор о Европейском Союзе. [On-line]: <http://eulaw.ru/treaties/teu>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

¹² Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, ECSC - European Coal and Steel Community), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок) (ЕЕС - European Economic Community) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, Euratom - European Atomic Energy Community).

¹³ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. [On-line]: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm. (Посещение сайта: 03.12.2012).

¹⁴ Documents on American foreign relations 1952, N. Y., 1953, p. 245-48.

¹⁵ [On-line]: <http://placeduluxembourg.files.wordpress.com/2010/11/treaty-constituting-the-european-defense-community-unofficial-translation.pdf>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

¹⁶ Conference of Ministers of foreign affairs, P., 1954. Documents agreed on by the Conference of Ministers held in Paris, October 20 - 23, 1954, L., 1954.

¹⁷ Treaty on European Union. Official Journal C 191, 29 July 1992. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ); 3. общая политика в области внутренних дел и юстиции (ОПВДЮ).

В принципе, будь они выполнены, эти положения закрепили бы федеративные отношения в рамках ЕС, однако на референдумах во Франции и в Нидерландах в 2005 г. проект единой Конституции ЕС был отклонён, и весь Евросоюз оказался в двойственном положении, так как дальнейшее выполнение положений Маастрихтского договора стало нереальным.

Поспешное, и не до конца продуманное, расширение Евросоюза привело к появлению новых проблем, так как неплохо действовавший до тех пор принцип принятия важнейших решений путем консенсуса оказался менее эффективным в новых условиях, отчасти от слишком большого количества участников в процессе принятия решений и отчасти от слишком амбициозных требований некоторых из новых членов ЕС.

Кроме того, после присоединения к ЕС двенадцати новых стран, уровень экономического развития которых был заметно ниже среднеевропейского, лидеры Евросоюза (Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды) оказались в положении, когда основной груз бюджетных расходов на социальную сферу, дотации сельскому хозяйству и т.д. стал ложиться именно на них. В то же время, новые члены Евросоюза не желали и не желают увеличивать долю отчислений в общесоюзный бюджет сверх определённого документами ЕС уровня в 1 % ВВП.

Определенные трудности возникли и при претворении в жизнь общей политики в области внутренних дел и юстиции (ОПВДЮ), так как внутреннее законодательство стран-членов ЕС не удалось полностью гармонизировать, не говоря уж о том, что львиная доля расходов по данному направлению идет не на улучшение инфраструктуры и повышение качества правосудия, а на переводы законов на 23 языка, которые являются официальными для ЕС.

Вместе с тем, ЕС достиг и определенных успехов в отношении ЭВС и ОПВДЮ, так как появившееся Европейское сообщество (ЕС) после принятия Амстердамского договора¹⁸ позволило странам-членам получить доступ к общесоюзным финансовым фондам и приступить к укреплению общесоюзного рынка. Кроме того, несмотря на определенные трудности, в рамках ЕС удалось скоординировать такие направления деятельности как правосудие и внутренние дела (ПВД), а также полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам (ПССУ).

И хотя в отношении ЭВС и ОПВДЮ еще много предстоит сделать (создание Банковского союза, выработка общей фискальной политики, выработка механизмов контроля за расходование общесоюзных фондов, дальнейшая гармонизация союзного законодательства), то в случае с общей внешней политикой и политикой безопасности (ОВПБ) результаты получились почти нулевые.

Евросоюзу так и не удалось выработать механизмы, которые позволили бы иметь общую европейскую внешнюю политику, и на сей день в рамках ЕС есть 27 внешнеполитических подходов к любым проблемам мировой политики. Стоит лишь напомнить о случае с вторжением США в Ирак в 2003 г., когда Германия и Франция выступали против вторжения, а Испания и Португалия безоговорочно поддерживали США.¹⁹ А ведь это было еще до расширения ЕС, а с появлением двенадцати новых членов координировать общеевропейский подход к проблемам внешней политики стало практически невозможно.

Это касается и общей европейской политики безопасности, так как среди стран-членов Евросоюза нет единого

¹⁸ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and related acts. Official Journal C 340, 10 November 1997. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

¹⁹ Thomas Ricks. Fiasco. The american military adventure in Iraq. The Penguin Press, 2006.

понимания понятий «европейская безопасность» и «евроатлантическая безопасность». Это происходит, на наш взгляд, из-за неясных отношений между НАТО и ЕС. Дело в том, что среди членов ЕС есть страны, которые являются членами НАТО (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Испания и др.), и они должны координировать свою оборонную политику с другими членами этой организации), и есть страны, которые не являются членами НАТО (Австрия, Швеция, Финляндия), и которые не нуждаются в такой координации, более того, оно их тяготит.

Кроме того, если учитывать что членами НАТО являются и страны не члены ЕС (Турция, Норвегия) и даже неевропейские страны (США, Канада), то становится понятно, что интересы ЕС и интересы НАТО не всегда и не во всем совпадают, так как эти интересы должны были бы отражать национальные интересы стран входящих в эти организации, а они – совершенно разные.

К тому же, принцип принятия решений в рамках НАТО существенно отличается от принципа принятия решений в рамках ЕС, а учитывая, что основное бремя финансирования НАТО лежит на США, то даже и не стоит удивляться, что решения там принимаются именно так, как хотят США.

Вместе с тем, если до расширения НАТО мир был двухполюсным, и состояние холодной войны в любой момент могло перейти в состояние «горячей», то после распада СССР глобальное противостояние должно было бы уйти в прошлое. К сожалению, это не произошло. НАТО не самораспустился, подобно Варшавскому договору, а наоборот, расширился и продолжает холодную войну, ища новых врагов и новых союзников.

И если для «старых» членов НАТО (Франция, Германия) падение Берлинской стены породило иллюзии о возможности построения новой Европы со своей внешней и оборонной политикой, отличной от внешней и оборонной политики США и НАТО, то для новых членов НАТО

(Польша, Румыния и др.) это породило другие иллюзии: что новый «старший брат» настолько силен и могуч, что не даст их в обиду, и станет возможным претворить в жизнь принцип «грабь награбленное». К сожалению, приходится констатировать, что для Румынии, Польши и некоторых других стран холодная война еще не кончилась: они просто перешли в другой лагерь и продолжают борьбу против нового «врага», а может и старого, который еще вчера был их союзником и защитником, а сегодня стал, в их понимании, изгоем. И все это – на базе средневековой идеологии и каких-то старых обид, абсолютно несоответствующие идеологии XXI-го века, которую пытается сформулировать и претворить в жизнь ЕС.

Это бы ничего, если бы оно не касалось общеевропейской внешней и оборонной политики, так как эти новые члены НАТО являются и новыми членами ЕС, и они не просто влияют на определение этой самой политики, но здорово мешают тому, чтобы эта политика (общеевропейская, внешняя и оборонная) вообще существовала.

Нельзя сказать, что этого не понимали и не понимают в штаб-квартире ЕС в Брюсселе, однако принцип консенсуса, изначально заложенный в процедуру принятия решений в рамках ЕС, не позволяет продвинуть сколь-нибудь идею о создании Европейских вооруженных сил, отличных от НАТО, которые выполняли бы политическую волю ЕС, а не США. По образному выражению Джона Кеннеди, высказанному в другое время и по другому случаю, «...всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело»²⁰ и проголосует против, или просто воздержится, при принятии важных решений относительно будущего Евросоюза.

Отметим, в связи с этим, что американская теория «экспорта демократии» и расширения НАТО на Восток практически превратила ЕС в «американские соединенные штаты Европы». Особенно заметным было

²⁰ Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М.: Время, 2002, с. 522.

влияние американского «лобби» относительно принятия в ЕС Польши, Чехии, Венгрии, Болгарии, Румынии. Не меньшее давление со стороны Вашингтона было и есть относительно вступления в ЕС Турции и Албании. И связано это не с каким-то «особым» отношением американцев к этим странам, а лишь с тем, что там у них свои военные базы, которые, в случае вхождения этих стран в ЕС, автоматически стали бы американскими базами на территории ЕС, выдворить которых можно будет лишь при общем решении ЕС, которое надо будет принять консенсусом, и... опять найдется какой-нибудь «сукин сын», который не проголосует за это.

Необходимо отметить, в связи с этим, что это была далеко идущая политика Вашингтона, направленная на эрозию Евросоюза и на укрепление своих позиций на европейском континенте. Отметим также, что США удалось достигнуть на этом направлении значительных успехов, и теперешний кризис в ЕС во многом базируется именно на результатах этой политики, а также на беспечности и некомпетентности европейских чиновников.

Примерно такой же подход был со стороны США и относительно Украины и Грузии, после того как к власти в этих странах пришли проамериканские правительства Ющенко и Саакашвили. Кроме того, постоянное «прощупывание» относительно возможного членства в НАТО происходит и в других постсоветских республиках, притом это зондирование отличается избирательностью, так как европейским и кавказским странам обещается членство в ЕС, а центральноазиатским – защита от русского, китайского и иранского нашествия.

К примеру, давление на Молдавию осуществляется через «румынское лобби» в молдавском парламенте и правительстве, а также через неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа, которые постоянно «проталкивают» идею о том, что членом Евросоюза можно стать лишь при присоединении к НАТО, хотя,

согласно положениям конституции, Молдавия является нейтральным государством²¹.

Аналогичный случай происходит и с Белоруссией, так как, несмотря на уже долгое блокирование этой страны Западом, следует отметить интересный факт, связанный с тем, что в последнее время усиливается сотрудничество Минска со странами Балтии. Многие считают, что без решения Вашингтона здесь не обошлось, так как США сделали ставку на постепенное втягивание Белоруссии в сферу своего влияния. Учитывая фактор «Лукашенко», его нежелание идти на дальнейшую интеграцию с Россией и его словесные пассажи об изменении внешней политики в сторону Запада нельзя исключать «ухода» Минска из-под влияния Москвы.²²

Бредовая идея о том, что членом Евросоюза якобы можно стать лишь после того как страна станет членом НАТО распространялась и продолжает распространяться в этих странах очень интенсивно. Примерами, как обычно, служат Румыния и Болгария, которые действительно стали членами ЕС лишь под давлением Вашингтона, так как эти страны очень далеки от европейских ценностей и стандартов и, не будучи такой поддержки, вряд ли стали бы в ближайшем будущем членами европейской семьи. Упоминаются, при этом, и прибалтийские страны, а также Чехия, Польша и Венгрия, хотя история принятия этих стран в ЕС совершенно другая, даже несмотря на то, что и в их случае не обошлось без поддержки со стороны «старшего брата».

Вместе с тем, почему то забывается о том, что член НАТО Турция, более 50 лет безрезультатно добивается членства в ЕС, а членами Евросоюза стали страны, которые не только не являются членами НАТО, но

²¹ Раца Сергей. Откажется ли Молдова от нейтралитета? [On-line]: <http://ava.md/analytics-commentary/012251-otkazhetsya-li-moldovi-ot-neutraliteta.html>. (Посещение сайта: 27.07.2011).

²² Политика США на постсоветском пространстве. [On-line]: http://whady.myl.ru/news/politika_ssha_na_postsovetskom_prostranstve/2010-05-14-31. (Посещение сайта: 03.12.2012).

даже и не желают стать ими: Финляндия, Австрия, Швеция. Вероятно, это не выгодно вашингтонским пропагандистам, так как нарушает их главный замысел: втянуть в военный хомут, а дальше... уж как получится.

Разумеется, нельзя не брать в расчет естественное стремление этих стран приобщиться к европейским ценностям и европейским стандартам, но одно дело когда переговоры ведутся напрямую, с ЕС, и другое дело когда давят и советуют со стороны: того надо принимать, а того – нет. Знаменательно, в этом отношении, реакция Франции на давление со стороны Вашингтона относительно принятия в ЕС Турции. В октябре 2004 г., перед саммитом НАТО в Стамбуле, Джордж Буш заявил, что Турция уже выполнила все условия для вступления в ЕС, и Брюссель должен начать соответствующие переговоры с Анкарой. В ответ президент Франции Жак Ширак выразил резкое недовольство «вмешательством США в дела Европы».²³

Следует отметить, что политику «расширения» НАТО на Восток многие связывают не просто с желанием стран постсоветского блока переориентироваться на Запад, но и с политикой Вашингтона «подбадривать» новых союзников, будь то грантами или сомнительными кредитами, а то и прямыми взятками. Примечательно, в связи с этим, заявление американского посла в Москве Майкла Макфола о том, что Россия подкупила Киргизию, «чтобы американцев вышвырнули из Манаса», сделанную 25 мая на встрече со студентами Высшей школы экономики в Москве. По его словам, США тоже предлагали Киргизии взятку, но ее размер был в разы меньше, чем то, что предложила Россия²⁴. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в других случаях эта взятка оказывалась «в

разы больше», что и предопределило такое поспешное примыкание восточноевропейских стран к Североатлантическому альянсу.

При том, иногда это делалось даже в обход, а то и в нарушение самих натовских договоренностей. Так, по Уставу блока страна, не решившая своих территориальных проблем, не может быть принята в НАТО. Вместе с тем, Румыния так и не подписала договор о границах с Молдавией, ни перед вступлением в НАТО, ни до сегодняшнего дня. Мотивируют они это тем, что якобы эти границы были установлены согласно пакту Риббентропа-Молотова.²⁵

Бред какой-то.

Общеизвестно, что послевоенные границы были установлены во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г. и были согласованы лидерами трех великих держав, Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом. Можно ли представить себе ситуацию, когда Уинстон Черчилль, или Франклин Рузвельт, желая проводить границу по Пруту между Румынией и Молдавией (тогда СССР), запросил у Сталина приложенную карту к пакту Риббентропа-Молотова?²⁶

Ведь эти границы были проложены не по **состоянию** перед Второй мировой войны (как считает Бэеску и его неграмотные советники), а по **результатам** Второй мировой войны! Кроме того, если уж и говорить о **последствиях** Пакта Риббентропа-Молотова, то они могут касаться лишь Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, но никак не Румынии, поскольку Румыния 22 июня 1941 г. вступила в войну с Советским Союзом, на стороне Германии, и **вернула себе эти территории**, хоть и незаконно присвоенные в 1918 г., ликвидировав, тем самым, пресловутые «последствия».²⁷

²³ Белов Андрей. Многолетнее стремление Анкары пробиться в Евросоюз приносит первые плоды, но ждать заветного момента придется еще долго. [On-line]: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=8099> (Посещение сайта: 05.12.2012 г.).

²⁴ Александров Николай. Макфол обвинил Россию в подкупе Киргизии. [On-line]: <http://www.utro.ru/articles/2012/05/26/1048966.shtml>. (Посещение сайта: 03.09.2012).

²⁵ Бэеску Траян. Признавать границы РМ бесполезно. [On-line]: <http://www.moldovanova.md/ru/comments/show/211/>. (Посещение сайта: 07.12.2012).

²⁶ Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane. - Ed. a 2-a, rev. și adăug. Chișinău: CEP USM, 2008, p. 327 - 360.

²⁷ Burian Alexandru. Moldovan Statehood: geopolitical perspective and prospects. // Revista

Так, о каких «последствиях» пакта Риббентропа-Молотова может идти речь сегодня?

В связи с этим, необходимо отметить, что Румыния - единственная страна, которая претендует на роль ЖЕРТВЫ, как со стороны Германии, так и со стороны СССР. И празднует, между прочим, и начало войны с СССР (22 июня), в качестве «борца с коммунизмом», и победу во Второй мировой войне (9 мая), в качестве «борца с фашизмом», что, в принципе, даже не смешно, поскольку в Румынии отрицают Холокост и оправдывают начало Второй мировой войны.

Но, почему-то, этот факт остается не замеченным ни со стороны США, ни НАТО, ни ЕС.

И ни со стороны России, между прочим!

В связи с этим, возникает закономерный вопрос: «А как же поступит Евросоюз с Румынией в случае федерализации ЕС?» Неужели, так же промолчит относительно отсутствия договора о границах с Молдавией? И неужели не потребует выполнения всех требований относительно ЕВРОПЕЙСКИХ стандартов, а не АМЕРИКАНСКИХ, касающиеся соблюдения границ определенных Хельсинским Заключительным Актом, а не каким-то Бэеску и его приспешников?

Вопрос, кстати, не праздный...

В принципе, проблемы «расширения» НАТО на Восток связаны были не столько с «демократизацией» бывших коммунистических режимов, сколько со стремлением взять под контроль энергетические пространства Черного и Каспийского морей. Это прослеживается на протяжении более десятка лет, попыткой проводить через Черное море изначально экономически невыгодных проектов как ГУАМ, НАБУККО и др.²⁸, а

Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, nr. 2, 2008, p. 37 - 49. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI.%202008.%20Nr.%202.pdf>. (Посещение сайта: 22.11.2012).

²⁸ Киндыбалюк Оляна. Геооконцепт «мировое энергетическое пространство» в ракурсе практико-ориентированного анализа. // Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2012, nr. 1, p. 101 - 118. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI.%202012.%20Nr.%201>

также давлением со стороны США и НАТО в отношении Румынии, Болгарии, Турции и других стран региона относительно таких проектов как «Южный поток», а также прямого транзита российского газа через Украину и Румынию в сторону ЕС.²⁹

В связи с этим, можно констатировать, что страны, которые выполняли указания из Вашингтона (Украина, Румыния) остались ни с чем, так как 7 декабря 2012 г. проект «Южный поток» был запущен, при финансировании со стороны ЕС и России.³⁰ Можно, конечно, следовать и дальше указаниям Вашингтонского обкома относительно сланцевого газа, который якобы в скором будущем заменит другие виды энергоресурсов, но перспективы относительно рентабельности этого проекта пока лишь теоретические и весь шум поднятый вокруг него носит, скорее всего, пропагандистский характер, чем аналитический.

Не меньше вопросов возникает и по поводу размещения в Румынии элементов американской глобальной системы ПРО, так как «аргументы» США по поводу ее необходимости очень уж смешные. Ведь, нельзя же обороняться от таких ракет, которых нет в природе, и нельзя уберечься от ядерного оружия, которого еще нет. (О «доводах» Бэеску, по этому поводу, даже не стоит распространяться, так как он понятия не имеет что такое ракета, что такое ядерное оружие, и где на карте находится Иран, от которого Румыния собирается якобы защитить Европу, не говоря уж о тех опасностях, в которые он вверг свою страну по совету Вашингтона, в случае «асимметричного» ответа со стороны России).³¹

[%20Varianta%20finala%20ADB%2026.06.2012%20IS SN%201857-1999.pdf](#). (Посещение сайта: 29.11.2012).

²⁹ Медведчук Виктор. Дыры в газовой трубе Украины... [On-line]: <http://avaukr.com/analytics-commentary/017851-diri-v-gazovoi-trube-ukraini.html>. (Посещение сайта: 07.12.2012).

³⁰ Путин дал старт строительству газопровода «Южный поток». [On-line]: <http://ria.ru/economy/20121207/913850745.html> (Посещение сайта: 08.12.2012).

³¹ Буриан Александр. ПРО США в Европе и уроки Карибского кризиса: Румыния в роли Кубы, Бэеску в роли Кастро. [On-line]:

Естественно, что речь идет не об иранских ракетах, а об узаконении нахождения США в акватории Черного моря, и цель этого нахождения – не «защита демократии», как учит нас Хилари Клинтон, а попытка взять под контроль энергетические зоны и энерготранспортные коридоры в Причерноморье и Прикаспии.³²

Возвращаясь к вопросу о федерализации Евросоюза отметим, что если федерализация ЕС удастся, то эта федерация унаследует (согласно положениям международного права относительно правопреемства государств) право вето в Совете Безопасности ООН, право обладать ядерным оружием, а также некоторые другие атрибуты великой державы.³³

Кроме того, уйдет в прошлое принцип консенсуса, так как решения впредь будут приниматься, как в любом другом федеративном государстве – центральными федеральными властями. И относительно финансовой, банковской, монетарной и фискальной политики, и относительно внешней и оборонной политики.

Радует ли это Вашингтон? Разумеется, нет! Так как непременно возникнут вопросы о взаимоотношениях относительно валютного эквивалента, относительно биржевой и банковской политики, не говоря уж о вопросах внешнеполитических и оборонных.

И если США беспокоятся относительно возможного экономического укрепления ЕС в случае федерализации, но это боленее для них терпимо, то относительно будущего Североатлантического союза прогнозы для Вашингтона самые мрачные так как вряд ли Брюссель, в качестве федеральной столицы ЕС, потерпит чтобы

<http://www.regnum.ru/news/polit/1596472.html>

(Посещение сайта: 29.11.2012 г.).

³² Киндыбалюк Оляна. Новая трубопроводная архитектура Причерноморья. [On-line]: <http://www.regnum.ru/news/polit/1599655.html>.

(Посещение сайта: 03.12.2012).

³³ Разумеется, при условии, что Франция будет субъектом будущей Федерации ЕС, так как лишь она и Великобритания обладают в настоящее время этими атрибутами «великой державы» среди стран-членов ЕС, а дальнейшее пребывание Великобритании в федерализованном Евросоюзе весьма сомнительно.

те или иные федеральные единицы (к примеру, Польша или Румыния) продолжали бы иметь на своих территориях военные базы США и продолжали бы участвовать в сомнительных военных проектах США, наподобие глобальной системы ПРО которая, в конечном итоге, представляет угрозу для Европы, а иллюзорную «защиту» - лишь для США.

Отметим в связи с этим, что нет сомнения и в том, что в случае федерализации ЕС и с появлением, в связи с этим, единой Европейской армии, Германия попросит США убрать военные базы со своей территории. До сих пор Германия не делала это (хотя после падения Берлинской стены и распада СССР в германском обществе существовали и продолжают существовать такие тенденции), исходя из того, что она не обладала правом иметь ядерное оружие, в то время как у Франции такое право было. Наличие военных баз США на территории Германии практически сводило на нет любой гипотетически возможный конфликт с Францией, и это устраивало Бонн, а потом и Берлин, так как удовлетворяло ее потребности на том этапе.

Вместе с тем, экономическое возрождение Германии и ее превращение в одну из ведущих мировых экономических держав вскрыло слабые стороны такого политического курса, так как отсутствие ее политического влияния в мире (право вето в СБ ООН) плюс недостаточная военная мощь (отсутствие ядерного оружия) определило ее «серединное» место в мировой иерархии. Федерализация ЕС может исправить эти недостатки, превратив их в преимущества для Германии, которая, несомненно, будет иметь наибольшее влияние в новом федеративном государстве, и которая вряд ли потерпит и впредь статус «полуколонии» с иностранными военными базами на своей территории.

Вполне предсказуем, на наш взгляд, и подход Франции к проблематике американских военных баз в Европе, так как ее политика в этом направлении

остаётся неизменной на протяжении более полувека, несмотря на некоторые «виляния» в этом отношении, связанные то со вступлением Франции в НАТО, то с ее выходом из него, то с ее обратным возвращением.

Возврат Франции в НАТО в 2009 г. многие связывают с российско-грузинской войной 2008 г., когда Франция, якобы, снова испугалась российской мощи и решила обезопасить себя, вернувшись в Североатлантический союз. Вместе с тем, существует мнение, что это был «ход конем» Николя Саркози, который предчувствовал, что против него может начаться уголовное преследование по окончании президентского срока и он, тем самым, обезопасил себя, обеспечив площадку для ПМЖ в США в случае неблагоприятного исхода судебного разбирательства.

Так ли это, или нет – «вскрытие покажет», тем не менее, Франция вернулась во все структуры НАТО, как военные так и политические, в которых отсутствовала с 1966 г., ослабив тем самым одну из трех опор ЕС - Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), так как Германия осталась в одиночку в своем стремлении превратить ЕС не только в экономический, но и в политический и военный союз.

Отметим, в связи с этим, что авантюра Франции в Ливии не до конца понятна, так как неясно, связано ли это с намерением доказать свой статус «великой державы», и желанием безнаказанно «награбить награбленное», или же это отражает попытку Николя Саркози скрыть факт получения взятки от семейства Каддафи.³⁴ В принципе, и одно, и другое отражает основы политики НАТО, так что не будем гадать на кофейной гуще, какие инстинкты двигали президентом Франции при принятии упомянутых решений.

Какова будет общая политика федерализованного ЕС к НАТО - вряд ли

возможно прогнозировать на настоящем этапе, когда еще нет самой федерации. Однако, вполне предсказуемо, что новая федерация будет сотрудничать по военным и оборонным вопросам как с НАТО, если такая структура и впредь сохранится, или с США, если НАТО развалится или самораспустится, а также и с другими акторами на мировой арене, к примеру с Россией, Индией, Китаем, Бразилией.

Каковы будут приоритетные направления этого сотрудничества, во многом будет зависеть от конкретной ситуации и от общего расклада сил на мировой арене. Вместе с тем, вряд ли новая Европейская Федерация потерпит, чтобы ее военными и оборонными делами занимались страны-не члены федерации (США, Канада, Турция), или чтобы отдельные субъекты федерации (Польша, Румыния) получали директивы оборонного и военного характера из Вашингтона, а не из федерального Брюсселя.

Это неминуемо приведет к тому, что взаимоотношения между ЕС и НАТО надо будет привести (наконец-то!) в порядок, и каждая из этих структур будет иметь свою отдельную внешнюю и оборонную политику, которые не обязательно будут противостоять друг другу, а будут отражать принципы и интересы каждой из сторон, возможно дополняя друг друга, но никак не заменяя их как в настоящее время.

В процессе федерализации ЕС определится и круг самих субъектов федерации и, на наш взгляд, здесь будет играть роль не только экономическая, культурная, технологическая и другие основы, но и конкретное отношение тех или иных будущих субъектов федерации к проблематике НАТО. Представляется, что если у некоторых членов ЕС будет слишком велико «натовское притяжение» в противовес «европейскому», то не исключено что им «путь будет заказан» в качестве субъекта новой федерации.

Говоря о возможной федерализации Евросоюза почему-то все забывают об альтернативе ЕС - Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ)³⁵ созданной

³⁴ Арест Саркози за военные преступления в Ливии. Последствия могут быть для Франции разрушительными. [On-line]: <http://zakaddafi.org/node/11404>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

³⁵ Конвенция об учреждении Европейской ассоциации свободной торговли. [On-line]:

ещё в январе 1960 г. Великобританией, Ирландией, Данией, Швецией, Австрией, Португалией, Финляндией, Норвегией, Исландией, Швейцарией и Лихтенштейном как противовес Европейскому экономическому сообществу.³⁶ Правда, эту организацию в разное время покинули и переметнулись в ЕС: Великобритания (1973), Дания (1973), Португалия (1986), Финляндия (1995), Австрия (1995), Швеция (1995), и сегодня только Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн остаются ее членами.

Вместе с тем, не исключено что из-за существующего кризиса, а также из-за неэффективной реорганизации Евросоюза, в ЕАСТ могут вернуться некоторые из ее прежних членов, в первую очередь Великобритания, которые не пожелают расставаться с некоторыми атрибутами суверенитета, элемент который неминуемо

<http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/east.htm>.
(Посещение сайта: 03.12.2012).

³⁶ Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) была создана 3 мая 1960 года как альтернатива для европейских государств, которые не могли или не желали присоединиться к Европейскому экономическому сообществу (теперь Европейский союз) и считали планы создания Европейского общего рынка слишком амбициозными. Конвенция по ЕАСТ была подписана 4 января 1960 года в Стокгольме семью государствами: Великобритания, Дания, Норвегия, Швеция, Австрия, Швейцария и Португалия (сейчас остались лишь четыре: Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн, так как остальные страны-члены ЕАСТ покинули ее и стали членами ЕС). Стокгольмская конвенция была впоследствии заменена Вадуцкой конвенцией.

Европейской ассоциацией свободной торговли управляет Совет ЕАСТ. Совет собирается дважды в месяц на уровне министров или постоянных представителей. Секретариат, возглавляемый генеральным секретарём, оказывает поддержку Совету, комитетам и экспертным группам. Секретариат ЕАСТ размещён в Женеве (Швейцария).

В связи с заключением в мае 1992 года Соглашения между ЕАСТ с ЕС о Едином экономическом пространстве (свободное движение людей, товаров, услуг, капитала) были учреждены ещё две организации ЕАСТ: Наблюдательный орган ЕАСТ и Суд ЕАСТ. Штаб-квартира Наблюдательного органа ЕАСТ находится в Брюсселе (так же, как и штаб-квартира Европейской комиссии), в то время как Суд ЕАСТ размещён в Люксембурге (как и Европейский суд).

последует в случае превращения ЕС в Федерацию.

Не исключено также, что в ЕАСТ ринутся и те страны, ныне члены ЕС, которым будет отказано быть субъектами новой Европейской Федерации из-за их несговорчивости или «нестандартности». Во всяком случае, в Евросоюзе, особенно среди некоторых «старых членов ЕС», бытуют настроения об исключении из их состава Румынии и Болгарии, или хотя бы не допустить их в зону Шенген и зону евро.³⁷

Это может привести к появлению и укреплению другого актора на европейской арене, кроме ЕС, что само по себе не так уж и плохо, так как конкуренция лишь оздоравливает процесс, в отличие от монополии которая приводит к деградации, что и стало заметно с ЕС в последнее время.

Вместе с тем, в Евросоюзе все более и более стал заметен и процесс дезинтеграции, в противовес общеизвестным интеграционным процессам. Речь идет о стремлении некоторых административно-территориальных единиц стран-членов ЕС обрести независимость и отделиться от государств, частью которых они являются. Это Каталония и Страна Басков в Испании, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании, часть Трансильвании в Румынии, Фландрия в Бельгии, Корсика и Бретань во Франции, Фарерские острова в Дании и др.³⁸ Учитывая печально-известный прецедент Косово, к которому Евросоюз был подведен под нажимом Вашингтона и НАТО, уместно констатировать, что это может привести к непредсказуемым последствиям для самого ЕС и для процесса федерализации союза в целом. Политика двойных стандартов, проводимая до сих пор Евросоюзом по

³⁷ Болгарии и Румынии отказано во вступлении в Шенгенскую зону. [On-line]: <http://www.zman.com/news/2011/09/23/110592-print.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

³⁸ Европа - конфликты и борьба за независимость. [On-line]: http://rus.ruvr.ru/2012_11_27/Spravka-Evropa-konflikti-i-borba-za-nezavisimost/ (Посещение сайта: 07.12.2012 г.).

этой проблеме, может на этот раз не сработать, так как касается стран-членов самого ЕС. И вряд ли удастся Брюсселю объяснить, почему Косово мог отделиться, а Каталония, Шотландия и Трансильвания не имеют этого права. Отметим, что весьма сомнительными были аргументы Евросоюза и в случае с Абхазией и Южной Осетией, если проводить параллель с Косово, но тогда речь шла о странах не-членах ЕС – России и Грузии, и эти «аргументы» использовались больше для прессы, чем для реальной политики.

Надеяться на то, что эти территории не будут признаны ЕС и не будут приняты в новую федерацию на правах субъектов, вряд ли решит проблему, так как эти новые независимые псевдо-государства, в конце концов, могут быть признаны кем-нибудь другим (по аналогии с теми же Косово, Абхазией, Южной Осетией). К тому же, если их не примут в ЕС, они могут вступить в ЕАСТ, что вполне возможно при существующей конкуренции этих двух организаций. Правда, это будет возможно лишь при их международно-правовом признании в качестве государств, так как согласно Соглашению ЕАСТ, только государства могут стать членами Ассоциации.³⁹

Резюмируя, можно констатировать, что процессы европейской интеграции в рамках Европейских сообществ, а позже в рамках Евросоюза, принесли несомненные результаты, минимум по нескольким направлениям: удалось избежать новую европейскую войну; заметно укрепилась экономическая и финансовая составляющая европейских стран; значительно поднялся уровень жизни населения

Вместе с тем, Европе так и не удалось сплотиться в единый военно-политический союз, который смог бы стать глобальным актором на мировой арене, хотя ее

³⁹ В середине 2005 года представители Фарерских островов наметили на возможность присоединения их территории к ЕАСТ. Однако, положительный ответ на предложение фарерцев на членство сомнителен, потому что, согласно Соглашению ЕАСТ, только государства могут стать членами Ассоциации, тогда как Фарерские острова являются автономным регионом Дании.

экономическое и политическое влияние в мире, несомненно, возросло за последние два десятилетия. Произошло это, на наш взгляд из-за чрезмерной опеки США над ЕС, которые, опираясь на Европу как своего главного стратегического союзника, тем не менее не оставляли и до сих пор не оставляют попытки дестабилизировать европейский континент, ослабить европейскую валюту и создать вокруг ЕС дугу нестабильности с целью «принуждения к сотрудничеству». Несомненно, что американцы будут и впредь наращивать усилия по созданию конфликтов между европейскими странами для обеспечения себе статуса арбитра.⁴⁰ Особое внимание они обратят и на то, чтобы не допустить союза России с Европой и, вообще, минимизировать, насколько это будет возможно, любое влияние России на Европу, так как это может подрывать их позиции на европейском континенте и может стать окончательным штрихом в деле развала НАТО.

Об отношении США к России можно судить по высказыванию небезызвестного Збигнева Бжезинского: «Будущее Запада зависит от того, насколько Запад сумеет интегрировать в себя Россию». Поскольку речь идет о выживании США, сила всегда останется силой, даже если она по-обамовски мягкая. США рассчитывают, что смогут «выбивать» уступки у России, не давая взамен ничего, кроме «отсутствия враждебности».⁴¹ Разумеется, под понятием Запад, Бжезинский относит не только США, всю Европу, но и остальной мир, будь то Афганистан⁴², Иран⁴³,

⁴⁰ США: от стратегии доминирования к стратегии выживания. // Мировая Политика и Ресурсы/World Policy and Resources Research / 04 Декабрь 2012 г. [On-line]: <http://www.wprp.ru/?p=3079>. (Посещение сайта: 07.12.2012).

⁴¹ Бжезинский Збигнев: Выживание Запада зависит от России. [On-line]: <http://asiareport.ru/index.php/news/17776-bzhezinskij-vyzhivanie-zapada-zavisit-ot-rossii.html> (Посещение сайта: 07.12.2012).

⁴² Афганистан и Пакистан во внешней политике США. [On-line]: <http://mir-politika.ru/1598-afganistan-i-pakistan-vo-vneshney-politike-ssha.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

Ближний Восток⁴⁴ или Латинская Америка,⁴⁵ так как для него холодная война еще не закончилась, а набирает все новые и новые обороты.

Литература:

1. José Manuel Durão Barroso. President of the European Commission. State of the Union 2012 Address Plenary session of the European Parliament / Strasbourg 12 September 2012. [On-line]: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-596_en.htm. (Посещение сайта: 22.11.2012).

2. Гюго Виктор. Будущее Европы. Участникам конгресса мира в Лугано. Отвиль-Хауз, 20 сентября 1872. Изд: В.Гюго. Собрание сочинений в 15 тт., т. 15, М., "ГИХЛ", 1956. [On-line]: http://antimilitary.narod.ru/antology/hugo/hugo_1872_Europe.htm. (Посещение сайта: 02.12.2012 г.).

3. Кембаев Ж. М. Концепция "Пан-Европы" Р. Куденхове-Калерги как одна из важнейших стадий в становлении идеи европейского единства // История государства и права. 2010. № 22, с. 38 - 42.

4. Травин Дмитрий. Жан Монне. Отец Европы. [On-line]: <http://www.idelo.ru/264/26.html/>. (Посещение сайта: 03.12.2012 г.).

5. The Ventotene Manifesto by Altiero Spinelli and Ernesto Rossi. For a Free and United Europe. [On-line]: http://www.altierospinelli.org/manifesto/en/manifesto1944en_en.html (Посещение сайта: 03.12.2012).

6. Вольтерс Кристиане. Кому обязан своим рождением Европейский Союз. [On-line]: <http://www.dw.de/a-2397557-1/> (Посещение сайта: 03.12.2012).

7. Ленин Н. О лозунге Соединенные Штаты Европы. // "Социал-Демократ", № 44,

⁴³ См., например, Евсеев Владимир. Иранский вклад в разрешение сирийской проблемы. // «Новое Восточное Обозрение» от 06.12.2012 г. [On-line]: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119933>. (Посещение сайта: 07.12.2012).

⁴⁴ ЕС и Россия поссорились из-за Сирии. [On-line]: <http://www.inosmi.ru/world/20121016/200998163.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

⁴⁵ Шабалева В.И. ЕС - США: тернистый путь развития отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2008, № 2, с. 28 - 31.

23 августа 1915 г. Печатается по тексту газеты "Социал-демократ". [On-line]: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>. (Посещение сайта: 02.12.2012).

8. Л. Троцкий. О своевременности лозунга "Соединенные Штаты Европы" // Л. Троцкий. Сочинения, том 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925). [On-line]: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm232.htm> (Посещение сайта: 02.12.2012 г.).

9. "Соединенные Штаты Европы" по Черчиллю. [On-line]: <http://wites.ru/iz-istorii/18-politika-i-diplomatija-vtoroj-mirovoj-vojny/783-soedinennye-shtaty-evropy-po-cherchillju> (Посещение сайта: 03.12.2012 г.).

10. Winston Churchill speaking in Zurich 19th September 1946. [On-line]: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html> (Посещение сайта: 02.12.2012).

11. Договор о Европейском Союзе. [On-line]: <http://eulaw.ru/treaties/teu>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

12. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. [On-line]: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm. (Посещение сайта: 03.12.2012).

13. Documents on American foreign relations 1952, N. Y., 1953, p. 245-48.

14. Conference of Ministers of foreign affairs, P., 1954. Documents agreed on by the Conference of Ministers held in Paris, October 20 - 23, 1954, L., 1954.

15. Treaty on European Union. Official Journal C 191, 29 July 1992. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

16. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and related acts. Official Journal C 340, 10 November 1997. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).

17. Thomas Ricks. Fiasco. The american military adventure in Iraq. The Penguin Press, 2006.

18. Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М.: Время, 2002, с. 522.

19. Раца Сергей. Откажется ли Молдова от нейтралитета? [On-line]: <http://ava.md/analytics-commentary/012251-otkazhetsya-li-moldovi-ot-neutraliteta.html>. (Посещение сайта: 27.07.2011).

20. Политика США на постсоветском пространстве. [On-line]: http://whady.my1.ru/news/politika_ssha_na_posts_ovetskom_prostranstve/2010-05-14-31. (Посещение сайта: 03.12.2012).
21. Белов Андрей. Многолетнее стремление Анкары пробиться в Евросоюз приносит первые плоды, но ждать заветного момента придется еще долго. [On-line]: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=8099> (Посещение сайта: 05.12.2012 г.).
22. Александров Николай. Макфол обвинил Россию в подкупе Киргизии. [On-line]: <http://www.utro.ru/articles/2012/05/26/1048966.shtml>. (Посещение сайта: 03.09.2012).
23. Бэеску Траян. Признавать границы РМ бесполезно. [On-line]: <http://www.moldovanova.md/ru/comments/show/211/>. (Посещение сайта: 07.12.2012).
24. Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane. - Ed. a 2-a, rev. și adăug. Chișinău: CEP USM, 2008, p. 327 - 360.
25. Burian Alexandru. Moldovan Statehood: geopolitical perspective and prospects. // Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, nr. 2, 2008, p. 37 - 49. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202008,%20Nr.%202.pdf>. (Посещение сайта: 22.11.2012).
26. Киндыбалюк Оляна. Геоконцепт "мировое энергетическое пространство" в ракурсе практико-ориентированного анализа. // Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2012, nr. 1, p. 101 - 118. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202012,%20Nr.%201%20Varianta%20finala%20ADB%2026.06.2012%20ISSN%201857-1999.pdf>. (Посещение сайта: 29.11.2012).
27. Медведчук Виктор. Дыры в газовой трубе Украины... [On-line]: <http://avaukr.com/analytics-commentary/017851-diri-v-gazovoi-trube-ukraini.html>. (Посещение сайта: 07.12.2012).
28. Путин дал старт строительству газопровода "Южный поток". [On-line]: <http://ria.ru/economy/20121207/913850745.html> (Посещение сайта: 08.12.2012).
29. Буриан Александр. ПРО США в Европе и уроки Карибского кризиса: Румыния в роли Кубы, Бэеску в роли Кастро. [On-line]: <http://www.regnum.ru/news/polit/1596472.html> (Посещение сайта: 29.11.2012 г.).
30. Киндыбалюк Оляна. Новая трубопроводная архитектура Причерноморья. [On-line]: <http://www.regnum.ru/news/polit/1599655.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
31. Арест Саркози за военные преступления в Ливии. Последствия могут быть для Франции разрушительными. [On-line]: <http://za-kaddafi.org/node/11404>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
32. Конвенция об учреждении Европейской ассоциации свободной торговли. [On-line]: <http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/east.htm>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
33. Болгарии и Румынии отказано во вступлении в Шенгенскую зону. [On-line]: <http://www.zman.com/news/2011/09/23/110592-print.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
34. Европа - конфликты и борьба за независимость. [On-line]: http://rus.ruvr.ru/2012_11_27/Spravka-Evropa-konflikti-i-borba-za-nezavisimost/ (Посещение сайта: 07.12.2012 г.).
35. США: от стратегии доминирования к стратегии выживания. // Мировая Политика и Ресурсы/World Policy and Resources Research / 04 Декабря 2012 г. [On-line]: <http://www.wprg.ru/?p=3079>. (Посещение сайта: 07.12.2012).
36. Бжезинский Збигнев: Выживание Запада зависит от России. [On-line]: <http://asiareport.ru/index.php/news/17776-bzhezinskij-vyzhivanie-zapada-zavisit-ot-rossii-.html> (Посещение сайта: 07.12.2012).
37. Афганистан и Пакистан во внешней политике США. [On-line]: <http://mir-politika.ru/1598-afganistan-i-pakistan-vo-vneshney-politike-ssha.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
38. Евсеев Владимир. Иранский вклад в разрешение сирийской проблемы. // "Новое Восточное Обозрение" от 06.12.2012 г. [On-line]: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119933>. (Посещение сайта: 07.12.2012).
39. ЕС и Россия поссорились из-за Сирии. [On-line]: <http://www.inosmi.ru/world/20121016/200998163.html>. (Посещение сайта: 03.12.2012).
40. Шабаета В.И. ЕС - США: тернистый путь развития отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2008, № 2, с. 28 - 31.

ТРУБОПРОВОДЫ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ И ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО БЛОКА С ПРОЕКЦИЕЙ НА ГАЗОВУЮ ОСЬ ПАРИЖ-БЕРЛИН-МОСКВА

*Оляна КИНДЫБАЛЮК**

РЕЗЮМЕ:

Трубопроводы как фактор геополитического влияния и инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте евразийского континентального блока с проекцией на газовую ось Париж-Берлин-Москва

Современные тенденции переструктуризации геополитического пространства в свете сильного влияния энергетического фактора таковы, что во многом трубопроводам предстоит предопределять контуры и климат его архитектуры. Напряженная обстановка в мире связанная с событиями на Ближнем Востоке, Северной Африке, включая настойчивый экспорт американской «сланцевой революции» в страны Европы, инерционно ориентирует многие страны на поиск альтернативных путей доставки энергоресурсов, особенно тех, чья экономика напрямую зависит от импортируемого энергосырья. Фактически такая тенденция существенно влияет на прежний расклад сил в отдельно взятом регионе энергетического пространства и заметно меняет географию экспортных потоков. Следовательно, новая схема маршрутов предопределяет и новых акторов на энергетическом рынке. Известный профессор, ведущий эксперт по энергетической проблематике Нина Дюлгерова, анализируя вопрос энергетической безопасности в свете последних событий, отметила в одной из своих работ: «трубопроводы, снабжающие Европу газом, продолжают быть актуальными особенно сейчас, когда у арабских стран из-за серьезных политических и социальных перемен, нет возможности поставлять нефть и газ». Конкретизируя предположения профессора, глава МЭА Ван дер Хуфен считает, что «российские газопроводы будут всегда востребованы в Европе».

РЕЗЮМЕ:

Трубопроводы как фактор геополитического влияния и инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте евразийского континентального блока с проекцией на газовую ось Париж-Берлин-Москва

Современные тенденции переструктуризации геополитического пространства в свете сильного влияния энергетического фактора таковы, что во многом трубопроводам предстоит предопределять контуры и климат его архитектуры. Напряженная обстановка в мире связанная с событиями на Ближнем Востоке, Северной Африке, включая настойчивый экспорт американской «сланцевой революции» в страны Европы, инерционно ориентирует многие страны на поиск альтернативных путей доставки энергоресурсов, особенно тех, чья экономика напрямую зависит от импортируемого энергосырья. Фактически такая тенденция существенно влияет на прежний расклад сил в отдельно взятом регионе

* *CHINDÎBALIUC Oleana* - Magistru în relații internaționale, doctorand, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); *KINDIBALYK Olyana* - Master of international relations, PhD student, scientific fellow, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); *КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна* - Магистр международных отношений, научный сотрудник, аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

энергетического пространства и заметно меняет географию экспортных потоков. Следовательно, новая схема маршрутов предопределяет и новых акторов на энергетическом рынке. Известный профессор, ведущий эксперт по энергетической проблематике Нина Дюлгерова, анализируя вопрос энергетической безопасности в свете последних событий, отметила в одной из своих работ: «трубопроводы, снабжающие Европу газом, продолжают быть актуальными особенно сейчас, когда у арабских стран из-за серьезных политических и социальных перемен, нет возможности поставлять нефть и газ». Конкретизируя предположения профессора, глава МЭА Ван дер Хуфен считает, что «российские газопроводы будут всегда востребованы в Европе».

РЕЗЮМЕ:

Трубопроводы как фактор геополитического влияния и инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте евразийского континентального блока с проекцией на газовую ось Париж-Берлин-Москва

Современные тенденции переструктуризации геополитического пространства в свете сильного влияния энергетического фактора таковы, что во многом трубопроводам предстоит предопределять контуры и климат его архитектуры. Напряженная обстановка в мире связанная с событиями на Ближнем Востоке, Северной Африке, включая настойчивый экспорт американской «сланцевой революции» в страны Европы, инерционно ориентирует многие страны на поиск альтернативных путей доставки энергоресурсов, особенно тех, чья экономика напрямую зависит от импортируемого энергосырья. Фактически такая тенденция существенно влияет на прежний расклад сил в отдельно взятом регионе энергетического пространства и заметно меняет географию экспортных потоков. Следовательно, новая схема маршрутов предопределяет и новых акторов на энергетическом рынке. Известный профессор, ведущий эксперт по энергетической проблематике Нина Дюлгерова, анализируя вопрос энергетической безопасности в свете последних событий, отметила в одной из своих работ: «трубопроводы, снабжающие Европу газом, продолжают быть актуальными особенно сейчас, когда у арабских стран из-за серьезных политических и социальных перемен, нет возможности поставлять нефть и газ». Конкретизируя предположения профессора, глава МЭА Ван дер Хуфен считает, что «российские газопроводы будут всегда востребованы в Европе».

Современные тенденции переструктуризации геополитического пространства в свете сильного влияния энергетического фактора таковы, что во многом трубопроводам предстоит предопределять контуры и климат его архитектуры. Напряженная обстановка в мире связанная с событиями на Ближнем Востоке, Северной Африке, включая настойчивый экспорт американской «сланцевой революции» в страны Европы, инерционно ориентирует многие страны на поиск альтернативных путей доставки энергоресурсов, особенно тех, чья экономика напрямую зависит от импортируемого энергосырья. Фактически такая тенденция существенно влияет на прежний расклад сил в отдельно взятом регионе энергетического пространства и заметно меняет географию экспортных потоков. Следовательно, новая схема маршрутов предопределяет и новых акторов на энергетическом рынке. Известный профессор, ведущий эксперт по

энергетической проблематике Нина Дюлгерова, анализируя вопрос энергетической безопасности в свете последних событий, отметила в одной из своих работ: «трубопроводы, снабжающие Европу газом, продолжают быть актуальными особенно сейчас, когда у арабских стран из-за серьезных политических и социальных перемен, нет возможности поставлять нефть и газ».¹ Конкретизируя предположения профессора, глава МЭА Ван дер Хуфен считает, что «российские газопроводы будут всегда востребованы в Европе».²

¹ Нина Дюлгерова. Болгария в газовой дихотомии: ЕС-Россия. [с. 16]. [On-line]: <http://nina-dulgerova.org/Statii/dihotomyRu.pdf>. (Дата посещения: 25.11.2012).

² Екатерина Дробинина. Старт строительству «Южного потока»: кому нужен газ. [On-line]: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2012/12/121206_southstream_start.shtml. (Дата посещения: 12.12.2012).

Изменения в газовом раскладе сил на европейском континенте, нужно сказать, существенные: заполнение технологическим газом первой нити «Северного потока» в начале сентября 2011 г. и начало строительства морского участка «Южного потока» разительно меняют облик газового рынка Европы. Фактически уже сегодня можно утверждать, что после сдачи в эксплуатацию первой нити «Северного потока» Балтийский регион стал превращаться в один из важных транзитных маршрутов для доставки российского газа в Зарубежную Европу. Запуская трубопровод на полную проектную мощность, Россия полностью компенсирует для себя поставки газа через Белоруссию, и частично - через Украину. Так, в 2012 г. транзит газа в Западную Европу через Украину уже был снижен на 23% по сравнению с 2011 г. Не иначе как Россия уходит от зависимости транзитных стран. В некотором смысле это важно и для самой Европы, однако в большей степени лишь в том, чтобы транзитный фактор не сбивал динамику поставок, что особенно актуально в зимний период времени. Фактически запускаемые трубопроводы планомерно усиливают влияние России в Европе, все сильнее привязывая к себе основы ее энергетической безопасности, давно заговорившие на языке энергетической зависимости.

В геополитическом смысле наблюдается переформатирование газоснабжения Европы, которое постепенно приобретает свои заметные очертания. С этой точки зрения 2015 г. - будем знаменательным. Планируется, что «Северный поток» заработает на полную мощность и производительность его возрастет до установленных 55 млрд. куб. м. газа (уже 8 октября 2012 г. вторая нитка газопровода начала перекачку части газа, который ранее поступал только по первой, таким образом, газ стал поступать по двум ниткам газопровода в коммерческом режиме.), а в декабре того же года начнется прокачка газа по первой нити «Южного потока».³ В 2019

г. объем газа поставляемый в Европу может выйти на уровень - 63 млрд. куб. м. Это означает, что газоснабжение будет осуществляться как минимум в шести государствах Европы, в их числе: Болгария, Сербия, Словения, Венгрия, Италия и Хорватия. Затем с территории Сербии будут построены ответвления или, так называемые, газопроводы-отводы, в Македонию, Боснию и Герцеговину, Хорватию. Тогда масштабные изменения газового расклада можно будет оценить совсем под другим углом зрения, делая особый акцент на процессе трансформации европейского газового рынка. При этом не следует упускать из виду появление среднеазиатских стран на европейском энергетическом рынке и усиление влияния Союза в Средней Азии и на Кавказе. Учитывая важность вопроса диверсификации путей поставок газа, которым вплотную занялась Европа, эту модель развития энергетической политики Евросоюза не следует совсем отбрасывать, поскольку ориентированность Европы на энергопроизводящий регион, серьезная. Тем более что мировой спрос на энергию еще больше усилит конкуренцию в этой части евразийской проекции и приведет к соперничеству за нефть и газ из среднеазиатского и кавказского регионов. Во многом тренд в сторону появления среднеазиатского газа на европейском рынке является мотивированным и необходимым и в этом отношении заинтересованность Евросоюза не является чем-то из ряда вон выходящим, скорее наоборот. С позиции жизненных интересов такой подход является небезоновательным, однако в мировой политике, особенно, когда речь идет о доступе к сырьевым ресурсам, не всегда обоснованность одерживает вверх над стремлением. В этом и нужно искать ответ на вопрос, почему так сильны препятствия сырьевых акторов в создании Транскаспийского газопровода. Планируемый газопровод должен пройти по дну Каспийского моря от туркменского Туркменбаши до Сангачала, где соединится с уже существующим газопроводом, ведущим в Эрзерум, который как планировалось ранее,

³ Официальный сайт проекта «Южный поток». [Online]: <http://www.south-stream.info/press/news/novost/gazprom-i-bolgarija->

[podpisali-okonchatelnoe-investi/](http://www.south-stream.info/press/news/novost/gazprom-i-bolgarija-podpisali-okonchatelnoe-investi/). (Дата посещения: 25.11.2012).

был бы подсоединен к газопроводу Набукко (на тот момент Набукко рассматривался как вполне реальный проект), так до сих пор и не был реализован. Поэтому вероятность появления среднеазиатских энергоносителей на рынке Европы останется вопросом весьма отдаленного будущего. Другой проект газопровода по доставке азиатского газа в Европу в обход России ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Индия, Пакистан), или иначе, южное направление маршрута также подвержен затяжным «циклонам».

В любом случае, внешнеполитическая ориентация на Азию, Кавказ только усилится и здесь, учитывая истощение ресурсов в некоторых энергоносных регионах мира и открытие прогнозируемых месторождений в Центральной Азии, следует ожидать еще большего витка нарастающей конкуренции со стороны США, а также Китая и России.

Судя по всему, Центральна Азия обречена стать фокусом геоэнергетического соперничества и, на это ее толкает выигрышное географическое положение. Регион, расположенный на стыке быстроразвивающихся стран и регионов, получает возможность развивать маршруты по транспортировке энергоносителей одновременно по четырем направлениям: в восточном, западном, северном и южном. В этом контексте преимущества России и Китая в регионе пока более сильны, чем у Евросоюза. Например, оба актора имеют культурные, исторические и торговые связи с несколькими государствами Средней Азии и кавказского региона. Более того у Китая есть общие границы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также необходимые финансовые ресурсы на разработку углеводородных месторождений. По этому показателю Россия существенно уступает Китаю. Однако обоих объединяет общее отношение к американской гегемонии, которое стороны не приемлют, а также идея создания многополярного мира. Между тем, как в очередной раз подтвердили последние события в Сирии - Москва и Пекин, выражают общую озабоченность по соблюдению принципа суверенитета и невмешательства.

И поскольку присутствие в регионе во многом затрагивает каспийские нефтегазовые месторождения, то, как раз позиция и роль России по этому вопросу будет решающей. Более того в регионе наблюдается присутствие еще одного внешнего актора, а именно НАТО, открыто поддерживающего проекты строительства трубопроводов из Центральной Азии в Европу, минуя российскую территорию. Планы Евросоюза на реализацию «Набукко» и Транскаспийского трубопровода во многом подтвердили несостоятельности этих проектов как раз из-за не урегулированного статуса Каспия. Именно эти два трубопровода изначально рассматривались в качестве единого большого мега-трубопроводного проекта Южный газовый коридор, который вплотную лоббируют США и ЕС. В этой связи будет как раз кстати напомнить частое упоминание послом США в Азербайджане Ричардом Морнингстаром в своих выступлениях о необходимости и важности создания Транскаспийского трубопровода, указывая на то, что США в любое время готовы поддерживать реализацию данной идеи.⁴

Это еще раз указывает на то, что евразийское континентальное пространство, находящееся в фокусе реформирования газово-геополитической карты, развивается с серьезной заявкой на геостратегический потенциал. С объективной точки зрения кому, как не трубопроводам, являющимся выразителем интересов нефтегазовых компаний, а также государств, не играть основную роль в реформировании энергетического рынка Европы.

Тот факт, что «Северный поток» включен в список трансъевропейских сетей (TEN - Trans European Network) Европейского союза говорит о важности данного проекта. Следует признать, что именно благодаря нажиму Германии, в 2000 г. Еврокомиссия согласилась закрепить за данным проектом статус трансъевропейского. Для России это важно, поскольку к проекту, имеющему такой статус не применяются положения Третьего

⁴ Mu Xuequan. U.S. support Trans-Caspian gas pipeline project. In: *English.news.cn*. 09 November 2012. [On-line]: http://news.xinhuanet.com/english/world/2012-09/11/c_123697520.htm. (Дата посещения: 11.12.2012).

энергопакета, по которому у Москвы и Брюсселя имеются серьезные разногласия. Пакет должен вступить в силу с марта 2013 г. Отметим, что на сегодня помимо «Северного потока» такой статус имеет газопровод Ямал-Европа, а также находящийся под сомнением, еще тогда не сокращенный вариант «Набукко».

С практической точки зрения, анализ наблюдаемых изменений, не без оснований приводит нас к выводу, что создание трубопроводных маршрутов является не только инструментом диверсификации странами своих поставщиков, потребителей и транзитеров, но и новой парадигмой разделения геополитических сфер влияния. В одной из своих работ Рафаэль Кандийоти, известный исследователь Имперского колледжа Лондона и автор работ по трубопроводной проблематике пишет: «трубопроводы в первую очередь описывают аспекты глобальной борьбы за ископаемые виды топлива и попытки осуществлять такой контроль над их транспортировкой».⁵ □

Основная цель данного параграфа раскрыть роль трубопроводов, преимущественно, газового содержания с позиции бинарного подхода: как геополитического фактора упрочения влияния и инструмента обеспечения национальной безопасности. В этой связи анализ основных акцентов в диалоге между акторами, участвующими в реализации трубопроводных проектов, будет немаловажным. Такой подход к означенной проблематике мы постараемся представить на примере трубопроводных маршрутов, участвующих в формировании региональной трубопроводной архитектуры, основные заделы которой - помогают снабжать Европу энергоресурсами и, которая на наш взгляд потенциально активно проявляет себя в последнее время. Этот вопрос очень тесно переплетается с вопросом национальной безопасности, можно сказать, что вопрос национальной безопасности здесь первичен, а высокая зависимость от внешнего снабжения – вторична.

В этой связи достижение государствами внешнеполитических целей в сфере энергетики и компромисса между нефтегазовыми компаниями, участвующими в реализации трубопроводных проектов, помогает поддерживать систему национальной безопасности на необходимом уровне. Хотя нужно отметить, что не всегда такие попытки увенчиваются успехом, что связано с неумением определенных структур просчитывать вероятные риски и вызовы, связанные с угрозой национальным интересам, в общем, и энергоресурсным, в частности. По сути, и сама тенденция «вмешательства» государств в деятельность нефтегазовых компаний, отмечаемая в последние несколько лет, как раз и является инструментом первых повлиять на обеспечение безопасности вторых. Поэтому неслучайно, на наш взгляд, в диалоге с нефтегазовыми компаниями, государства так упорно настаивают на том, чтобы первые, при разработке своих корпоративных стратегий, обязательно учитывали их национальные интересы.

Примечательно в этой связи, что 84,66 % одной из крупнейших электроэнергетических компаний мира Gaz de France (GdF) принадлежит французскому правительству.

В этом контексте следует особо выделить стратегию Еврокомиссии повлиять на развитие энергетических отношений с внешними партнерами (транс – или национальными энергокомпаниями). В этих целях, 7 сентября 2011 г. был принят документ, позволяющий Комиссии выступать в роли координатора развития энергетических отношений. Так, каждая страна обязана информировать Еврокомиссию о ведении переговоров перед заключением энергетических контрактов.

Другим наглядным примером может служить китайская «большая тройка», образованная еще в 80-х гг. прошлого века и представляющая собой три крупные нефтегазовые компании, владельцем которых по-прежнему выступает правительство страны. Это: CNPC, контролирующая север и юго-запад Китая, Sinorec, обеспечивающая контроль разработок, ведущихся в море и CNOOC, контролирующая восточную и юго-восточную часть страны, на которой ведутся

⁵ Rafael Kandiyoti. Pipelines: flowing oil and crude politics. London; New York: I.B. Tauris, 2008, p. xxiii. [xxiv + 285 p.]

разработки. Такой подход Китая к проблеме энергоресурсного обеспечения как раз и является свидетельством столь не легкомысленного подхода к своим нефтегазовым компаниям. Доля китайских компаний в разработке трубопроводных проектов высока, что, по сути, и помогает стране осуществлять свою многовекторную энергетическую стратегию. И в этой связи абсолютно состоятелен аргумент о том, что трубопроводы - это всегда конкуренция схем и маршрутов.

В пространственно-географическом смысле трубопроводы всегда расширяют географию поставок, динамизируют геополитическое пространство, через которое они проходят, всегда концентрируют вокруг себя трубопроводные альянсы. Следовательно, трубопроводный вопрос - это всегда переплетение различных, подчас, противоположных друг другу энергетических стратегий и политик, и как результат - создание напряженности на энергетическом рынке. Поэтому не будет преувеличением отметить, что территории (их наземная или морская часть), через которые проходят трубопроводы, приобретают в международных отношениях другой смысл, значительно отличный от традиционного понимания территории как пространства, окаймленного границами. Трубопровод превращает территорию в стратегически важный элемент отдельно взятого геополитического пространства. Что, по мнению известного российского эксперта в области энергетики Шафраника Ю.К. «довольно четко очерчивает новую стратификацию в геополитической мозаике планеты».⁶

В широком спектре «ансамбль» таких территорий является отражением будущей модели выстраивания энергетических отношений, со своими характерными осями. Именно им предстоит задавать основной тон их развитию и балансировать между интересами вовлеченных и заинтересованных сторон. Таким образом, усиление трубопроводных тенденций газового или

нефтяного характера в отдельно взятом сегменте геопроостранственного массива объективно будет способствовать оживлению процессов в этой части мира и сосредотачивать вокруг себя альянсы, с различной степенью доминирования в их среде - позиций внешних сил.

Сегодняшнее соперничество энергетических трубопроводных проектов, разворачивающееся между Россией как поставщиком энергоносителей и Евросоюзом как их основным покупателем, является серьезной площадкой, испытывающей на прочность энергетические стратегии двух сторон. Взаимный интерес двух акторов предопределен географией: Россия располагает огромными запасами первичных энергоносителей и по добыче нефти и газа входит в группу мировых лидеров. Уже сегодня более 90% экспортируемых российских энергоносителей приходится на страны Европейского союза. Союз в свою очередь располагает выгодным, с позиции доступа к энергоресурсам, географическим положением. Он довольно близко расположен к энергетически сильным акторам и это позволяет согласиться с некоторыми данными. Например, что примерно 78,1% мировых запасов нефти сосредоточено вблизи Союза: из них - 4% приходится на Каспийский регион, 11% - на Иран, 50,1% - Ближний Восток (без Ирана), 6,6% - Россию.⁷ Причем как раз Россия в общей сумме поставляет в Европу - 30% газа и 25% нефти.

Опираясь на данные показатели и напряженную обстановку в мире, связанную с последними событиями в мире, следует предположить, что в долгосрочной перспективе обеспечение газом Европы возьмут на себя три страны, а именно: Россия, Иран и Катар. В случае Европы, а точнее Евросоюза многое будет зависеть от подхода Союза к трубопроводному вопросу и энергетической политике.

⁶ Шафраник Ю.К. Энергетика и геополитика. В: *Международная жизнь*. Ноябрь 2012. [On-line]: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=769>. (Дата посещения: 11.11.2012).

⁷ British Petroleum. 2007, p. 6. [On-line]: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2008/STAGING/local_assets/downloads/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_review_2008.pdf. (Дата посещения: 11.12.2012).

Так, если в случае Брюсселя трудно говорить о существовании единой энергетической стратегии (хотя с некоторыми оговорками, поскольку единая стратегия ЕС была окончательно оформлена в 2007 г. с принятием документа «Энергетическая политика для Европы») в силу того факта, что в ЕС по-прежнему национальные интересы государств-членов доминируют над общеевропейскими и, в связи с этим, государства продолжают самостоятельно реализовать свои энергетические проекты (особенно, Германия), то в случае России, имеющей консолидированную позицию по данному вопросу, подобной тенденции не наблюдается.

В этом отношении энергетическая модель трубопроводных отношений, выстраиваемая между Москвой и Брюсселем, чаще всего напоминает нам состояние *перманентно спадающей и нарастающей напряженности*. Расхождения наблюдаются не только по вопросам третьего энергетического пакета, который запрещает поставщикам осуществлять контроль над транспортной инфраструктурой, используемой для доставки газа,⁸ но и по другим направлениям. В частности: схемы ценообразования и географического аспекта диверсификации трубопроводных маршрутов. По существу, эти три существенных, в широком смысле, расхождения, обуславливают разный подход, и разный набор инструментов двух субъектов к обеспечению своих жизненно важных интересов на международной арене. Все это, на наш взгляд, ставит акторов перед неотвратимой и безотлагательной реальностью – лавировать и маневрировать, стараясь смягчать чувствительно острые амбиции внерегиональных сил. Что по существу достаточно трудно достичь, зная наизусть подход Запада к трубопроводной проблематике и связанное с ним желание – не допустить создания какого-либо сотрудничества между газодобывающими странами. Верность этого тезиса подтверждается тем фактом, что в конце

апреля 2007 г. Комитет по юридическим вопросам Сената США единогласно принял законопроект, запрещающий зарубежным государствам и госкомпаниям создавать картельные организации по типу ОПЕК. Важно то, что законопроект был одобрен Палатой представителей в пропорции - 345 голосов «за» и 72 «против».⁹ По сути это никак не идет в противовес нашим представлениям о том, что в среде правящего класса США до сих пор сохраняется большинство, которое мыслит терминами и категориями целой эпохи, которую Бернард Барух назвал в свое время «холодной войной»¹⁰ - действовать на подавление своего противника.

Как правило, мышление сторон геозенергетическими императивами неминуемо ведет к столкновению их интересов и конкуренции. Аддитивный эффект такого столкновения выталкивает наружу основной подтекст их геополитических ориентиров. О чем говорит идея реализации масштабного трубопроводного проекта «Южный коридор», в поддержку которого открыто выступают американские правящие круги. По сути, проект, нацеленный на транспортировку газа из Центральной Азии и Каспия, минуя российскую территорию,¹¹ неспроста имеет собирательное начало, поскольку концентрирует внутри себя сумму трубопроводных проектов: газопровод «Набукко» отныне его укороченный вариант «Набукко Вест», Трансадриатический газопровод (ТАР), «Белый поток», а также ITGI (газопровод Турция-Греция-Италия). Можно всерьез усомниться в реализации этого масштабного проекта в ближайшее время, поскольку без каспийского газа это сделать невозможно. И в этом смысле

⁸ Melissa Akin, Vladimir Soldatkin. EU, Russia say third package conflict can be solved. [On-line]: <http://www.reuters.com/article/2011/12/01/russia-eu-idUSL5E7N12NY20111201>. (Дата посещения: 11.11.2012).

⁹ Raymond J. Leary. NOPEC (No Oil Producing and Exporting Cartels Act): A Presidential Issue and a Test of Political Integrity. In: Huff Post Politics. October 9, 2012. [On-line]: http://www.huffingtonpost.com/raymond-j-leary/nopec-no-oil-producing-an_b_1869803.html. (Дата посещения: 09.10.2012).

¹⁰ Alan Axelrod. The Real History of the Cold War: A New Look at the Past. New York: Sterling, 2009, p. 89. [xi + 451 p.]

¹¹ Hillary Clinton backs Southern Gas Corridor. In: The Voice of Russia. October 19, 2012. [On line]: http://english.ruvr.ru/2012_10_19/Hillary-Clinton-backs-Southern-Gas-Corridor/. (Дата посещения: 19.10.2012).

неразрешенный международно-правовой статус Каспия существенно отдаляет планы Запада на его осуществление.

В энергодиалоге между Брюсселем и Вашингтоном все заметнее и часто превалирует вашингтонское давление, в особенности, что касается схемы «заземления» диверсификационных энергопроектов. Это постоянно сигнализирует о присутствии в ее среде силового влияния на страны, так называемой «новой Европы». Страны Балтии, Польша, Чехия, наглядно выступавшие против трубопровода «Северный поток», заботясь больше всего о своих необоснованных политических амбициях, нежели об энергетической безопасности, в конце концов, проиграли от того, что не выступили транзитной стороной данного проекта. Объективно, страны лишились существенной части транзитных платежей. А в случае со Словакией, это обернулось еще и большим ударом по безопасности государства. В сложившейся ситуации перед государством встает проблема неопределенности газовых поставок через Украину, зависимость от России, которой только возрастает. К тому же, заметим, что страна от потери своего транзитного статуса лишается примерно 15% транзита и уже к 2013 г. потеря на платежах за транзит составила примерно 174 млн. долларов. Более того, страна фактически лишена новых альтернативных источников и новых соединений, которых, важно заметить, у Словакии совсем нет. На языке безопасности это говорит не только о реальных рисках, но и угрозах в ее адрес. Запланированное открытие соединения с Венгрией произойдет только в 2015 г., а вопрос энергетической безопасности - это всегда вопрос настоящего, от которого будет зависеть совсем неотдаленное будущее.

Анализируя энергетическое положение стран-членов ЕС, выступавших с позицией «contra» в строительстве «Северного потока» после запуска первой нити трубопровода, можно отметить, что в обозначенном круге стран одна лишь Чехия находится в более и менее выигрышном положении, поскольку с «Северным потоком» страна будет связана через существующий газопровод «Газела». Однако, что касается транзитных потерь, то

они существенны, поскольку Чехия теряет примерно 2/3 транзитных платежей.

Относительно Польши, на наш взгляд, можно всерьез усомниться в том, что страна укрепила свой энергетический статус, отказавшись от своего ключевого транзитного положения в трубопроводной системе потока, который уже сегодня привел к подорожанию энергии над Вислой. Хотя страна ускорила строительство газового терминала в порту Свиноуйсьце, который планируется завершить в 2014 г., и активно приступила к работе над атомной программой, предусматривающей строительство двух АЭС к 2020 г., но объективные сомнения насчет газовой неустойчивости страны все-таки имеются. В действительности же, сегодня позиции «зеленых» в ЕС, как никогда сильны, поэтому заявка страны за счет добычи сланцевого газа, сопровождающейся большими экологическими рисками, поднять уровень своей защищенности и с запуском АЭС решить энергетические проблемы, кажутся нам преувеличенными. Об обоснованности выдвинутых суждений свидетельствует тот факт, что существующие экологические требования Союза уже вынуждают Польшу внести ограничения на добычу угля, который, кстати, обеспечивает более 90% производства электроэнергии.¹² Между тем, атомная энергия ни в обозримом будущем, ни в долгосрочной перспективе не сможет стать альтернативой газу и трагедия на «Фукусима» четко указала на это, обозначив ориентацию Союза на постепенный отказ от АЭС. А вопрос со сланцевым газом, точнее его запасов, рентабельности и добычи не до конца ясен. Так, ExxonMobil, отказавшись в 2012 г. от добычи сланцевого газа в Польше, которая, заметим, как раз и считается страной с самыми богатыми запасами сланцевого газа в Европе, сослалась на недостаточную рентабельность этого вида топлива. К тому

¹² Milton Catelin. Coal and Europe's environment policy. In: Coal: a pillar of Europe's future. News Letter No. 7 provided by EUCERS (European Center for Energy and Resource Security). October 2011, p. 1. [17 p.] [On-line]: <http://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/warstudies/research/groups/eucers/newsletter7.pdf>. (Дата посещения: 11.12.2012).

же, ряд стран, таких как Франция,¹³ Болгария¹⁴ законодательно закрепили отказ от добычи сланцевого газа.

Можно расценивать подорожание электроэнергии в Польше, как возможность для Украины и Беларуси за счет сложившегося положения на внутреннем энергетическом рынке страны, повлиять на свою энергетическую уязвимость. Поскольку не исключено, что подорожание энергии в Польше будет толкать инвесторов искать альтернативу размещению промышленного производства на территории соседних стран, как раз Украины и Беларуси.

Разумеется, оценка объективно сложившейся ситуации с запуском трубопровода и отказом некоторых стран решить за счет своего транзитного статуса серьезные проблемы энергетической безопасности заставляет нас окунуться в теорию, зафиксировав при этом одно из важных положений. Основной задачей каждого сегмента, т.е. государства, компании, участвующих в разработке экспортных трубопроводов должно стать - умение просчитывать все риски связанные с проведением прагматичной диверсифицированной энергетической политики, что, по сути, неизбежно становится главным в вопросе обеспечения национальной безопасности.

Сегодня в отношении одного из сегментов евразийского континентального пространства, а точнее оси Москва-Брюссель, нами наблюдается следующая картина - более 20% нефти и более 40% импортируемого газа – это преимущественно энергоносители российского происхождения. Россия, занимающая стратегически выгодное геополитическое положение в Евразии,

¹³ Marie-Béatrice Baudet. „Pro” et „anti” continuent de s'affronter en France. Dans: Le Monde. 07 Février 2012. [On-line]: http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1182100&xtmc=la_france_et_la_bulgarie_le_gaz_de_schiste&xtr=2. (Дата посещения: 11.12.2012).

¹⁴ Mirel Bran. La Bulgarie dit non aux gaz de schiste. Dans: Le Monde. 07 Février 2012. [On-line]: http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1182097&xtmc=la_france_et_la_bulgarie_le_gaz_de_schiste&xtr=3. (Дата посещения: 11.12.2012).

приобретает совершенно другой вес в общей системе трубопроводного пространства. Это бесспорно геополитически значимая и интегрируемая часть энергетического пространства. Во многом такое положение позволяет ответить на вопрос, почему создание «газового ОПЕК» (официальное название - Форум стран - экспортеров газа (ФСЭГ) в 2008 г. так негативно было воспринято США и Евросоюзом.¹⁵ Более того, напомним, что США ответили на такой шаг принятием специальной резолюцией, в которой квалифицировали создание «газовой ОПЕК» как «угрозу национальной безопасности США». Разумеется, существование такого форума сближает Россию с Ираном и странами Персидского залива, но в то же время существенно расшатывает позиции США на Ближнем Востоке.

Вместе с тем, возвращаясь к анализу трубопроводной политики евразийской континентальной проекции, отметим важность существования газовой оси Париж-Берлин-Москва, которая по-новому актуализирует вопрос геополитического характера энергетической безопасности и выносит за скобки давление, оказываемое атлантической геополитикой.

Во-первых, хотелось бы подчеркнуть реальность существования вышеупомянутой оси, состоятельность и существование которой во многом подтвердили последние газовые проекты современности, а точнее «Северный поток» и «Южный поток».

Во-вторых, создание этой оси было продиктовано географической необходимостью, поскольку каждая из представленных стран является главной движущей силой в своем, отведенном ей географией, геополитическом пространстве: Франция - на западе и юге Европы, Германия - в центре и на востоке, Россия - на самом востоке Европы, на Кавказе и в Средней Азии. Исходя из этого, вполне естественно, что франко-германско-российский газовый альянс обозначил четкий тренд на свое

¹⁵ Patrick Goodenough. Ahead With Proposed Natural Gas Cartel. July 7, 2008. [On-line]: <http://cnsnews.com/news/article/iran-presses-ahead-proposed-natural-gas-cartel>. (Дата посещения: 11.12.2012).

существование. По мнению неоконсерватора Джона Халсмана каждая страна в отдельности, составляющая ось, потенциально обладает всеми атрибутами великой державы, «способной стать противовесом США на глобальном уровне: Франция может предложить свои политические и идеологические инициативы, Германия - экономическую мощь, а Россия - военные возможности».¹⁶

В газовой сфере начало строительства «Северного потока», проходящего по дну Балтийского моря, минуя какие-либо другие страны и «Южного потока», являющегося его дополнением, стало возможным как раз благодаря сильным позициям Берлина и Парижа в Союзе, сумевших протолкнуть решение о необходимом их строительстве. И нужно отметить, что Евросоюз практически до осени 2011 г., не оставлял надежды на укрепление «Набукко» и намеревался заблокировать конкурирующий с ним «Южный поток», строительство которого началось 7 декабря 2012 г.

Газопровод «Южный поток» мощностью 30 млрд. куб. м. газа в год берет свое начало в российской Анапе проходит по дну Черного моря (через территориальные воды Турции) в Болгарию. Следующие точки маршрута: газопровод через Сербию, Венгрию, Словению выйдет на границу Италии, также из Венгрии в Австрию; затем планируются ответвления в Македонию, Боснию и Герцеговину, Хорватию. Конечным пунктом сухопутного маршрута газопровода выбран город Тарвизио на севере Италии, а не австрийский Баумгартен, как было изначально запланировано.

Теперь обратимся к операторам данного проекта, поскольку это важно для того, чтобы понять конфигурацию сил в трубопроводном раскладе, который охватывает зону акватории Черного моря и страны Южной и Центральной Европы. 16 сентября 2011 г. руководители «Газпрома», ENI (Италия), BASF (Германия) и EDF (Франция)

подписали соглашение о совместной реализации морского участка проекта. Доля участия сторон следующая: ОАО «Газпром» - 50%, итальянская ENI - 20%, немецкая компания Wintershall и французская EDF - по 15%.¹⁷ Не иначе как отныне Еврокомиссии придется конкурировать с главами трех ведущих стран ЕС: Германии, Франции и Италии. Основные показатели по «Северному потоку», следующие: протяженность газопровода составляет свыше 1,2 тыс. км. Проект реализуется совместным российско-немецким предприятием Nord Stream AG, которое представляют: «Газпром», немецкие Wintershall и E.ON, нидерландская Gasunie и французская GDF Suez.

Данные проекты представляют огромную важность не только для Германии и Франции, но и для всей Европы. Экономика Германии, ровно, как и экономика Франции нуждается в энергоресурсах, которые страны в большинстве своем, вынуждены импортировать. Так, например, более чем за 35 лет во Францию было поставлено около 325 млрд. куб. м. природного газа российского происхождения. В 2011 г. экспорт составил 9,53 млрд. куб. м. Следовательно, является более чем оправданным интерес обеих стран к разработке новых месторождений на территории стран, не испытывающих недостаток в энергоресурсах, а также вложении инвестиций в их освоение. Так, например французский Total и российский «Новатэк» вместе строят второй в России завод СПГ. Пока в России имеется только один завод СПГ; сюда поступает газ с месторождения Сахалин-2. EDF Франции стремится обеспечить гарантированные поставки газа, участвуя во многих совместных с «Газпромом» трубопроводных проектах, основным из которых является «Южный поток». Напомним, что первые поставки газа планируется осуществить в конце 2015 г., в то время как на полную мощность газопровод может выйти к 2019 г. Согласно проекту «Газпрома» пропускная мощность трубопровода должна составить 63

¹⁶ John Hulsman. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance. August 28, 2003. [On-line]: <http://www.heritage.org/research/reports/2003/08/cherry-picking-preventing-the-emergence-of-a-permanent-franco-german-russian-alliance>. (Дата посещения: 03.12.2012).

¹⁷ [On-line]: <http://www.south-stream.info/partners/france/>. (Дата посещения: 12.12.2012).

млрд. куб. м. напомним, что этот показатель превышает мощность «Северного потока».

Лоббирование «Северного потока» Берлином в целях обеспечения бесперебойных поставок газа, равновесие которого было нарушено в 2009 г., априори не могло не ощутить на себе сопротивление со стороны других акторов. В этой связи будет кстати вспомнить события 17 марта 2009 г., когда в Европейском союзе было принято решение об исключении «Набукко» из списка приоритетных задач Союза по причине его не эффективности. Тогда под давлением США и правительств стран Центральной и Восточной Европы, а также заявления польского министра по делам ЕС Миколая Довгелевича, «Набукко» вновь был включен в орбиту приоритетных задач. Между тем наибольшее сопротивление такому решению оказывали именно власти Германии, выступившие против его целесообразности. К тому же будет не лишним напомнить, что когда эксперты по «Северному потоку» вплотную занялись прогнозированием ситуации по его строительству, выдвигая предположения, что появление первого положительного решения по его строительству возможно последует со стороны Эстонии, тогда позиция Берлина по данному вопросу оказалась наиболее твердой. Ведь, по сути, именно Берлин выступил официальным посредником по данному трубопроводу. В июле министр иностранных дел Германии Франк Вальтер Штайнмайер посетил Талин и официально выступил перед странами-членами Евросоюза с требованием о выработке консолидированной позиции в отношении России по «Северному потоку». Нужно сказать, что это не единственные примеры, демонстрирующие заинтересованность Берлина в проекте, который проходит через акваторию Балтийского моря от российской бухты Портовая до побережья Германии в районе Грайфсвальда, и указывающие на газовый отрезок одной единой газовой оси Париж-Берлин-Москва.

Несмотря на то, что «Северный поток» является проектом частных компаний, и пропорциональная прибыль будет носить тоже частный характер, благословение

правительств, представленных в проекте стран, было обоюдным.

Соображения относительно взаимной заинтересованности и близости внешнеполитических позиций сторон в энергетической политике не отгнаны сомнениями. Обращает на себя внимание и настроенность Берлина отстаивать право на существование такой оси в отношении с Вашингтоном. В этом контексте стоит вспомнить реакцию страны на заявление посла США в Хельсинке Майкла Вуда в шведской газете *Swenska Dagebladet* 10 сентября 2008 г., в котором посол призвал власти Швеции не соглашаться на строительство российско-германского трубопровода, поскольку «Северный поток» является не более чем результатом специального соглашения между Россией и Германией. Тогда глава МИДа ФРГ Вальтер Штайнмайер, немедленно среагировав на такое заявление, выступил с официальным протестом в адрес американского посольства. Развивая суждения в таком русле, очень важно отметить, что противостояние такого рода явилось первой конфронтацией Берлина с Вашингтоном, предметом которого выступил трубопроводный вопрос.

Энергозависимая экономика Германии на самом деле сильно нуждается в «Северном потоке». Германия, выступающая в роли классического проводника множества решений в Европейском союзе, изначально ориентировалась на энергоносители из России. Она, по сути, и стала первым покупателем газа российского происхождения в Западной Европе, вскоре превратившись в его крупнейшего потребителя. Согласно предварительным подсчетам реализация «Северного потока» позволит обеспечить газом промышленность и население Германии сроком на 50 – 70 лет. И сути ради, важно отметить, что идея данного трубопровода была в свое время до мельчайших деталей проработана самим канцлером Германии Герхардом Шредером, и именно он вился первым прародителем российской газовой доктрины в Европе в начале XXI в.

Фактически такой шаг в сторону усиления трубопроводных позиций России на европейском рынке не мог остаться не

замеченным и в академических кругах. Что позволило известному профессору Йельского университета США Иммануилу Валерштайну, анализирующему существующую конфигурацию сил, на мировой арене подтвердить реальность существования геополитической оси Париж-Берлин-Москва.¹⁸ По мнению известного франкоязычного египетского политолога Самира Амина, одного из теоретиков неомарксизма и основоположника мир-системного подхода, данная ось, будучи реальной альтернативой атлантическому сосредоточению геополитической силы, могла бы стать надежной опорой для европейской системы независимой от Вашингтона.¹⁹

Нужно признать, что расширение Европейского союза естественным образом сместило Германию к географическому центру ЕС и усилило геополитические позиции страны на европейском континенте. Берлин является одним из важнейших союзников Москвы в Евросоюзе и в стране по-прежнему сильна давняя традиция о роли России в развитии Германии. Сама специфика выстраивания двухсторонних отношений с Москвой довольно индивидуальная. Внешнеполитические взаимоотношения между двумя государствами наглядным образом развиваются в русле личных контактов и особых интересов, в первую очередь, экономических. Анализируя место России в данной геополитической цепочке, профессор Женевского центра политики безопасности и преподаватель Академии ОБСЕ Грэма Херд, считает, время трансатлантической травмы 2002 - 2003 гг. стало знаковым для страны. Тогда Россия стала играть роль ключевого европейского голоса, а также ведущую роль в

рамках единой оси Париж-Берлин-Москва в противовес военной интервенции минувшей резолюции ООН.²⁰

Местоположение Парижа в энергетической оси можно рассматривать в качестве позитивного и долгожданного фактора международных интеграционных процессов усиливающих общеевропейский диалог, простирающийся на 14 часовых поясов.

Появление GdF в «Южном потоке» сопровождалось отказом компании от участия в конкурирующем по отношению к данному трубопроводу, газопровода «Набукко», который протянулся бы из Средней Азии в Западную Европу и доставлял газ с прикаспийских месторождений в Европу через южный Кавказ и Турцию.

Таким образом, трехсторонний энергетический союз, сводимый не только к взаимовыгодному энергетическому сотрудничеству и, как следствие потоку серьезных инвестиционных массивов, исполняет роль важного геополитического фактора трубопроводной политики.

Литература:

1. Alan Axelrod. The Real History of the Cold War: A New Look at the Past. New York: Sterling, 2009. [xi + 451 p.]

2. British Petroleum. 2007, p. 6. [On-line]: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2008/STAGING/local_assets/downloads/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_review_2008.pdf. (Дата посещения: 11.12.2012).

3. European security in a global context: internal and external dynamics. Ed. by Thierry Tardy; Geneva Centre for Security Policy. London; New York: Routledge, 2009. xx + 236 p.

4. Graeme P. Herd. Europe and Russia. From strategic dissonance to strategic divorce? In: European security in a global context: internal and external dynamics. Ed. by Thierry Tardy; Geneva Centre for

¹⁸ Immanuel Wallerstein. Le retour de l'axe Paris-Berlin-Moscou. Commentaire n° 317. 15 Novembre 2011. [On-line]: <http://www2.binghamton.edu/fbc/commentaries/archive-2011/317fr.htm>. (Дата посещения: 17.12.2012).

¹⁹ Samir Amir. The geopolitics of the new collective imperialism of the Triad: The Middle East, the EU, and US imperialism. In: The European's burden: global imperialism in EU expansion. Ed. by Salvatore Engel-Di Mauro. New York: Peter Lang, 2006, p. 75. [p. 71 - 96] - The European's burden: global imperialism in EU expansion. Ed. by Salvatore Engel-Di Mauro. New York: Peter Lang, 2006. viii + 256 p.

²⁰ Graeme P. Herd. Europe and Russia. From strategic dissonance to strategic divorce? In: European security in a global context: internal and external dynamics. Ed. by Thierry Tardy; Geneva Centre for Security Policy. London; New York: Routledge, 2009, p. 93. [p. 93 - 112] - European security in a global context: internal and external dynamics. Ed. by Thierry Tardy; Geneva Centre for Security Policy. London; New York: Routledge, 2009. xx + 236 p.

Security Policy. London; New York: Routledge, 2009, p. 93 – 112.

5. Hillary Clinton backs Southern Gas Corridor. In: The Voice of Russia. October 19, 2012. [On-line]: http://english.ruvr.ru/2012_10_19/Hillary-Clinton-backs-Southern-Gas-Corridor/. (Дата посещения: 19.10.2012).

6. Immanuel Wallerstein. Le retour de l'axe Paris-Berlin-Moscou. Commentaire n° 317. 15 Novembre 2011. [On-line]: <http://www2.binghamton.edu/fbc/commentaries/archi-ve-2011/317fr.htm>. (Дата посещения: 17.12.2012).

7. John Hulsman. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance. August 28, 2003. [On-line]: <http://www.heritage.org/research/reports/2003/08/cherry-picking-preventing-the-emergence-of-a-permanent-franco-german-russian-alliance>. (Дата посещения: 03.12.2012).

8. Marie-Béatrice Baudet. „Pro” et „anti” continuent de s'affronter en France. Dans: Le Monde. 07 Février 2012. [On-line]: http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1182100&xtmc=la_france_et_la_bulgarie_le_gaz_de_schiste&xtrc=2. (Дата посещения: 11.12.2012).

9. Melissa Akin, Vladimir Soldatkin. EU, Russia say third package conflict can be solved. [On-line]: <http://www.reuters.com/article/2011/12/01/russia-eu-idUSL5E7N12NY20111201>. (Дата посещения: 11.11.2012).

10. Milton Catelin. Coal and Europe's environment policy. In: Coal: a pillar of Europe's future. News Letter No. 7 provided by EUCERS (European Center for Energy and Resource Security). October 2011. 17 p. [On-line]: <http://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/warstudies/research/groups/eucers/newsletter7.pdf>. (Дата посещения: 11.12.2012).

11. Mirel Bran. La Bulgarie dit non aux gaz de schiste. Dans: Le Monde. 07 Février 2012. [On-line]: http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1182097&xtmc=la_france_et_la_bulgarie_le_gaz_de_schiste&xtrc=3. (Дата посещения: 11.12.2012).

12. Mu Xuequan. U.S. support Trans-Caspian gas pipeline project. In: English.news.cn. 09 November 2012. [On-line]: http://news.xinhuanet.com/english/world/2012-09/11/c_123697520.htm. (Дата посещения: 11.12.2012).

13. Patrick Goodenough. Ahead With Proposed Natural Gas Cartel. July 7, 2008. [On-line]: <http://cnsnews.com/news/article/iran-presses-ahead-proposed-natural-gas-cartel>. (Дата посещения: 11.12.2012).

14. Rafael Kandiyoti. Pipelines: flowing oil and crude politics. London; New York: I.B. Tauris, 2008. xxiv + 285 p.

15. Raymond J. Leary. NOPEC ('No Oil Producing and Exporting Cartels Act'): A Presidential Issue and a Test of Political Integrity. In: Huff Post Politics. October 9, 2012. [On-line]: http://www.huffingtonpost.com/raymond-j-leary/nopec-no-oil-producing-an_b_1869803.html. (Дата посещения: 09.10.2012).

16. Samir Amir. The geopolitics of the new collective imperialism of the Triad: The Middle East, the EU, and US imperialism. In: The European's burden: global imperialism in EU expansion. Ed. by Salvatore Engel-Di Mauro. New York: Peter Lang, 2006, p. 71 – 96.

17. The European's burden: global imperialism in EU expansion. Ed. by Salvatore Engel-Di Mauro. New York: Peter Lang, 2006. viii + 256 p.

18. [On-line]: <http://www.southstream.info/partners/france/>. (Дата посещения: 12.12.2012).

19. «Газпром» в вопросах и ответах. 2011. 100 с. [On-line]: http://www.gazpromquestions.ru/fileadmin/files/2012/view_version_16.08.2012_1.pdf. (Дата посещения: 12.12.2012).

20. Екатерина Дробинина. Старт строительству «Южного потока»: кому нужен газ. [On-line]: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2012/12/121206_southstream_start.shtml. (Дата посещения: 12.12.2012).

21. Нина Дюлгерова. Болгария в газовой дихотомии: ЕС-Россия. [On-line]: <http://nina-dulgerova.org/Statii/dihotomyRu.pdf>. (Дата посещения: 25.11.2012).

22. Официальный сайт проекта «Южный поток». [On-line]: <http://www.southstream.info/press/news/novost/gazprom-i-bolgarija-podpisali-okonchatelnoe-investi/>. (Дата посещения: 25.11.2012).

23. Шафраник Ю.К. Энергетика и геополитика. В: Международная жизнь. Ноябрь 2012. [On-line]: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=769>. (Дата посещения: 11.11.2012).

Оляна КИНДЫБАЛЮК

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ)

*Александр КОТОВИЧ**

ABSTRACT:

CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION RIGHT FOR FAIR TRIAL IN COUNTRIES OF CONTINENTAL EUROPE (EXPERIENCE FOR UKRAINE)

In the article the comparative aspects of criminal and legal protection of right for fair trial by the norms of criminal statute of continental Europe. Developments of mechanisms of the effective providing of rights and freedoms of man, development of the legal system is foreseen by the scientific search of new models of legal norms, in general and norms about criminal responsibility, in particular.

Taking into account the international obligations of Ukraine, legislation must be about criminal responsibility, it is resulted in accordance with international agreements, ratified Supreme Soviet of Ukraine. Harmonization of the national legal system foresees the account of foreign experience of legal regulation of criminal responsibility at different violations of right for fair trial.

As a result of analysis of criminal statute of row of countries of Europe, an author selects the features of European experience of criminal and legal protection of right for fair trial

Keywords: *right for fair trial, criminal and legal protection, international experience.*

РЕЗЮМЕ:

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ)

В статье рассматриваются сравнительные аспекты охраны права на справедливый суд нормами уголовного законодательства стран континентальной Европы.

Разработки механизмов эффективного обеспечения прав и свобод человека, развитие правовой системы предусматривает научный поиск новых моделей правовых норм, вообще и норм об уголовной ответственности, в частности.

Учитывая международные обязательства Украины, законодательство об уголовной ответственности должно быть, приведено в соответствие с международными договорами, ратифицированными Верховным Советом Украины.

Гармонизация национальной правовой системы предусматривает учет зарубежного опыта правовой регламентации уголовной ответственности при различных нарушениях права на справедливый суд.

В результате анализа уголовного законодательства ряда стран Европы, автор выделяет особенности европейского опыта уголовно-правовой охраны права на справедливый суд.

Ключевые слова: *право на справедливый суд, уголовно-правовая охрана, международный опыт.*

* **Котович Александр** - соискатель кафедры уголовного права и процесса Киевского международного университета (Киев, Украина); **Kotovyich Alexandru** – Competitor, Catedra Drept Penal i Procedurii penale International Universitatea din Kiev (Kiev, Ucraina); **Kotovyich Alexander** - Ph student The Kiev International University, Criminal Law and Process Department (Kiev, Ukraine)

РЕЗЮМЕ:

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД
В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ)**

В статье рассматриваются сравнительные аспекты охраны права на справедливый суд нормами уголовного законодательства стран континентальной Европы.

Разработки механизмов эффективного обеспечения прав и свобод человека, развитие правовой системы предусматривает научный поиск новых моделей правовых норм, вообще и норм об уголовной ответственности, в частности.

Учитывая международные обязательства Украины, законодательство об уголовной ответственности должно быть, приведено в соответствие с международными договорами, ратифицированными Верховным Советом Украины.

Гармонизация национальной правовой системы предусматривает учет зарубежного опыта правовой регламентации уголовной ответственности при различных нарушениях права на справедливый суд.

В результате анализа уголовного законодательства ряда стран Европы, автор выделяет особенности европейского опыта уголовно-правовой охраны права на справедливый суд.

Ключевые слова: право на справедливый суд, уголовно-правовая охрана, международный опыт.

Развитие и усовершенствование национальной правовой системы с позиций разработки механизмов эффективного обеспечения прав и свобод человека, предусматривает научный поиск новых моделей правовых норм, вообще и норм об уголовной ответственности в частности.

Важную роль в формировании общего представления о сущности соответствующего законодательства, системного определения его особенностей, и возможного заимствования позитивного опыта нормотворчества для выяснения “точек касания” национального и зарубежного в сфере противодействия преступности и тому подобное играют сравнительные правовой исследование. Учитывая международные обязательства Украины, законодательство об уголовной ответственности должно быть, приведено в соответствие с международными договорами, ратифицированными Верховным Советом Украины, главное место среди которых занимает Европейская Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 года (далее Конвенция). Конвенция предусматривает действенный механизм контроля соблюдения ее требований и является основой европейской системы коллективных гарантий права человека на

справедливый суд. Гармонизация национальной правовой системы предусматривает учет зарубежного опыта правовой регламентации уголовной ответственности при различных нарушениях права на справедливый суд.

В связи с этим, наше внимание привлекло законодательство государств континентальной Европы, которые, как подходяще замечает М. И. Хавронюк, имеют наилучший опыт уголовно-правовой охраны общественных отношений в условиях демократии и рыночной экономики. Такой опыт законодательного урегулирования заимствует подавляющее большинство латиноамериканских, африканских государств и некоторые государства Востока (Япония, Южная Корея, Иордания, Египет)¹.

Учитывая принадлежность правовой системы Украины к романо-германской правовой семье, считаем целесообразным проанализировать уголовное законодательство отдельных постсоветских стран и государств традиционного континентального права – в частности,

¹ Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: [монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с. - С. 48.

России, Беларуси, Литвы, Эстонии, Молдовы, Албании, Бельгии, Нидерландов, Дании, Австрии, Швеции, Польши, Франции, Германии, Италии, Испании и др.

В государствах континентальной правовой семьи система законодательства содержит, как правило, конституции, законы, подзаконные нормативно правовые акты, а также международные правовые акты, относительно которых государством в соответствующем порядке выражено согласие на их обязательность. Подобные акты предусматривает и система уголовного законодательства, за тем лишь исключением, что в большинстве отмеченных государств источниками законодательства об уголовной ответственности не признаются подзаконные акты, равно как и международные акты, согласие на обязательность которых хотя и выражено от имени государства, но не высшим законодательным органом².

Таким образом, в некоторых странах континентальной Европы, кроме собственно уголовного кодекса источниками уголовно-правовых норм являются и другие нормативные акты. Так, например, во Франции традиционно источником уголовного права считается Уголовно-процессуальный кодекс, в котором, среди прочего, предусмотрены основания ответственности за противодействие или беспорядки во время судебного заседания (ст.404); определены отдельные основания освобождения от ответственности; установлены сроки давности привлечения к уголовной ответственности, а также закреплена основная уголовно-правовая принцип: ни одно лицо, которое законным образом было оправдано, не может быть подвергнуто уголовному преследованию на основании того же самого деяния, даже если оно иначе квалифицировано (ст. 368)³.

В законодательстве ряда европейских государств разного рода посягательства на справедливый суд признаются преступлениями под воздействием актов международного законодательства, в частности: Конвенция СЕ о коррупции в контексте уголовного права (в 1999 г.) содержит указание о недопустимости взяточничества судей и должностных лиц международных судов; Статья 70 Римского устава Международного уголовного суда (в 1998 г.) среди преступных деяний судей этого Суда, направленных против правосудия, называет уничтожения доказательств, их фальсификацию или препятствие их сбору; вымогание или получение взятки должностным лицом и тому подобное⁴.

В целом стоит отметить, что в уголовном законодательстве стран континентальной Европы правовые нормы, направленные на охрану права на справедливый суд по большей части сгруппированы в структурные подразделы как преступления против правосудия. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) преступления против права на справедливый суд сгруппированы в отдельной Главе 31 «Преступления против правосудия», которая охватывает 21 состав преступления (ст. ст. 294-316) (структурно принадлежит к Разделу X “Преступления против государственной власти” Особенной части УК РФ) и фактически содержит нормы аналогичные украинскому уголовному закону.

Вместе с тем, среди преступлений против правосудия, включенных в главу 31 УК РФ, есть такие, которые не имеют аналогов в законодательстве Украины, в частности, это : неуважение к суду (ст. 297), клевета на судью, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, которое осуществляет дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300); фальсификация

² Там же: С. 52.

³ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : Учебн. пос. / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – 576 с. – С. 258.

⁴ Права людини і професійні стандарти для юристів в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – 572 с. – С. 353 – 363.

доказательств по гражданскому делу (ст. 303)⁵.

С учетом темы исследования особое внимание заслуживает законодательное определение оснований применения уголовно-правовых санкций к лицу которое приняло решение о незаконном освобождении от уголовной ответственности. В частности, статьей 300 УК РФ предусмотрено ответственность прокурора, следователя или лица, которое проводит дознание за незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого или обвиняемого (санкция – до семи лет лишения свободы). Кроме того, статьей 303 УК РФ установлена ответственность участников процесса за фальсификацию доказательств по гражданскому и уголовному делу. А именно, “1. Фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем - наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев. 2. Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок. 3. Фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно

фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия, - наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет⁶. На наш взгляд, эта норма заслуживает особого внимания с точки зрения возможного заимствования для усовершенствования уголовного закона Украины.

Уголовное законодательство Республики Беларусь (далее УКБ) среди преступлений против правосудия (глава 34 УКБ), также выделяет фальсификацию доказательств делу (ст. 395), заведомо незаконное задержание или взятие под стражу (ст. 397), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 399), укрывательство и недонесение о преступлении (ст. ст. 405, 406), обиду судьи или народного заседателя (ст. 391)⁷.

Невзирая на существование ответственности за вынесение заведомо неправосудного судебного акта (ст. 392) УК Беларуси предусмотрена ответственность за проведение заведомо незаконного обыска, что на наш взгляд, стоит оценить из позиции возможного заимствования такого опыта в украинском национальном законе, поскольку речь идет об ответственности лиц, уполномоченных на проведение обыска как следственного действия. Если для судьи, который принял заведомо неправосудное постановление о проведении обыска уголовная ответственность наступает в соответствии со ст. 375 КК Украины (вынесение заведомо неправосудного решения) то ответственность уполномоченного лица (следователя, прокурора, работников оперативно-розыскных подразделений), которое проводит заведомо для него незаконный обыск наступает лишь в случае обыска жилья по ч. 2 ст. 162 УК Украины (нарушение неприкосновенности жилья).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации. – 13-е изд. – М. : Ось-89, 2004. – 192 с.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации. – 13-е изд. – М. : Ось-89, 2004. – 192 с.

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Мн. : Беларусь, 2003. – 232 с.

В Уголовном кодексе Литовской Республики общественно опасные посягательства на правосудие объединены в главе XXXIV “Преступления и уголовные проступки против правосудия”, которая предусматривает ответственность за: препятствие деятельности суда и органов (должностных лиц) расследования (ст. 231); влияние на свидетеля, потерпевшего, эксперта (ст. ст. 233, 234), ложный донос (ст. 236), неуважение к суду (232) и разного рода посягательства на порядок отбывания наказания (ст. ст. 240, 241, 245)⁸.

Стоит заметить, что в названной главе ответственность за наиболее общественно опасные деяния, которые нарушают право на справедливый суд, прямо не предусмотрена. В частности, это касается таких преступлений как: заведомо незаконные задержания, арест, привод, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, нарушение права на защиту, постановление судом заведомо неправосудного решения, ответственность за совершение которых наступает в соответствии с другими нормами уголовного закона Литвы. Например, по ст. 146 (незаконное лишение свободы), ст. 228 (злоупотребление), ст. 319 (бездеятельность государственного должностного лица) и тому подобное.

Подобным образом регламентирована ответственность за посягательство на правосудие в законодательстве Республики Молдова. Однако, в главе XIV Особенной части Уголовного кодекса Молдовы, кроме традиционных преступлений против правосудия (фальсификация доказательств, вынесение судьей заведомо неправосудного решения, ложные показания, укрывательство преступлений и тому подобное) содержится норма об ответственности за истязание (ст. 309-1)⁹. В УК Украины норма об ответственности за истязание отнесена к преступлениям против жизни и здоровья личности (ст. 127

УКУ), что, на наш взгляд, отвечает принципу группирования расположения (объединение) общественно опасных деяний в соответствии с родовым объектом посягательства.

Уголовное законодательство Эстонии представлено Пенитенциарным кодексом, в котором, кроме преступлений уголовно наказуемыми являются и проступки. В частности, глава 18 Кодекса называется “Виновные деяния против правосудия” и содержит четыре раздела: раздел 1 “Виновные деяния, которые препятствуют осуществлению правосудия (статьи 302-309); раздел 2 “Виновных деяния против прав личности в досудебном и судебном производстве” (статьи 310 – 323-1); раздел 3 “Виновных деяния при исполнении наказания ”(статьи 324–331); раздел 4 “Виновные деяния против исполнения судебных решений (статья 331-1)¹⁰.

На наш взгляд, подобная законодательная классификация позволяет более точно определить объект посягательства и соответственно обеспечивает правильную квалификацию деяния. Виновные деяния против права личности на справедливый суд сгруппированы в разделе 2 и представлены такими нормами: ст. 310 “Незаконное предъявление обвинения”, ст. 311 “Вынесение неправосудного приговора, решения или постановления”, ст. 312 “Незаконный допрос”, ст. 313 “Незаконные действия, которые обеспечивают осуществление судопроизводства”¹¹.

Вместе с тем, в отличие от украинского законодательства в уголовном законе Эстонии не предусмотрена ответственность за различные нарушения права на защиту, что, на наш взгляд, свидетельствует об определенной поверхностности уголовно-правовой охраны правосудия.

Разделом IX Специальной части Уголовного кодекса Албании предусмотрена ответственность за просьбу или незаконное получение подарка или

⁸ Уголовный кодекс Литовской Республики / Научн. ред. В. Павилонис. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 470 с.

⁹ Уголовный кодекс Республики Молдова / Научн. ред. А. И Лукашов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 408 с.

¹⁰ Пенитенциарный кодекс Республики Эстония [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.riigikantselei.ee/arhiiv/rto>.

¹¹ Там же.

другой выгоды, обещание взять их с намерением выполнить или не выполнить действие, связанное с выполнением функции судьи, обвинителя, защитника, эксперта, посредничество, в предоставлении указанным лицам подарка или другой выгоды (ст. 319). Одно лишь предложение или предоставление подарка влекут за собой ответственность в соответствии со ст. 244 и 245 УК Албании как преступные деяния против государственной власти (ст. 319)¹².

Также, в соответствии из ст. 313-а УК Албании уголовно наказуемым является уничтожение или потеря материалов судебного разбирательства (протоколов, документов приобщенных к делу, файлов и тому подобное), если это повлекло вред интересам правосудия. Стоит заметить, что в соответствии с уголовным законом Республики Албании, ответственность за неправожденные решения судьи наступает лишь в случае вынесения окончательного решения по делу (статья 315 “Несправедливый приговор”) и карается лишением свободы от 3 до 10 лет¹³.

В отличии от украинского законодательства, законодательство Польши рассматривает правосудие в узком значении – как деятельность непосредственно судебных органов. Исключение составляет статья 239 УК, предусматривающая ответственность за преднамеренные действия, направленные на препятствие или противодействие уголовному преследованию лица, совершившего преступление, поскольку, кроме судебного производства такие действия могут иметь место и на досудебном расследовании.

Все нормы о преступлениях против правосудия содержатся в главе XXX УК Польши (ст. ст. 232-247). Их анализ позволяет выделить такие объекты

¹² Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: [монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с. – С. 866.

¹³ Уголовный кодекс Албании / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ugolovnykodeks.ru>.

уголовно-правовой охраны: 1) суд или участники процесса (ст. ст. 232, 245); 2) порядок (процедура) получения достоверных доказательств (ст. ст. 233, 235, 237, 246); 3) порядок производства (ст. 241); 4) своевременность реагирования компетентных органов государства на преступление (ст. ст. 239, 240); 5) порядок отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. ст. 242, 243, 244, 247)¹⁴.

Вместе с тем, в польском уголовном законодательстве отсутствуют нормы об ответственности за посягательство на безопасность лиц, которые осуществляют производство по делу, других участников процесса (адвоката), а также за разглашение сведений о мерах безопасности относительно лица, взятого под защиту.

Уголовное законодательство Королевства Нидерландов (Голландия), Королевства Дании, Королевства Бельгии, Королевства Швеции, Федеральной республики Германия не содержит специальных разделов о преступлениях против правосудия, а ответственность за нарушение права на справедливый суд регламентирована разными структурными частями уголовного закона и выделяется, как правило, по признаку субъекта преступления.

Например, уголовно-правовые нормы кодекса Голландии в понятие органов правосудия включают не только судебные органы, но и публичных служащих, которые осуществляют расследование уголовных дел. Так, в Разделе VIII “Преступления против государственной власти” Книги 2 УК Голландии установлено ответственность за преднамеренное препятствие или срыв судебно-медицинского исследования трупа (ст.190), за реализацию лицом права, которого она лишена судом (ст. 195). А в Разделе XXVIII “Преступления, связанные должностными злоупотреблениями” содержатся нормы об ответственности

¹⁴ Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства [лекция] / А.Ю. Епихин. – Изд-во Сыктывкарского ун-та: Сыктывкар, 2003. – 48 с. – С.23.

судьи за получение взятки (ст. 364); публично служащего, ответственного за расследование уголовных правонарушений, – за несоблюдение требования немедленно доложить о незаконном лишении свободы (ст. 368)¹⁵.

В целом преступления против правосудия Голландии в научной литературе разделяют в зависимости от объекта посягательства на 4 группы: преступления против суда или публичных служащих, которым поручено расследование преступлений (ст. ст. 184, 190, 364 УК Голландии); преступления против порядка уголовного производства по делу (ст. 185 УК Голландии); преступления против процедуры получения достоверных доказательств (ст. ст. 188, 189, 192, 207, 207а, 444, 445 УК Голландии); преступления против порядка отбывания наказания в виде тюремного заключения (ст. 191 УК Голландии)¹⁶.

За Уголовным кодексом Дании преступлениями против интересов правосудия признаются деяния совершенные лицом, которое: а) наделено юрисдикцией или властью принимать решение по вопросам, касающихся законных прав или интересов частных лиц (например, параграф 146 – проявление несправедливости при решении или рассмотрении дел); б) наделено юрисдикцией или властью решать правовые вопросы или к обязанностям которого принадлежит применение карательной власти государства (например, параграф 148 – преднамеренное или в силу грубой неосторожности несоблюдение предусмотренной законом процедуры рассмотрения дела или выполнения определенного юридического акта или относительно ареста, тюремного заключения, обыска, выемки или

мероприятий аналогичного характера); в) осуществляет государственные функции или полномочия (параграф 155 – злоупотребление положением с целью нарушения прав личности или государственного органа или с целью получения незаконных привилегий для себя или других лиц, параграф 156 – отказ от выполнения или невыполнение обязанностей, предусмотренных полномочиями, халатность при выполнении полномочий или серьезное и часто повторяемое нарушение обязанностей)¹⁷.

Характерным является то, что все названные деяния объединены в главе 16 “Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции” уголовного закона Дании. Уголовные кодексы Бельгии и Швеции среди преступлений против правосудия в отдельные структурные части выделяют лишь разного рода неправдивые показания (например, УК Швеции – Глава 15 “Лжесвидетельства, неправдивое обвинение и другие неправдивые заявления”; УК Бельгии – Глава V “Лжесвидетельства и нарушения присяги”). Иные преступления, нарушающие право на справедливый суд принадлежат к различным нарушениям служебных обязанностей. Так, в УК Бельгии незаконный арест или задержание лица (ст. 434) является преступлением против воли личности, ответственность за совершение которого дифференцируется в зависимости от срока содержания (больше 2 суток или свыше месяца)¹⁸. Также, в уголовном законе Швеции существует ответственность за подделку судебных доказательств (ст.8), злоупотребление документом (ст. 12).

По данным исследования С. Е. Дидыка уголовное законодательство некоторых зарубежных стран, в частности УК Норвегии, УК ФРГ, предусматривает

¹⁵ Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И. В. Мироновой. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.

¹⁶ Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства [лекция] / А.Ю. Епихин. – Изд-во Сыктывкарского ун-та: Сыктывкар, 2003. – 48 с. – С. 34.

¹⁷ Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С. С. Беляева, пер. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 230 с.

¹⁸ Уголовный кодекс Бельгии / Научн. ред. Н.И. Мацнев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 561 с.

ответственность третейского судьи, который, рассматривая дело, принимая решение по делу, обходит закон на пользу или во вред одной из сторон, или если совершает такие действия тайно от другой стороны за взятку. Большинство УК зарубежных стран дифференцируют ответственность судей на основании разных критериев, а именно в УК Норвегии ответственность усиливается, если неправосудным решением было применено смертное наказание или лишение свободы больше 5 лет; УК Голландии – если неправосудным решением осуждается заведомо невинное лицо¹⁹.

С позиций последующего совершенствования законодательства об уголовной ответственности подобная практика достойна внимания законодателя Украины.

Так же, как и в законодательстве Дании, Бельгии, Швеции, Уголовный кодекс Австрии к преступлениям против правосудия относит ложные показания, подделку доказательств и их уничтожения, которые содержатся в отдельном Разделе 12 “Преступные деяния против достоверности документов и средств доказывания”. В Разделе 22 “Преступные нарушения должностных обязанностей и связаны с ними преступные деяния” Особенной части УК Австрии предусмотрена ответственность судей за неосторожное нарушение свободы личности или права на неприкосновенность жилища²⁰.

В соответствии с требованиями § 313 УК Австрии, если чиновник, совершивший служебное преступление, преднамеренно совершает еще иное преступное деяние, используя при этом служебные полномочия, то максимальный срок наказания в виде лишения свободы или размер денежного штрафа могут быть

¹⁹Дідик С. Є. Кримінально-правова охорона правосуддя від незаконних діянь судді як спеціального суб'єкта злочину: дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 “Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право” / С.Є. Дідик. – Київ, 2009. – 207 с.

²⁰ Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. – М.: ИКД «Зерцало-М». – 2001. – 134с.

увеличены наполовину (при этом срок лишения свободы не может превышать 20 лет).

Невзирая на отсутствие в Уголовном кодексе ФРГ отдельной структурной части, где описаны преступления против права на справедливый суд, в качестве позитивного опыта законодательного регулирования стоит привести дифференциацию должностных лиц, содержащуюся в § 11 (Употребление понятий) Общей части УК. Должностным лицом является: “тот, кто в соответствии с немецким правом: а) является чиновником или судьей, б) находится в иных публично-правовых отношениях или в) иным образом привлечен к реализации заданий публичного управления в каком-либо органе власти”²¹.

По немецкому законодательству преступные посягательства на правосудие регламентированы разделом 30 “Должностные преступные деяния” Особенной части Уголовного кодекса ФРГ. В частности, существует ответственность судьи (другого должностного лица или третейского судьи), который в ходе судебного разбирательства или при принятии решения по делу игнорирует закон на пользу или во вред одной из сторон. Как наказание предусмотрено лишение свободы на срок от одного до пяти лет (§ 339)²².

Также, стоит обратить внимание на то, что среди всех категорий должностных лиц, для которых предусмотрено более суровое наказание за взяточничество, немецкий законодатель выделяет лишь судей. Получение взятки судьей при отправлении правосудия, является квалифицирующим обстоятельством в соответствии с ч. 2 § 332, предусматривающей наказание в виде лишения воле от 1 до 10 лет, что, на наш взгляд, подчеркивает общественную значимость надлежащей уголовно-

²¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д. А. Шестакова; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 522 с. – С. 178.

²² Там же: С. 280.

правовой охраны права на справедливый суд.

Наказание за дачу взятки судьи и третейскому судье дифференцируется в зависимости от поведения судьи: “тот, кто предлагает, обещает или передает им имущественную или другую выгоду карается: а) лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет, если нарушение судьейской обязанности уже состоялось; б) лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет, если нарушение судьейской обязанности состоится в будущем”²³.

В целом, в разделе 30 “Должностные преступные деяния” Особенной части Уголовного кодекса ФРГ содержатся преступления, субъектами которых являются судьи или должностные лица, которые берут участие в применении принудительных мероприятий в уголовном процессе, производстве, связанном с административным задержанием, в дисциплинарном производстве или суде чести, в исполнении приговора.

Таковыми деяниями, в частности, являются: нанесение телесного повреждения при исполнении должностных обязанностей или в связи с их выполнением § 340, принуждение к показаниям путем физического влияния § 343, уголовное преследование заведомо невиновного § 344, выполнение приговора относительно невиновного § 345, разглашение тайны судебного разбирательства § 353-d, подстрекательство подчиненного к совершению преступного деяния § 357²⁴.

Уголовный кодекс Франции содержит отдельную главу IV “О посягательстве на отправление правосудия”, включающую четыре раздела. Вместе с ответственностью за различные угрозы или запугивания “относительно любого лица, совершенные с целью заставить пострадавшего от преступления или проступка не подавать жалобу или отозвать ее” (ст. 343-5), а также против лиц, которые отправляют

правосудие – магистрат, присяжный заседатель, арбитр, переводчик, эксперт, адвокат (ст. 434-8), существует ответственность за: совершение подлога – любая подделка, мошенническое изменение истины, являющееся причиной причинения вреда, выполненные в письменном виде, или любое другое подтверждение намерения, целью которого является доказательство (подтверждение) несуществующего права или события, которые имеют юридические последствия) или использование подделки (ст.441-1)²⁵.

При этом санкция за посягательство на должностных лиц адекватна санкции нормы, которой установлена ответственность за посягательство на пострадавшего (лица, не наделенного властными полномочиями с рассмотрения и решения дел), – три года тюремного заключения и штраф. В качестве дополнительных наказаний за совершение таких действий предусмотрено: запрещение реализации лицом гражданских, семейных и других прав, определенных статьей 131-26 (избирать или быть избранным, быть экспертом или выступать свидетелем в суде); запрет исполнять общественные, профессиональные или социальные обязанности; лишение права участвовать в частноправовом соглашении, которое заключается государственной организацией (ст. 441-10)²⁶.

Противоправные посягательства на справедливое судебное разбирательство французский законодатель относит к служебным преступлениям, разделяя их на: злоупотребление властью, направленное против управления (ст. ст. 432-1, 432-2, 433-3), злоупотребления властью, относительно частных лиц (ст. ст. 432-4 – 432-9), а отдельные преступные деяния рассматривает как препятствование отправлению правосудия. В частности, существует ответственность за отказ магистрата (судьи или прокурора) осуществить

²³ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д. А. Шестакова; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 522 с. – С. 287.

²⁴ Там же: С. 291.

²⁵ Уголовный кодекс Франции / Научн. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крилова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 523 с. – С. 174.

²⁶ Уголовный кодекс Франции / Научн. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крилова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 523 с. – С. 193.

правосудие (ст. 434-7-1); вымогательство или принятие магистратом, присяжным подарков или других преимуществ за совершение или не совершение определенных действий (ст. 434-9)²⁷.

Подобным образом решается вопрос об ответственности итальянских судей и других участников досудебного и судебного производства, которые нарушают право на справедливый суд, их действия подлежат квалификации за определенными статьями главы 1 “Преступления должностных лиц против публичной власти” Уголовного кодекса Италии.

В частности, это получение взятки отдельно: за действия в пределах должностных обязанностей (ст. 318) и за действия, не предусмотренные должностными обязанностями (ст. 319) с целью разрешения гражданского, уголовного или административного дела в суде (ст. 319-ter); как возбуждение неуважения или позора учреждений, законов или действий власти, восхваления действий, которые противоречат законам, распоряжениям власти или обязанностям службы, совершенные во время осуществления функций должностного лица (ст. 327). Субъектом названных преступлений является лицо, исполняющее законодательные, судебные или административные функции²⁸.

Наиболее строгое наказание предусмотрено за совершение должностным лицом названных действий с целью содействия или нанесения вреда одной из сторон в гражданском, уголовном или административном процессе (лишение свободы на срок от 3 до 8 лет (ч. 1 ст. 319-3)). Если результатом деяния должностного лица является вынесение обвиняемому несправедливого приговора и осуждение к лишению свободы на срок не больше 5 лет,

то судья наказывается лишением свободы на срок от 4 до 12 лет; если же лицо незаконно осуждено к лишению свободы на срок свыше 5 лет или к каторжным работам, то виновное должностное лицо наказывается лишением свободы на срок от 6 до 20 лет²⁹.

Также, в итальянской системе должностных преступлений отдельно предусмотрено наказание за общественно опасные деяния в форме бездеятельности. Так, уголовной ответственности подлежат должностные лица, которые безосновательно не выполняют или отказываются от выполнения должностных действий, которые, с целью осуществления правосудия, охраны общественной безопасности, общественного порядка или соблюдения правил гигиены и санитарии, должны быть выполнены немедленно. Такая бездеятельность наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет (ч. 1 ст. 328).

Кроме того, в Уголовном кодексе Италии существует Раздел III “Преступления против судебной власти”, объединяющий три главы: I – “Преступления против судебной деятельности”; II – “Преступления против авторитета судебных решений”; III – “Самовольная защита частных прав”, которые содержат нормы об ответственности за различные злоупотребления доверием со стороны защитника или консультанта, неуважение к представителям судебной власти, невыполнение судебных решений, и тому подобное³⁰.

Ряд должностных преступлений в сфере правосудия итальянским законодателем отнесены к преступлениям против индивидуальной свободы (глава III раздел 12 Книга 2 КК Италии). В частности, арест, сопряженный со злоупотреблением

²⁷ Там же: С. 204.

²⁸ Квасневська Н. Д. Відповідальність за постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови в Україні (кримінально-правове та кримінологічне дослідження): дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 “Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право” / Н.Д. Квасневська. – Київ, 2009. – 209 с. – С. 86.

²⁹ Жалинський А. Э. Современное уголовное право / А. Э. Жалинський. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 560 с. – С. 392.

³⁰ Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: [монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с. – С. 858.

властью, незаконный арест, неправомерное ограничение свободы личности, превышение власти относительно арестованных или лиц, находящихся под стражей, самовольный досмотр личности или обыск (ст. ст. 606 – 609).

Отдельно следует обратить внимание на законодательную регламентацию ответственности за некоторые посяательства на справедливый суд в Уголовном кодексе Испании, который, как верно отметил Н. Хавронюк однозначно выходит из двух аксиом: 1) все, за незначительными исключениями, основные права человека и гражданина должны иметь надлежащие уголовно-правовые гарантии; 2) все основные права человека и гражданина должны быть защищены, прежде всего, от незаконных действий должностных и служебных лиц, которые и есть в подавляющем большинстве, основной угрозой для отмеченных прав и свобод³¹.

Особенный интерес представляет Раздел XXI “Преступления против Конституции” (Книга 2), который включает у себя главу V “Преступления, совершенные государственными служащими против конституционных гарантий”. Названная глава, среди преступлений, совершенных должностными лицами и государственными служащими, предусматривает такие как: незаконная выдача уголовного дела другому должностному лицу (ст. 529); назначение или продолжение мер, сопряженных с лишением свободы или изоляцией задержанного, заключенного, осужденного, с нарушением сроков или иных конституционных гарантий (ст. ст. 530-532); нарушение права задержанного или осужденного на присутствие адвоката, создание препятствий для реализации этого права, принятие мер для того, чтобы лицо отказалось от участия адвоката, не

информирование о правах и основаниях задержания (ст. 537)³².

Кроме того, законодатель Испании выделяет такие специфические служебные преступления, как воспрепятствование уголовному преследованию за преступления и виновных в их совершении, лиц (ст.407), открытый отказ осуществить надлежащее выполнение судебного решения (ст.410), отказ, от надлежащего содействия судебной власти или другим органам власти (ст. 412)³³.

Преступления против правосудия объединены в разделе XX “Преступления против судебной власти” Книги 2 УК Испании, который насчитывает 26 статей, сгруппированных в главах. Среди преступных посятельств на справедливый суд, на наш взгляд можно выделить:

- вынесение незаконного приговора или решения, в том числе и в силу грубой неосторожности, отказ вынести приговор или решение без законной причины и злостное затягивание правосудия (статьи 447-449 главы 1 “Должностные преступления”);

- неявка адвоката, прокурора, судьи, без уважительной причины в суд, если судом рассматривается дело о преступлении, а подсудимый содержится в заключении и указании действия затягивают рассмотрение дела; влияние на заявителя, сторону или обвиняемого, адвоката, прокурора, эксперта, переводчика или свидетеля, с целью изменения ими своей процессуальной позиции, месть этим лицам за их позицию в судебном процессе; выдача тайны процессуальных действий; действия или бездействие адвоката, прокурора, во вред доверенным ему интересам, в том числе из-за грубой неосторожности (статьи 463-467 главы VII “Обструкция правосудию и нарушение профессионального долга”)³⁴.

³¹ Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: [монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с. – С. 711.

³² Уголовный кодекс Испании / Научн. ред. Н. Кузнецова, М. Решетников. – М. : Зерцало, 1998. – 218 с.- С.168.

³³ Там же: С. 183.

³⁴ Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації:

Следует подчеркнуть, что в законодательстве стран континентальной Европы ответственность за нарушение права на справедливый суд предусмотрена уголовно-правовыми нормами, которые расположены, по большей части, в главах (разделах, книгах), предусматривающих ответственность за служебные преступления или преступления против правосудия, или среди преступлений против свободы и других прав личности.

Таким образом,

Европейский опыт уголовно-правовой охраны права на справедливый суд характеризуется такими особенностями:

а) отсутствие в законодательстве отдельной структурной части об ответственности за нарушение права на справедливый суд;

б) наличие более суровых санкций для должностных лиц органов правосудия при различных нарушениях права на справедливый суд, чем для частных лиц;

в) криминализация нарушения права на справедливый суд в форме должностной бездеятельности (Польша, Литва, Италия) и в форме неосторожности (Испания).

Изучение общего и отличного в уголовном законодательстве Украины и других государств континентальной Европы является предпосылкой усовершенствования уголовно-правовых средств охраны права на справедливый суд и предотвращения его нарушения.

Библиография:

1. Дідик С. Є. Кримінально-правова охорона правосуддя від незаконних діянь судді як спеціального суб'єкта злочину: дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 "Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право" / С.Є. Дідик. – Київ, 2009. – 207 с.

2. Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства [лекция] / А.Ю. Епихин. –

Изд-во Сыктывкарского ун-та: Сыктывкар, 2003. – 48 с.

3. Жалинський А. Э. Современное уголовное право / А. Э. Жалинський. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 560 с.

4. Квасневська Н. Д. Відповідальність за постановлення суддею (судьями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови в Україні (кримінально-правове та кримінологічне дослідження): дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 "Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право" / Н.Д. Квасневська. – Київ, 2009. – 209 с.

5. Права людини і професійні стандарти для юристів в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – 572 с. – С. 353 – 363.

6. Пенитенциарный кодекс Республики Эстония [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.riigikantselei.ee/arhiiv/rto>.

7. Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. – М.: ИКД «Зерцало-М». – 2001. – 134с.

8. Уголовный кодекс Албании / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ugolovnykodeks.ru>.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Мн.: Беларусь, 2003. – 232 с.

10. Уголовный кодекс Бельгии / Научн. ред. Н.И. Мацнев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 561 с.

11. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И. В. Мироновой. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.

12. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С. С. Беляева, пер. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 230 с.

13. Уголовный кодекс Испании / Научн. ред. Н. Кузнецова, М. Решетников. – М. : Зерцало, 1998. – 218 с.

14. Уголовный кодекс Литовской Республики / Научн. ред. В. Павилонис. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 470 с.

15. Уголовный кодекс Республики Молдова / Научн. ред. А. И Лукашов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 408 с.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации. – 13-е изд. – М. : Ось-89, 2004. – 192 с.

17. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д. А. Шестакова; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 522 с.

[монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с. – С.869.

18. Уголовный кодекс Франции / Научн. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крилова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 523 с.

19. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : Учебн. пос. / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – 576 с.

20. Хавронюк М. І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: [монографія] / Микола Іванович Хавронюк. – К. : Юрисконсульт, 2006. – 1048 с.

Александр КОТОВИЧ

PROCESUL DE CREARE A NORMELOR JURIDICE INTERNAȚIONALE

Dumitrița FLOREA*

РЕЗУМАТ:

PROCESUL DE CREARE A NORMELOR JURIDICE INTERNAȚIONALE

În acest articol se analizează procesul de creare a normelor de drept internațional. Dreptul internațional este produsul civilizației occidentale creștine care s-a născut la începutul erei moderne, proces început totuși încă din secolul al XVI-lea. Dreptul internațional public poate fi definit ca un ansamblu de reguli scrise și nescrise existente în relațiile dintre state. Acest **corpus juridicum** este calificat de dreptul internațional public în opoziție cu dreptul internațional privat care, în esență, desemnează o ramură a dreptului național sau intern.

Fără îndoială, o asemenea concepție, calificată de multe ori drept „clasică”, a fost făcută în contul statului societății internaționale de-a lungul unei perioade bine determinate care a început la debutul secolului al XVI-lea și a fost asigurată până în epoca actuală, fără să fie posibilă fixarea unei date precise, instalându-se în toate statele lumii cu precădere după cel de-al doilea război mondial.

Este aproape imposibil să avem o bună înțelegere a statutului actual al dreptului internațional și a rolului său, fără să plasăm evoluția lui în cadrul societății internaționale care constituie de fapt mediul său natural. Societatea sau comunitatea internațională înglobează o pluralitate de elemente componente care își caută unitatea, dincolo de diversitatea lor, atât la nivelul statelor, cât și la toate nivelurile activității umane.

Cuvinte-cheie: drept internațional public, drept internațional privat, societatea internațională, norme juridice internaționale, norme de drept internațional.

РЕЗЮМЕ:

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

В этой статье рассматривается процесс создания норм международного права. Международное право является продуктом западной христианской цивилизации, которое появилось в начале современной эпохи, хотя этот процесс начался еще с XVI-го века. Международное публичное право может быть определено как набор правил, писанные и неписанные, существующие в отношениях между государствами. Этот **corpus juridicum** квалифицируется международным публичным правом в противовес международному частному праву, который, по сути, является отраслью национального или внутреннего законодательства.

Без сомнения, такая концепция, часто квалифицирующаяся как «классическая», появилась от имени международного общества на проявлении четко определенного периода, который начался в начале XVI века и развивалась вплоть до текущей эры, хотя и не было возможно установить конкретную дату, установившись во всех государствах мира, особенно после второй мировой войны.

* **FLOREA Dumitrița** - Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Lector universitar, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava (Suceava, România); **FLOREA Dumitrița** - PhD student, Institute of history, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Chișinău, Republica Moldova); Lecturer, University "Ștefan cel Mare", Suceava (Suceava, Romania); **ФЛОРЯ Думитрица** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинёва, Республика Молдова); Преподаватель, Университет имени Штефана чел Маре, Сучава (Сучава, Румыния).

Почти невозможно вникать в современный статус международного права и его роли, без того, чтобы сопоставить эволюцию международного сообщества, которое представляет собой его природной средой. Международное сообщество включает в себя множество компонентов, которые стремятся найти свое единство, за пределами их разнообразия, как на государственном уровне, а также на всех уровнях человеческой деятельности.

Ключевые Слова: международное публичное право, международное частное право, международное сообщество, международно-правовые нормы, нормы международного права.

(перевести на английский язык)

РЕЗЮМЕ:

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

*В этой статье рассматривается процесс создания норм международного права. Международное право является продуктом западной христианской цивилизации, которое появилось в начале современной эпохи, хотя этот процесс начался еще с XVI-го века. Международное публичное право может быть определено как набор правил, писанные и неписанные, существующие в отношениях между государствами. Этот **corpus juridicum** квалифицируется международным публичным правом в противовес международному частному праву, который, по сути, является отраслью национального или внутреннего законодательства.*

Без сомнения, такая концепция, часто квалифицирующиеся как «классическая», появилась от имени международного общества на протяжении четко определенного периода, который начался в начале XVI века и развивалась вплоть до текущей эры, хотя и не было возможно установить конкретную дату, установившись во всех государствах мира, особенно после второй мировой войны.

Почти невозможно вникать в современный статус международного права и его роли, без того, чтобы сопоставить эволюцию международного сообщества, которое представляет собой его природной средой. Международное сообщество включает в себя множество компонентов, которые стремятся найти свое единство, за пределами их разнообразия, как на государственном уровне, а также на всех уровнях человеческой деятельности.

Ключевые Слова: международное публичное право, международное частное право, международное сообщество, международно-правовые нормы, нормы международного права.

Încă din antichitate cel care a dat expresie societății organizate ca sistem a fost omul. De altfel, ființa umană este cea care a generat apariția societăților prestatale și a societăților organizate într-un sistem politic sub forma statului. Statul a creat dreptul ca apanaj al puterii politice de stat și ca ansamblu de norme comportamentale care au dobândit în timp caracter juridic. Cu alte cuvinte, s-a creat un instrument prin care statul să-și consolideze puterea și să-și mențină relațiile din cadrul societății în care funcționează.

Dacă la început statul a fost interesat de orânduiele sale interioare instituind treptat reguli noi consacrate într-un sistem specific grupate în ceea ce noi numim astăzi „drept intern”, care reglementa relațiile sociale din interiorul unui stat, pe un anumit teritoriu

delimitat de granițe precise în virtutea suveranității statale, ulterior comunitățile organizate politic au dorit să-și extindă sfera relațiilor, sistematizând relațiile lor reciproce într-o nouă formulă. Astfel, a apărut societatea interstatală (sau societate internațională) în cadrul căreia statele au fost interesate să stabilească acorduri bilaterale sau multilaterale în diverse domenii de activitate umană.

Totuși, multă vreme statele au fost singurii actori ai scenei internaționale și singurele subiecte ale raporturilor internaționale guvernate de norme juridice care au fost create chiar de către ele pentru a fi aplicate tot de acestea¹. Dezvoltarea politică, economică și

¹ Stelian Scăunaș, Drept internațional public, Ed. All Beck, București, 2002, p. 2.

socială a societății umane și constituirea de state centralizate au impus, în procesul de coexistență dintre diferite state, crearea unor reguli care să guverneze relațiile dintre state, să stabilească bazele relațiilor dintre ele și limitele în care acestea pot acționa.

Inspirându-se în general din dreptul intern al statelor, unde diferitele ramuri ale sale au ca obiect instituirea ori sancționarea unui sistem de raporturi corespunzătoare nevoilor sociale la un moment dat, dreptul internațional public răspunde nevoii de a reglementa relațiile dintre state și de a satisface nevoile comune ale membrilor societății internaționale. Dar, cum orice drept reprezintă o reflectare a societății care i-a dat naștere, tot astfel și dreptul internațional public constituie acel ansamblu de norme juridice care guvernează funcționarea societății internaționale.

Apartenența la comunitatea internațională este marcată de suveranitatea statală, întrucât fiecare stat este interesat să-și exercite suveranitatea, aspect important al dreptului internațional public, îmbinată și de tendința cooperării cu organizațiile internaționale. Prin urmare, lupta dintre aspirațiile comunității internaționale și perseverența statelor de a-și afirma suveranitatea își găsește punctul de echilibru în acest drept care garantează coexistența statelor².

Se poate vorbi astfel, despre un drept internațional general aplicabil comunității internaționale, adică un drept aplicabil tuturor statelor.

Primul instrument de reglementare al relațiilor internaționale a fost cutuma internațională și abia mai târziu aceste relații au fost stabilite prin tratate. Prin urmare, putem afirma că există două căi prin care statele au încercat formarea unui drept interstatal sau internațional, și anume: **o cale cutumiară**, create prin reguli nescrise și **o cale convențională**, concretizată prin acorduri scrise denumite tratate, pacte, acte, convenții, cartă. Chiar Statutul C.I.J.³ recunoaște existența acestor reguli scrise și cutumiare

generale, iar jurisprudența internațională face apel în mod constant la dreptul internațional comun sau la dreptul internațional general, adică la dreptul internațional universal.

Nu toate relațiile internaționale formează, însă, obiectul de reglementare al dreptului internațional public. Pot exista, astfel, relații politice care să nu fi dobândit un caracter juridic, negăsindu-și încă o expresie în norme de drept internațional elaborate din acordul dintre state, după cum statele pot să participe la relații internaționale cu caracter juridic nu în calitate de purtătoare ale puterii de stat, ci ca subiecte de drept civil (în contracte, de exemplu, pe care să le încheie cu persoane fizice în deplină egalitate, cu drepturi și obligații corelative).

Pentru a fi guvernate de normele dreptului internațional relațiile dintre state trebuie să fie, în ce privește conținutul lor, relații în care acestea să fie purtătoare ale suveranității lor. Articolul 53 din Convenția de la Viena din 1969 recunoaște existența normelor imperative de drept internațional, ca norme acceptate de comunitatea statelor în ansamblul lor⁴.

Alături de acestea coexistă și categoria normelor particulare, proprii anumitor state sau a unor anumite grupuri de state, expresie a cooperării regionale sau bilaterale care se integrează într-o ierarhie a normelor juridice.

Prin urmare, rezultă că societatea internațională, relațiile internaționale și dreptul internațional public se află într-o corelație permanentă având caracter evolutiv și intercondiționare reciprocă.

O etapă importantă a dezvoltării dreptului internațional a constituit apariția, începând cu secolul al XIX-lea, a unor noi subiecte de drept internațional și anume organizațiile internaționale guvernamentale, dintre care cele mai reprezentative sunt: *Uniunea Telegrafică Internațională în 1865* și *Uniunea Poștală Universală în 1874*. Această etapă s-a tradus prin instituționalizarea societății internaționale. Din a doua jumătate a secolului XX organizațiile internaționale

² Dominique Carreau, Fabrizio Marrella, Droit international, no. 1, 11eme edition, Ed. Pedone, Paris, 2012, p. 45.

³ Curtea Internațională de Justiție

⁴ Convenția de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor - a se vedea în Mona Pivniceru, Drept internațional public, vol. I, ediția a 2-a, Ed. Hamangiu, București, 2007, p. 2

guvernamentale s-au înmulțit foarte mult și au dobândit personalitate juridică internațională.

Caracterul universal al relațiilor internaționale a fost dobândit de către dreptul internațional contemporan în urma procesului de decolonizare și de creștere a numărului de state în perioada postbelică, mai ales în Europa. După cel de-al doilea război mondial bătrânul continent a fost divizat în zone de ocupație de două mari puteri S.U.A. și U.R.S.S., destructurarea fiind cauzată de Germania. În 1989 a căzut simbolul divizării europene, Zidul Berlinului, care a generat începutul procesului de democratizare a fostelor state comuniste. Acest lucru a însemnat pentru societatea internațională apariția unui număr mai mare de subiecte de drept internațional și, implicit, o imagine mult mai complexă a relațiilor dintre acestea.

Un alt factor al constituirii normelor juridice internaționale l-a reprezentat regionalizarea, proces care s-a desfășurat tot după cel de-al doilea război mondial și care s-a tradus prin apariția și dezvoltarea unor organizații internaționale guvernamentale grupate după criteriul geografic, adică pe spații continentale sau locale. În această categorie de organizații sunt incluse:

- Consiliul Europei – CE (1949);
- Uniunea Europei Occidentale – UEO (1949), devenită Adunarea Europeană pentru Securitate și Apărare (2000);
- Organizația Atlanticului de Nord - N.A.T.O. (1949);
- Organizația Statelor Americane – OSA (1948);
- Organizația Unității Africane – OUA (1963);
- Liga Arabă (1945);
- Uniunea Europeană (1993).

Prin această etapă s-a încercat rezolvarea problemelor la nivel continental, urmând apoi să se găsească soluții pentru problemele societății internaționale, evident cu respectarea normelor și principiilor dreptului internațional public.

Transnaționalizarea este un factor caracterizat prin dezvoltarea relațiilor internaționale între entități cu personalitate juridică și entități care nu au dobândit această calitate, cu alte cuvinte între persoane fizice și

juridice aparținând unor state diferite⁵. Datorită acestui fenomen s-a produs practic o omogenitate a societății internaționale, o extrapolare a relațiilor internaționale și centrarea atenției din ce în ce mai mult pe ființa umană, pe individ.

Un alt fenomen care a contribuit la crearea normelor juridice internaționale poate fi considerat globalizarea care s-a manifestat, de asemenea, după cel de-al doilea război mondial. Prin globalizare s-a încercat eliminarea barierelor în comerțul mondial cu scopul reconstrucției economice mondiale. Acest efort s-a concretizat prin **Acordul G.A.T.T. – Acordul General pentru Tarife și Comerț** – intrat în vigoare la 1 ianuarie 1948 și datorită căruia s-a instituit **Organizația Mondială a Comerțului** prin **Conferința de la Marrakech din Maroc în 1994**⁶. De asemenea, acest fenomen poate fi întâlnit și în sfera sistemelor de securitate dacă ne gândim, de exemplu, la **Proiectul pentru Strategia NATO pentru mileniul III**.

Dreptul internațional poate fi considerat un sistem normativ, adică un sistem compus din reguli (norme juridice). H.L.A. Hart⁷ este autorul care a oferit câteva distincții teoretice foarte clare în materia normelor juridice internaționale. Aceste distincții se referă la:

- norme juridice primare și
- norme juridice secundare.

⁵ Raluca Miga-Beșteliu, *Drept internațional public*, vol. I, ediția 2, Ed. C.H. Beck, București, 2012, p. 2

⁶ Organizația Mondială a Comerțului (OMC) este singurul organism internațional care se ocupa de normele ce dirijează comerțul între țări. Nucleul său este constituit din Acordurile OMC, care au fost negociate și semnate de majoritatea țărilor ce au participat la comerțul mondial. Aceste documente stabilesc norme juridice fundamentale ale comerțului internațional. Sunt contracte care obliga guvernele să-și mențină politicile comerciale între limitele convenite. Chiar dacă sunt negociate și firmate de guverne, obiectivul lor este de a ajuta producătorii de bunuri și servicii, importatorii și exportatorii să-și continue activitățile - www.eumed.net.

⁷ Herbert Lionel Adolphus Hart (1907-1992) a fost perceput ca unul dintre cei mai importanți filosofi ai dreptului în secolul XX, datorită operei sale fundamentale *A Concept of Law*, lucrare apărută în 1961, în care a dezvoltat teoria pozitivismului legal în cadrul teoretic al filosofiei teoretice. Hart a fost profesor de jurisprudență la Universitatea Oxford – a se vedea și www.wikipedia.org.

Datorită modelului oferit de Hart putem identifica câteva tipuri de funcții pe care le îndeplinesc normele juridice în orice sistem juridic:

a) – normele primare impun drepturi și obligații;

- normele secundare conferă puteri sau competențe;

b) – normele primare se referă la comportamente;

- normele secundare se referă la alte norme;

c) – normele primare privesc acțiuni sau inacțiuni;

- normele secundare determină modul în care se creează alte norme și actele juridice⁸.

Hart clasifică normele secundare în:

▪ Norme de recunoaștere, care permit să se verifice dacă o normă particulară face parte sau nu face parte din sistemul juridic dat și care risipesc astfel eventualele incertitudini legate de validitatea unei anumite norme particulare; în categoria asta intră normele care indică izvoare de drept și putem să stabilim modul în care s-a format o normă în conformitate cu normele de recunoaștere ale categoriei căreia îi aparține (tratată, cutumă sau principiu general de drept);

▪ Norme de modificare (transformare) care abilitază un stat, un grup de state sau o organizație internațională să abroge, să modifice sau să înlocuiască o normă sau un ansamblu de norme juridice din sistemul juridic internațional sau dintr-un sub-sistem;

▪ Normele de adjudecare ale deciziei, cele care abilitază subiectele de drept sau instituțiile dotate cu competențe jurisdicționale sau cvasi-jurisdicționale să califice încălcarea unor norme primare sau secundare, să determine sancțiunile care trebuie aplicate și eventual să aplice acele sancțiuni.

Norma de drept internațional public poate fi definită ca o regulă comportamentală stabilită de state și organizații interguvernamentale cu personalitate juridică internațională, prin acordul lor de voință, fie pe cale cutumiară, fie pe cale convențională, pentru a reglementa relațiile lor reciproce, precum și relațiile acestora cu alte entități cu personalitate internațională, regulă care este respectată pe baza bunei-credințe, și în mod

excepțional, la nevoie, prin constrângere individuală sau colectivă.

Aceste relații pe care le reglementează sunt determinate de o diversitate de norme de drept internațional public care sunt de regulă grupate în funcție de izvorul lor, de importanța valorilor protejate, de obligativitatea lor sau de spațiul în care se aplică.

Potrivit unui autor de drept internațional public⁹, întâlnim un prim criteriu de clasificare a normelor juridice internaționale și anume izvorul care le consacră. Astfel, normele juridice se clasifică în *norme cutumiare* (cutuma reprezentând un izvor principal al dreptului internațional public) și *norme convenționale*, cuprinse de regulă în acorduri scrise precum tratate, convenții, acorduri, pacte etc..

Normele juridice internaționale, ca elemente structurale de bază ale dreptului internațional, în funcție de raporturile pe care le reglementează și de valorile pe care le protejează, sunt clasificate în două categorii: norme – principii și norme – concrete. Normele principii sunt reguli juridice internaționale care au ca obiect cele mai importante raporturi dintre subiectele dreptului internațional, unele având caracter fundamental pentru că guvernează dreptul internațional general în ansamblul lui, iar altele fiind principii specifice fiecărei ramuri a dreptului internațional public, aplicându-se doar raporturilor din domenii mai restrânse. Întâlnim, astfel, principii specifice aplicabile dreptului tratatelor, dreptului diplomatic, dreptului drepturilor omului, dreptul internațional umanitar, dreptul spațial, dreptul mării etc..

Principiile fundamentale se detașează, însă, în ansamblul normelor – principii ale dreptului internațional public, reprezentând nucleul acestora și, prin extrapolare, „nucleul dur” al dreptului internațional public. Toate celelalte principii și norme adoptate, fie în plan universal, fie în plan regional sau bilateral, fie pe cale cutumiară, fie pe cale convențională, trebuie să fie conforme cu principiile fundamentale ale dreptului internațional public.

⁸ Valentin Constantin, *Drept internațional*, Ed. Universul Juridic, București, 2010, p. 47.

⁹ Stelian Scăunaș, *Drept internațional public*, Ed. All Beck, București, 2002, p. 9.

Un alt criteriu de clasificare este cel al obligativității normelor juridice internaționale. Din această categorie fac parte *normele imperative* sau norme *jus cogens*, obligatorii pentru toate subiectele dreptului internațional, norme care la rândul lor pot fi onerative sau prohibitive, și *norme supletive* de la care se poate deroga, însă doar pe baza acordului dintre subiectele dreptului internațional¹⁰. Referitor la aceste norme, Convenția cu privire la dreptul tratatelor adoptată la Viena în 1969, precizează în art. 53 că: „Este nul orice tratat care, în momentul încheierii sale este în conflict cu o normă imperativă a dreptului internațional general. În sensul prezentei Convenții, o normă imperativă a dreptului internațional general este o normă acceptată și recunoscută de comunitatea internațională a statelor în ansamblul ei drept normă de la care nu este permisă nici o derogare și care nu poate fi modificată decât printr-o normă a dreptului internațional general, având același caracter”¹¹.

După întinderea spațiului în care produc efecte și după numărul subiectelor cărora li se adresează, normele juridice internaționale se pot clasifica în:

- *norme bilaterale*, care reglementează raporturile dintre două subiecte ale dreptului internațional (așa cum este cazul, de exemplu, al tratatelor de bună vecinătate);

- *norme regionale* sau locale, adoptate pentru a reglementa raporturi dintre mai mult de două subiecte de drept internațional dintr-o anumită zonă geografică, de regulă continentală (cum întâlnim, de exemplu, în cazul tratatelor adoptate în cadrul Consiliului Europei);

- *norme universale*, care se adresează tuturor subiectelor dreptului internațional (de exemplu, tratatele adoptate în sistemul O.N.U.).

O particularitate a normelor de drept internațional public în raport cu normele de drept intern este aceea că, din punct de vedere al structurii logico-juridice (interne),

¹⁰ Mihai Floroiu, Elemente de drept internațional public și privat, Ed. Universul Juridic, București, 2011, p. 17.

¹¹ A se vedea Convenția de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor art. 53, și în Stelian Scăunaș, Drept internațional public, Ed. All Beck, București, 2002, p. 10.

elementul sancțiune apare destul de rar, chiar și în structura normelor de drept internațional penal. Acesta este efectul unei particularități mai generale ale dreptului internațional public, care constă în lipsa unei jurisdicții internaționale obligatorii, ceea ce nu exclude posibilitatea aplicării unor sancțiuni de către state, individual sau colectiv.

Normele juridice nu se diferențiază prin nimic unele de altele, ci ele sunt echivalente sub un triplu aspect: echivalența regulilor juridice între ele, echivalența între regulile de edictare a normelor și normele însele și echivalența surselor de drept internațional între ele.

Normele de drept internațional sunt echivalente între ele, întrucât nici obiectul lor și nici numărul statelor care au concurat la crearea lor nu sunt ierarhizate. Cu titlu de exemplu putem aminti Convenția de la Montego-Bay din 1982 asupra dreptului mării¹², care reglementează prin definiție modalitățile de folosire a tuturor spațiilor maritime, nu se diferențiază prin nimic ca natură juridică de un acord bilateral, ambele fiind norme convenționale, justițiabilii săi fiind supuși aceluiași regim juridic.

Echivalența între normele de drept internațional se manifestă și în raportul dintre regulile de edictare a normelor și normele însele. Tratatul internațional – ca izvor principal al dreptului internațional public – care a definit, printre altele, regulile aplicabile încheierii tratatelor internaționale¹³ nu se distinge normativ de tratatele încheiate în temeiul său, ceea ce înseamnă că ambele au vocație egală de a fi asumate de statele părți la tratate, adică a celor care au instituit acele norme.

Sursele de drept internațional, la rândul lor, sunt echivalente între ele, pentru că această concordanță rezultă din manifestarea de voință suverană a statelor, indiferent dacă este vorba

¹² Textul Convenției de la Montego-Bay din 1982 asupra dreptului mării se poate vedea în Adrian Năstase, Bogdan Aurescu, Ion Galea, Drept internațional contemporan, Ed. Universul Juridic, București, 2007, p. 423-631.

¹³ Convenția de la Viena privind dreptul tratatelor din 1969 – în Mona Pivniceru, Drept internațional public, vol. I, ediția a 2-a, Ed. Hamangiu, București, 2007, p. 55.

despre cutumă sau principiu general de drept sau drept special, adică tratat. Tratatul poate, în anumite condiții, să modifice o cutumă cel puțin între statele care s-au obligat juridic, după cum o cutumă formată posterior intrării în vigoare a unui tratat având același obiect, poate să-l revizuiască sau să-i atragă caducitatea.

Realitatea este că statele nu pot să se mulțumească doar să coexiste, pentru că ele sunt constrânse să coopereze într-un număr variat de domenii, impunând totodată interdependența mai mult decât suveranitatea statală. Prin urmare, se poate considera că cele două coordonate se află într-o dependență reciprocă și cuplul coexistență-cooperare răspunde unor funcțiuni prezente ale dreptului internațional.

Sistemul normativ internațional trebuie să corespundă unei triple exigențe: asigurarea fiecărui stat a suveranității în interiorul frontierelor sale, coexistența și cooperarea, astfel încât nu poate fi suficient ca regulile de drept internațional să corespundă nevoilor de moment ale societății internaționale, pentru că ele trebuie să aibă un caracter de adaptabilitate în funcțiunile lor.

În afară de aporturile importante aduse de organizațiile internaționale structurii juridice a ordinii internaționale, se afirmă constant noțiunea de comunitate internațională și cea a regulilor juridice *erga omnes*¹⁴. Aceasta este consecința accentuării interdependențelor și limitează relativitatea juridică internațională prin „subordonarea” suveranității statelor unui scop comun.

Valoarea ideologică a comunității internaționale s-a conturat prin pătrunderea în dreptul internațional contemporan a unor valori fundamentale: interzicerea recursului la forță, dreptul popoarelor de a dispune de ele însele, protecția drepturilor omului, interesul umanității în ansamblul său. Aceste valori reclamă societatea internațională ca o colectivitate umană unică cu consecința unei

¹⁴ Caracteristică a normei juridice care o face opozabilă tuturor subiecților de drept dintr-un sistem juridic dat; normele de acest tip produc efecte juridice independente de faptul că subiectul căruia îi este opozabilă norma a participat sau nu la crearea ei; în ceea ce-i privește pe toți, fără excepție – a se vedea definiția în Valentin Constantin, *Drept internațional*, Ed. Universul Juridic, București, 2010, p. 30.

abordări multilaterale a dreptului internațional, dat fiind caracterul global al valorilor promovate de dreptul internațional public.

Datorită amplitudinii organizațiilor internaționale, competența exclusivă a statelor suverane este transpusă dintr-un mijloc de coordonare a suveranităților, într-un mijloc de cooperare între state. Acest aspect demonstrează tripla trecere de la un drept oligarhic la un drept al comunității, de la un drept de stat la un drept pentru oameni și de la un drept de coordonare la un drept al finalităților cum ar fi: dezvoltarea, pacea, protejarea ecologică a planetei sau, de ce nu, fericirea omului¹⁵.

Conceptul de comunitate internațională nu are doar ca efect transformarea naturii dreptului internațional, ci și acceptarea existenței regulilor de ordine publică: dreptul imperativ sau *jus cogens*¹⁶ internațional.

Regulile de *jus cogens* nu pot permite derogări de la conținutul lor și nu pot fi modificate decât printr-o normă de drept internațional general cu același caracter. Această normă aduce o importanță deosebită dreptului internațional public, întrucât conținutul său are un caracter prohibitiv, dar și o conotație etică, în măsura în care norma având un asemenea caracter tinde să situeze, deasupra puterilor statale, anumite valori superioare.

Corelativ cu norma *jus cogens*, noțiunea de *erga omnes* constituie o nouă dovadă a transformărilor survenite în dreptul internațional, și totodată, o restricție adusă principiului relativismului specific dreptului internațional clasic.

¹⁵ Mona Maria Pivniceru, *Drept internațional public*, vol. I, ediția a 2-a, Ed. Hamangiu, București, 2007, p. 56

¹⁶ (1) Norme inderogabile, în general convenționale, dar și cutumiare sau formate ca principii generale – potrivit art. 53 al Convenției de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor – a se vedea pe www.monitorul.juridic.ro – accesat la 16.11.2012; (2) norme imperative opuse lui *jus dispositivum*, în general create convențional, prezente mai ales în sub-sistemele dreptului internațional; *jus dispositivum* – norme care pot fi modificate prin norme consensuale contrare; echivalentul “drept supletiv”, este probabil adecvat în sistemele de drept național care posedă o mare densitate de norme imperative, nu și în sistemul dreptului internațional, care nu posedă această caracteristică – a se vedea în Valentin Constantin, op.cit., p. 31..

Jurisprudența internațională a reținut existența unor situații juridice cu opozabilitate *erga omnes*. În acest sens, putem aminti aici de avizul consultativ al C.I.J. din 11 aprilie 1949, relativ la repararea pierderilor suferite în serviciul Națiunilor Unite. Curtea a reținut că membrii O.N.U.¹⁷ au creat o organizație internațională dotată cu personalitate internațională obiectivă și nu doar o entitate recunoscută de ele, și, în consecință, personalitatea O.N.U. este opozabilă *erga omnes*, aceasta putând angaja o acțiune împotriva unui stat nemembru și nu doar împotriva statelor membre. De asemenea, în speța *Barcelona Traction*, C.I.J., în hotărârea din 5 februarie 1970¹⁸, a detaliat obligațiile *erga omnes*, distingând între obligațiile statelor față de comunitatea internațională în ansamblul său și obligațiile unui stat față de alt stat în cadrul protecției diplomatice.

Teoria obligațiilor *erga omnes* răspunde unei necesități a lumii internaționale contemporane. Acestea decurg din reguli sau principii imperative de drept internațional public. Noțiunile de *jus cogens* și de obligații *erga omnes* aduc importante delimitări relativismului dreptului internațional clasic prin afirmarea regulilor imperative de la care nici un stat care revendică calitatea de membru al comunității internaționale nu se poate sustrage.

Această nouă dimensiune a dreptului internațional public exprimată prin ordinea juridică a comunității internaționale se adaugă ordinii juridice tradiționale, exprimată de relațiile interstatale de coexistență și cooperare.

În final, putem concluziona că normele juridice de drept internațional sunt chemate să

¹⁷ Organizația Națiunilor Unite (abreviat: ONU) este cea mai importantă organizație internațională din lume. Fondată în 1945, după [al Doilea Război Mondial](#), are astăzi 192 de state membre. Întemeierea ei a constat din semnarea, de către membrii ei fondatori, a [Cartei Organizației Națiunilor Unite](#). Potrivit acestui document, ONU are misiunea de a asigura „pacea mondială”, „respectarea drepturilor omului”, „cooperarea internațională” și „respectarea dreptului internațional”. Sediul central al organizației este la [New York](#) – a se vedea [www.wikipedia.org](#).

¹⁸ C.I.J., Hotărârea din 5 februarie 1970 în Cauza *Barcelona Traction*, Rec., 1970, par. 33 – a se vedea în *Mona Maria Pivniceru*, op.cit., p. 58.

reglementeze relațiile dintre subiectele dreptului internațional public, relații de colaborare sau de luptă. De aceea, dreptul internațional public actual cuprinde pe lângă norme și principii care asigură colaborarea pașnică între state și reguli de purtare a războiului.

Instituția juridică de drept internațional public reprezintă o grupare de norme juridice internaționale care reglementează o categorie de relații internaționale legate între ele prin conținutul lor. În această categorie pot fi înglobate, de exemplu: taratul internațional, instituția apatridiei, marea liberă sau infrafracțiunea internațională. Gruparea normelor juridice internaționale, pentru a da naștere unei instituții juridice este relativă, în sensul în care o instituție juridică poate fi alcătuită, la rândul ei, din mai multe instituții juridice, lucru valabil, de altfel, și pentru dreptul intern.

Bibliografie:

1. [On-line]: [www.eumed.net](#) (Vizitat la: 16.11.2012).
2. [On-line]: [www.wikipedia.org](#). (Vizitat la: 23.08.2012).
3. Adrian Năstase, Bogdan Aurescu, Ion Galea, *Drept internațional contemporan*, Ed. Universul Juridic, București, 2007. 796 p.
4. Convenția de la Viena din 1969 privind dreptul tratatelor. A se vedea în *Mona Pivniceru*, *Drept internațional public*, vol. I, ediția a 2-a, Ed. Hamangiu, București, 2007 și în *Stelian Scăunaș*, *Drept internațional public*, Ed. All Beck, București, 2002. Convenția de la Montego-Bay din 1982 asupra dreptului mării - a se vedea în *Adrian Năstase*, *Bogdan Aurescu*, *Ion Galea*, *Drept internațional contemporan*, Ed. Universul Juridic, București, 2007
5. Dominique Carreau, Fabrizio Marrella, *Droit international*, no. 1, 11eme edition, Ed. Pedone, Paris, 2012. 733 p.
6. Mihai Floroiu, *Elemente de drept internațional public și privat*, Ed. Universul Juridic, București, 2011. 175 p.
7. *Mona Maria Pivniceru*, *Drept internațional public*, vol. I, ediția a 2-a, Ed. Hamangiu, București, 2007. 368 p.
8. *Raluca Miga-Beșteliu*, *Drept internațional public*, vol. I, ediția 2, Ed. C.H. Beck, București, 2010. 224 p.
9. *Stelian Scăunaș*, *Drept internațional public*, Ed. All Beck, București, 2002. 308 p.

10.Valentin Constantin, *Drept internațional*,
Ed. Universul Juridic, București, 2010. 576 p.

FLOREA Dumitrița

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Тамара ХАЧАТУРЯН*

РЕЗЮМЕ:

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В данной статье исследуются вопросы, связанные с определением понятия преступления с международным элементом. Анализируются доктринальные подходы к определению преступлений по международному праву. Рассматриваются признаки, характеризующие преступления по международному праву. Определяются виды преступлений с международным элементом.

Общеизвестно, что понятие "преступление" перешло в сферу международного права из национального. В данной статье считаем необходимым определить используемую терминологию в отношении международных правонарушений.

Трагический опыт Второй мировой войны со всей очевидностью доказал необходимость различать в международных правонарушениях международные преступления и международные деликты. Такая дифференциация должна обеспечить эффективную реализацию института международно-правовой ответственности и стабильное развитие международных отношений.

По мнению автора, эти две категории (международные преступления и деликты) порождают отдельные институты международного права. Так, международный деликт (правонарушение) может быть совершен исключительно государством и влечет за собой международно-правовую ответственность государств, что является отдельным институтом международного права и не является предметом данной статьи. С другой стороны, преступление по международному праву (уголовное преступление) может быть совершено физическим лицом и влечет уголовно-правовую ответственность физического лица перед международным или национальным уголовным судом в зависимости от вида преступления, которое было совершено.

Ключевые слова: *преступление с международным элементом, международные преступления, международные деликты, международно-правовая ответственность государств, уголовно-правовая ответственность физического лица.*

REZUMAT:

CONCEPTELE, DEFINIȚIA ȘI TIPURILE DE INFRAȚIUNI CU ELEMENT DE DREPT INTERNAȚIONAL

În acest articol se cercetează aspectele legate de definiția crimei cu element de drept internațional. Se analizează abordările doctrinare la definirea infracțiunilor conform dreptului internațional. Se concretizează specificul care caracterizează crimele conform dreptului internațional. Se definesc tipurile de crime cu elemente de străinătate.

Este cunoscut faptul că conceptul de "crima" a trecut în domeniul dreptului internațional de la

* **HACIATURIAN Tamara** - Doctorand, Lector, Departamentul de drept internațional și drept comparat, Universitatea Internațională din Kiev (Kiev, Ucraina); **KNACHATURIAN Tamara** - PhD student, Lecturer, Department of international and comparative law at the Kyiv International University (Kyiv, Ukraine); **ХАЧАТУРЯН Тамара Хачатуровна** - Аспирант, преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского международного университета (Киев, Украина).

dreptul național. În acest articol, se consideră necesar de a defini terminologia privitor la delictele internaționale.

Experiența tragică celui de al doilea război mondial a demonstrat în mod clar necesitatea de a diferenția infracțiunile internaționale în crime internaționale și delicta internaționale. Această diferențiere se preconizează să asigure aplicarea efectivă a instituției răspunderii juridice internaționale și dezvoltarea stabilă a relațiilor internaționale.

Potrivit opiniei autorului, aceste două categorii (crime internaționale și delicta) dau naștere la instituțiile aparte ale dreptului internațional. Astfel, delictul internațional (prejudiciul) poate fi comis exclusiv de către stat și implică răspunderea internațională a statelor, care este o instituție separată a dreptului internațional și nu este subiectul acestui articol. Pe de altă parte, o crimă în conformitate cu dreptul internațional (infracțiune internațională) poate fi comisă de o persoană fizică și implică răspunderea penală a persoanelor fizice în fața instanței internaționale de judecată sau în fața instanței naționale de judecată penală, în funcție de tipul de crimă care a fost comisă.

Cuvinte cheie: crima cu element de drept internațional, crime internaționale, delicta internaționale, răspunderea juridică internațională a statelor, răspunderea penală a persoanei fizice.

(перевести на английский язык)

РЕЗЮМЕ:

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В данной статье исследуются вопросы, связанные с определением понятия преступления с международным элементом. Анализируются доктринальные подходы к определению преступлений по международному праву. Рассматриваются признаки, характеризующие преступления по международному праву. Определяются виды преступлений с международным элементом.

Общезвестно, что понятие "преступление" перешло в сферу международного права из национального. В данной статье считаем необходимым определить используемую терминологию в отношении международных правонарушений.

Трагический опыт Второй мировой войны со всей очевидностью доказал необходимость различать в международных правонарушениях международные преступления и международные деликты. Такая дифференциация должна обеспечить эффективную реализацию института международно-правовой ответственности и стабильное развитие международных отношений.

По мнению автора, эти две категории (международные преступления и деликты) порождают отдельные институты международного права. Так, международный деликт (правонарушение) может быть совершен исключительно государством и влечет за собой международно-правовую ответственность государств, что является отдельным институтом международного права и не является предметом данной статьи. С другой стороны, преступление по международному праву (уголовное преступление) может быть совершено физическим лицом и влечет уголовно-правовую ответственность физического лица перед международным или национальным уголовным судом в зависимости от вида преступления, которое было совершено.

Ключевые слова: преступление с международным элементом, международные преступления, международные деликты, международно-правовая ответственность государств, уголовно-правовая ответственность физического лица.

Глобализация на универсальном уровне влечет за собой глобализацию преступных посягательств, которые могут охватывать все больший спектр общественных отношений. В контексте возрастающей активности международных уголовных трибуналов, а также деятельности

Международного уголовного суда, считаем необходимым рассмотреть определение преступления по международному праву, исходя из общепринятых постсоветских и западных подходов, а также современной нормотворческой практики.

Общезвестно, что понятие

"преступление" перешло в сферу международного права из национального. В данной статье считаем необходимым определить используемую терминологию в отношении международных правонарушений.

Как отмечает украинский юрист-международник Л.Д. Тимченко, трагический опыт Второй мировой войны со всей очевидностью доказал необходимость различать в международных правонарушениях международные преступления и международные деликты. Такая дифференциация должна обеспечить эффективную реализацию института международно-правовой ответственности и стабильное развитие международных отношений.¹

Данную концепцию подчеркивает и международная практика, так в рамках Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее ГА ООН) была принята Резолюция 56/83 Ответственность государств за международно-противоправные деяния². В этой Резолюции отсутствует понятие преступления, которое может совершить государство, и фигурирует исключительно понятие «правонарушение», хотя изначально, в Проекте Статей об ответственности государств, ст. 19 содержала определение международного преступления. Судя по всему, практика показала, что введение понятия «преступление» в сферу ответственности государства может привести исключительно к ещё большей путанице в терминологии. Однако, поскольку Резолюция ГА ООН носят рекомендационный характер и относятся к сфере так называемого мягкого права, на международном уровне все еще нет точной

позиции касательно определения субъекта международных преступлений по международному праву.

По нашему мнению, эти две категории (международные преступления и деликты) порождают отдельные институты международного права. Так, международный деликт (правонарушение) может быть совершен исключительно государством и влечет за собой международно-правовую ответственность государств, что является отдельным институтом международного права и не является предметом данной статьи. С другой стороны, преступление по международному праву (уголовное преступление) может быть совершено физическим лицом и влечет уголовно-правовую ответственность физического лица перед международным или национальным уголовным судом в зависимости от вида преступления, которое было совершено.

Общеизвестно, что в классической доктрине международного права обычно используются термины «международные преступления» и «преступления международного характера». Однако, применение комплексного подхода к рассмотрению объекта исследования (правовых отношений, возникающих в связи с криминализацией деяния в том или ином виде международным сообществом) требует внедрения синтезирующего термина, который бы позволил объединить для проведения этого анализа вышеупомянутые категории. В связи с этим автором применяются термины «преступление с международным элементом» и «преступление по международному праву», которые в рамках данного исследования охватывают отношения и явления, классически определяемые как «преступление международного характера» и «международное преступление».

Отдельной проблемой является определение основных признаков международного преступления, поскольку уголовное право государств мира чрезвычайно разнообразно. Нельзя также не согласиться с кримиологом Дж.

¹Тимченко Л.Д. Международное право : учебник для юрид. специальностей вузов / Л.Д. Тимченко. – Харьков : Ун-т внутр. дел, 1999. –С. 212.

²Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 Ответственность государств за международно-противоправные деяния от 2002 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/99/PDF/N0147799.pdf?OpenElement>

Шелли, которому принадлежит цитата: «По свидетельству истории, признание революционера и политического террориста героем или убийцей зависит от успеха революции, а не от действительного значения террористического акта».³

Российский исследователь Р.А. Адельханян определял такие признаки международного преступления: ущерб мировому правопорядку, противоправность, виновность и ответственность физического лица.⁴

Украинский исследователь концепции преступления О.В. Микитчик выделяет следующие моменты в дефиниции преступления. Первый – связан с обоснованием в Уголовном кодексе Украины общественной опасности как существенной черты преступления, потому что этого признака нет в других кодексах, но одновременно он имеет достаточно широкий смысл. Второй момент связан с дискуссией об объекте преступления: кому наносится вред – общественным отношениям или отдельным лицам (в международном праве – государствам).

В уголовно-законодательном определении понятия преступления преимущество в основном предоставляется не материальному, а его формальному признаку – противоправности и наказуемости. В западной доктрине, существует большое разнообразие определений понятия преступления, по сути, своими признакам все они сосредотачиваются вокруг нормативных дефиниций, преступление связывается с мерой наказания, предусмотренной уголовным законом (Италия, ФРГ), или степенью причиненного вреда (Китай), или через определение нарушения "правового блага" (штаты США: Калифорния, Нью-Йорк).⁵

³ Шелли Дж.Ф. Формулируя определение преступности // Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шелли : пер. с англ. – СПб., 2003. – С. 83–85.

⁴ Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву : учеб. пособ. / Р.А. Адельханян. – М., 2002. – С.7–9.

⁵ Микитчик О.В. Злочин як соціальне явище: філософсько-правовий аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юр. наук : спец.

Вопрос о соотношении деяния, вины и противоправности достаточно сложно и противоречиво обсуждается в англо-американской и континентальной системах права. Так, в англо-американской системе уголовного судопроизводства в течение длительного времени ориентирной формулой определения признака преступления было выражение: "actus non facit reum, nisi mens sit rea" ("действие не делает человека виновным, если ее дух невиновен").⁶

Раскрывая общеисторическую тенденцию декриминализации юридического закона и его гуманистическую сущность, О.В. Микитчик предлагает следующее определение преступления: «Преступление – это вид антиобщественного противоправного поведения, которое направлено против общечеловеческих ценностей и выражено в действиях, наносящих значительный ущерб человеку в системе общественных отношений и государству, за что уголовным законом предусматривается наказание».⁷

Такое определение деяний, где объектом уголовного преступления является «система ценностей, верований и норм разных обществ и эпох»⁸, соответствует западной теории ценностей в криминологии. Так, в средневековье ценностями считалась церковь и ее каноны, а преступлениями – ересь и колдовство;⁹ в социалистическом государстве советскими ценностями считался коммунистический труд, а преступлениями – спекуляция,

12.00.12 «Філософія права» / О.В. Микитчик. – К., 2002. – С. 12–13.

⁶ Brody D.C. Criminal Law / D.C. Brody, J.R. Acker, W.A. Logan. – Mariland : Aspen publishers, 2001. – 653 p.

⁷ Микитчик О.В. Злочин як соціальне явище: філософсько-правовий аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юр. наук : спец. 12.00.12 «Філософія права» / О.В. Микитчик. – К., 2002. – С. 12–13.

⁸ Siegel L.J. Criminology / L.J. Siegel. – Belmont : Thomson Wadsworth, 2009. – P. 4–5.

⁹ Cordella P. Readings in contemporary criminological theory / P. Cordella, L.J. Siegel. – Boston : Northeastern University press, 1996. – P. 67.

тунеядство и частное хозяйствование.¹⁰

Следовательно, для определения объекта преступления с международным элементом нужно установить общепризнанные международные ценности.

С.Г. Гашми определил «модельные ценности» правительств и граждан, которые регулируют политические, экономические и юридические аспекты отношений. Учитывая концепцию естественного права, он отметил, что такими модельными ценностями для всех является суверенитет (порядок и безопасность), право и права человека, которые существуют независимо от их закрепления в документах или признания государствами.¹¹

Сторонники договорной теории государства и права¹² и коммунитаризма¹³ подчеркивают, что каждый индивид общества обладает собственными ценностями и только «общие ценности» общества являются определяющими для права. Но, поскольку общества и культуры государств различны, не может быть «общих ценностей» в международных отношениях, только «договорные». Ценности, содержащиеся за пределами «договорных ценностей», являются «спорными ценностями, поскольку общества отличаются друг от друга». В частности, Япония отказалась признавать инкриминируемые ей военные преступления во время Токийского процесса, поскольку она никогда не была участницей Женевских конвенций.¹⁴

К.М. Сафферлин ввел понятие «универсальные нормы отдельных

государств»,¹⁵ которые являются общеобязательными для исполнения, однако могут не соответствовать ценностям отдельных государств. Так, он отмечает, что мировое сообщество создается и регулируется из взглядов могущественных государств большой пятерки ООН, которые сами создают нормы и организации для выполнения этих норм. А значит, такие нормы соответствуют только «ценностям определяющей пятерки».

Американский ученый М.Ш. Бассиоуни считает, что объект международного преступления определяется «фундаментальными ценностями, международными интересами, гуманитарными ценностями и потребностями мирового порядка»¹⁶. Однако Р. Краер, Г. Фрайман, Д. Робинзон и Е. Вилмшурст отмечают, что такая широкая трактовка может повредить развитию международного уголовного права, в частности, негативно повлиять для определения военных преступлений в немеждународных конфликтах.¹⁷

Н.А. Зелинская считает, что концепция международно-правового преступления базируется на признании необходимости уголовно-правовой защиты основных общечеловеческих ценностей, независимо от того, имеет ли отражение состав соответствующих преступлений в законах государства, на территории которого они осуществлены. Утверждение понятия «преступление по международному праву» неразрывно связано с универсализацией концепции прав человека.¹⁸

Следовательно, можно утверждать, что

¹⁰Padhy P. *Crime and Criminology* / P. Padhy. – Delhi : Isha Books, 2007. – P. 274.

¹¹Hashmi S.H. *State sovereignty : change and persistence in international relations* / S.H. Hashmi. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. – P. 105–126.

¹²Walzer M. *The moral standings of a states* / M. Walzer // *Philosophy and Public Affairs*. – 1980. – № 9. – P. 209–211.

¹³Nino C.S. *Positivism and Communitarianism* / C.S. Nino // *Ratio Juris*. – 1994. – № 7. – P. 4–20.

¹⁴Elliott C. *Criminal law* / C. Elliott, F. Quinn. – Dorchester : Dorset press, 2008. – P. 11.

¹⁵Saffeling Ch.J.M. *Towards an international criminal procedure* / Ch.J.M. Saffeling. – Oxford : Oxford university press, 2003. – P. 41.

¹⁶Bassiouni M.Ch. *International Criminal Law: Sources, subjects, and contents* / M. Ch. Bassiouni. – Leiden : Koninklijke Brill NV, 2008. – P. 17.

¹⁷Cryer R. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure* / Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurst E. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 5.

¹⁸Зелинская Н.А. Идентификация и генезис понятия «международное преступление» в международном уголовном праве / Н.А. Зелинская / Марку Ефимовичу Черкесу – 80 : статьи учеников и коллег. – О. : Феникс, 2010. – С. 22.

существуют три категории международных ценностей: универсальные ценности, договорные ценности и ценности, обязательность которых определяется Советом Безопасности ООН. Общими для всех являются мир, безопасность, права человека и сотрудничество. Такие ценности, как равенство и соблюдение договорных норм, являются дискуссионными ценностями и рассматриваются как провозглашенные идеалы.

Однако, не только деятельность, направленная против ценности, характеризует преступление с международным элементом, но и мера причинения вреда таким ценностям – опасность самого правонарушения. Так, Е. Руилоба считает, что только «тяжесть деяний и имеющийся умысел в правонарушении» способны расширить сферу применения международного права от государств к индивидуумам, совершившим такие преступления.¹⁹

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что уголовное преступление в международном праве – это виновное деяние, направленное против универсальных международных ценностей, признанных международным правом. Существенная опасность, предусмотренная нормами международного права, наносится ценностям международного сообщества и, наконец, такие действия имеют тяжелые последствия.

Однако классификация преступлений по международному праву существует только в доктрине. Исследователи выделяют международные преступления и преступления международного характера.

Так, Д.Б. Левин рассматривал международные преступления как посягательство на свободу народов мира или как посягательство на интересы всего прогрессивного человечества; как посягательство на коренные основы международного сотрудничества, на права и интересы всех государств. Ученый высказал мнение о необходимости

проведения различия «между простыми нарушениями международного права и международными преступлениями, которые подрывают сами его основы и важнейшие принципы».²⁰

П.С. Ромашкин говорит о посягательстве на основы международных отношений.²¹

Л.А. Моджорян рассматривает эти преступления, как посягательство на само существование государства и нации.²²

Л.Н. Галенская указывает, что преступления против мира, человечности и военные преступления «имеют единый объект посягательства – общий мир; все они являются действиями, непосредственно нарушающими мирные отношения между отдельными государствами которые могут создать угрозу международной безопасности».²³

А.Н. Трайнин, по сути, объединил эти точки зрения в формулу «преступления против человечества» и определил их «как посягательство на основы существования и прогрессивного развития народов».²⁴

Н.И. Костенко отмечает, что преступления, которые наносят значительный ущерб международному сообществу и международным интересам, сгруппированы в ст. 5 Устава Международного уголовного суда, и юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. Они по своему характеру являются тяжелейшими

²⁰ Левин Д.Б. Проблема ответственности в науке международного права / Д.Б.Левин // Известия АН СССР : отделение экономики и права. – 1946. – № 2. – С. 105.

²¹ Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П.С. Ромашкин // Советское государство и право. – 1948. – № 3. – С. 27–30.

²² Моджорян Л.А. Основные права и обязанности государств / Л.А. Моджорян. – М. : Юрид. лит., 1965. – С. 216–217.

²³ Галенская Л.Н. Международные преступления и международная ответственность / Л.Н. Галенская // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 168–171.

²⁴ Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества / А.Н. Трайнин. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – С. 39–44.

¹⁹ Ruiloba E. Consideraciones sobre el concepto y elementos del acto ilícito en Derecho Internacional. – Zaragoza : Symbolae Garcia Ariaz, 1974. – P. 381–405.

преступлениями и осуществляются в области международных отношений, посягающих на отношения между государствами в условиях мирного сосуществования, и могут серьезно подорвать международный правопорядок.

Международное преступление, по мнению Н.И. Костенко, – это разновидность международного правонарушения, которое посягает на основы международного сообществ, наносит ему тяжкий ущерб и вызывает опасные для человеческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права, основополагающего значения для обеспечения мира, защиты человека и жизненно важных интересов международного сообщества в целом. Конечным итогом совершения международного преступления является международная ответственность государств и индивидуальная уголовная ответственность физических лиц.²⁵

Комиссия международного права, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, кодифицировала принципы, сформулированные в Уставе и приговорах Нюрнбергского трибунала, и разработала на их основе известный проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Перечень преступлений, закрепленных в проекте Кодекса, более полный, чем в Уставе Нюрнбергского трибунала. Комиссия определила среди международных преступлений агрессию, грубое нарушение обязательств, обеспечивающих право народов на самоопределение и на ликвидацию колониализма, действия, которые отрицают запрет рабства, геноцид, апартеид, а также грубые нарушения обязательств по охране окружающей среды.²⁶

²⁵Костенко Н.И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции : автореф. дис. на соискание уч. степени док. юр. наук : спец. 12.00.10 «Международное право; европейское право» / Н.И. Костенко. – М., 2002. – С. 7.

²⁶Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [Электронный ресурс] : работа Комиссии Международного права. [третье

Термин «преступления против мира и безопасности человечества», введенный Комиссией международного права ООН, часто используется в науке международного права как синоним термина «международные преступления». Например, по мнению А.Ю. Скуратова, термин «преступления против мира и безопасности человечества» отражает новые тенденции современного развития международного права в области борьбы с международными преступлениями.²⁷

Р. Краер, Г. Фрайман, Д. Робинзон и Е. Вилмшурст рассматривают преступления по международному праву с позиции их деления на «основные» (“core” crimes) и «остальные», предусмотренные международным правом. К основным преступлениям относят геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию. Агрессию они отождествляют с преступлением против мира. К «остальным» причисляют все преступления, которые государства-участники различных договоров обязались криминализировать в национальном законодательстве.²⁸

Испанский исследователь международного права М.Д. де Веласко рассмотрел категорию международных преступлений как «комплиментарную» к институту ответственности государств, в соответствии с которой виновные в совершении преступлений, привлекаются за совершение тех деяний, за которые были уже привлечены государства. Среди них: преступления против человечества (человечности), мира, военные преступления, геноцид, международный

издание], ООН, Нью-Йорк. – 1982. – Режим доступа :

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code_of_offences.pdf

²⁷Скуратова А.Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества : автореф. дис. на здобуття канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 «Международное право» / А.Ю. Сакуратова. – М., 2006. – С. 3.

²⁸Cryer R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurst E. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. –P. 2–3.

терроризм.²⁹

Таким образом, можно определить, что международное преступление – это виновное деяние, направленное против основных универсальных ценностей международного сообщества, которые признаны международным правом. Такое деяние несет существенную опасность. Результаты такого деяния имеют тяжелые последствия, должностные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, а государство – к международно-правовой ответственности.

Н.А. Зелинская отмечает, что преступления международного характера, или, как их еще называют, «уголовные преступления международного характера», «международные преступления уголовного характера», «конвенционные преступления», «транснациональные преступления», в соответствии с советской доктриной, зачастую посягают на внутригосударственный, национальный правопорядок; те деяния, которые одновременно затрагивают интересы отдельных стран или международного сообщества, подрывая основы сотрудничества государств и другие стороны международных отношений. По юридической природе сторонники «классических взглядов» на классификацию международных противоправных деяний причисляют их к общеуголовным преступлениям, осложненным «иностранным элементом».³⁰

В.П. Панов считает, что термины «преступления международного характера» и «международные уголовные преступления» являются синонимами и характеризует эти преступления как не имеющие непосредственной связи с преступной деятельностью конкретного государства, однако посягающие одновременно на международный и национальный правопорядок, на мирное

сотрудничество государств в области экономики, культуры, торговли, на права и свободы человека, интересы юридических лиц и при этом являющиеся общественно-опасными для многих государств.³¹

И.И. Карпец понимает под преступлениями международного характера деяния, предусмотренные международными соглашениями, которые не относятся к преступлениям против человечества, но посягают на нормальные отношения между государствами, наносят ущерб мирному сотрудничеству государств в различных областях (экономической, социально-культурной, имущественной и т.п.), а также организациям и гражданам. Такие деяния караются в соответствии с нормами международных соглашений, ратифицированных в установленном порядке, или в соответствии с нормами национального уголовного законодательства, предусмотренных этими соглашениями.³²

С.В. Черниченко под термином «преступления против международного права (преступления согласно международному праву)» понимает действия индивидов, которые представляют опасность в международном масштабе, признаются государствами преступными и требуют объединения усилий в борьбе с ними.³³

По мнению Ю.С. Ромашева, определение "преступления международного характера" должно содержать, прежде всего, указание на правовые формы, в которых определенная группа общественно опасных деяний находит свое закрепление (выражение) как преступлений, а также указание на существенные свойства этих преступлений. Определение "преступление международного характера" должно быть той общей теоретической моделью, которая позволяет выделить его из всех

²⁹ Velasco M.D. *Instituciones de derecho internacional publico* / M.D. Velasco. – Madrid : Tecnos, 2009. – P.880-885.

³⁰ Зелинская Н.А. Идентификация и генезис понятия "международное преступление" в международном уголовном праве / Н.А. Зелинская / Марку Ефимовичу Черкесу – 80 : статьи учеников и коллег. – О. : Феникс, 2010. – С. 24.

³¹ Панов В.П. *Международное уголовное право* / В.П. Панов. – М. : ИНФРА-М, 1997. – С. 13.

³² Карпец И.И. *Преступления международного характера* / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1979. – С. 48.

³³ Черниченко С.В. *Очерки по философии и международному праву* / С.В. Черниченко. – М. : Научная книга, 2009. – С. 631.

других преступлений.³⁴

По мнению Л.Н. Галенской, Комиссия международного права ООН, разрабатывая проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, не внесла в него каких-либо положений о таких преступлениях, как пиратство, торговля опасными лекарственными веществами, торговля женщинами и детьми, рабовладение, подделка денежных знаков, повреждение подводных кабелей и т.д., причислив к вопросам, касающимся коллизии законов различных стран и конфликтов юрисдикций в международных уголовных вопросах.³⁵

Следовательно, можно определить, что преступление международного характера – это виновное деяние, направленное против международных договорных ценностей и нормального сотрудничества государств. Такое деяние несет определенную опасность, предусмотренную договорными нормами, а его результаты имеют негативные последствия. За такое нарушение могут привлекаться к ответственности физические лица. Однако государства к ответственности за преступления международного характера не привлекаются.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Основной категорией, которая определяет преступление с международным элементом, является противоправность деяния, направленная против универсальной международной ценности.

В зависимости от того, на какие ценности посягают преступления с международным элементом, их можно условно классифицировать на две формы: международные преступления и преступления международного характера.

Международное преступление – это виновное деяние, направленное против

основных универсальных ценностей международного сообщества, которые признаны международным правом. Такое деяние несет существенную опасность. Результаты такого деяния имеют тяжелые последствия, должностные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, а государство – к международно-правовой ответственности. При этом такие основные универсальные ценности могут определяться международными судебными органами при привлечении к ответственности. Видами таких преступлений согласно Уставу Международного уголовного суда являются: военные преступления, преступления против человечности, геноцид, агрессия.

Преступление международного характера – это виновное деяние, направленное против международных договорных ценностей, результаты такого действия имеют негативные последствия для сотрудничества государств. За преступления международного характера могут привлекаться к ответственности физические лица, однако государства к ответственности не привлекаются. Привлечение к уголовной ответственности осуществляется судебными органами отдельных государств.

Библиография:

1. Bassiouni M.Ch. International Criminal Law: Sources, subjects, and contents / M. Ch. Bassiouni. – Leiden : Koninklijke Brill NV, 2008. – 1086 p.
2. Brody D.C. Criminal Law / D.C. Brody, J.R. Acker, W.A. Logan. – Mariland : Aspen publishers, 2001. – 653 p.
3. Cordella P. Readings in contemporary criminological theory / P. Cordella, L.J. Siegel. – Boston : Northeastern University press, 1996. – 416 p.
4. Cryer R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 477 p.
5. Elliott C. Criminal law / C. Elliot, F. Quinn. – Dorchester : Dorset press, 2008. – 423 p.
6. Hashmi S.H. State sovereignty : change and persistence in international relations / S.H. Hashmi. – University Park: Pennsylvania State

³⁴ Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и другие преступления) / Ю.С. Ромашев. – М. : РосКонсульт, 2001. – С. 13.

³⁵ Галенская Л.Н. Международные преступления и международная ответственность / Л.Н. Галенская // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 168–171.

University Press, 1997. – 214 p.

7. Nino C.S. Positivism and Communitarianism / C.S. Nino // *Ratio Juris*. – 1994. – № 7. – P. 4–20.

8. Padhy P. Crime and Criminology / P. Padhy. – Delhi : Isha Books, 2007. – 303 p.

9. Ruiloba E. Consideraciones sobre el concepto y elementos del acto ilicio en Derecho Internacional. – Zaragoza : Symbolae Garcia Ariaz, 1974. – 564 p.

10. Saffeling Ch.J.M. Towards an international criminal procedure / Ch.J.M. Saffeling. – Oxford : Oxford university press, 2003. – 395 p.

11. Siegel L.J. Criminology / L.J. Siegel. – Belmont : Thomson Wadsworth, 2009. – 647 p.

12. Velasco M.D. Instituciones de derecho internacional publico / M.D. Velasco. – Madrid : Tecnos, 2009. – 1175 p.

13. Walzer M. The moral standings of a states / M. Walzer // *Philosophy and Public Affairs*. – 1980. – № 9. – P. 209–211.

14. Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву : учеб. пособ. / Р.А. Адельханян. – М., 2002. – 28 с.

15. Галенская Л.Н. Международные преступления и международная ответственность / Л.Н. Галенская // *Правоведение*. – 1965. – № 1. – С. 168–171.

16. Зелинская Н.А. Идентификация и генезис понятия “международное преступление” в международном уголовном праве / Н.А. Зелинская / Марку Ефимовичу Черкесу – 80 : статьи учеников и коллег. – О. : Феникс, 2010. – 272 с.

17. Карпец И.И. Преступления международного характера / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1979. – 264 с.

18. Костенко Н.И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции : автореф. дис. на соискание уч. степени док. юр. наук : спец. 12.00.10 «Международное право; европейское право» / Н.И. Костенко. – М., 2002. – 61 с.

19. Левин Д.Б. Проблема ответственности в науке международного права / Д.Б. Левин // *Известия АН СССР : отделение экономики и права*. – 1946. – № 2. – С. 105.

20. Микитчик О.В. Злочин як соціальне явище: філософсько-правовий аспект :

автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юр. наук : спец. 12.00.12 «Філософія права» / О.В. Микитчик. – К., 2002. – 16 с.

21. Моджорян Л.А. Основные права и обязанности государств / Л.А. Моджорян. – М. : Юрид. лит., 1965. – 226 с.

22. Панов В.П. Международное уголовное право / В.П. Панов. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 320 с.

23. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [Электронный ресурс] : работа Комиссии Международного права. [третье издание], ООН, Нью-Йорк. – 1982. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code_of_offences.pdf

24. Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и другие преступления) / Ю.С. Ромашев. – М. : РосКонсульт, 2001. – 300 с.

25. Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П.С. Ромашкин // *Советское государство и право*. – 1948. – № 3. – С. 27–30.

26. Скуратова А.Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества : автореф. дис. на здобуття канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 «Международное право» / А.Ю. Сакуратова. – М., 2006. – 198 с.

27. Тимченко Л.Д. Международное право : учебник для юрид. специальностей вузов / Л.Д. Тимченко. – Харьков : Ун-т внутр. дел, 1999. – 528 с.

28. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества / А.Н. Трайнин. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 298 с.

29. Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву / С.В. Черниченко. – М. : Научная книга, 2009. – 770 с.

30. Шелли Дж.Ф. Формулируя определение преступности // *Криминология* / Под ред. Дж.Ф. Шелли : пер. с англ. – Спб., 2003. – С. 83–85.

Хачатурян Тамара

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ БАЗ

*Иван ГОРОДИСКИЙ**

REZUMAT: CADRUL JURIDIC INTERNAȚIONAL PRIVIND CREAREA BAZELOR MILITARE STRĂINE

Problematica cu privire la bazele militare străine este una din cele mai complicate și dificile în dreptul internațional. În articol autorul analizează tendințele moderne de reglementare internațională în acest domeniu. Se cercetează problema reglementării juridice internaționale a procesului de creare a bazelor militare străine. Se analizează doctrina dreptului internațional și practica relațiilor internaționale în acest domeniu. S-au determinat principiile dreptului internațional în baza cărora ar trebui să fie create bazele militare în străinătate. Autorul formulează aceste principii în baza practicii diferitor state și doctrinei de drept internațional.

Cuvinte cheie: baze militare străine, securitate, cadrul juridic internațional.

РЕЗЮМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ БАЗ

Проблематика иностранных военных баз является одной из наиболее сложных в международном праве. В статье автор анализирует современные тенденции международно-правового регулирования в этой сфере. Исследована проблема международно-правового регулирования создания иностранных военных баз. Проанализирована доктрина международного права и практика международных правоотношений по этому поводу. Выделены основные международно-правовые принципы, на основе которых должно происходить создание военных баз за рубежом. Автор формулирует эти принципы исходя из практики государств и доктрины международного права.

Ключевые слова: иностранные военные базы, безопасность, международно-правовые основы.

(**проверить перевод на английский**)

ABSTRACT: THE INTERNATIONAL LEGAL GROUNDS OF THE CREATION OF THE FOREIGN MILITARY BASES

The problems concerning foreign military bases are one of the most complicated issues in international law. The author is analyzing contemporary trends of the international legal regulation in this sphere. The article is devoted to the problem of the international legal regulation concerning the creation of the foreign military bases. The doctrine of international law and international legal practice is analyzed.

* *HORODYSKYI Ivan* - Magistru în drept internațional, doctorand, Departamentul de drept internațional, Universitatea Națională "Ivan Franko" din Lvov (Lvov, Ucraina); *HORODYSKYI Ivan* - Master in international law, PhD Candidate, the International Law Department of the Lviv national University "Ivan Franko" (Lviv, Ukraine); *ГОРОДИСКИЙ Иван* - Магистр международного права, аспирант кафедры международного права Львовского национального университета имени Ивана Франко (Львов, Украина).

The basic international legal grounds on which the creation of military bases abroad should be based are specified. The author formulates these principles on the basis of the existing state practice and doctrine of international law.

Key words: foreign military bases, international legal grounds, security

Иностранные военные базы являются важным элементом современных международных отношений. Они часто подвергаются активной критике, и постоянно раздаются призывы о необходимости их полного запрета и ликвидации. Однако они остаются неотъемлемым явлением современного мира, с которым, безусловно, следует считаться, в том числе и в международно-правовом измерении.

Несмотря на значительное сокращение количества иностранных военных баз по сравнению с периодом «холодной войны» 2-й пол. XX в., факты их создания имеют место и в наше время. Например, в мае 2009 г. была открыта военная база Франции «Зайд» на территории Объединенных Арабских Эмиратов¹. В феврале 2011 г. было объявлено, что Китай намерен разместить собственную военную базу на территории Пакистана². Планы создания новых военных баз за рубежом имеют США и Российская Федерация.

На данном этапе международно-правовое регулирование отношений по части иностранных военных баз и их создания, как правило, происходит через заключение межгосударственных договоров. Тем не менее, часто факты их создания провоцируют возникновение конфликтов и дестабилизируют межгосударственные отношения.

В этих условиях особое значение в международном праве приобретает необходимость регулирования создания иностранных военных баз. Оно должно решать вопросы, связанные с допустимостью создания военных баз за рубежом, соответствием этих действий нормам и принципам международного права, а также учитывать интересы как государства пребывания базы, так и третьих государств.

¹ French President Sarkozy opens UAE base [Electronic resource] // BBC News. – Mode of access : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8067600.stm> (Дата посещения: 28.11.2012).

² China to Establish Military Bases Overseas [Electronic resource] // GlobalResearch.ca. – Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&id=17371> (Дата посещения: 28.11.2012).

Именно поэтому создание иностранных военных баз должно соответствовать определенным международно-правовым основам, которые бы исходили из основных принципов и важнейших норм международного права. Если проанализировать доктрину международного права и практику международных правоотношений относительно иностранных военных баз, можно выделить несколько таких ключевых принципов. Все они взаимосвязаны, что позволяет утверждать об их системном характере.

Прежде всего следует отметить, что соответствие создания иностранной военной базы основным нормам и принципам международного права предполагает, что это **создание должно произойти при наличии соответствующих правовых оснований**. Такими основаниями на современном этапе главным образом служат международные межгосударственные договоры и, в отдельных случаях, решения международных организаций, таких как ООН.

Заключения межгосударственных договоров регулируется Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. Ее нормы предусматривают процедуру заключения, вступления в силу и прекращения действия международных договоров. Однако международные договоры по поводу иностранных военных баз имеют свою специфику.

Например, ст. 80 Венской конвенции 1969 г. предусматривает, что: «Договоры после их вступления в силу направляются в Секретариат Организации Объединенных Наций для регистрации или для хранения в делах и занесения в перечень, в зависимости от случая, и для опубликования»³. В свою очередь, в ст. 102 Устава ООН говорится, что: «Всякий договор и всякое международное соглашение, заключенные любым Членом Организации... должны быть... зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы. Ни одна из

³ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Действующее международное право : в 3 т. – Т. 1. – М. : Изд-во Моск. Независ. института междунар. права, 1999. – С. 343–371.

сторон в любом таком договоре или международном соглашении, не зарегистрированных в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, не может ссылаться на такой договор или соглашение ни в одном из органов Организации Объединенных Наций»⁴.

Отметим, что очень часто эти положения не применяются именно в случае международных договоров относительно иностранных военных баз. Например, Дж. Вудлайф отмечает, что государства наделены относительной свободой в реализации указанных положений, и приводит пример правительства Великобритании, которое заявило, что: «Договоренности, регулирующие использование военными США баз в Соединенном Королевстве, не требуют регистрации в ООН согласно ст. 102 Устава ООН»⁵.

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что положения Венской конвенции 1969 г. и Устава ООН относительно регистрации международных договоров имеют в большей степени диспозитивный характер и передаются на усмотрения сторон договора. Это подтверждают и ученые, занимающиеся исследованием права международных договоров, в частности А. Талалаев, который указывает, что нерегистрация международного договора не делает его автоматически недействительным⁶.

В то же время отказ от регистрации создает риски для сторон в случае невыполнения условий этого договора. Также это ограничивает их в выборе способов защиты своих прав и интересов в соответствии с таким договором, например, исключает обращения по этому поводу в Международный суд ООН и ссылку на него во время разбирательства в этой инстанции.

Нежелание государств идти на публикацию и регистрацию договоров о создании иностранных военных баз зачастую обусловлено спецификой указанных

соглашений. В них могут содержаться положения, составляющие государственные тайны, раскрытие которых будет нежелательным для одной или обеих сторон. Вместе с тем для того, чтобы вступить в действие, такие договоры в любом случае обязаны пройти другие обязательные процедуры, в частности ратификацию в установленном национальным законодательством порядке.

Кроме того, следует отметить, что межгосударственные договоренности, предметом которых является создание иностранных военных баз, могут быть заключены и в иной форме. Например, при создании авиационной базы «Манас» на территории Кыргызстана было подписано Соглашение между правительствами США и Кыргызской Республики. Его заключения произошло в виде обмена нотами: Посольство США в Кыргызской Республике 4 декабря 2001 г. направило дипломатическую ноту № 542/01, которая вместе с положительным ответом Министерства иностранных дел Кыргызской Республики № 011-22/1655 и составила собой настоящее Соглашение⁷.

Другой важной предпосылкой создания иностранных военных баз является **получение надлежащего согласия государства пребывания**. Как отмечает Дж. Вудлайф, иностранное военное присутствие и создание иностранных военных баз должны происходить исключительно с согласия государства пребывания. Форма предоставления такого согласия остается на усмотрение государств и может принимать различные формы. Также он отмечает необходимость правового урегулирования этих вопросов⁸.

Согласие должно быть добровольным и лишеным внешнего давления или угроз. Только в этом случае создание иностранных военных баз не будет считаться нарушением основных принципов международного права, в частности принципов невмешательства во внутренние дела государств и запрещения применения силы или угрозы силой.

Этот тезис находит свое подтверждение в практике международно-правовых отношений. Например, во время конфликта между Францией и Тунисом по поводу французской военной базы в тунисском городе Бизерта в

⁴ Устав Организации Объединенных Наций и Устав Международного суда от 26.06.1945 г. [Электронный ресурс] // Официальная веб-страница ООН. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (Дата посещения: 28.11.2012).

⁵ Woodlife J. The Peacetime Use of Foreign Military Installations Under Modern International Law / J. Woodlife. – Dordrecht – Boston – London : Martinus Nijhoff Publishers, 1992. – P. 23.

⁶ Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / А.Н. Талалаев. – М. : Юрид. лит., 1997. – С. 176–180.

⁷ Носов В. Военное присутствие как инструмент внешней политики России и США : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / В. Носов. – Бишкек, 2010. – С. 135.

⁸ Woodlife J. Op. cit. – P. 35.

1961 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей специальной сессии в августе 1961 г. приняла резолюцию, которой признала: «суверенное право Туниса требовать вывода всех французских войск, которые находятся на его территории без его согласия»⁹. Таким образом, Генеральная Ассамблея ООН подтвердила, что согласие государства пребывания является необходимым условием расположения иностранных военных баз на ее территории.

В Декларациях Движения неприсоединения указывалось на недопустимость создания иностранных военных баз без согласия государства пребывания. Например, в Декларации VII Конференции глав государств и правительств стран Движения неприсоединения в Нью-Дели (Индия) 1983 г. было отмечено, что: «... создание иностранных военных баз против воли государства, в котором они расположены, является нарушением государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности ...»¹⁰.

В доктрине международного права тоже находит свое подтверждение мысль о том, что создание иностранных военных баз возможно только при условии предоставления соответствующего согласия государством пребывания. Например, А. Прилипко отмечает, что иностранное военное присутствие (в том числе в форме иностранных военных баз): «... является правомерным в случае согласия по этому поводу между соответствующими государствами»¹¹.

Кроме того, согласие государства должно соответствовать также конституционному законодательству государства пребывания, необходимость чего, в частности, отмечает Дж. Вудлайф¹². В случае, если будет существовать такое несоответствие, это может в дальнейшем привести к признанию

⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1622 (S-III) от 21.08.1961 [Электронный ресурс] // Официальная веб-страница ООН. – Режим доступа : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/047/56/IMG/NR004756.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.11.2012).

¹⁰ Summit Declarations of Non-Aligned Movement (1961–2009). – Tripureshwar – Kathmandu : Institute of Foreign Affairs, 2011. – P. 239.

¹¹ Прилипко А. Питання допуску та перебування підрозділів іноземних військово-морських сил на території України та його особливостей під час збройного конфлікту / А. Прилипко // Зовнішня торгівля: право та економіка. – 2009. – № 6 (47). – С. 104.

¹² Woodliffe J. Op. cit. – P. 35.

недействительным международного договора, на основании которого была создана военная база.

Помимо соответствия внутреннему законодательству, создание иностранных военных баз также должно соответствовать международным обязательствам государства пребывания. Эти обязательства могут быть выражены в двусторонних и многосторонних международных договорах, в том числе и заключенных в рамках международных организаций.

Например, государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) обязаны не размещать на своей территории военные базы и любую другую военную инфраструктуру третьих стран без согласования со всеми другими государствами-членами в соответствии с Протоколом о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов ОДКБ от 20.12.2011 г.¹³. Примером соответствующего двустороннего договора может служить договор о безопасности между США и Японией от 08.09.1951 г., согласно ст. 2 которого Япония обязалась не предоставлять свою территорию третьим странам для размещения военных баз без согласования с США¹⁴.

Исключением из этого принципа является ситуация, когда военные базы на чужой территории создаются в результате вооруженного конфликта. Однако в любом случае в дальнейшем возникает необходимость юридического урегулирования их пребывания на чужой территории путем заключения межгосударственного договора или через решение международной организации в том случае, если они продолжают функционировать и после окончания конфликта.

Пример такой ситуации приводит американский ученый Ш. Бассиуни,

¹³ Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов Организации Договора о Коллективной Безопасности от 20 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=54148> (Дата посещения: 28.11.2012).

¹⁴ Security Treaty Between the United States and Japan of 8 September 1951 [Electronic resource] // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. – Mode of access : http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (Дата посещения: 28.11.2012).

рассматривая размещения войск США и их союзников в Ираке в результате проведения военной операции в этой стране в марте 2003 г. Как указывает ученый, в октябре 2003 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1511, которой, по его мнению, легитимизовал статус многонациональных войск в соответствии с международным правом, изменив его с оккупационного на иностранное военное присутствие по приглашению государства пребывания. Впоследствии Совет Безопасности принимал такие резолюции ежегодно вплоть до 2008 г., когда Ирак заключил с другими государствами Соглашения о статусе сил (СОФА)¹⁵.

В условиях XXI в. чрезвычайно важна **легитимность целей создания иностранных военных баз** в соответствии с основными нормами и принципами международного права. К середине XX в., главными целями создания и функционирования иностранных военных баз были колониальное завоевание и/или осуществления военного давления на другие государства. Сегодня такие цели являются недопустимыми с точки зрения основных норм и принципов международного права. В частности, это затрагивает такие принципы, как принцип права народов на самоопределение и принцип запрещения применения силы или угрозы силой.

Такое утверждение находит свое подтверждение в практике международных правоотношений. Так, в период деколонизации 1950–1980-х гг. создание и функционирование иностранных военных баз на территории бывших колоний рассматривались как нарушение прав народов на самоопределение. В Декларации Алжирской конференции глав государств и правительств стран Движения неприсоединения (5–9 сентября 1973 г.) утверждалось, что: «Ни независимое государство не останется свободным пока империалистические базы ... остаются даже хотя бы в одной колонии»¹⁶.

Соответственно на современном этапе создание иностранных военных баз может допускаться только в целях, отвечающих важнейшим принципам и нормам международного права. К таким, в частности, можно причислить:

- обеспечение мира и безопасности в мире;
- обеспечение международной стабильности;
- содействие проведению миротворческих операций по решению Организации Объединенных Наций и других международных организаций и т. п.

Практика создания военных баз за рубежом в этих целях берет начало с середины XX в. Как отмечает американский ученый Р. Гаркави, создание военных баз после Второй мировой войны на территории Германии и Японии имело целью гарантировать стабильность государств, потерпевших поражение во время войны, а также сделать невозможным реванш со стороны германских нацистов и японских милитаристов¹⁷. В середине 1990-х гг. военные базы были созданы на территории бывшей Югославии с целью поддержки миротворческих и гуманитарных операций в этой стране, охваченной гражданской войной¹⁸.

В соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики указано, что ее нахождение отвечает целям поддержания мира и безопасности в регионе, носит оборонительный характер и не направлено против других государств. Также указано, что авиабаза создана с целью дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества между Сторонами, отвечает интересам народов обоих государств в военной сфере и обеспечивает, совместно с Вооруженными силами Киргизской Республики, защиту суверенитета и безопасности Российской Федерации и Киргизской Республики¹⁹.

Другим примером является создание военной авиационной базы «Манас» в Кыргызстане. Она была создана на основании резолюции Совета Безопасности ООН. Целью ее создания и функционирования стала поддержка миротворческой операции «Нерушимая свобода», проводимой

¹⁵ Bassiouni Cherif M. Legal Status of US Forces in Iraq from 2003–2008 / Cherif M. Bassiouni // Chicago Journal of International Law. – 2010–2011. – Vol. 11. – Iss. 1. – Summer 2010. – P. 7.

¹⁶ Summit Declarations of Non-Aligned Movement (1961–2009). – Tripureshwor – Kathmandu : Institute of Foreign Affairs, 2011. – P. 42–80.

¹⁷ Harkavy R.E. Bases Abroad: The Global Foreign Military Presence / R.E. Harkavy. – New York : SIPRI, 1989. – P. 2–7.

¹⁸ Носов В. Указ. соч. – С. 39.

¹⁹ Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики от 22 сентября 2003 г. [Электронный ресурс] // Параграф: информационная система. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30296611 (Дата посещения: 28.11.2012).

Международными силами содействия безопасности в начале 2000-х гг. в Афганистане.

К сожалению, в современной практике межгосударственных отношений цели создания и функционирования иностранных военных баз не всегда являются легитимными, даже если официально было заявлено обратное. Тем не менее, существование и четкое определение таких легитимных целей позволяет минимизировать и решать проблемы отношений, возникающих относительно иностранных военных баз.

Если говорить о том, что *создание иностранных военных баз не должно быть источником нестабильности*, то следует отметить, что среди основных целей (функций) международного права одной из ключевых является обеспечение стабильности международных отношений. По мнению И. Лукашук, функция укрепления международной системы и обеспечения ее функционирования – это главная социальная функция международного права²⁰. Международный суд ООН в своей практике придерживается аналогичной точки зрения. В Консультативном заключении относительно правомерности применения ядерного оружия Суд отметил, что международное право призвано обеспечивать стабильность международного правопорядка²¹.

В этом контексте субъекты международных правоотношений должны воздерживаться от действий, которые бы противоречили этим целям и ставили под угрозу международный мир и безопасность. Практика международных правоотношений доказывает, что создание иностранных военных баз может становиться причиной возникновения конфликтов между государством пребывания и государством, которое контролирует иностранную военную базу.

Кроме того, иностранные военные базы могут быть причиной конфликтов как между государством, контролирующим базы, и государством пребывания, так и между ними и третьими государствами. Представители доктрины международного права (в частности Дж. Вудлайф) также отмечают, что одной из

проблем международно-правового регулирования отношений по поводу иностранных военных баз являются отношения между договаривающимися сторонами и третьими государствами²². Такая ситуация угрожает международной системе, поэтому все субъекты отношений по поводу баз должны стараться избегать этих конфликтов.

Этот вопрос часто поднимался в международно-правовых отношениях по поводу иностранных военных баз. Например, еще в 1914 г. Сальвадор обратился с иском в Центральноамериканский суд, где указывал, что создание военной базы США на территории Никарагуа создает серьезную угрозу его собственному свободному и независимому существованию и противоречит Договору о всеобщем мире и дружбе, заключенном Центральноамериканскими государствами 20 декабря 1907 г. В свою очередь, в ответ Сенат США в своей резолюции отметил, что эти действия не имеют целью нарушение любых прав Сальвадора и других Центральноамериканских государств²³.

Одним из ярчайших примеров конфликтов относительно создания иностранных военных баз, в котором затрагивались в том числе и интересы третьих государств, возникшим в последнее время, стал конфликт по созданию военных баз и размещение на них элементов системы противоракетной обороны (ПРО) США в Чехии и Польше. США, инициируя создание этих баз, аргументировала это предупреждением возможных ракетных ударов со стороны Ирана.

Однако Российская Федерация довольно резко осудила такие намерения, считая их целью не борьбу с терроризмом, а ослабление собственной безопасности. Кроме того, российская сторона указывала на нелегитимность таких действий. В частности, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявлял о том, что попытки США создать базы в Центральной Европе и разместить на них элементы ПРО не вписываются в понятие демократии, поскольку будет проигнорировано мнение большей части

²⁰ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть / И.И. Лукашук. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – С. 43–44.

²¹ Advisory Opinion on Legality of the Threat or Use of Nuclear [Electronic resource] // Official web-site of the International Court of Justice. – Mode of access : <http://www.icj-cij.org/docket/files/95/7646.pdf> (Дата посещения: 29.11.2012).

²² Woodlife J. Op. cit. – P. 17.

²³ Березовский Ц. Некоторые проблемы территориального верховенства / под ред.: Тункин Г.И. (Предисл.) ; пер.: Кон В.Л. / Ц. Березовский. – М. : Иностр. лит., 1961. – С. 112–113.

населения (Польши и Чехии)²⁴. Также было отмечено, что такие действия нанесут серьезный ущерб стратегической стабильности в глобальном масштабе²⁵. В результате длительных межгосударственных переговоров в течение 2009–2011 гг. этот вопрос до сих пор не решен и продолжает быть источником напряжения между США, Российской Федерацией, Польшей и Чехией.

Поэтому следует констатировать, что создание иностранных военных баз должно происходить при наличии соответствующих правовых оснований, которые являются главной и базовой предпосылкой, гарантирующей легитимность их существования и функционирования.

В соответствии с этим существует необходимость получения надлежащего согласия государства пребывания на создание на его территории иностранной военной базы. Создание ни в коем случае не может осуществляться под давлением или быть навязанным извне. Принцип невмешательства во внутренние дела является одним из базовых принципов межгосударственных отношений, и никаких исключений из него не может быть допущено. Государство должно самостоятельно и добровольно решить, позволяет ли оно создание на своей территории иностранной военной базы. Кроме того, предусматривается не просто согласие, а *надлежащее согласие*, которое будет предоставлено в порядке, определенном внутренним законодательством, легитимным правительством, которое наделено полномочиями на заключение такого соглашения.

Следующей важной основой создания иностранных военных баз является *легитимность целей* их создания и функционирования. Ранее военные базы за рубежом создавались преимущественно с целью установления контроля над определенными территориями для их последующего захвата и колонизации. На современном этапе эти цели не считаются

легитимными. Процесс создания иностранных военных баз должен происходить в целях, соответствующих основным принципам международного права, например, с целью обеспечения международного мира и безопасности, обеспечения стабильности и др.

Так, вытекает следующее основание создания иностранных военных баз: *их создание не должно быть источником нестабильности*. Практика международных правоотношений доказывает, что при создании иностранных военных баз, даже при условии достижения согласия между государством, которое контролирует базу, и государством пребывания должны быть учтены также интересы как третьих государств, так и международного сообщества в целом.

Следовательно, можно говорить о существовании системы международно-правовых оснований создания иностранных военных баз, которые обусловлены объективными тенденциями развития международно-правового регулирования отношений относительно иностранных военных баз на современном этапе. Они являются взаимосвязанными и взаимодополняющими и направлены на приведение процессов создания иностранных военных баз в соответствии с основными нормами и принципами международного права.

Библиография:

1. Березовский Ц. Некоторые проблемы территориального верховенства / под ред.: Тункин Г.И. (Предисл.) ; пер.: Кон В.Л. / Ц. Березовский. – М. : Инстр. лит., 1961. – 208 с.
2. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Действующее международное право : в 3 т. – Т. 1. – М. : Изд-во Моск. Независ. института междунар. права, 1999. – С. 343–371.
3. Золотарев П.С. Противоракетная оборона: история и перспективы [Электронный ресурс] / П.С. Золотарев // Россия в глобальной политике. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9776.html> (Дата посещения: 28.11.2012).
4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть / И.И. Лукашук. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
5. Носов В. Военное присутствие как инструмент внешней политики России и США : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / В. Носов. – Бишкек, 2010. – 173 с.

²⁴ У России нет желания возобновлять «гонку вооружений» с США [Электронный ресурс] // Лига. Новости. – Режим доступа : <http://news.liga.net/news/N0708016.html> (Дата посещения: 28.11.2012).

²⁵ Золотарев П.С. Противоракетная оборона: история и перспективы [Электронный ресурс] / П.С. Золотарев // Россия в глобальной политике. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9776.html> (Дата посещения: 28.11.2012).

6. Приліпко А. Питання допуску та перебування підрозділів іноземних військово-морських сил на території України та його особливостей під час збройного конфлікту / А. Приліпко // Зовнішня торгівля: право та економіка. – 2009. – № 6 (47). – С. 103–107.

7. Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов Организации Договора о Коллективной Безопасности от 20 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=54148> (Дата посещения: 28.11.2012).

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1622 (S-III) от 21.08.1961 [Электронный ресурс] // Официальная веб-страница ООН. – Режим доступа : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/047/56/IMG/NR004756.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.11.2012).

9. Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики от 22 сентября 2003 г. [Электронный ресурс] // Параграф: информационная система. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30296611 (Дата посещения: 28.11.2012).

10. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / А.Н. Талалаев. – М. : Юрид. лит., 1997. – 336 с.

11. У России нет желания возобновлять «гонку вооружений» с США [Электронный ресурс] // Лига. Новости. – Режим доступа : <http://news.liga.net/news/N0708016.html> (Дата посещения: 28.11.2012).

12. Устав Организации Объединенных Наций и Устав Международного суда от

26.06.1945 г. [Электронный ресурс] // Официальная веб-страница ООН. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (Дата посещения: 28.11.2012).

13. Advisory Opinion on Legality of the Threat or Use of Nuclear [Electronic resource] // Official web-site of the International Court of Justice. – Mode of access : <http://www.icj-cij.org/docket/files/95/7646.pdf> (Дата посещения: 29.11.2012).

14. Bassiouni Cherif M. Legal Status of US Forces in Iraq from 2003–2008 / Cherif M. Bassiouni // Chicago Journal of International Law. – 2010–2011. – Vol. 11. – Iss. 1. – Summer 2010. – Pp. 1–38.

15. Summit Declarations of Non-Aligned Movement (1961–2009). – Tripureshwar – Kathmandu : Institute of Foreign Affairs, 2011. – 400 p.

16. China to Establish Military Bases Overseas [Electronic resource] // GlobalResearch.ca. – Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=17371> (Дата посещения: 28.11.2012).

17. French President Sarkozy opens UAE base [Electronic resource] // BBC News. – Mode of access : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8067600.stm> (Дата посещения: 28.11.2012).

18. Harkavy R.E. Bases Abroad: The Global Foreign Military Presence / R.E. Harkavy. – New York : SIPRI, 1989. – 390 p.

19. Security Treaty Between the United States and Japan of 8 September 1951 [Electronic resource] // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. – Mode of access : http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (Дата посещения: 28.11.2012).

20. Woodlife J. The Peacetime Use of Foreign Military Installations Under Modern International Law / J. Woodlife. – Dordrecht – Boston – London : Martinus Nijhoff Publishers, 1992. – 361 p.

Иван ГОРОДИСКИЙ

ROLUL ORGANIZAȚIEI PENTRU SECURITATE ȘI COOPERARE ÎN EUROPA ÎN PREVENIREA CONFLICTELOR: IMPLICAREA OSCE ÎN UCRAINA

Alina MĂTĂȘEL*

ABSTRACT:

ROLUL ORGANIZAȚIEI PENTRU SECURITATE ȘI COOPERARE ÎN EUROPA ÎN PREVENIREA CONFLICTELOR: IMPLICAREA OSCE ÎN UCRAINA

Scopul acestui articol este de a analiza modul în care Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa a acționat în spiritul principiilor fundamentale ale dreptului internațional în prevenirea conflictului din Ucraina. Prin algoritmul de analiză a conflictelor și prin reflecțiile modelului teoretic avansat de Johan Galtung, studiul urmărește să determine parametrii specifici de implicare, metodele, instrumentele, impactul și rolul OSCE în dinamicile conflictuale din studiul dedicat Ucrainei.

Algoritmul de analiză a conflictului cuprinde cadrele de descriere a conflictului, cu principalele variabile de conținut, istoria conflictului prin analiza cauzelor structurale ale conflictului și cauzelor concrete ale conflictului actual, contextul conflictului, și rolul factorului internațional în dinamica conflictului.

Analiza acestui caz din perspectiva OSCE, nu are drept scop colectarea unui nivel de informații, ci interpretarea și evaluarea acestor informații, în vederea determinării rolului pe care Organizația pentru Securitate și Cooperare îl joacă în prevenirea conflictelor.

Cuvinte cheie: *Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa, OSCE, prevenirea conflictelor, algoritm de analiză a conflictelor, dinamica conflictului.*

РЕЗЮМЕ:

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ КОНФЛИКТОВ: УЧАСТИЕ ОБСЕ В УКРАИНЕ.

Цель этой статьи заключается в анализе подхода Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая действовала в духе основополагающих принципов международного права в области предотвращения конфликтов в Украине. Используя алгоритм анализа конфликтов и теоретическую модель разработанную Йоханом Галтунгом, исследование стремится определить конкретные параметры участия, методы, инструменты, влияние и роль ОБСЕ в анализе динамики конфликтующих ситуаций в Украине.

Алгоритм анализа конфликтов, включает описание этапов конфликта, с основными переменными содержимого, историю конфликта путем анализа причин конфликтов в общем аспекте и причины нынешнего конкретного конфликта, контекст конфликта и роль международного фактора в динамике конфликта.

В этом случае, с точки зрения перспектив ОБСЕ, анализ направлен не на сбор определенного уровня информации, а на толкование и оценку такой информации, с тем чтобы

* **MĂTĂȘEL Alina** - Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Avocat (Iași, România); **MATASHEL Alina** - PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney (Iasi, Roumania); **МЭТЭШЕЛ Алина** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат (Яссы, Румыния).

определить роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в деле предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ, предотвращение конфликтов, алгоритм анализа конфликтов, динамика конфликтов.

(**проверить перевод на английский язык**)

ABSTRACT:

THE ROLE OF THE ORGANIZATION FOR SECURITY AND CO-OPERATION IN EUROPE IN PREVENTING CONFLICTS: THE INVOLVEMENT OF THE OSCE IN UKRAINE

The Purpose of this article is to analyse the way in which the Organization for security and cooperation in Europe has acted in the spirit of the fundamental principles of international law in conflict prevention in Ukraine. Through the analysis of algorithm and model theoretical reflections advanced Johan Galtung, the study seeks to determine the specific parameters of involvement, methods, tools, the impact and the role of the OSCE in the conflicting dynamics of study dedicated to Ukraine.

Algorithm analysis of the conflict including conflict description frames, with the main content variables, the history of the conflict through the analysis of the causes of conflict and the causes of the current conflict, the context of the conflict, and the role of the international factor in the dynamics of the conflict.

The analysis of this case from the perspective of the OSCE is not aimed at collecting a level of information, but the interpretation and evaluation of such information, in order to determine the role the Organization for security and Cooperation in the prevention of conflicts.

Keywords: Organization for security and cooperation in Europe, OSCE, conflict prevention, conflict analysis, conflict dynamics.

Introducere

Evoluția cadrului relațiilor internaționale și noile realități care au apărut odată cu sfârșitul Războiului Rece au reprezentat o adevărată provocare pentru Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa. Astfel, cu toate că premisele sfârșitului Războiului Rece induceau ideea unei perioade de pace în Europa, impulsionată în special de dinamica internaționale de cooperare, atât în domeniul securității, cât și în sfera economică, politică și socială, cadrul de securitate specific Europei post-Război Rece, s-a regăsit sfâșiat de luptele etnice, religioase și naționaliste, care amenințau securitatea atât în cadrul statelor participante OSCE, cât și între acestea.

Dezintegrarea statelor multinaționale, tensiunile politice și economice ale tranziției către democrație și economia de piață, trauma socială experimentată în lumina acestor procese, și re-emergența naționalismului, au fost factorii principali care au transformat Europa într-o regiune puternic instabilă.¹

Marea majoritate a cazurilor conflictuale au apărut astfel după dezintegrarea fostei Republicii Federative a Iugoslaviei și Uniunii Sovietice, bazate pe dispute etnice, naționaliste, lingvistice sau religioase.

Atât problemele etnice, cât și cele naționaliste sau religioase, se cer însă rezolvate în spiritul dreptului internațional și în numele dreptului la identitate, și de aceea, prevenirea ostilităților și promovare rezolvării non-violente a conflictelor interne a reprezentat în sine o provocare esențială la adresa comunității internaționale. Modul în care Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa a acționat în spiritul principiilor fundamentale ale dreptului internațional, este examinat prin intermediul algoritmului de analiză a conflictelor și reflecțiile modelului teoretic al celor trei axe, sau modelul «triunghiului conflictului» introdus de cercetătorul norvegian Johan

¹ Jonathan Cohen, *Conflict Prevention in the OSCE: An Assessment of Capacities*, Netherlands Institute of

International Relations 'Clingendael', Netherlands, The Hague, 1999, p. 8.

Glatung.² În conformitate cu modele teoretice aplicate, analiza are rolul de a determina rolului pe care Organizația pentru Securitate și Cooperare îl joacă în prevenirea conflictelor.

1. Rolul OSCE în Ucraina

Înainte de a surprinde rolul OSCE în contextul studiului dedicat cazului Ucrainei, trebuie sublinat faptul că statele afectate de tensiuni sau de conflicte, sunt de cele mai multe ori reticente în acceptarea intervenției internaționale. Ele sunt extrem de ezitante în a invita un terț, fie alte facțiuni statale sau organizații internaționale, pentru a le ajuta în rezolvarea problemelor lor interne, deoarece acest fapt se traduce prin recunoașterea *de facto* că statul în cauză nu este capabil să facă față conflictului. Actorii internaționali întâmpină astfel o sarcină dificilă, unde prerogativele suveranității statale sunt un domeniu sensibil de abordat prin prisma parametrilor internaționali. Luând în considerare dezideratele suveranității, statele acceptă arareori expunerea internațională, refuzând amestecul în afacerile lor interne. Cu toate acestea, când caracterul intra-național al conflictelor este predominant, principiile suveranității și neamestecului în treburile interne ale statelor trebuie, într-o anumită măsură, să fie puse în balanță cu drepturile și principiile fundamentale ale omului. Prin urmare, deși acțiunea timpurie a comunității internaționale care are rolul de a preveni amenințările la adresa securității umane, și de a preveni conflictele, este văzută ca o încălcare a suveranității de stat, trebuie, în primul rând, reconsiderate prerogativele suveranității care nu sunt absolute. Acest fapt nu înseamnă că statele trebuie să accepte orice inițiativă externă, dar înseamnă că statele trebuie să accepte un mai mare interes extern în situația lor internă. Luarea unor măsuri cooperative pentru a preveni conflictele violente poate ajuta, de cele mai multe ori, la evitarea unei intervenții într-o etapă ulterioară. Mai mult decât atât, măsurile pe termen lung pentru consolidarea unei culturi a respectului pentru dreptul internațional, în special prin

măsuri educative și dialog politic, au o funcție structurală de prevenire a conflictelor.³ În consecință, pentru că cea mai mare parte a conflictele armate sunt adesea precedate, sau chiar direct cauzate, de încălcări flagrante ale drepturilor omului și normelor prevăzute în legislația internațională, dreptul internațional are o dimensiune marcată de prevenirea conflictelor, reprezentând un factor important în prevenirea conflictelor violente.

Alături de dezideratele suveranității în acceptarea intervenției externe, o altă problemă majoră, asociată cu mecanismele și acțiunile de prevenire a conflictelor, este de a prezenta cazuri în care măsurile luate au fost încununate de succes. Nu este ușor a demonstra că un conflict nu a izbucnit datorită măsurilor de prevenire a conflictelor. Cuantificarea succesului în prevenirea conflictelor este întotdeauna dificil de atribuit, deoarece este, în general, rezultatul multiplelor intervenții și multiplelor schimbări interne, care sunt influențate de asemenea de schimbările interne care sunt la rândul lor influențate de o întreagă gamă de procese sociale, economice și politice. Totodată, succesul acțiunilor de prevenire nu sunt întotdeauna vizibile din moment ce absența conflictului nu este suficientă pentru a considera că un conflict a fost prevenit. În contrapondere este însă eșecul care tinde să fie mai vizibil.⁴ Aceste dificultăți de demonstrare a succesului acțiunii preventive poate fi însă depășit printr-o delimitare clară a cadrelor de acțiune și a măsurilor luate, de actorii terți, care au împiedicat escaladarea antagonismelor în conflicte violente sau o renaștere a violenței la scară largă. În acest sens, algoritmul de analiză a conflictelor este instrumentul cel mai viabil în detrmnarea parametrilor specifici de implicare, a impactului și rolului actorilor terți în dinamici care prezintă puternice caracteristici conflictuale. Algoritmul de analiză a conflictelor demarează cu descrierea conflictului, în care principalele variabile sunt tema conflictului, conținutul conflictului, părților conflictuale și nivel acestuia, istoria

² Vezi Johan Galtung, *Peace by peaceful means: peace and conflict, development and civilization*, Sage, London, 1996.

³ Swedish Ministry for Foreign Affairs, *Preventing Violent Conflict: Swedish Policy for the 21st Century*, Graphium Norstedts Tryckeri AB, Stockholm, May 2001, p. 23.

⁴ Jonathan Cohen, *op. cit.*, p. 75.

conflictului, bazat pe analiza cauzelor structurale ale conflictului concret și cauzelor concrete ale conflictului actual, contextul conflictului, care investighează legăturile existente între cauzele structurale și conflictul actual, și rolul factorului internațional în dinamica conflictului, analizând metodele, instrumentele și influența exercitată de Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa. Analiza cuprinde și reflecțiile modelului teoretic al celor trei axe, sau modelul «triunghiului conflictului» introdus de cercetătorul norvegian Johan Galtung (cauzele structurale, sociale (construcție sociale) și comportamentul (violență directă)).⁵

Plecând de la simpla definiție a conflictului, care implică obiective și interese diferite între indivizi sau grupuri, diferențe ce devin manifestate atunci când una dintre părți face o solicitare sau o cerere pe care cealaltă parte o respinge, cazul Ucrainei, mai exact cazul Crimeei, evidențiază existența a trei mari actori, ucrainenii, tătarii din Crimeea repatriați, și rușii, fiecare grup marcat de diferite nevoi, aspirații, și temeri. Ca urmare, nevoia de identitate și de securitate reprezintă și ele variabile diferite ale situației. Deși aceste variabile divergente pot crea multiple dispute, ce se pot transforma în conflicte violente, disputele *per se* nu reprezintă o amenințare. Mult mai amenințător este modul în care aceste dispute sunt gestionate. Astfel, dacă ele sunt gestionate constructiv, ele pot avea o funcție pozitivă în menținerea relațiilor între indivizi și grupuri, permițând fiecărei părți să realizeze ajustările care sunt necesare pentru a satisface nevoile celuilalt, astfel încât relația să se poată dezvolta. În schimb, dacă acestea sunt gestionate destructiv, prejudiciile pot fi distrugătoare. Cum au fost gestionate aceste tensiuni, și mai ales care a fost influența și rolul Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în prevenirea escaladării conflictului în acest cadru, sunt principalele întrebări ale studiului de caz.

Cadrul istoric al Peninsulei Crimeea evidențiază valul nesfârșit de invadatori care a traversat Peninsula de-a lungul secolelor. Sarmați, greci, khazari, ruși, tătari, au fost doar o parte dintre aventurierii care și-au făcut

drumul printre aceste tărâmuri, contribuind la patrimoniul antic, bogat stratificat, al Peninsulei.⁶ În anul 1783 Peninsula a fost cucerită de Ecaterina cea Mare a Rusiei de la Imperiul Otoman, și a rămas sub normele sovietice până în anii '50 ai secolului XX. Statul Crimeei în cadrul Rusiei a cunoscut un traseu descendent, astfel dacă, între anii 1921 și 1924, Peninsula Crimeea s-a bucurat de statutul de regiune autonomă, după anul 1924 Peninsula a devenit un obștuit al Republicii Sovietice Federative Socialiste Ruse. Peninsula a rămas atașată Federației Ruse până în anul 1954 când secretarul-general sovietic Nikita Hrușciov a dăruit-o Republicii Sovietice Socialiste Ucrainiene, unde și-a păstrat statutul unui obștuit.⁷ Deși gestul secretarului-general Hrușciov părea lipsit de importanță la momentul respectiv, situația Crimeei a căpătat amplitudine în contextul evoluțiilor ulterioare.

Astfel, situația în cadrul Peninsulei Crimeea a fost complicată de decizia lui Gorbacev din anul 1989, care stabilea o reîntoarcere a populațiilor deportate în timpul regimului lui Stalin, începând cu anul 1944, în Asia Centrală, Urali și Siberia. Decizia lui Gorbacev a declanșat întoarcerea în masă a aproximativ 300.000 de oameni, printre care armeni, bulgari, tătari din Crimeea, greci și germani. Situația tătarilor din Crimeea constituie unul dintre punctele focale ale analizei rolului OSCE în prevenire conflictului din Ucraina, de aceea, trebuie subliniat faptul că, până la deportare, Peninsula Crimeea a fost țara natală pentru tătarii din Crimeea, încă din secolul al XII-lea.⁸ Întoarcerea acestora în Crimeea a determinat adăugarea unei semnificative dimensiuni etnice și politice la structura celor 2.5 milioane de locuitori ai Peninsulei, augumentată de solicitările

⁶ Niels Petersen, Maria Brandstetter, "Crimea's past catches up with its present: Protecting people from explosive remnants of war", *OSCE Magazine*, No. 1, 2010, p. 20.

⁷ John Packer, "Autonomy within the OSCE: The Case of Crimea", în Markku Suksi (ed.), *Autonomy: Applications and Implications*, Kluwer Law International, The Hague, 1998, p. 302.

⁸ Brian G. Williams, "A Community Reimagined: The Role of 'Homeland' in the Forging of National Identity: The Case of the Crimean Tatars", *Journal of Muslim Minority Affairs*, Vol. 17, No. 2, 1997, pp. 225-252.

⁵ Vezi Johan Galtung, *op. cit.*, 36-42.

acestora. Ca foști rezidenți principali ai Peninsulei timp de sute de ani, tătarii din Crimeea pretindeau statutul de «populație indigenă» a teritoriului,⁹ revendicând în același timp proprietăți reale, și re-stabilirea culturii și tradițiilor proprii.

Cu toate acestea, la momentul reîntoarcerii diverselor grupuri etnice, cu o pondere majoritară a tătarilor din Crimeea, Ucraina era o țară care își redobândise independența recent, în anul 1991, luptându-se cu amenințările socio-economice reprezentate de procesul de tranziție, atunci când a venit sarcina adăugată de a răspunde nevoilor de repatriere. Cu toate că Ucraina a întreprins mulți pași semnificativi spre un mediu multicultural, eforturile oficialilor de a furniza comunității o miză egală în societate au fost departe de a fi îndeplinite. Astfel, repatrierea tătarilor, și mai ales atitudinea ostilă a celorlalte părți, rușii și ucrainenii din Peninsulă, marchează re-escaladarea tensiunilor între cei trei actori. Profundele diferențele etnice, culturale și religioase dintre tătarii din Crimeea, rușii și ucrainenii din Peninsulă readucea în prim plan lanțul lung de ură antică între cei trei actori. Nemulțumirile istorice, ale celor trei mari actori ai Peninsulei, și în special ale tătarilor din Crimeea, față de rușii și ucrainenii din Peninsulă predominau în orice dimensiune, fie ea politică, socială sau economică. De cealaltă parte, cantități enorme de materiale stereotipice prezente în scrieri, proverbe, cântece și filme, care condamnau imaginea tătarilor din Crimeea reprezentau o practică obișnuită a reprezentanților etniei ruse și ucrainiene deopotrivă. Dacă privim conflictul cu ajutorul modelului propus de Galtung, această axă a atitudinilor, evidențiază percepția negativă a părților, manifestându-și influența asupra potențialului de conflict. Prin urmare, consecințele acestor acțiuni și imaginea eronată a «inamicului tătar» dezvoltată prin stereotipuri, a determinat crearea unei puternice distanțe psihologice între părțile aflate în dispută.¹⁰

⁹ Mustafa Cemiloglu, "A History of the Crimean Tatar National Liberation Movement: A socio-political perspective", în Maria Drohobycky (ed.), *Crimea: Dynamics, Challenges, and Prospects*, Rowman & Littlefield Publishers, INC., USA, 1995, pp. 87-107.

¹⁰ Sezai Özçelik, "The preventive diplomacy, conflict prevention and ethnic conflicts in the Black Sea

Un alt factor care a contribuit la instabilitatea părților în Crimeea era reprezentat de capacitatea crescută de persuasiune a crimei organizate care submina autoritatea guvernamentală. După prăbușirea Uniunii Sovietice, crima organizată și corupția în mediul public au devenit chiar o parte a vieții în noile state independente, iar Crimeea nu reprezenta o excepție în acest sens. La acest fapt se adaugă și lipsa controlului instituțional al guvernului central din Kiev care a adâncit decalajele deja existente dintre părți. Vorbim astfel de desfășurarea unui conflict asimetric, între o parte majoritară și părți minoritare și o bază mixtă situației de conflict (sau axa contradicțiilor în modelul lui Galtung) determinată atât de «bunurile tangibile» sau conflictul de interese, cât și de conflictul dintre valori și convingeri, exemplificat tensiunile de tip etnic din cadrul Peninsulei. Totodată, axul structural, cât și cel social sunt evidente de coordonatele dezvoltărilor din Peninsulă.

În consecință, toți acești factori au determinat doleanțe diferite în rândul actorilor din Crimeea, intensificând cadrul potențialului de conflict în Peninsulă. În primul rând, rușii din Crimeea susțineau inițiativa separării Peninsulei Crimeea de Ucraina și reunificarea cu Rusia. În contextul referendumului desfășurat la 20 ianuarie 1991, populația din Crimeea, formată din 70% de etnici ruși, și-a manifestat doleanța de a restaura Republica Sovietică Socialistă Autonomă a Crimeei, «ca subiect al URSS și ca parte a Tratatului de Uniune».¹¹ Cu alte cuvinte, intenția referendumului din anul 1991 era de re-integrare a Crimeei în Rusia prin auto-determinare. În al doilea rând, tătarii din Crimeea solicitau recunoașterea politică ca populație indigenă a Peninsulei Crimeea și integrarea în societatea și economia ucraineană. Răspunsul guvernului ucrainean din Kiev a fost însă unul negativ față de ambele solicitări, respingând în mod vehement secesiunea Peninsulei Crimeea de Ucraina, și acceptarea oricărui nivel de autonomie pentru Peninsula, care putea amenința suveranitatea Kievului. A respins de asemenea și solicitarea

Region: The Case of the Crimean Tatars", *Uluslararası Hukuk ve Politika*, No. 4, 2005, p. 111.

¹¹ John Packer, *op. cit.*, p. 302.

tătarilor din Crimeea, de recunoaștere ca grup indigen. Mai mult decât atât, tătarii din Crimeea nu se bucurau de recunoașterea politică, sau de protecția oferită altor minorități în Ucraina prin respingerea tuturor doleanțelor acestora. Deși Kiev-ul recunoștea tragedia deportării din anul 1944, suferită de populațiile rezidente din Crimeea, guvernul de la Kiev accentua eforturile susținute de a facilita integrarea deplină a tătarilor din Crimeea, subliniind că s-a făcut tot ceea ce se putea face pentru reintegrarea acestora.¹²

La începutul anului 1992, potențialul unui conflict etnic violent în Crimeea a fost accentuat de acțiunile secesioniste ale Peninsulei, când Sovietul Suprem al Crimeei declara Peninsula «Republica Crimeea» și începea pregătirile cu privire la constituirea unei constituții, sprijinind suveranitatea Crimeei de Kiev. Câteva luni mai târziu, în mai 1992, Parlamentul din Crimeea a adoptat Actul de Independență al Peninsulei Crimeea, și a adoptat o constituție care a stabilit relația Crimeei cu Ucraina, invocând fundamente suverane. Ca urmare a acestor acțiuni, Rada Supremă a Ucrainei (Parlamentul Ucrainean) a anulat constituirea separatistă a Crimeei, și a ordonat în mod repetat Parlamentului din Crimeea de a aduce propria legislație în conformitate cu cea a Ucrainei. Răspunsul părții separatiste, nu a fost însă unul supus doleanțelor Radei Supreme, și a continuat cu eforturile susținute de separare.

În ianuarie 1994, evenimentele desfășurate în tandem cu alegerile prezidențiale din Crimeea, au accentuat din nou tensiunile dintre părți. Rezultatele alegerilor au confirmat câștigul lui Yuri Meshkov, liderul grupării «Rossiya», care susținea unirea Crimeei cu Rusia, cu peste 70% din voturi. Alegerea unui rus naționalist ca primul președinte al regiunii Crimeea în anul 1994, a atins punctul de criză, tensiunile etnice din Crimeea amenințând astfel stabilitatea întregii regiuni. Au existat rapoarte care arătau și pregătirea desfășurării alegerilor pe un alt câmp decât cel al cadrului obișnuit. Cu alte cuvinte, cazacii ruși erau pregătiți să acorde asistență armată în eventualitatea unui conflict care putea decurge din aceste alegeri.

Acțiunile separatiste au continuat, și în luna mai a anului 1994, un alt proiect al constituției din Crimeea reinstaura elemente separatiste, cum ar fi cetățenia. În plus, demonstrațiile zilnice în fața Parlamentului din Crimeea din Simferopol și marginalizarea pavilionului ucrainean de mulțimile agresive, instigau tensiunile dintre principalii actori. Totodată, simplul refuz al independenței Crimeei sau politicile de susținere a Ucrainei, de orice figură oficială sau de oamenii simpli, erau sever criticate.¹³ La scurt timp, în octombrie 1994, violența a izbucnit între tătarii din Crimeea și grupurile armate locale, ca urmare a eșecului tătarilor din Crimeea în dobândirea autorizației de construire de locuințe. Casele care au aparținut părinților lor, erau acum ocupate de ucrainieni și ruși, în timp ce ei trebuie să se lupte cu lipsa nevoilor de bază, precum electricitatea, apa sau gazul. Astfel, încercările de a-și dobândi drepturile s-au ciocnit în mod violent de autoritățile locale și forțele de poliție, rezultând în aproape 30 de tătari grav răniți.¹⁴

Cadrul alegerilor parlamentare din Crimeea a dus la noi escaladări tensionate odată cu desfășurarea unui boicot al grupului Mejis al tătarilor din Crimeea. Boicotul grupului Mejis era determinat de legea electorală ucraineană, care nu garanta o cotă permanentă pentru tătarii din Crimeea în Parlamentul din Crimeea. În acest caz, etnicitatea nu apare o problemă *per se*, ci mai degrabă factorii conecși determină escaladarea diferențelor în forme violente. Excluderea tătarilor din puterea politică a Peninsulei, determina un sentiment de nedreptate, și amenințare la adresa identității lor. Consecințele lacunelor existente în legea electorală au fost reflectate mai departe de acțiunile facțiunii Kurultai din Parlamentul din Crimeea, care s-a abținut în votarea constituției din Crimeea în noiembrie 1995. Facțiunea a motivat abținerea pe motivul excluderii reprezentării parlamentare pentru comunitatea tătară din Crimeea. Totodată, acțiunea de abținere a fost însoțită de lansarea unei greve a foamei, care avea rolul de a denunța ilegalitatea practicilor Parlamentului din Crimeea.¹⁵

¹² Natalie Mychajlyszyn, "The OSCE in Crimea", *Helsinki Monitor*, Vol. 9, No. 4, 1998, p. 31.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ John Packer, *op. cit.*, p. 302.

¹⁵ *Ibidem*, p. 306.

Un alt factor esențial al evoluțiilor din Crimeea, este reprezentat de înrudirea tătarilor din Crimeea cu Republica Turcă. De-a lungul istoriei relațiile dintre tătarii din Crimeea și Turcia, sau Imperiul Otoman, înainte de întemeierea Republicii Turce în anul 1923, erau foarte apropiate, datorită unității etnice, naționale și religioase, între ambii actori. În momentul tensiunilor din Ucraina, Cecenia era o zonă de conflict, și de asemenea o zonă vecină și înrudită cu tătarii din Crimeea. Întregul Caucaz de Nord, prin conflictul dintre georgieni, oseți, abhazi, conflictul din Transcaucaz dintre armeni și azeri asupra Nagorno-Karabagh, chiar și problema curzilor în Irak și Turcia formau o «centură ostilă» sau un «tunel al conflictului». Dacă un conflict erupea în Crimeea, această arie se putea transforma într-o zonă de război având în vedere efectele reacției în lanț în țările vecine sau înrudite.

Și Leonid Kucima, candidat la președenția Ucrainei, sublinia această idee, amintind celor implicați în situația din Crimeea, că «astfel de oameni ar trebui să își amintească lecțiile din Karabagh, Transnistria, Oseția, Abhazia, unde mii de oameni nevinovați au fost uciși.¹⁶ Totodată, Ministrul Afacerilor Externe al Ucrainei, făcea referire la proiectul pro-separatist al constituției din Crimeea evidențiind că «astfel de acțiuni reprezintă o amenințare la adresa păcii și stabilității în regiune, și în întreaga Europă, care poate avea consecințe negative pe termen lung».¹⁷ Tot el, sublinia de asemenea, că «Ucraina își rezervă dreptul, în cazul viitoarelor escaladări ale situației, de a lua toate măsurile necesare pentru a asigura integritatea teritorială a statului, așa cum este prevăzută de constituție și legile în vigoare, în conformitate cu normele de drept internațional».¹⁸

Temerile unui conflict etnic violent în Ucraina au devenit astfel din ce în ce mai vizibile. Indicatorii sistematici, indicatorii proximi, indicatori catalizatori imediați, erau prezenți în cadrul Ucrainei și puteau declanșa

violența între părțile aflate în incompatibilitate. Din punct de vedere etapizat, sau în conformitate cu ciclul de viață al conflictelor (vezi Anexa 2.4), vorbim de faza conflictului perceput în care problemele încep să se contureze cât mai explicit, iar stările de tensiune și de frustrare se resimt tot mai puternic, sau de etapa propice de intervenție cu rol preventiv.

În conformitate cu principiile securității comprehensibile, indivizibile și cooperative, și pe premisa conform căreia conflictele sunt mai ușor de rezolvat înainte ca acestea să atingă faza violențelor, primele acțiuni ale Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina au fost inițiate prin acțiunile de prevenire directă, prin Înalțul Comisar pentru Minorități Naționale al Organizației. Ca «parte terță din interior»,¹⁹ Înalțul Comisar pentru Minorități Naționale a efectuat primele demersuri de prevenire a escaladării tensiunilor din Crimeea.

Cu un prim rol în prevenirea conflictelor de natură etnică și în furnizarea de informații necesare avertizării timpurii și prevenirii conflictelor, Peninsula Crimeea a fost vizitată în numeroase rânduri de Înalțul Comisar pentru Minorități Naționale al Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, ambasadorul și fostul ministru de externe al Olandei, Max van der Stoep. Între anii 1994 și 1995 el a avut un important rol de mediator între autoritățile din Kiev și Simferopol cu privire la statul constituțional al Republicii Autonome Crimeea și în facilitarea procesului de cetățenie a tătarilor din Crimeea deportați anterior. Totodată, ÎCMN a accentuat problema limbii și impactul său asupra relațiilor inter-etnice în Ucraina,²⁰ și a sugerat că obligația limbii ucrainiene nu ar trebui să conducă la temeri de «ucrainizare» forțată, printre ruși, care reprezentau 62% din populația totală din Crimeea, care făceau

¹⁶ Natalie Mychajlyszyn, *op. cit.*, p. 32.

¹⁷ Letter from the Minister for Foreign Affairs of Ukraine to the HCNM, 7 June 1994. [On-line]: <http://www.cilevics.eu/minelres/count/ukraine/940607a.htm>.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ Diana Chigas, Elizabeth McClintock, Christophe Kamp, "Preventive Diplomacy and the Organization for Security and Co-operation in Europe: Creating Incentives for Dialogue and Cooperation", în Abram Chayes, Antonia Handler Chayes (eds.), *Preventing Conflict in the Post-Communist World: Mobilizing International and Regional Organizations*, The Brookings Institution, Washington D.C., 1996, pp. 25-99.

²⁰ Sezai Özçelik, *op. cit.*, p. 120.

apelul pentru o mai mare autonomie față de Kiev, și legături mai puternice cu Rusia. Aspectul repatrierii tătarilor din Crimeea punea de asemenea probleme, atâta timp cât restabilirea acestora nu era rezolvată.

Alături de ÎCMN, Consiliul Permanent al OSCE a făcut apelul către autoritățile din Kiev și Simferopol de a coopera și a căuta o soluție agreabilă comună.²¹ A confirmat totodată promptitudinea OSCE de acționa prin mecanismele și instituțiile OSCE adecvate. Situația din Crimeea a fost considerată în cadrul reuniunii Consiliului OSCE desfășurat la Praga la data de 15 iunie 1994, unde Consiliul a adoptat o declarație prin care își exprima «profunda îngrijorare cu privire la recente evoluții în Republica Crimeea din Ucraina», reafirmându-și totodată «angajamentul pentru a sprijini suveranitatea, integritatea teritorială și inviolabilitatea granițelor Ucrainei, în conformitate cu principiile CSCE».²² Declarația Consiliului Superior a aprobat de asemenea continuitatea activității ÎCMN și a solicitat Președintelui în Exercițiu să stabilească o echipă de experți²³ în ceea ce privește aspectele constituționale și economice din Ucraina. De asemenea, Consiliul a aprobat propunerea «troicăi CSCE», care în acord cu guvernul Ucrainei, urmărea stabilirea unei misiuni a CSCE în Ucraina, pentru a sprijini activitățile echipei de experți și Înaltului Comisar pentru Minorități Naționale, și raportarea cu privire la situația din Crimeea.²⁴ Abordarea stratificată, prin includerea palierelelor politice, legale, economice și sociale evidențiază capacitatea Organizației de a răspunde în conformitate cu noile evoluții ale cadrului internațional de securitate, unde problemele de securitate nu rezidă doar în sfera politico-militară.

²¹ CSCE Permanent Committee, Vienna 26 May 1994, în Arie Bloed (ed.), *The Conference on Security and Co-operation in Europe. Basic Documents, 1993-1995*, Martinus Nijhoff Publishers, The Netherlands, 1997, pp. 351-353.

²² CSO Statement, 27 CSO Meeting 15 June 1994, Anexa 2: "Political situation in Crimea, Ukraine", în *Ibidem*, pp. 292-294.

²³ Echipa era formată din trei academicieni (doi experți în dreptul constituțional și un expert în economie).

²⁴ CSO Statement, 27 CSO Meeting 15 June 1994, pp. 292-294.

Echipa de experți a Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa a fost stabilită la 1 august 1994, și a vizitat Ucraina cu trei ocazii până la sfârșitul anului, întocmind rapoarte către Înaltul Comisar pentru Minorități Naționale. Experții CSCE s-au focalizat asupra statutului Crimeei în cadrul Ucrainei, concluzionând că un acord de autonomie extins, dar reciproc satisfăcător, era posibil prin intermediul negocierilor. Totodată, echipa de experți a Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa, sublinia că principala problemă din Crimeea avea un caracter economic, în mod special cu privire la proprietate, resurse naturale și taxe.

Semnarea acestor tensiuni și voința politică a statelor participante, au determinat astfel trimiterea unei misiuni de lungă durată a Organizației în Ucraina. Pe 25 august 1994, CP a aprobat Mandatul Misiunii OSCE în Ucraina,²⁵ iar Misiunea în Ucraina fiind înființată la 24 noiembrie 1994, având rolul de prevenire a conflictelor, dar și rolul de a răspunde în mare parte unei crize în desfășurare, care implica statutul regiunii Crimeea din cadrul Ucrainei.²⁶ Mandatul Misiunii OSCE subliniază astfel absența unor tipare perfecte și îmbinare sarcinilor diferitelor etape ale ciclului de viață a conflictului. În termeni preciși, Misiunea Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina a fost mandatată să contribuie la dezamorsarea tensiunilor dintre autoritățile centrale de la Kiev și populația vorbitoare de limbă rusă din Crimeea, de a stabili contacte cu autoritățile relevante și reprezentanți ai diferitelor comunități și organizații non-guvernamentale, de a colecta informații și a ajuta la prevenirea tensiunilor, de a îmbunătăți înțelegerea reciprocă, de a analiza și prezenta sugestii pentru soluționarea problemelor existente privind situația din Crimeea a autorităților implicate, precum și de a raporta cu privire la situația drepturilor omului și cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale din Crimeea.

²⁵ CSCE Peermanent Comittee Decision (Journal No. 31, 25 august 1994), în Arie Bloed (ed.), *op. cit.*, pp. 363-367.

²⁶ Organization for Security and Cooperation in Europe, *OSCE Handbook*, OSCE Press and Public Information Section, Vienna, 2007, p. 58.

În primul rând, Misiunea OSCE s-a consultat cu părțile implicate pentru a promova și a facilita dialogul privind statutul Peninsulei Crimeea, și pentru a îmbunătăți înțelegerea reciprocă. În special, Misiunea OSCE a încercat să promoveze în rândul părților opinia conform căreia, «Crimeea nu ar trebui să fie luată în considerare drept proprietate exclusivă a oricărui grup etnic care locuiește aici [...] Nu există nici o proprietate de monopol, nici ucraineană, nici rusă, nici tătară, nici armenă, nici germană. Toate împreună vor trebui să aibă acces la această Peninsulă pentru a face un teritoriu stabil și prosper». De asemenea, s-a subliniat, necesitatea ca părțile să respecte suveranitatea Ucrainei asupra Crimeei și autonomia Crimeei în cadrul Ucrainei. Aceste acțiuni semnalez trecerea abordării OSCE de la prevenirea directă inițiată de ÎCMN al Organizației, la prevenirea structurală a conflictului, prin abordarea cauzelor profunde ale tensiunilor dintre părți.

Alături de Misiunea Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, Înaltul Comisar pentru Minorități Naționale a organizat o serie de seminarii atât cu guvernul ucrainean, cât și cel din Crimeea, împreună cu experți internaționali, privind autonomia regională și aspecte constituționale connexe.²⁷ De asemenea, Înaltul Comisar pentru Minorități Naționale și Misiunea OSCE în Ucraina au organizat în comun mese rotunde pe diverse aspecte ale situației din Crimeea. Prima masă rotundă a fost ținută pe teren neutru, la Locarno în Elveția, între 11-14 mai 1995, activitățile sale focalizându-se în mare parte pe viitorul statut al Crimeei ca parte autonomă a Ucrainei.²⁸ O a doua masă rotundă a avut loc la Ialta în perioada 20-22 septembrie 1995 privind în principal problemele de reintegrare a tătarilor.²⁹ Scopul

acestei mese rotunde era de a identifica nevoile imediate și pe termen lung pentru reintegrarea popoarelor deportate, precum și mecanismele legislative, politice și economice, pentru a satisface aceste nevoi. A treia masă rotundă organizată sub egida Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa a avut loc la Noordwijk în Olanda, între 14-19 martie 1996. Activitățile acestei reuniuni s-au axat pe problemele politice, economice și juridice, care continuau să împartă autoritățile din Ucraina și Parlamentul din Crimeea, cum ar fi aducerea constituției din Crimeea în acord cu constituția și legile Ucrainei.³⁰

Aceste seminarii și mese rotunde, au produs o serie de recomandări cu privire la modul de reconciliere a constituțiilor din Ucraina cu cele din Crimeea, pentru a acorda autonomie substanțială regiunii pe teritoriul suveran al Ucrainei. În consecință, în urma eforturilor susținute ale Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, anul 1995 a adus o nouă constituție ucraineană, elaborată împreună cu o constituție paralelă pentru regiunea autonomă a Crimeei care îndeplinea cerințele majore ale ambelor părți. Constituția din Crimeea a fost modificată astfel încât limbajul folosit sublinia statutul Crimeei, «Republica Autonomă a Crimeei» și nu «Republica Crimeea», concept folosit în textul constituției precedente. De asemenea, constituția trebuia să facă referință la «cetățenii ucrainieni care locuiesc în Peninsula Crimeea» și nu la «cetățenii Peninsulei Crimeea», recomandând totodată renunțarea la ideea de cetățenie pentru persoanele care locuiesc în Crimeea.

În anul 1996, Misiunea Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina, a organizat un seminar în Kiev cu privire la problema cetățeniei în Ucraina, în special problema tătarilor din Crimeea și a altor foste populații deportate din Crimeea. Seminarul reunea oficiali ucrainieni și autorități din Crimeea, lideri și reprezentanți ai tătarilor, și experți străini. Acest seminar a dus la o serie

²⁷ Maria Raquel Freire, *Conflict and Security in the former Soviet Union. The role of the OSCE*, Ashgate Publishing Ltd., Great Britain, 2003, pp. 118-119.

²⁸ Participanții au inclus oficiali din guvernele și parlamentele Ucrainei și Crimeei, Șeful Misiunii OSCE în Ucraina, Înaltul Comisar pentru Minorități Naționale și trei experți numiți de OSCE.

²⁹ La această masă rotundă au participat înalții reprezentanți ai autorităților centrale din Republica Autonomă Crimeea, comunitățile etnice relevante și organizațiile internaționale.

³⁰ Au participat funcționari de rang înalt ai Administrației Președintelui Ucrainei, guvernul Ucrainei, guvernul Republicii Autonome Crimeea, membri din Parlamentele din Ucraina și Crimeea, și experți internaționali în calitate de observatori.

de angajamente între părți, care puteau ajuta la atenuarea problemei cetățeniei în termen scurt, și a stimulat totodată activitatea legislativă și politică pe această temă.³¹ Înalțul Comisar pentru Minorități Naționale a fost și el implicat în facilitarea dobândirii cetățeniei pentru tătarii din Crimeea, în special concentrându-se asupra dificultăților birocratice și costisitoare legate de renunțarea la altă cetățenie, permițându-le astfel dreptul de a participa la alegeri și de a beneficia și de alte drepturi acordate cetățenilor din Ucraina, cum ar fi ocuparea forței de muncă și stabilirea unor locuințe. În plus, el a recomandat ca viitoarea constituție din Crimeea să furnizeze tătarilor din Crimeea dreptul de a folosi limba lor cu autoritățile locale, în zonele în care aceștia constituie cel puțin 20% din populația locală. Și reprezentarea lor politică a reprezentat un aspect de interes pentru ÎCMN, oferind în acest sens, numeroase recomandări viabile în contextul evoluției relațiilor dintre Ucraina și Crimeea. Înalțul Comisar a înaintat propunerea unui sistem de reprezentare electoral proporțional, modificări la legea electorală din Ucraina care, de altfel, discriminau partidele politice ale tătarilor din Crimeea, recunoașterea oficială și juridică a grupării Mejlis, ca Colegiului reprezentativ suprem al tătarilor din Crimeea și protector al identității tătarilor din Crimeea, și acordarea de responsabilități grupării Mejlis în ceea ce privește învățământul și cultura tătară.

La prima vedere, perspectiva conform căreia Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa a influențat prevenirea conflictelor în Crimeea pare confirmată de acțiunile ÎCMN și activitățile Misiunii OSCE. Mai precis, de la intervenția Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în februarie 1994, potențialul global de conflict etnic violent în Peninsula s-a diminuat, în special problema statului Crimeei în Ucraina. Activitățile diplomatice tacite ale Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina, în special intervențiile iscusite și în timp util ale ÎCMN, au contribuit în mod

semnificativ la consolidarea încrederii, la dezvoltarea unui dialog continuu, la examinarea creativă de situații posibile, în ceea ce privește aspecte specifice, și prin urmare la menținerea păcii în Peninsula.³² Delegația Ucrainei la OSCE consolida aceste considerente, în iunie 1996, afirmând că «din momentul stabilirii Misiunii OSCE, situația politică internă (Republica Autonomă Crimeea), a fost în mod substanțial îmbunătățită».³³ În conformitate cu această perspectivă, Organizația a fost influentă în realizarea unui grad de consens între autoritățile din Ucraina și cele din Crimeea, cu privire la statutul Crimeei în Ucraina, care a permis adoptarea de Parlamentul din Ucraina a unei Constituții în noiembrie 1995 și aprobarea constituției Crimeei de Parlamentul din Ucraina în aprilie 1996. De asemenea, adoptarea constituției Ucrainei în iunie 1996, a legalizat statul Crimeei în Ucraina ca Republică Autonomă, cu propria sa constituție, parlament, steag și simboluri.

Mai mult decât atât, încheierea cu succes a crizei din Crimeea a determinat stabilizarea situației din Ucraina, și conchiderea Misiunii OSCE în Ucraina în luna iunie a anului 1999. Din perspectiva promovării normelor de drept internațional ca mijloc de prevenire a conflictelor, Misiunea Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa stabilită în anul 1994 a fost înlocuită de o nouă formă de cooperare între guvernul ucrainean și Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa. În conformitate cu decizia Consiliului Permanent, cu numărul 295, de la 1 iunie 1999, cooperarea dintre Ucraina și OSCE urma să fie «bazată pe planificarea, implementarea și monitorizarea de proiecte între autoritățile relevante din Ucraina și Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa și instituțiile sale», prin înființarea «Coordonatorului de Proiecte al Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina».³⁴ Împreună cu Biroul pentru Instituții Democratice și Drepturile Omului al

³¹ Organisation for Security and Co-operation in Europe. The Secretary General, "Annual Report 1996 on OSCE Activities", Vienna, p. 8. [On-line]: <http://www.osce.org/secretariat/14557?download=true>.

³² John Packer, *op. cit.*, p. 309.

³³ Organisation for Security and Cooperation in Europe, 76th Plenary meeting Permanent Council (Journal, No. 76, 27 June 1996) Decision No. 131. [On-line]: <http://www.osce.org/pc/20484>.

³⁴ OSCE, *op. cit.*, 2007, p. 58.

Organizației, și în coordonare cu Consiliul European, Coordonatorul de Proiecte avea sarcina de a revizui legislația ucraineană cu privire la drepturile omului, cu scopul de a o aduce în conformitate cu cele mai bune standarde și practici internaționale.³⁵

Mandatul flexibil al Coordonatorului de Proiect a determinat și implicarea sa în activitățile care aveau rolul de a creșterea gradului de conștientizare publică cu privire la traficul de ființe umane, a lucrat în strânsă colaborare cu autoritățile, a promovat proiecte pentru a dezvoltă creșterea economică locală și atragerea de investiții străine, a pregătit sute de ofițeri militari ucrainieni pensionați în dobândirea competențelor necesare pentru a se alătura forței de muncă civile. Coordonatorul de Proiecte a dezvoltat de asemenea proiecte ambițioase pentru a ajuta autoritățile să facă față consecințelor exploziei depoului de muniție de la Novobohdanivka, și problemelor de mediu reprezentate de deteriorarea condițiilor de depozitare a mii de tone de componente de rachetă, cu combustibil lichid.³⁶

Astăzi, oficiul Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa are un personal internațional alcătuit din numai trei persoane. Mandatul acestui oficiu este de a coordona proiecte comune, incluzând activități precum revizuirea legislației cu privire la drepturile omului, reforma sistemului *propiska* (permis de ședere), sprijin pentru Biroul Avocatului Poporului (Obudsman) numit de parlament, asistența Curții Supreme și Curții Constituționale, combaterea traficului de ființe umane și promovarea reformelor structurale ale forțelor armate.³⁷ Totodată, OSCE pune accentul pe introducerea mecanismelor preventive naționale, spre o adevărată cultură de prevenire a conflictelor.

Ambasadorul Madina Jarbussynova din Kazahstan a preluat poziția de Coordonator de Proiecte al Organizației pentru Securitate și

Cooperare în Europa, în Ucraina, în luna iunie a anului 2012.³⁸

Concluzii

În concluzie, pleiada de motive și argumente ce subliniază rolul benefic pe care Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa l-a avut în prevenirea izbucnirii unui conflict de proporții între Ucraina și Peninsula Crimeea nu este împărțită însă de toate vocile. Există astfel o serie de opinii critice care accentuează rolul important al Rusiei în acest demers. Astfel, opoziția oficială a Rusiei privind separarea Crimeei de Ucraina și reunificarea Peninsulei cu Rusia au fost considerate principalii factorii atenuanți ai tensiunilor din Crimeea. Președintele rus a făcut în repetate rânduri declarații oficiale prin care recunoștea integritatea teritorială a Ucrainei, considerând prin urmare Crimeea parte integrată a Ucrainei. Rușii din Crimeea aduceau și ei acuze Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, nemulțumiți de atenția exclusivă a Organizației asupra tătarilor din Crimeea, pledând pentru problemele cu care se confruntă grupul lor, privind păstrarea culturii și limbii lor, în fața politicilor de ucrainizare avansate de Kiev. Nici tătarii din Crimeea se pare că nu erau mulțumi de abordarea OSCE, care se simțeau abandonați. Totodată, ei considerau că problemele și doleanțele lor nu erau luate în serios de OSCE, accentuând faptul că Misiunea OSCE a așteptat câteva luni înainte de a se întâlni cu tătarii din Crimeea. Și abordarea ÎCMN a fost criticată, datorită perspectivei sale asupra minorităților, și nu indigenilor, așa cum era adevăratul statut al tătarilor din Crimeea. Un alt motiv al diminuării rolului Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în Ucraina, este reprezentat de dezvoltarea situației înaintea stabilirii Misiunii OSCE în Ucraina în 1994. Cu alte cuvinte, părțile se foloseau în cea mai mare parte de mecanismele legale și constituționale cu privire la statul Crimeei. Și de o parte, și de alta, consultările și negocierile erau desfășurate astfel în termeni amiabili. Minsitrul de Externe al Ucrainei făcea chiar

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ Patricia N. Sutter, "Crimean NGO starts them young: Building bridges in a multi-ethnic neighbourhood", *OSCE Magazine*, No. 1, 2010, p. 28.

³⁸ Organization for Security and Co-operation in Europe Project Co-ordinator in Ukraine, Factsheet, p. 1. [On-line]: <http://www.osce.org/ukraine/35795>.

apelul la evitarea utilizării mijloacelor forțate, invitând și cealaltă parte în continuarea acestui demers în afara violențelor.

În ciuda acestor inconsistențe, justificate doar în mod parțial, rolul Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa a fost unul important și vital pentru prevenirea conflictelor. Vocile critice care analizează rolul OSCE în Ucraina privesc OSCE dintr-o perspectivă puternic focalizată, uitându-se la componentele mici ale unui subiect atât de mare. Totodată, o mare parte din activitățile OSCE, în special cele referitoare la prevenirea conflictelor, sunt restricționate și nu sunt supuse înregistrărilor publice, primind puțină atenție din partea mass-mediei. Lipsa acestor informații determină astfel, de cele mai multe ori, concluzii pripite, lipsite de fundamente solide. Deși discuțiile dintre părți erau desfășurate încă în termeni amiabili în momentul stabilirii Misiunii Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, sensibilitatea problemei în cauză, ridică numeroase întrebări legate de cursul evenimentelor, care fără intervenția OSCE ar fi putut lua o altă turnură.

Măsurile de acțiune preventivă aplicate în cadrul Ucrainei, au inclus atât acțiunile de prevenire directă sau operațională, cât și acțiuni îndreptate spre prevenirea structurală sau prevenirea cauzelor contribuind în mod decisiv la atenuarea tensiunilor între cele trei părți. Mai mult decât atât, rolul pozitiv al Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa este susținut de percepția pozitivă din partea statelor participante OSCE, conform căreia prezența OSCE în regiunea post-sovietică oferă un echilibru vital împotriva influenței Rusiei. Implicarea OSCE în conflictele etnice inter-statale trimite un important mesaj statelor din regiunea post-sovietică, conform căruia comunitatea internațională este preocupată de astfel de probleme. Prin intermediul întâlnirilor directe, cu autoritățile și oficialii locali, OSCE construiește un forum pentru angajarea părților într-un dialog solid și continuu. În acest sens, în timp ce situația din Ucraina s-ar fi putut desfășura pașnic între părți, ajungând la un rezultat comun, prezența OSCE a servit ca factor accelerator al procesului. Cu alte cuvinte, cadrul Organizației pentru Securitate

și Cooperare în Europa a furnizat noilor state independente ale fostei Uniuni Sovietice, legitimitatea necesară pentru a sprijini procesele de consolidare statală, într-un moment vulnerabil, încurajând stabilitatea în regiune. Prin urmare, conflictul din Ucraina a rămas un conflict potențial, unde Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa a jucat astfel un rol vital în prevenirea izbucnirii a ceea ce ar fi putut deveni un conflict destructiv pe teritoriul post-sovietic.

Bibliografie

1. Cemiloglu, Mustafa, "A History of the Crimean Tatar National Liberation Movement: A socio-political perspective", în Maria Drohobycky (ed.), *Crimea: Dynamics, Challenges, and Prospects*, Rowman & Littlefield Publishers, INC., USA, 1995, pp. 87-107.
2. Chigas, Diana, McClintock, Elizabeth, Kamp, Christophe, "Preventive Diplomacy and the Organization for Security and Co-operation in Europe: Creating Incentives for Dialogue and Cooperation", în Abram Chayes, Antonia Handler Chayes (eds.), *Preventing Conflict in the Post-Communist World: Mobilizing International and Regional Organizations*, Tlre Brookings Institution, Washington D.C . 1996, pp. 25-99.
3. Cohen, Jonathan, *Conflict Prevention in the OSCE: An Assessment of Capacities*, Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', Netherlands, The Hague, 1999, p. 150.
4. Conference on Security and Cooperation in Europe. Permanent Committee, Vienna 26 May 1994, în Arie Bloed (ed.), *The Conference on Security and Co-operation in Europe. Basic Documents, 1993-1995*, Kluwer Law International, The Netherlands, 1997, pp. 351-353.
5. CSCE Peerpermanent Committee, Decision, (Journal No. 31, 25 august 1994), în Arie Bloed (ed.), *The Conference on Security and Co-operation in Europe. Basic Documents, 1993-1995*, Kluwer Law International, The Netherlands, 1997, pp. 363-367.
6. CSO Statement, 27 CSO Meeting 15 June 1994, Anexa 2, "Political situation in Crimea, Ukraine", în Arie Bloed (ed.), *The Conference on Security and Co-operation in Europe. Basic Documents, 1993-1995*, Kluwer Law International, The Netherlands, 1997, pp. 292-294.
7. Freire, Raquel Maria, *Conflict and Security in the former Soviet Union. The role of the OSCE*, Ashgate Publishing Ltd., Great Britain, 2003, p. 280.

8. Galtung, Johan, *Peace by peaceful means: peace and conflict, development and civilization*, Sage, London, 1996, p. 292.

9. Letter from the Minister for Foreign Affairs of Ukraine to the HCNM, 7 June 1994. [On-line]: <http://www.cilevics.eu/minelres/count/ukraine/940607a.htm>. (Vizitat la: 19.10.2012).

10. Mychajlyszyn, Natalie, "The OSCE in Crimea", *Helsinki Monitor*, Vol. 9, No. 4, 1998, pp. 30-43.

11. Organization for Security and Co-operation in Europe, 76th Plenary meeting, Permanent Council Journal, No. 76, 27 June 1996, Decision No. 131. [On-line]: <http://www.osce.org/pc/20484>. (Vizitat la: 16.10.2012).

12. Organization for Security and Co-operation in Europe Project Co-ordinator in Ukraine, Factsheet. [On-line]: <http://www.osce.org/ukraine/35795>. (Vizitat la: 16.10.2012).

13. Organization for Security and Co-operation in Europe, *OSCE Handbook*, OSCE Press and Public Information Section, Vienna, 2007, p. 118.

14. Organization for Security and Co-operation in Europe. The Secretary General, "Annual Report 1996 on OSCE Activities", Vienna, p. 36.

15. Özçelik, Sezai, "The preventive diplomacy, conflict prevention and ethnic conflicts in the Black Sea Region: The Case of the Crimean Tatars", *Uluslararası Hukuk ve Politika*, No. 4, 2005, pp. 102-123.

16. Packer, John, "Autonomy within the OSCE: The Case of Crimea", în Markku Suksi (ed.), *Autonomy: Applications and Implications*, Kluwer Law International, The Hague, 1998, p. 370.

17. Petersen, Niels, Brandstetter, Maria, "Crimea's past catches up with its present: Protecting people from explosive remnants of war", *OSCE Magazine*, No. 1, 2010, pp. 20-24. [On-line]: <http://www.osce.org/secretariat/67469?download=true>. (Vizitat la: 29.10.2012).

18. Sutter, N. Patricia, "Crimean NGO starts them young: Building bridges in a multi-ethnic neighbourhood", *OSCE Magazine*, No. 1, 2010, pp. 27-29. [On-line]: <http://www.osce.org/secretariat/67469?download=true>, (Vizitat la: 29.10.2012).

19. Swedish Ministry for Foreign Affairs, *Preventing Violent Conflict: Swedish Policy for the 21st Century*, Graphium Norstedts Tryckeri AB, Stockholm, May 2001, p. 81.

20. Williams, G. Brian, "A Community Reimagined: The Role of "Homeland" in the Forging of National Identity: The Case of the Crimean Tatars", *Journal of Muslim Minority Affairs*, Vol. 17, No. 2, 1997, pp. 225-252.

Alina MĂTĂȘEL

IN SEARCH OF CORRELATION BETWEEN THE CHANGES IN BASIC FUNCTIONS OF STATES AND THE CHANGES IN DIPLOMACY

*Michal POLGÁR**

ABSTRACT:

IN SEARCH OF CORRELATION BETWEEN THE CHANGES IN BASIC FUNCTIONS OF STATES AND THE CHANGES IN DIPLOMACY

This article redefines modern states, their basic functions and searches for the link between the change in the functions with the changes in diplomacy. In the first part we define the state and its functions. These functions are later analyzed to answer the question whether they are changing in their nature using the methodology of analysis of the sources of change (in internal and external events, actors and its institutional position) and its manifestation (through interests, identity of the shareholders and institutions).

The last part of the article seeks for the link between the functions of state and the diplomatic practice. The article is focused on and analyzing mainly the member state of the European Union (with certain references to the Slovak Republic).

Key words: *state - functions of state - change – diplomacy – international relations*

REZUMAT:

ÎN CĂUTAREA CORELAȚIEI ÎNTRE MODIFICĂRILE ÎN FUNCȚIILE DE BAZĂ ALE STATELOR ȘI SCHIMBĂRILE ÎN DIPLOMAȚIE

Acest articol redefinește statele moderne, funcțiile de bază și căutări pentru legătura între modificarea funcțiilor cu modificările în diplomație. În prima parte am defini starea și funcțiile sale. Aceste funcții sunt analizate mai târziu pentru a răspunde la întrebarea dacă acestea sunt în schimbare în natura lor folosind metodologia de analiză de surse de schimbare (evenimente interne și externe, actori și poziției sale instituționale) și său manifestare (prin interese, identitatea acționarilor și a instituțiilor).

Ultima parte a articolului caută pentru legătura între funcțiile de stat și practica diplomatică. Articolul este axat pe și analiza în special statul membru al Uniunii Europene (cu anumite referințe la Republica Slovacă).

Cuvinte cheie: *stat - funcții de stat - modificarea – diplomația - relații internaționale*

РЕЗЮМЕ:

В ПОИСКАХ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЯХ ГОСУДАРСТВ И ИЗМЕНЕНИЯ В ДИПЛОМАТИИ

* *Ing. Michal POLGÁR* - PhD. Candidate, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic); *Michal POLGÁR* - doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă); *Михал ПОЛГАР* - аспирант, факультет международных отношений, Университет экономики в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).

Эта статья переопределяет современные государства, их основные функции и ищет связь между изменением этих функций с изменениями в дипломатии. В первой части мы определяем государство и его функции. Эти функции анализируются позднее с целью ответить на вопрос, меняются ли они в их природе, с использованием методологии анализа источников изменения (внутренние и внешние события, актеров и его институциональной позиции) и ее проявления (через интересы, личность акционеров и учреждений).

Последняя часть статьи ищет связь между функциями государства и дипломатической практикой. Статья анализирует главным образом практику государств-членов Европейского союза (с некоторыми ссылками на практику Словацкой Республики).

Ключевые слова: государство - функции государства - изменения – дипломатия – международные отношения

INTRODUCTION

In popular but also in scientific literature we often encounter with the use of the term modern state. But the modern states as we traditionally perceive them arose between the fifteenth and eighteenth centuries in Europe. Our intention is not to question the use of the adjective modern in this case, nor other numerous cases. We are using this simple example to picture the long way, what modern states are called, went through in their evolution. And at the same time the assumed abysmal difference between their basic functions since the Peace of Westphalia in 1648, through the Congress of Vienna in 1815, the World War II and the rise and fall of the bipolarity. If we sum to it the strong interconnection of the world of the last decades by information and communication technologies and also the physical infrastructure a question is to be raised: *Do modern states change in their functions?* A question which consequently is very probable and not so difficult to be answered: The modern states cannot be and are no longer absolutely sovereign, are no longer an exclusive provider of certain services and its citizens are no longer landlocked to its territory. The important evolutionary circumstances seriously erode the four defining characteristics of the modern state²⁸⁰ - territory, internal and external sovereignty, legitimacy and bureaucracy.

This simplified logics of the issue, which of course could be and many times was a subject of extensive scientific research, leads us to the

question whether the changes the modern states go through mainly in their functions demand changes in diplomacy. As our long-term research focuses on the public diplomacy of the Slovak Republic the arguments in this article will be applied to the conditions of the country as a member of the European Union.

The methodology of the article supposes:

1. first to define the modern state as no longer the only/the most important subject of international relations and to define the basic function of state

2. subsequently to analyze the change in these functions

3. according to the changes in functions of state finally to search the link with the diplomacy of the EU member state and provide a solution within the new approaches and tools of diplomacy

The article is though divided into 3 parts, and each part is divided into subchapters.

1. Modern state and its functions

The global society is divided into states and nations and there is constant tension between these two. To define the state we consider important to make clear the difference between nations and states first, as they are frequently confusedly used notions, we also find them important for our further discourse.

As Kopstain and Lichbach note, the states are populated by peoples, often called nations. Their origins and defining characteristics may be “*linguistic, religious, racial, or the perception of a common history and shared*

²⁸⁰ (Carol Ann Drogus, Stephen Orvis, 2013)

fate”²⁸¹. It is a subjective, rather cultural, category, very much depending on what a people (a nation) declares of it.

On the other side there are states, which are defined organizationally and in many cases they are inhabited by various nations. In our article we will focus just on the states.

As Lidak and Koganova note the **state is the main authority of the society**.²⁸² More broadly, but simply, it is a structure of organized **interests, identities and institutions**. People connect together their interests to gain power in accordance with their identity (what you are determines what you want). The institutions though are interests and identity combined and organized into long-term authoritative rules and procedures that structure how power flows.²⁸³

Formally the state resides on **4 main pillars: territory, external and internal independence (sovereignty), legitimacy and bureaucracy**. We consider the territory to be given. The external independence, also called sovereignty allows the state to enter into relations with other states, and to defend this independence. Shaw though speaks about the state as an international person²⁸⁴. The states are entitled, by a social contract with their citizens, with the right and power of the government to make laws and monopolize force within its boundaries- what defines its internal independence. Drogus and Orvis write about various forms of legitimacy- traditional, charismatic, rational-legal. The latter requires “*a highly effective bureaucracy and some semblance of the rule of law*”.²⁸⁵

Antonescu defines the state as “*an organized form of political power based on the idea of political superiority that the governors (as persons entrusted with public functions legally exercising the state power and part of the state apparatus, therefore being able to exercise, on the basis, the force as a coercive part exclusively state owned) hold on those*

governed by them”.²⁸⁶ From this definition it is clear that the state governs the social life in the name of its citizens in all its aspects. The state power applies to the whole state apparatus and the organizational structure of the power of the people, not just political institutions.²⁸⁷ This, inter alia, implies the multiplicity of the functions of the state.

We though define *the state as one of the most important levels of the organization of the society which brings together similar interests and identities that form institutions on certain territory with external and internal independence*.

1.a The functions of the state

States use the four abovementioned pillars, attributes of the state power, to provide their citizens with goods and services such as security, legal system and infrastructure etc. In order to later analyze the change in the functions of the state this part of the article seeks for the individual functions. We mentioned earlier the multiplicity of the state functions, for the analysis it will be crucial though to aggregate the functions into groups.

Poggi distinguishes 3 perspective views of the state, which provide insight into the role of the state and its power.²⁸⁸ According to him the state power and then the functions of the state are *managerial, military* and *economic*. He also mentions Weber saying that the state as an institution operates primarily on the conduct of war. As it is an organized monopoly of violence its institutions, according to Weber, could be reduced to army and police.²⁸⁹

Lidak and Koganova identify the functions of the state into four- *economic, managerial, cultural* and *defense and integration* function.²⁹⁰ The state exercising its economic function interferes with the economics, it concentrates important financial and material sources and engages in entrepreneurial activities. By using its legislative, fiscal and monetary instruments it is able to intervene in all the sectors of the economy, in the labor

²⁸¹ (Kopstein Jeffrey, Lichbach Mark Irving, 2005, s. 17)

²⁸² (Lidák Ján, Koganová Viera, 2004, s. 37)

²⁸³ (Kopstein Jeffrey, Lichbach Mark Irving, 2005, s. 5)

²⁸⁴ (Shaw, 2003, s. 177)

²⁸⁵ (Carol Ann Drogus, Stephen Orvis, 2013)

²⁸⁶ (Antonescu, 2010, s. 98)

²⁸⁷ (Lidák Ján, Koganová Viera, 2004, s. 37)

²⁸⁸ (Poggi, 2004, s. 97-106)

²⁸⁹ (Poggi, 2004, s. 99)

²⁹⁰ (Lidák Ján, Koganová Viera, 2004, s. 45)

market etc. The managerial function is exercised by legislative, executive and judicial power applied to mitigate conflicts within the society. The state should be though an impartial arbiter respecting the requirements of all the social groups. Lidak and Koganova perceive the cultural function as dynamically evolving (internally and externally) system, constant investments to the education, research and development in technology but also the development of societal disciplines is necessary. They do not state whether the state is supposed to enter the system as regulator, investor or other. Defense and integration function defends the democracy and enables the development of the society.

Peterkova adds the function of a *negotiator*²⁹¹, which is not present only at the external context but the state also play an important role of a negotiator with home entities. Externally it is principally the bilateral and multilateral consultations, direct and indirect contacts, the entire area of diplomacy, international communication and correspondence, exchange of information, exchange of notes, positions and issuing declarations, exploratory negotiations etc. Stojadinovic's arguments are mentioned in international (external) context but they also apply to the internal affairs of the state and its institutions as negotiators: „*In a situation where intergovernmental organizations, transnational groups, regional organizations and non-governmental organizations share interests and the ability to tackle a range of issues, it is highly important to possess an efficient state apparatus that can solve conflicts of competencies, take care of complex procedures and standards, enable cross-border cooperation and assume responsibility for steps taken in these regards.*“²⁹²

The ability to enter into the *relations with other states*²⁹³ is, according to Shaw, another function.

Robinson considers the *sovereignty*²⁹⁴ and specifies further that the basic role of the state is to protect the lives and safety of individuals

and groups. The state shall develop and facilitate meeting the needs of its citizens (including welfare). If it does not do so, it „*can turn into a sort of apparatus for maintaining order and creating a global capital infrastructure*“.²⁹⁵ To understand better why he calls sovereignty to be functional he explains: „*[sovereignty] is an ideal type that does not ontologically represent the foundation of the international sphere, but is the globalization and state-building result of concrete historical and social circumstances; its role is functional.*” The state must govern though to be called sovereign.

Above all, the mentioned functions shall be primarily compatible with the interests of the citizens, they shall be dedicated to their well-being and provided with a minimum of violence.

Having aggregated various authors' definitions of the functions of the state we can notice clear intersections in their theories. We can synthesize the functions that are relevant to our further study as:

- *managerial function*
- *economic function*
- *security function* (military, defense, internal sovereignty)
- *function of negotiator* (integration, relations with other states, external sovereignty)
- *cultural function*

2. The change in functions

Scholars agree that the functions of the state may change over time, they strengthen or weaken, or new ones are formed.

We defined the state as *one of the most important levels of the organization of the society which brings together similar interests and identities which form institutions on certain territory with external and internal independence*. And precisely the interests, identity and institutions concept will help us to define the change the states as such are undergoing. Later in this chapter we will analyze the concrete change in the five abovementioned functions.

Cortell and Peterson state in their study that institutions change more frequently and less

²⁹¹ (Peterková, 2004)

²⁹² (Stojadinović, 2011, s. 37)

²⁹³ (Shaw, 2003, s. 181)

²⁹⁴ (Robinson, 2001, s. 188)

²⁹⁵ Ibid.

dramatically than commonly expected.²⁹⁶ According to them an incremental changes often have significant procedural and policy consequences, and that reform-minded entrepreneurs, rather than dramatic events, play key role in producing institutional innovation or change. We will use their methodology to well identify the sources of the change and analyze it own.

When looking for the **sources** three factors combine to institutional change- *international and domestic events; actors, interests, and identities of state and societal actors; and institutional position or capacity of the actors producing the change*. In the first case it can be a crisis or noncrisis event that discredits the existing institutions and highlights the potential benefits of new institutional forms. Another change factor resembles in the ability of the state actors to achieve their change oriented preferences depending on existing institutional configurations. These actors are mainly the elected representatives of the states and their ability to make a change is limited by their position within the institution or institutional capacity. Maybe the most important conclusion of Cortell and Peterson asserts that the **human agents** are those who **play a key role in producing institutional change** or reform.

We learned about three theoretical approaches to analyze the change in state functions or institutions. To picture even broader perspective of analysis of such change it would be possible to use the rational choice theories, the sociological institutionalism or the historical institutionalism.²⁹⁷ Rational choice theories say that institutional structures arise because they perform specific functions valued by their creators. Human agents voluntarily and purposefully design institutions to solve collective problems. These theories do not, however, explain for why some (inefficient) institutions are supplied? The sociological institutionalism asses the ways the institutional norms emerge from social interaction. Historical institutionalism concludes that home institutions are

characterized by long periods of stasis and change only in response to significant crisis of „critical junctures“. However for the focus of this article the incorporation of these would be very extensive.

The **consequences** of the change may be of various extents. An episodic change (clear break with prevailing customs and procedures, recreation of institutional patterns, it affects institutions across different areas of the government) in institutions is difficult to achieve, but small changes (specific issue area, limited in the number of institutions affected) are more common, they can be procedurally and substantively significant. Cumulative impact of numerous small changes can also be dramatic.²⁹⁸

The **result of the change** can be observed in the **changes of interests**. People are rational beings who pursue their interests depending of their needs and aspirations and these change along the time. But what changes is also the **peoples` identity**. People are meaning-seeking beings who are defined by their identities which adapts to the environment they inhabit, to the identities of others etc. The change is visible also in the **institutions** which often change not only their names, but also they change their structure, they cease to exist etc.

A more concrete view of the individual functions of the state as we defined it allows us to analyze how the state changes. Adhering to Cortell and Peterson methodology each change in the function is described as follows: Firstly the sources of change are analyzed (events producing the change, change of the actors and their position within the institution). Consequently the change is described as a particular change in the interests, identity and institutions. All applied to the reality of the Slovak Republic as a member state of the European Union and the North-Atlantic Treaty Organization.

2.1 Managerial Function

What is expected from the state today is the governance, the management of the public goods, provision of certain public services (both public goods and services vary depending on the state) and the enforcement of

²⁹⁶ (Andrew P. Cortell, Susan Peterson, 2002, s. 1)

²⁹⁷ (Andrew P. Cortell, Susan Peterson, 2002, s. 219)

²⁹⁸ Ibid.

law and morality by organized groups of civil servants (bureaucratic apparatus).

According to Fukuyama the globalization caused that the state neglected to troubleshoot problems that functionally belong to him and others of his disabilities may have a negative impact in a completely different part of the world. He consequently argues that there is a need for more control and supervision of the State from outside its borders.²⁹⁹ Stojadinovic says that although it is difficult to determine by measuring what is good governance it is quite clear which states are more effective in the governance and which are not.³⁰⁰ We build our argument upon these two statements. We consider that the managerial function of the state changes because the managerial competencies are partially ceded to international organizations, mainly the European Union, with considerable outflow of sovereignty. But not only the function itself is left to supra-state entities. Also the assessment of the performance of the governments resides on the shoulders of rating agencies which do not form part of the international community of states and their organizations, associations.

We consider the following to be the **sources of change in the managerial function**. The **internal events** that produce the change resemble in the pressure to the reduction of the size of the bureaucratic apparatus and pressure to the increase its efficiency. We observe social tensions and protest movements, usually extremely critical (many times a priori criticism, lacking any constructivism). The **external events** that produce the change are international integration of states, which comes hand in hand with the requirement to obedience to the supranational authorities; but also the good examples of the rejuvenation of the state processes and the execution of power from abroad, which are easily and freely spread across the globe and putting pressure on the less developed state managements. The **actors** within the states change, new actors involved in the management emerge, the position of new actors is gaining importance. The

international institutions have direct or indirect authority over the state officials and very often are initiators of the changes also in the way the governance of the state is managed. The non-governmental sector is gaining momentum, not only in the multiplicity of NGOs involved in different aspects of social life, but also in their impact within the society and the government officials. The academic sector provides solutions developed on international expertise. We witness charismatic leaders from different fields, as cultural, sport, academia and business, getting involved in public affairs, supporting or criticizing the current state authorities in a variety of manners. As we mentioned earlier the society rallies and requires better performance from the state authorities.

The **change in the managerial function can be observed** through the change of interests, of the identity and the institutions. **The interests of shareholders** change in way the governments are no longer able to bear all the responsibility for the management of public affairs on the central level. Lower levels of the organization of the society, also thanks to the ability to carry out broader agenda because of the use of information and communication technologies, is willing to take more responsibility. The international community strengthens its competencies. The private is sector also able to substitute some functions within the management of the public affairs. The **identity** of the peoples of the states changes, the states are no longer nation states formed by culturally and historically uniformed social groups, the education increases. The “state managers”, politicians and bureaucrats change, new management approaches are applied when restructuring the existing institutions. And hand in hand with the interests and identity of their actors the **institutions** change, restructure, new ones arise and others cease to exist; their competencies are being shifted.

The consequences of these changes applied to the reality of the Slovak Republic are as follows. The economic crisis we are experiencing forces the government to reduce the bureaucratic apparatus or to make the processes more effective. But also the public

²⁹⁹ (Fukuyama, 2004, s. 18)

³⁰⁰ (Stojadinović, 2011, s. 38)

opinion, embodied in social tensions and protest movements (such as Gorila protests at the turn of 2011-2012), requires more responsibility in managing the public affairs. Paradoxically, it seems that external authorities have more impact on the accountability of the government. The institutions of the EU are able to develop enough pressure on the government, these pressures are of binding nature. The non-governmental sector and academia, mainly the professional Slovak NGOs significantly contribute to the transfer of know-how from abroad and also, in close cooperation with the government, enter some processes performed by government.

2.2 Economic Function

We defined the economic function of state and its role within the economy as a holder of important financial and material sources that engages in entrepreneurial activities. By using its legislative, fiscal and monetary instruments it is able to intervene in all the sectors of the economy, in the labor market etc. According to Tanzi's research we cannot clearly state whether the economic function of state is or is not changing. He argues that the fundamental role of the state should be to make markets work well (well, the overall aim is being met) by becoming more efficient and more transparent. A downscale in the operations of the state must be visible to achieve that change (over all the downscale of public spending and reduction of tax burden). This, in fact, should be seen as the most fundamental role of the state in a market economy.³⁰¹

Moore presents the hypothesis that it is advantageous for the state to be accountable to their own tax payer as foreign commissioners.³⁰² However, the economic results to which a deep economic integration within the EEC/EU (in other words the transfer of economic functions to supra-state bodies) led we consider such switch in functions as beneficial.

2.3 Security Function (Military, Defense, Internal Sovereignty)

Security of its citizens is an essential prerequisite of the state for enabling economic and social development. The cornerstone of international security and international order is a collective security, Slovakia also forms a part of it. But we often witness cases that the state is a perpetrator of insecurity and the creation of any new state apparatus (including army and police) must be supervised.

As for the **sources** of the change, these are deeply connected to the change of security environment. The **internal as well as external events** that initiate the change within this function are the rising threats and acts of terrorism, not only physical but also cyber, the escalations of tensions between nations among states or in neighboring states or the proliferation of weapons of mass destruction. New **actors that enter this field arise**, the security threat is no longer identified only with state actors (armies) but there are non-state entities that represent security threat. The state actors (armies and security forces) are, due to economic crisis, compelled to prioritize security threats, to seek allies, share responsibilities and capabilities. The **position** of state actors in international security environment is still the most important, but new actors arise, they are gaining certain attention.

The **interests** of shareholders of the security function, according to us, do not change. The security interest necessary for the development of the society is still present, on the other hand this, as always, is threatened in various ways and by various entities. On the contrary, we observe changes in the **identity** of the shareholders. As we commented before the new actors emerge, the traditional actors have to adopt to the current situation, physically as well as mentally. The same with the **institutions**, these are being transformed, perhaps lower in their size, are being specialized, more effective.

The consequences of the above mentioned changes in the Slovak Republic are efforts to review the current strategic framework for the whole resort of the defense. Which is being elaborated in the cooperation of non-

³⁰¹ (Tanzi, 2005)

³⁰² (Moore, 2004, s. 133)

governmental sector, we observe also a change in approach to what was used to be perceived as highly secret and close issues to the public. One of the most probable scenarios to retain the Armed Forces of the Slovak Republic is a specialization and cooperation with the Allies within NATO.

2.4 Function of Negotiator (Integration, Relations with Other States, External Sovereignty)

The **sources** of changes in the function of negotiator are understood as follows. We perceive the **internal events** that require change as those connected to the narrowing of the world, represented by the enormous growth of communicational ways. These allow people to make their living in different parts of the world independently of their citizenship. This increases the demand for states not only to take care of these but also to enter in relation with other states, the companies doing business there, incoming citizens of other states etc. External events are closely linked to the internal enabling the international division of work. The **actors** the state negotiates not only with other states as traditionally used to, but international organizations, international corporations, international non-governmental institutions, banks, insurance companies, funds and foundations are ordinary counterparts in negotiations of the states. Taking the development aid as an example, however it is provided from public money, many times it is executed by organizations different than states. The new actors are though gaining more important position in the international community, and the community itself is changing.

The **interests** of shareholders of the function of negotiator remain pretty much the same, all the actors enter in relation with others in order to develop their personal, professional, business, well-fare, growth, market potential etc. But, yes the **identity changes**, we see growth in topics the foreign ministries which traditionally execute the external relations deal with, they are becoming more technical. Also the expectations the actors are supposed to meet when getting in touch with the representatives of other states or entities increase. The **institutions** of

international relations are gaining more importance (international organization), but also the institutions which support the international relations within states are changing, adopting to the dynamic environment.

The Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic changed its name and incorporated the European Affairs to it. It is just formal, but still visible change that reflects the change how the Slovak Republic and its government perceive the external relations. The ministry was restructured various times in the recent years, new dimensions of foreign action were supported, such as economic diplomacy. These is also very vivid relation with non-governmental sector who is an important partner for the ministry. These are few arguments that support the obvious change in this particular function of state.

2.5 Cultural Function

We define the cultural function of the state as internally and externally dynamically evolving system of educational, cultural, sport, research and development and societal activities. The state is, as we commented about the economic function, supposed to diminish its regulating activities, it is rather to be a supporter and investor within the field.

Analyzing the sources of the change we cannot define more substantial internal or external events that would initiate the change. The cultural function of the state remains pretty much sovereign, the culture as such is not submitted to common European regulation. We observe stimulation of investment in research and development, also a growth in public activities supporting the awareness on starting a business, but on the other hand it is still difficult to register or maintain international patents.

Based on the previous arguments we conclude that the functions of the state in the current constellation of international relations are conditioned by those of other states and actors. States (which should be sovereign and historically intolerant to the interference of others (supra-state) institutions, international organizations and others) are not able to manage almost all spheres of society itself as it did for example during the monarchical times.

The whole state centric system should be changed with regard to the responsibility of states to provide a broader context for the survival and welfare of its citizens.³⁰³ The ultimate goal should be to strengthen the ability of states to carry out the functions that define them as states.³⁰⁴ Moreover the existing states fail in providing to all its citizens what they entitled to.³⁰⁵ It has been empirically proven that new emerging states are lacking the ability to perform its basic functions. They have no institutional culture developed, tradition, human capital to meet the expectations of their citizens. On the other hand the traditional states as Stojadinovic calls the developed states group into international organizations, give up partially their sovereignty and the cede their competencies to these.

The existence of the state and performance of its functions should not be perceived as something stable or constant, in political and practical terms. The state must act primarily by interests of its citizens and for them.

The ultimate goal of the changes should be to strengthen the ability of states to carry out the functions that define them as states.

3. Changes in functions which demand changes in diplomacy

In this part of the article we seek the link between changes of state with the diplomacy of the EU member state and provide a solution within the new approaches and tools of diplomacy. First we will describe the changing nature of diplomacy, after that we will use the previously used methodology to describe the changes in the functions of diplomacy, trying to link it to the functions of state.

3.1 Changing nature of diplomacy

Jan Melissen well analyzed and defined the changes of the international environment and the changes the diplomacy has experienced since the end of the WW II. These require change in the perception of the diplomacy as such and its implementation.³⁰⁶

He argues that we experience an **increase in the quantity of diplomacy** as a direct result

of the growing number of international players (states, international organizations, number of bilateral and multilateral programs as we described it earlier).

The context of international relations is changing, that is why the **content of diplomacy** changes too. (new thematic areas of the diplomacy such as environmental or energy topics).

Hand in hand with the changes of the content of diplomacy, **new diplomatic methods** which address these changes arise. (multilateralization)

The diplomacy is becoming more **technical discipline** due to enhanced increased demands of the content.

A new **paradiplomat** arises. These are changing the habitat in which the traditional diplomats, ambassadors, act. These new paradiplomats are, as Melissen calls them, ambassadors of non-governmental organizations, managers of transnational corporations or experts from other ministries than ministry of foreign affairs who get in touch with the representatives of other states, NGOs, corporations etc.

The official **diplomatic environment was extended** to new tasks (the diplomatic functions mentioned in the Vienna Convention of 1961 are tightly defined to current conditions, for example the management, coordination, mediation, lobbying, communication and working with the media). The number of resident diplomatic missions is being reduced. Moreover there is a strong interdependence of internal and foreign policies. And also the principles of non-interference into the internal affairs of the state are hardly feasible.

Melissen concludes that the very concept of diplomacy is to be redefined. Diplomacy though cannot be nothing else than innovation, it has to be adaptive and elastic.

3.2 Link between the changes of functions of state and the changes of diplomacy

The managerial function and its identity are closely related to the actors – diplomats. As we focus on the diplomat as a manager he was always expected to run the diplomatic mission as a skilled manager, the diplomats were trained to enhance their managerial skills

³⁰³ (Stojadinović, 2011, s. 31)

³⁰⁴ (GHANI, 2005)

³⁰⁵ (Stojadinović, 2011, s. 32)

³⁰⁶ (Melissen, 1999, s. xiv-xxiii)

supported by strong soft skills trainings not only to enable their managerial performance. On the other hand the foreign ministries from the managerial point of view change a lot more than diplomats as managers do. The ministries are restructuring and implementing new methods of running its functions. They no longer have that broad network of permanent missions in the light of running the agenda more effectively. The ministry of foreign affairs is expected to act as a coordinator of the activities of other ministries towards the foreign.

The economic function has had a great impact on the diplomacy, however we defined it as not to be changing that much as others. The economic diplomacy is a rapidly evolving concept that uses to the opportunity to put good political relations abroad to their best use, to promote the economic growth, to create jobs, to support the international trade, transfer of technology. This concept is being widely spread and applied to foreign policies of numerous countries. The focus of the diplomats, in many cases, is being shifted from the political affairs (still strongly present) between countries to economic affairs seeking opportunities for fostering economic cooperation of states.

The security agenda has always been present in the diplomatic practice, along with the political affairs, security and peacekeeping have formed the basic job description of the diplomat. We defined the changes in the security agenda. However we do not observe the changes in the security agenda of the diplomacy as changing in its nature, the way it is performed is shifting from bilateral, to multilateral negotiations, from general to more specific.

The function of negotiator or all the external relations are changing in enormous extent as we noted earlier. The environment of international relations is changing, it is becoming more multilateral, focuses on new, more technical and multidisciplinary topics. Also the prerequisites of the diplomat suppose more expertise in particular topics (environmental, energy, inter and intrainstitutional communication and negotiation). Organizational and managerial

skills are basic. Those communicational are supposed to be supported by intercultural awareness and skills. The modern diplomat is able to identify and solve problems and conflicts under constant stress, support its action by creating a network of contacts and building coalitions, lobbying.

The cultural dimension of state functions give diplomats a great opportunity to differ from the others when it comes to the presentation of the state abroad or the branding. New dimensions of diplomacy as scientific or sport diplomacy emerge.

CONCLUSION

The modern state is one of the most important levels of the organization of the society which brings together similar interests and identities that form institutions on certain territory with external and internal independence. We aggregate the basic functions of the modern state into 5 areas-managerial, economic, security, cultural and the function of a negotiator.

Using the Cortel and Peterson's methodology we analyzed the change in each of the five mentioned functions through its sources (internal and external events, actors and their institutional position) and its manifestation (through the change in interests, identity of the shareholders and the change of institutions). The changes are mostly apparent within the managerial, security and negotiator functions.

Once defined the change in functions of the state we defined the changing nature of the diplomacy, which, in expert discourse is being redefined, also due to the changes of the environment of the international relations, as an innovative, adaptive and elastic discipline. It is experiencing an increase in the quantity of diplomacy, changes of its content, new diplomatic methods arise, it is becoming more technical discipline exercised by new paradiplomat fulfilling new tasks.

Finally we can see a clear link between the changing nature of the functions of state and the diplomacy, above all in the managerial function, the function of negotiator and the cultural function. These are changing dynamically and the diplomacy dynamically

addresses this change with necessary tools and changes in its nature. However we defined the economic function of the state as pretty much stable, without more concrete changes, the reality of diplomacy changes importantly, it is becoming more economic-focused. On the other hand the new security environment challenges are redefining the security function of the state, which for diplomacy does not suppose any greater challenge, as the security agenda has always been present in the diplomacy. But the methods are the security and other agendas are carried out in negotiations, in diplomacy as such are changing.

BIBLIOGRAPHY:

1. Andrew P. Cortell, Susan Peterson. (2002). *Altered States: International Relations, Domestic Politics, and Institutional Change*. Landham: Lexington Books.
2. Antonescu, M. V. (2010). State as an organized political power and the incidence of such legal understanding on the EU institutions. *Impact Strategic* (4), 98-103.
3. Carol Ann Drogus, Stephen Orvis. (2013). *Introducing Comparative Politics Concepts and Cases in Context*. (CQ Press, an imprint of SAGE Publications) Retrieved 01 07, 2013, from <http://college.cqpress.com/sites/drogusorvis/Home/chapter2.aspx>
4. Fukuyama, F. (2004). The Imperative of State-building. *Journal of Democracy*, 15 (2), 17-31.
5. GHANI, A. L. (2005). Closing the Sovereignty Gap: An Approach to State-building. *Working Paper 253*. London: Overseas Development Institute.
6. Kopstein Jeffrey, Lichbach Mark Irving. (2005). *Comparative Politics : Interests, Identities, and Institutions in a Changing Global Order* (eBook. 2nd ed. ed.). Cambridge University Press.
7. Lidák Ján, Koganová Viera. (2004). *Politológia* (druhé doplnené vydanie ed.). Bratislava: PhDr. Robert Fabula Vydavateľstvo SOFA.
8. LIĐÁK, J. (2000). *Medzinárodné vzťahy - medzinárodná politika*. Bratislava: Vydavateľstvo SOFA.
9. Melissen, J. (1999). *Innovation in Diplomatic Practice*. New York: Palgrave.
10. MELISSEN, J. (2007). *The new public diplomacy : Soft Power in International Relations*. New York: Palgrave.
11. Peterková, J. (2004). Úvod do mezinárodního vyjednávání a komunikace. *Mezinárodní vztahy* (02), 49-56.
12. Poggi, G. (2004). Theories of State-Formation. *K.Nash, A.Scott (eds.) The Blackwell Companion to Political Sociology*, 95-106. Oxford: Blackwell Publishing.
13. Robinson, I. W. (2001). Social theory and globalization: The rise of a transnational state. *Theory and Society*, 30 (2), 157-200.
14. Shaw, M. N. (2003). *International Law* (5th Edition ed.). Cambridge University Press.
15. Stojadinović, M. (2011). Creation Of A New State In Globalization Era: A Step In The Right Direction? *Western Balkans Security Observer - English Edition* (21), 30-41.
16. Tanzi, V. (2005). The Economic Role of the State in the 21st Century. *Cato Journal*, 25 (3), 617-638.
17. TELÒ, M. (2009). *International Relations : A European Perspective?* Ipswich: Ashgate Publishing Limited.

Copyright©Michal POLGÁR, 2013.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ В 2012 ГОДУ НА ЕЁ СИСТЕМУ И МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Владислав АКУЛОВ-МУРАТОВ**

РЕЗЮМЕ:

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ В 2012 ГОДУ НА ЕЁ СИСТЕМУ И МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье проводится анализ механизмов влияния внешней политики Украины и других акторов международных отношений на её систему и механизмы государственного управления в 2012 году. Оцениваются экономическая, политическая и структурная составляющая внутригосударственного управления Украины, даются прогноз и рекомендации относительно развития сложившейся ситуации на последующий период.

Ключевые слова: *международные отношения, система и механизмы государственного управления, внутренняя и внешняя политика, юридические аспекты взаимодействия.*

REZUMAT:

STUDIUL MECANISMELOR DE INFLUENȚĂ A POLITICII EXTERNE A UCRAINEI ÎN 2012 ASUPRA SISTEMULUI ȘI MECANISMELOR DE GUVERNARE

În articol se analizează mecanismele de influență a politicii externe a Ucrainei, precum și a altor actori internaționali asupra sistemului și mecanismelor de guvernare din Ucraina pentru anul 2012. Se evaluează componenta economică, politică și structurală a administrării publice din Ucraina și se oferă prognoze și recomandări.

Cuvintele cheie: *relații internaționale, sistem și mecanisme de guvernare, politica internă și externă, aspecte juridice de interacțiune.*

ABSTRACT:

STUDY OF THE MECHANISMS OF INFLUENCE OF THE FOREIGN POLICY OF UKRAINE IN 2012, ON HER SYSTEM AND MECHANISMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

The author analyzes how Ukraine's foreign policy influenced the country's public administration system and mechanisms in 2012. The economic, political and structural aspects of

* **AKULOV-MURATOV Vladislav** - Doctor în științe administrative, post-doctorand al Academiei Naționale de Administrare Publică de pe lângă Președintele Ucrainei (Kiev, Ucraina); **AKULOV-MURATOV Vladyslav** - PhD in administrative sciences, post-PhD student of the National Academy of Public Administration in addition to the President of Ukraine (Kyiv, Ukraine); **АКУЛОВ-МУРАТОВ Владислав Викторович** - кандидат наук государственного управления, докторант Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (Киев, Украина).

Ukraine's domestic public administration are assessed. The forecast and recommendations on further development of the situation are given.

Key words: international relations, system and mechanisms of public administration, foreign and domestic policy, legal aspects of co-operation

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. В нынешнем мире глобализирующейся экономики не существует абсолютной автаркии, даже на уровне государственного суверенитета супердержав. Мирровая система международных отношений – это открытая социально-экономическая структура, оформленная многочисленными механизмами взаимодействия её акторов. Причём не только на уровнях их внешней взаимозависимости, закреплённой юридически, но и патерналино, привнося в международные отношения (далее – МО) внутренний национальный и личностный колорит³⁰⁷. Т. е. современная внешняя политика государства есть проявление его внутриэкономического устройства, определяющего внутривнутриполитические процессы, оформленные системой государственного управления, использующей определённый набор механизмов (закреплённый юридически и зависящий от её структуры и функций), которые вырабатывают и обеспечивают достижение и решение поставленных целей и задач в международных отношениях, прямо или косвенно всегда влияющих на поведение, а, значит, и конструкцию системы управления любого актора-государства.

Поэтому исследование механизмов такого взаимовлияния систем МО и государственного управления (далее – ГУ) является важным шагом в понимании происходящих процессов экономической, политической и культурной глобализации мира. Период развития локальных цивилизаций, как и время *realpolitik*, заканчивается и происходит переход к одной, более-менее единой модели мирровой

цивилизации. Что вызывает необходимость разработки новой концепции МО и механизмов их оценки уже на основе распространения стейкхолдерских взаимоотношений³⁰⁸.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается статья. Исследование механизмов взаимовлияния МО и ГУ, анализ и апробирование элементов новой мирросистемной концепции развития человечества (в т. ч. и опираясь на синергетику) на конкретных примерах позволяет определять и вырабатывать наиболее безболезненные пути их перехода в свои последующие состояния для различных групп акторов-государств. Ведь вся история человечества – это борьба за блага для реализации различных понятий счастья³⁰⁹. Но с переходом к социально-экономическим отношениям информационной эпохи сами понятия благ, богатства, счастья изменятся кардинально и прогресс, как теория и идеал развития, перестанет быть путём приобретения абсолютных ценностей.

Поэтому использование Украины (как представителя одной из групп акторов-государств) в качестве образца для проведения соответствующих исследований вполне допустимо, особенно с учётом существующего космополитизма в среде её «элит», оторванных от надежд и идеалов её населения. Что соответствует историческим традициям и культурному бытию украинца, являясь одной из доминант его

³⁰⁷ Марк Аврелий Антонин. Размышления.– Л.: Наука, 1971.– 228 с.; Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество.– М.: Наука, 1992.– С. 204-208.

³⁰⁸ Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество.– М.: Наука, 1992.– С. 204-208; Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестн. СПбГУ. Сер. 8.– 2004.– Вып. 2. (16).– С. 51-68.

³⁰⁹ Платон. Государство // Сочинения в 3 т.– Т. 3.– М.: Наука, 1971; Аквинский Фома. Сумма теологии // Мир философии: В 2-х т. – М.: Изд-во полит. лит., 1991.– Т. 2.– С. 375-377; Декарт Р. Начала философии // Антология мировой философии: В 4 т.– Т. 2.– М.: Мысль, 1970.

мировоззрения и провоцируя население к ксенофобии, национализму и маргинализации (взаимосвязанных и взаимодополняющих явлений по типу «стоячих волн»), которые могут проявиться не только в открытом противостоянии между различными олигархическими «элитами», получившими своё состояние криминальным путем и рассматривающими государство только в качестве своего бизнес-проекта, но и между исторически сложившимися группами населения, что приведет к расколу Украины по социокультурным признакам³¹⁰.

А периодизация в один год вполне приемлема для проводимых наблюдений в виду явных различий в направлении и скорости протекания экономических и политических процессов между Украиной, доминантными акторами её ближайшего экономико-политического окружения и мировыми трендами исторического развития.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. Нынешний национальный политический и экономический кризис является специфическим этапом развития украинской культуры, проявляющийся в расслоении коллективных форм идентификации украинцев. В его основе лежит отрыв идеального продукта национального существования от его чувственно-экзистенциальной сущности. Поэтому основой проводимых исследований являются работы И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Дж. С. Милля, Дж. Армстронга, Е. Тонкина, М. Чепмена, Дж. Хатчинсона, Я. Крейчи, В. Велимского, К. Вулфа и др. (вопросы этничности, национализма и космополитизма), В. С. Библера, М. М. Бахтина, М. С. Кагана, Л. Г. Ионина и др. (темы космополитизма и маргинальности), М. Драгоманова, Н. Костомарова, М.

Грушевского, А. Бочковского, И. Лысяк-Рудницкого, М. Сосновского, А. Кульчицкого и др. (украинская научная традиция исследования национально-культурных и экономико-политических проблем в Украине), Р. Шпорлюка (проблемы культуры и их влияние на исторические события), Д. Чижевского (философские аспекты вклада Украины в мировую культуру и поиска в ней своего места), Ж. А. Кондорсе, К. Маркса, И. Гердера, Н. Бердяева и др. (теория прогресса и его критика), Р. Виппера, Е. В. Тарле, В. П. Бузескула, Д. М. Петрушевского, М. И. Ростовцева, В. Н. Перцева, Н. А. Бердяева, А. Н. Нечухрина, А. Гуревича и др. (теория модернизации и её критика), Л. Моргана, Ф. Энгельса, О. Шпенглера, Н. Данилевского, Н. А. Бердяева и др. (теория цивилизаций и её критика), А. Дж. Тойнби, Ф. Броделя, Л. Гумилёва и др. (концепции локальных цивилизаций), Ф. Фукуямы, И. Стенгерса, И. Пригожина, Б. Ерасова, С. Крымского и др. (миро-системная теория и её критика, в т. ч. на основе синергетики)³¹¹.

Сам автор статьи сознательно опирается на идеи основателей Киевской мировоззренческо-антропологической

³¹⁰ Загричук И. Д. Космополитизм и маргинальность в национальной культуре. – Рукопись. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.04 – философская антропология, философия культуры. – Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды. – Харьков, 2010.

³¹¹ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Наука и религия. – 1995. – № 10. – С. 2-4; Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990; Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 21. – М.: Изд-во. полит. лит., 1961; Крымский С. Кінець історії чи мета історія? // Collegium. – 1994. – № 1. – С. 28-39; Маркс К. Маркс – Анненкову, 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 27. – М.: Изд-во. полит. лит., 1962; Нечухрин А. Методологические основы российской историографии в 80-ые гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм) // Наш радавонд. – 1994. – Кн. 6. – Ч. 1. – С. 23-189; Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера // Вопросы философии и психологии. – 1907. – № 4. – С. 469-503; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.; Hettner Geschichte der deutschen Literatur im 18 Jahrhundert, Bd. 1. – Berlin, 1961; Економічна енциклопедія: У 3 т. / Відп. ред. С. В. Мочерний. – К.: Видавничий центр «Академія», 2001. – Т. 2. – С. 355-372.

школы В. Шинкарука, И. Бычка и А. Яценко³¹².

Формулирование идеи или целей статьи (постановка задачи). Поэтому, для исследования воздействия внешней политики Украины в 2012 г. на её систему ГУ (с составлением прогноза на последующий период), необходимо вначале проанализировать основные внутренние экономические и политические процессы и явления, обуславливающие имеющуюся систему ГУ, обеспечивающую существующую внешнюю политику Украины. А затем проанализировать и спрогнозировать последствия обратных политических и экономических связей между акторами, мировым сообществом и Украиной, выражающиеся в изменениях системы её ГУ³¹³.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Экономическая ситуация в 2012 г. в Украине продолжает усложняться и находится под угрозой финансового кризиса. Источник – надвигающийся кризис банковской системы из-за неуправляемой девальвации гривны, связанной с превышением совокупных валютных обязательств банковского сектора своих же валютных активов. Тогда украинские банки, как система ГУ, понесут значительные убытки от валютных переоценок, а у крупнейших из них

отрицательная валютная позиция будет очень велика³¹⁴.

Поэтому не удивительно, что ставки по депозитам для физических лиц с начала года уже выросли на 1,5-4 %, несмотря на то, что в стране дефляция. А средняя ставка по депозитам в гривне на срок более 1 года составляет около 21 % и целый ряд крупных банков предлагает ставки на уровне 27-30 % в гривне, и свыше 12 % в долларах и евро. При этом многие банки предлагают более высокие ставки по краткосрочным депозитам, чем на вклады с длительным сроком. Межбанковские ставки тоже растут. Все это свидетельствует о серьезных проблемах с ликвидностью и о высоких девальвационных ожиданиях, как населения, так и банков³¹⁵.

Прогнозируемое введение обязательной продажи части валютных поступлений и повышение налоговых отчислений с продажи валют на 12-15 % окажет существенное влияние на рынок и, в первую очередь, снизит спрос на валюту со стороны населения, хранящего свои сбережения в долларах США. Таким образом, Национальный банк Украины (далее – НБУ) искусственно стремится стабилизировать ситуацию на валютном рынке и поддержать курс национальной валюты. Однако подобные жесткие механизмы ГУ не улучшат ситуацию с накоплением НБУ валюты в преддверье выплат 2013 г. по государственным займам, снизят инвестиционные потоки в Украину и приведут к активизации «черного» валютного рынка. В итоге, усиленно лоббируя это предложение, в самом выгодном положении окажутся «серые» импортёры (находящийся под контролем криминальных структур!), регулярно покупающие на «чёрном» рынке валюту. Поэтому, для поддержки НБУ, власть будет вынуждена применить к нему жесткие меры,

³¹² Шинкарук В. И. Предмет и задания истории философии как науки.– К.: Наук. думка, 1957.– 342 с.; Шинкарук В. І. Методологічні засади філософських вчень про людину // Філософська антропологія: екзистенціальні проблеми.– К., 2000.– С. 8-48; Бычок И. В. Познание и свобода.– М.: Политиздат, 1969.– 215 с.; Бичок І. В. Ментальна співзвучність української та європейської філософської традиції: «Кордоцентричні мотиви» // Київські обрії: історико-філософські нариси.– К.: Стило, 1997.– С. 316-337; Яценко А. И. Целеполагание и идеалы.– К.: Наук. думка, 1977.– 275 с.

³¹³ Ильин В. В. Теория познания: Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин.– Изд. 2-е, испр.– М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.– 168 с.; Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / Вячеслав Семенович Степин.– М.: Прогресс-традиция, 2003.– 744 с.

³¹⁴ Ковалюк О. М. Фінансовий механізм організації економіки України (проблеми теорії і практики): Монографія.– Львів: Видавничий центр Львівського національного університету ім. Івана Франка, 2002.– 396 с.

³¹⁵ Кульман А. Экономические механизмы.– М.: Прогресс; Универс, 1993.– С. 63-94.

что инициирует серьёзное противостояние. Но в случае, если при этом курс доллара начнёт расти, население, мелкий и средний бизнес потеряет (с учётом коррупции) более 20 % своих сбережений. Это вызовет в обществе сильное социальное напряжение и готовность к активным действиям, усиленную быстрым ростом безработицы (на конец года только официально зарегистрировано около 450 тыс. безработных) и долгами по зарплате (главы обладминистраций по собственной воле тратили её для финансирования своих проектов!)³¹⁶ и пенсиям. А это, на фоне продолжающейся внутривластной борьбы, сделает экономические позиции Украины крайне нестабильными, особенно из-за снижения рейтингов международных агентств. Тогда экономический кризис примет обвальное характер.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно, с учётом основных макроэкономических показателей.

Общий анализ базовых показателей и основных отраслей экономики Украины

На 2012 г. в бюджете Украины было запланировано 3,9 % роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) [28] и представители власти обещали перекрыть их в полтора раза и выйти на среднегодовые темпы его увеличения 6-8 %.

Однако рост реального ВВП в январе-сентябре 2012 г., по сравнению с соответствующим периодом 2011 г., был только 1,5 %, снизившись за счёт падения производства в промышленности, сельском хозяйстве и других секторах реальной экономики. А дефицит внешней торговли товарами и услугами составил \$ 6,5 млрд.³¹⁷

Поэтому Fitch Ratings и ЕБРР понизили прогноз роста ВВП Украины в 2012 г. с 2,5 % до 0,5-1 %, Всемирный Банк – с 2 % до 1 %, а МВФ уменьшил свои 3 % до 2 %. Standard & Poor's понизило долгосрочные суверенные кредитные рейтинги Украины по обязательствам в иностранной и

национальной валюте с В+ до В, оставляя прогноз негативным. А Moody's снизило рейтинг государственных облигаций Украины с В₂ до В₃ тоже с негативным прогнозом, поясняя своё решение: 1) дефицитом внешней ликвидности, обуславливающей риски общего ухудшения экономической ситуации; 2) ухудшением институциональной устойчивости, обусловленной плохо предсказуемой политикой властей; 3) уменьшением информационной прозрачности; 4) неспособностью властей договориться о новой, более низкой цене на российский газ. Все эти прогнозы могут измениться на «стабильные» только в случае успешного осуществления в Украине реформ, продавливаемых МВФ.

Золотовалютные резервы НБУ (далее – ЗВР) за 10 мес. 2012 г. снизились на 14,4 % (до \$ 27,216 млрд.), в т. ч. из-за их использования (в качестве административного ресурса) для поддержания курса гривны перед выборами в Верховную Раду Украины (далее – ВРУ). Прежде всего, их размер не соответствует общепринятому нормативу – не менее полугодичного объёма импорта товаров (что не так критично). Основной вопрос – сколько же из них представляют собой оперативную ликвидность? Осенью 2008 г. НБУ имел около \$ 7 млрд. и сразу же сдался, запросив транш у МВФ. А структура ЗВР в 2012 г. в принципе не может измениться по системным причинам, и резервы в иностранной валюте наполовину состоят из кредитов МВФ, которые запрещается использовать для поддержания курса национальной валюты³¹⁸.

Государственный и гарантированный государством долг Украины, по прогнозам Министерства финансов, к концу 2012 г. достигнет 520 млрд. грн. (\$ 65,1 млрд.), хотя по действующему законодательству его предельный размер не может превышать 424,004 млрд. грн. Таким образом, при росте экономики в пределах 1 %, Украина наращивает долг минимум на 10 % и

³¹⁶ [On-line]: <http://www.gockomstat.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

³¹⁷ [On-line]: <http://www.gockomstat.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

³¹⁸ [On-line]: <http://www.gockomstat.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

вплотную приблизится к 600 млрд. грн., что превысит 40 % ВВП. А это втянет страну в долговую петлю в объеме свыше 100 млрд. грн., как это было в 2004 и 2010 гг.³¹⁹.

Однако Президент Украины (далее – ПУ) одобряет (!) законом Украины «О государственном бюджете на 2013 г.» предельный размер государственного долга 483,032 млрд. грн., позволив выпуск облигаций внутреннего государственного займа (далее – ОВГЗ) для докапитализации НАК «Нафтогаз» и Государственного сберегательного банка. И Кабинет министров Украины получает право выпускать ОВГЗ, хотя долг на душу населения составляет в Украине около \$ 3,18 тыс., а консолидированный долг государства – 95 % ВВП! При этом сальдо торгового баланса в 2012 г. будет не менее минус \$ 14,5-15 млрд. и чтобы заткнуть такую системную дыру в бюджете необходимо регулярно зарабатывать валюту, а её единственный источник, по большому счету, только один – металлургия, которая является заложницей внешнеторговой конъюнктуры³²⁰.

Для преодоления этих проблем Украина сотрудничает с МВФ по программе stand-by с 2008 г. Но в 2011 г. произошло её «замораживание» из-за отсутствия требуемых реформ, на которые украинская власть не пойдёт ради самосохранения.

Для Украины не осталось других реальных способов поддержания её экономики. Крупнейшие мировые должники кредитуются у своих центробанков по ставкам, близким к нулю и легко могут перекредитоваться, что и делают постоянно, скупая интересующие их активы по всему миру. И благодаря проводимой экономической глобализации при помощи МВФ, ЕБРР, Всемирного банка и пр., они конструируют транснациональные бизнес-системы и формируют мировое разделение труда исключительно под себя, отводя Украине роль поставщика некоторых

ресурсов. И проблема её зависимости от дорогого российского газа играет в этом ключевую роль, а снизить эту зависимость за счет снижения объёмов закупок Украина не в состоянии из-за принципиальной позиции руководства России.

В последние годы доля металлургии в объемах реализованной промышленной продукции страны составляет 25-27 %, обеспечивая 40-45 % всех валютных поступлений в бюджет. Однако металлургическая отрасль Украины, под воздействием снижения мирового спроса на стальную продукцию, начала «сжиматься», а украинская экономика, из-за особенностей своей структуры, не может переваривать излишки внешней конъюнктуры. Поэтому она, учитывая её нынешнее состояние, может «провалиться», если случится обвальное снижение мирового спроса на украинские стальные чушки, как это было осенью 2008 г.³²¹.

Сельскохозяйственное производство в Украине опирается на пшеницу, количество которой в 2012 г. уменьшилось, по сравнению с 2011 г., почти на треть (собрали менее 14,5 млн. тонн – осенью не взопрели озимые). К тому же, с целью воздействия на мировое сообщество, в преддверии выборов в ВРУ, был введён мораторий на экспорт украинской пшеницы, что то же негативно влияет на экономику страны.

Систематического государственного развития других отраслей сельского хозяйства в Украине, в т. ч. и современного животноводства, не ведётся вообще. Есть только экспорт ячменя, семян подсолнечника и их масла, рапса и кукурузы.

При нынешних управленческих подходах жилищная проблема в Украине принципиально неразрешима. Попытка простимулировать отрасль в 2012 г. государственной программой «Доступное жильё» (7-8 млн. м² жилья ежегодно) не удалась, что, к тому же, тормозит рост внутреннего потребления металла (с начала её старта общее количество выданных кредитов, для более чем 12 млн. семей, –

³¹⁹ [On-line]: <http://www.minfin.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

³²⁰ [On-line]: <http://www.gockomstat.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012); [On-line]: <http://www.rada.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

³²¹ [On-line]: <http://www.gockomstat.gov.ua> (Посещение сайта: 03.12.2012).

около 500; при сохранении таких темпов полное освоение выделенных средств произойдет через 15-25 лет).

Поэтому неутешительным результатом анализа базовых показателей и основных отраслей экономики Украины приходит вывод, что реальная экономика Украины фактически сокращается, находясь в глубоком кризисе, без видимых перспектив выхода из него и власти не знают, да, пожалуй, и не хотят что-либо делать в этой ситуации. Подтверждение этому – декларирование Госкомстатом этого спада на пике предвыборной кампании в ВРУ³²².

Понижение экономических рейтингов Украины отражает ухудшающиеся прогнозы относительно её финансовой стабильности, а это инициирует значительную потребность во внешнем финансировании в 2013 г. и последующих периодах, а также создаст неопределенность в отношении обеспечения достаточного финансирования в иностранной валюте. Позитивное влияние на рейтинги Украины оказывают значительные природные ресурсы, относительно диверсифицированная экономика и сравнительно низкий (но растущий!) уровень долговой нагрузки, в общем-то, небогатого государства. Поэтому Украина столкнется с более высокой стоимостью заимствований и более сложными условиями привлечения финансирования в сравнении с прошлыми периодами. Тем более из-за фатальности газового фактора – его устранение невозможно без самых серьезных политических уступок России, что резко снизит авторитет нынешней украинской власти, как внутри страны, так и за её рубежами³²³.

Избежать финансового кризиса Украина может, приняв решение об управляемой

девальвации гривны для спасения остатков реального сектора экономики, своего платежного баланса и недопущения краха банковской системы. Девальвация гривны ожидается до 8,8 за доллар, но крайний минимум может достигнуть 9,1. Наиболее щадящий сценарий – это мягкая девальвация гривны, однако ресурсов и времени для этого у правительства явно недостаточно. В случае дальнейшего затягивания решения ситуация может начать развиваться по белорусскому сценарию образца 2011 г. А учитывая нисходящий тренд украинского ВВП и малые возможности экономического лавирования, и если кризисные явления в мировой экономике ускорятся, то экономика Украины «рухнет» (при мировом спаде в 2009 г. на 1,3 % украинский ВВП «обвалился» на 15,1 %). Поэтому единственная надежда Украины – прохождение мирового спада по пологой траектории, без «пиковых» кризисов.

Однако в 2013 г. в мировой экономике ожидаются низкие темпы роста экономик развитых стран (сокращение реального выпуска в Еврозоне и Великобритании, но не в США – их экономика менее рыночная, а, значит, и менее кризисная, чем европейская), а также рецессия в некоторых из них. Крах глобальной экономики может наступить при одновременном стечении нескольких обстоятельств: в США произойдет «фискальный обрыв», ситуация вокруг Греции ухудшится, китайская экономика замедлит рост сильнее ожидаемого, а цена на баррель нефти поднимется до \$ 200 (в случае дальнейшей эскалации конфликта на Ближнем Востоке, что осложнит выход из рецессии странам-импортерам, таким, как Украина). Наиболее чувствительна для экономики Украины рецессия в Еврозоне, особенно в Италии, Испании и на Кипре.

Причём, такое развитие ситуации окажется гораздо худшим, чем кризис 2008 г. Тогда были понижены базовые ставки с 5-6 % до нуля, проведены монетарные смягчения QE1, QE2, QE3, созданы налоговые стимулы с нагрузкой на бюджет до 10 % ВВП и выплачена антикризисная помощь. Сейчас количественное смягчение становится не эффективным, т. к. нынешние

³²² Амосов О. Ю. Перетворення механізмів державного регулювання економічного розвитку // Державне управління та місце самоврядування: Збірник наукових праць: У 2 ч. / За заг. ред. Г. І. Мостового, Г. С. Одінцової.– Харків: ХарРІДУ УАДУ, 2001.– Вип. 2.– С. 10-16.

³²³ Астапова Г. В., Астапова Е. А., Лойко Д. П. Организационно-экономический механизм корпоративного управления в современных условиях реформирования экономики Украины.– Донецк, 2001.– 279 с.

проблемы связаны не с нехваткой ликвидности, как в 2008 г., а с неплатежеспособностью экономических субъектов. Поэтому, в случае свободного падения рынков и спада экономик, не будет средств, чтобы абсорбировать экономические шоки. Ведь за последние 4 года страны потратили до 95 % средств, смягчающих финансовые трудности!

Общий анализ политической обстановки в Украине

Политическая ситуация в 2012 г. в Украине тоже продолжает усложняться и находится под угрозой кризиса, не смотря на яркость и многозначность происходящих событий. Источник – отсутствие легитимности власти в глазах украинского народа. Выборы в ВРУ показали, что точка «невозврата» в отношениях между ПУ и олигархами еще не пройдена, но стороны уже готовы к различным вариантам взаимного сдерживания, которые могут сами по себе стать поводом к войне³²⁴.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно, с учётом основных политических факторов и явлений.

Выборы-2012 в ВРУ не были решающим событием в политической жизни Украины: нынешняя власть знала о своей победе (поэтому не сражалась), оппозиция – что проиграет (речь шла только о сохранении своих позиций), а избиратель определился с политическими предпочтениями (из партии в партию и обратно мигрировали только чиновники). Поляризация общества – вот главный итог парламентских выборов в Украине. Но раскола страны не произошло – ярко проявилось многообразие исторических и культурных наследий, внешнеполитических приверженностей кланов и элит. И стало понятно, что в Украине нет пока «третьей силы», а навязать всей стране постсоветскую политико-

экономическую модель действующей олигархической власти не удаётся³²⁵.

Партия власти – «регионалы» (Партия регионов, ПР) – победила номинально, при помощи административного ресурса (заключение лидеров оппозиции в тюрьму, подтасовки во время выборов, принятие популистских законов и т. п.). Её электорат – в основном «лоялисты» (на постсоветском пространстве это приблизительно 25 % населения, которое при любых обстоятельствах голосует за существующую власть)³²⁶. Представители ПР набрали в ВРУ сейчас голосов меньше, чем её лидер (В. Янукович) в первом туре президентских выборов 2010 г. В Киеве на выборах 2012 г. «регионалы» не выиграла ни в одном из его мажоритарных округов. Теперь ПР и их союзникам-коммунистам, даже при их «железной» партийной дисциплине, не хватает собственных сил для проведения единоличной политики в государстве, как это было ранее.

Для коммунистов (Коммунистическая партия Украины – КПУ) единственно возможный вариант коалиции – это ПР. Получив высокие проценты голосов избирателей на парламентских выборах в результате определённых договорённостей с администрацией ПУ и удачно проведённой предвыборной кампанией, они почувствовали возможность борьбы за президентское кресло. Поэтому в ВРУ обязательно будут показательные конфликты между КПУ и олигархами из ПР, особенно со «стародонецкими» и, тем более, с «недонецкими».

Победа в мажоритарных округах даже относительно слабых кандидатов от партии

³²⁴ Цыплакова Е. П. Особенности формирования партийной системы Украины // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 10-11 декабря 2010 г.- СПб.: 2010.- С. 22-34.

³²⁵ Цыплакова Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве – Рукопись. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. – Санкт-Петербургский государственный университет.– Санкт-Петербург, 2011.– 197 с.

³²⁶ Отрешко Н. Б. Трансформация эпистемологических оснований социологии: субъект, метод познания, картина социального мира / Н. Б. Отрешко.– К.: Ин-т социологии НАН Украины; «ВИПОЛ», 2009.– 268 с.

Батькивщина объясняется «эффектом Тимошенко» – даже находясь в тюрьме Юлия Владимировна влияет на электоральные симпатии. Поэтому, без её «освящения» (при выборе единого кандидата от оппозиции) ни А. Яценюк, ни В. Кличко, ни О. Тягнибок победу на президентских выборах 2015 г. не одержит.

В целом результат Украинского демократического альянса за реформы (УДАР), как новой партии, не плохой и основан на харизматическом начале её лидера В. Кличко (приложившего, для повышения своего политического рейтинга, очень разнообразные усилия, чтобы остаться непобеждённым на боксёрском ринге). Но это не результат для формирования самостоятельной «третьей силы». Он занял эту очень востребованную сейчас нишу только частично и поэтому его текущая альтернатива – влиться в какую-то из больших коалиций. Сам В. Кличко давно сотрудничает с ПР и люди, которых он привел с собой в политику посредством УДАРа, не революционеры, а, в первую очередь, бизнесмены, не желающие обострения отношений с существующей властью. Поэтому, имея возможность получить более высокий результат, он был остановлен спонсорами, которые, таким образом, ясно дали понять нынешней власти о несогласии с её растущими аппетитами и своих возможностях к противодействию (без олигархических денег не остаются перед выборами в Украине ни оппозиция, ни коммунисты; и ни кто этого особенно не скрывает). Но УДАР, позиционирующий себя как долговременный проект, идти на прямое сотрудничество с существующей властью не может – для него это политическое самоубийство, что инвестор хорошо понимает. Поэтому их основная задача – противодействие ПУ в самых различных вопросах, ослабляя его возможности перед президентскими выборами 2015 г.

Приход националистов в ВРУ является симптомом роста внутреннего напряжения украинского социума и европеизации парламента – появления радикалов. Поэтому, желая оставаться во власти, партия Свобода

сбавит свой националистический пыл (он будет нужен попозже, при падении её популярности). Её успех свидетельствует о востребованности в Украине идеологических партий, а рост популярности – наличием у актива убеждений, совпадающих со словами и действиями³²⁷.

Электорат хочет видеть реальное противодействие существующей системе политической власти в Украине. Однако парламентская оппозиция не сможет принимать обещанные ему законы и решения своими силами не только из-за недостачи голосов, но и из-за традиционной склонности к внутренним разборкам. К тому же, в связи с действующей Конституцией Украины, обновленная ВРУ не может принимать прямого участия в формировании внешнеполитического курса страны.

По результатам выборов в ВРУ ПУ сохранил возможность балансировать, как и прежде, между Западом, Востоком и олигархами. Но он не выиграл эти выборы, а ВРУ не соответствует общественному мнению и настроению, поэтому его шансы на следующих президентских выборах 2015 г. не велики. Однако сейчас в системе украинской власти произойдет изменение центров силы: усилится группа бизнесменов, входящая в окружение В. Януковича (далее – «Семья»), и ослабнут ещё более чем вначале года, позиции А. Клюева, Д. Фирташа, С. Левочкина, Р. Ахметова. А вскоре начнётся преследование и связанного с ними бизнеса, и первой ласточкой будет И. Коломойский.

С политической точки зрения вся монополия власти сохранилась в руках ПУ. Ранее это было частью системы балансов между главными олигархическими группами

³²⁷ Основы социального управления: Учебное пособие / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и др.; Под ред. В. Н. Иванова. – М.: Высшая школа, 2001. – 265 с.; Уmland А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994-2009 гг. Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – II. Антилиберальные течения на постсоветском пространстве – Русское издание № 2, 2011 - [On-line]: [http://www.1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss16.html\(7Umland.pdf\)](http://www.1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss16.html(7Umland.pdf)) (Посещение сайта: 03.12.2012).

– он иногда даже выступал арбитром в разделе крупных государственных активов, что не вызывало отторжения, т. к. желания стать олигархом сам В. Янукович не выказывал³²⁸. Теперь, отменив предыдущую конституционную реформу, он получил возможности основных назначений, включая силовые, – исчезла необходимость договариваться с другими влиятельными группами, как это всегда было и являлось залогом своеобразной украинской демократии, поскольку каждый украинский клан ставил на свою политическую силу. ПУ стал самым сильным игроком, но, как иерарх, он потерял возможность вступать в ситуативные союзы с другими силами, значит, рассчитывать стал только на себя и лояльное ему окружение. Это и заставило олигархов, вроде бы получивших замышленную монополию, задуматься о её оборотной стороне. Что породило главную интригу парламентских выборов – коллизии внутри самой украинской власти, вся система которой являлась комплексом договоренностей между пятью-шестью основными олигархическими кланами ещё со времён Л. Кучмы и «оранжевой революции». Но «Семья» стала занимать не только административные и силовые позиции, она посягнула на бизнес-интересы «старых» олигархов, чего не позволяла себе ни одна предыдущая власть. Пока перераспределение украинских активов не перешло критической черты, но теперь можно ожидать серьезных политических и экономических потрясений, что подтверждается успехами УДАРа и Свободы. Если «Семья» продолжит расширять свои бизнес-интересы слишком активно, с точки зрения конкурентов-олигархов, то выборы ПУ и в ВРУ пройдут досрочно³²⁹.

Кадровые перестановки, особенно последние назначения, говорят о том, что борьба за власть между группами,

способными определять политические и экономические процессы в Украине, нарастает. Сегодня этих групп три.

Первая – «Семья». Она постоянно укрепляется и сейчас входит в процесс управления государственными финансовыми потоками, что на сегодня является ключевым моментом (внешние рынки теряются, внутренний рынок слабый и не позволяет сохранить прибыль даже на нынешнем уровне, поэтому выжить можно будет только за счет бюджета, что наблюдалось на примере Евро-2012).

Вторая – Хорошковского-Левочкина. Причём В. Хорошковский работает по собственному плану, используя ресурсы Д. Фирташа. Это, в определенной степени, усиление пророссийской партии в Украине, но и русская, и украинская элита своими финансовыми интересами, собственностью, бизнесом завязана на Запад. Поэтому фигура Хорошковского консолидирована и Россией, и США.

Третья – Р. Ахметов, самый крупный игрок, из «стародонецких». Но игру против него, из соображений личной безопасности, начнут в самую последнюю очередь, когда будет уверенность в гарантированности результата.

В нынешней экономической ситуации именно вокруг этих основных групп и будут происходить ключевые политические события, связанные с процессом объединения очень крупных игроков в сверхкрупные. Заявление властей (т. е. «Семьи») о борьбе с олигархами означает для всех, кто не вписывается в эту тройку, большие проблемы – отсечение от миллиардных потоков государственного бюджета Украины и беззащитность (т. е. потеря) их бизнеса.

Поэтому назначения ПУ логичны, понятны и предсказуемы, учитывая его небольшой кадровый выбор. Он будет легко жертвовать зиц-председателями, типа Н. Азарова – сейчас ему нужны как раз те, кто будет много и красиво говорить о реформах, о новом лице власти, но при этом реально не иметь какого-либо влияния, сосредотачиваемого у министров и вице-премьеров. Поэтому «Семья» максимально

³²⁸ Шульга М., Бойко Н. Уряди України: соціологічний портрет владної еліти (1990-1997 рр.) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг.– 1998.– № 3.

³²⁹ Тихонов А. В. Социология управления.– Изд. 2-е, доп. и перераб. / А. В. Тихонов.– М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.– 472 с.

продолжит усиливать свои позиции, назначая «донецких» на ключевые посты в банковском секторе, налогово-таможенных структурах, земельном банке и т. д. А олигархи в орбите ПУ, в первую очередь не входящие в газовый клан Д. Фирташа, будут отдаляться и «выдавливаться» из системы.

Чиновная структура властной вертикали, даже самой монополизированной, всегда распадается на множество малых вертикалей, принадлежащих представителям каждого из ее кланов. «Донецкий» клан отодвинул от местной власти прежнюю бюрократию и элиты, сделав их своими врагами и поставив на их место лояльных себе чиновников. Но бюрократия не прощает понижения в статусе, а региональные элиты затаились и ждут своего часа. И, как только «Семья» начнёт поглощать уже «донецких» олигархов, политическая и экономическая ситуация в Украине обострится, и оппозиция получит финансовые потоки для создания альтернативы ПУ В. Януковичу, что уже прослеживается на парламентских выборах-2012³³⁰.

Период «олигархического консенсуса» на Украине завешен – заканчивается поглощение «недонецких» олигархов. В этой ситуации «Семье» очень нужен П. Лазаренко для закрытия вопроса по Ю. Тимошенко, связке Пинчук-Кучма и др. навсегда – ПУ важно нейтрализовать своих противников накануне выборов 2015 г. Однако бывший узник не пойдёт на сговор с нынешней властью, а, осев в Европе, будет помогать обострять и дестабилизировать ситуацию в Украине.

В России тоже понимают, что эти выборы важны только в контексте 2015 г. А более того, что было подписано в 2009 г., в Харькове, Кремль уже не добьётся (он не получил ни каких уступок даже накануне выборов в ВРУ!). Нынешняя украинская власть интересна Москве лишь гарантией сохранения результатов харьковских соглашений, которые другим украинским лидером будут поставлены под сомнение.

³³⁰ Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України: Монографія.– Харків: Видавництво ХарПІДУ НАДУ «Магістр», 2006.– 220 с.

Поэтому в российско-украинских отношениях будет очередная пауза, причём в жёсткой форме, которую ПУ В. Янукович использует для осторожного налаживания отношений с Западом, продолжая декларировать себя, как его мост на Восток.

Суть очередной «газовой войны» Украины с Россией, являющейся предвыборным пиаром, в том, что оба политических режима схожи по своей сущности, происхождению и содержанию. Поэтому конфликт между ними не может урегуливаться сам собой, и он более ожесточён, чем при В. Ющенко, т. к. их интересы конкурируют. Его основная задача – убрать игроков, которые мешают установить русским контроль над украинскими активами. По мере укрепления их позиций конфликты автоматически ослабеют. Ведь для В. Путина сегодня ключевым приоритетом является безопасность, как и для В. Януковича. Однако для Кремля безопасность связана не только с внутренними рисками, но и с внешними. Там уверенно считают, что Россия является естественным ядром притяжения для всех стран постсоветского пространства, а эти страны были и останутся естественным продолжением российского экономического, политического и культурного ареала³³¹. Поэтому Москва обязательно будет требовать вступления Украины в Таможенный союз (далее – ТС), правда теперь уже в форме некоторой постепенности, а также соглашений по украинской газотранспортной системе и выходу её из Энергетического сообщества Европы в обмен на русско-украинское сотрудничество, прежде всего в энергетической и торгово-экономической сферах (в частности за двукратное снижение цены на газ).

Однако присоединение Украины к ТС имеет лишь краткосрочные экономические

³³¹ Романенко Ю. В. Матриці смислопродукування в соціальних системах західних і східних країн: порівняльний аналіз / Ю. В. Романенко // Мультиуніверсум: Філософський альманах: [збірник наукових праць] / Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України.– К.: Український Центр духовної культури, 2005.– Вип. 49.– С. 50-62.

выгоды для ограниченного круга её экспортеров-олигархов, и только в результате отмены экспортных пошлин на энергоносители, поставляемые Россией Украине. Но конечный эффект от такой меры зависит от того, какую политику ценообразования на рынках энергоресурсов будет проводить Россия. Поэтому выигрыш будет весьма ограниченным во времени.

В долгосрочной перспективе вступление приведёт к деградации украинской экономики, ведь Украина и члены ТС находятся приблизительно на одном уровне технологического развития, и поэтому синергетические эффекты от взаимных инвестиций и торговли очень ограничены. А стратегической задачей российской экономики является устранение конкуренции со стороны постсоветских стран, имеющих схожую линейку продукции. Москва приложит все усилия для выдавливания конкурентных производителей, как это сейчас происходит на рынках авиа- и судостроения, агрокомплекса, и стимулирования перехода экономики стран-партнеров в сырьевой сегмент, усиливая их зависимость от российского спроса³³².

Поэтому вступление Украины в ТС вызовет колоссальное противостояние в украинском социуме, что приведёт к конфликту, в котором ПУ В. Янукович потеряет свою легитимность (хотя, учитывая опыт харьковских соглашений, если он пойдёт на вступление, то на всё остальное он будет мало обращать внимание) – против присоединения к ТС поднимется оппозиция, добиваясь привлечения ПУ к криминальной ответственности и грозя масштабными акциями протеста. К тому же против

вступления в ТС будут играть и внутренние конфликты в окружении ПУ, давление со стороны ЕС, и сами россияне, которые, по традиции, будут выдвигать всё новые и новые требования без учёта потребностей украинской стороны.

Москва, вместо кооперации, требует интеграции, пытаясь заставить все страны постсоветского пространства подписать с ней союзный договор. А в нынешних условиях для Украины любой политический договор с Россией поставит под сомнение подписание Соглашения об Ассоциации с ЕС, а значит и любые перспективы евроинтеграции. Это выгодно только В. Путину, которому сейчас безразлично, что подписывать, т. к. это будет всего лишь чёткий сигнал Западу о его победе. А сам он, при этом, не берёт на себя ни каких обязательств, в т. ч. и по уменьшению цены на газ.

Поэтому ПУ В. Янукович, опираясь на тезис, что победила правящая партия, предложит в отношениях с Западом считать нынешнюю ситуацию нулевой точкой отсчета. Однако требования отказа от практики выборочного правосудия и освобождения политических заключённых-конкурентов действующей власти на Западе останутся, как и уверенность, что демократия в Украине закончилась. Поэтому будет вестись торг по поводу лечения Ю. Тимошенко в Германии, но её освобождение возможно только для нейтрализации В. Кличко или других политических оппонентов на президентских выборах 2015 г.

К тому же расхожее предположение о том, что очень скоро мир кардинально изменится посредством перехода глобального лидерства от США к Китаю, и ряду других активно развивающихся стран, ошибочно. США и впредь останутся лидерами в экономике – каждый приезжающий в эту страну иммигрант может стать американцем уже в течение нескольких лет, не владея английским языком. В стране создаются условия, наиболее благоприятные для выбора именно её в качестве места работы молодыми и наиболее перспективными кадрами со всего мира (40

³³² Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч.– Ч. II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунюва.– М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007.– 495 с.; Коломийчук В. С. Соціально-економічні механізми управління адміністративним районом в системі регіонального розвитку: Автореферат дис... д-ра екон. наук: 08.10.01 / НАН України. Інститут регіональних досліджень.– Львів, 2000.– 50 с.; Державне управління в Україні: Навчальний посібник / За заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Б. Авер'янова.– К.: Видавництво ТОВ «СОМІ», 1999.– С. 35-39.

% студентов – иностранцы, лучшим из которых предлагают остаться). А за последние пятнадцать лет Европа экспортировала в США около 500 тыс. человек с университетским образованием!³³³

Китай и Индия – закрытые общества с четырех-пятитысячелетней культурой, циклическими кризисными явлениями и жесткой социальной диктатурой, что несовместимо с психологическим типажом изобретателя из Силиконовой долины. Либерализация этих государств продвигается очень медленно – они могут создавать дешевую продукцию, копировать сложные вещи, иметь определённые конкурентные преимущества, но лидерами в развитии новых технологий и продуктов им не стать: страны, имеющие централизованное управление, не создают массово уникальных ценностей. Только открытые, либеральные, демократические общества с развитой конкуренцией могут создавать новое. Для этого нужен работающий парламент и действенный полицейский аппарат, иначе бизнес превращается в мафию, как это наблюдается в Бразилии, где даже при наличии экономической свободы очень сложно укрепить демократические устои.

Молодость и интеллект, лежащие в основе любого процесса развития, стремятся туда, где существует определенный уровень свобод и четко прорисованы перспективы. И пока либеральная модель США не имеет в этом плане конкуренции. Поэтому в ближайшей перспективе поиск альтернативных капитализму систем не будет иметь результата³³⁴. А значит и о смене лидеров глобального развития говорить преждевременно.

Поэтому в мировой политике одной из задач США останется разработка и применение эффективных методов замедления или предотвращения интеграционных процессов на

постсоветском пространстве вокруг России и с Китаем. США продолжают стимуляцию интеграции постсоветских стран, в т. ч. и Украины, между собой. Это связано с победой Б. Обамы на президентских выборах за счёт акцента на интересе американцев к равенству в гражданских и гендерных правах, ограничению вмешательства государства в личную жизнь отдельных граждан. Однако технологии останутся неизменными: фрагментация регионов, создание управляемого хаоса и лишь после этого «взаимовыгодный» диалог об обеспечении «политического суверенитета».

Общий анализ системы и механизмов государственного управления Украины

В демократическом обществе государство – основная форма консолидации общечеловеческих, национальных, социальных ценностей и интересов его граждан. Свои задачи оно решает посредством комплексного социального института – системы административно-государственного управления (далее – АГУ). Этот процесс фиксируется деятельностью должностных лиц и является практической реализацией целей и воли государства³³⁵.

Любое государство может решать свои основные задачи только при условии целенаправленной высокопрофессиональной деятельности системы АГУ. Её основные достижения имеют универсальное значение, т. к. существует постоянная потребность в рационализации управленческого труда и внутренних структур органов государственного управления. Стратегические задачи АГУ: поиск новых путей исследования государственного аппарата; выявление еще не использованных возможностей его развития и совершенствования; подготовка предложений, чаще всего альтернативных, по более эффективным способам решения современных сложных проблем.

Ситуация в Украине с системой и механизмами ГУ в 2012 г. также продолжает усложняться и находится под угрозой

³³³ Антошкіна Л. І. Науково-методичні основи державного регулювання вищої освіти: Дис...док. ек. наук: 08.02.03.– К., 2005.– 420 с.

³³⁴ Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем) / Г. В. Атаманчук.– М.: Изд-во РАГС, 2008.– 400 с.

³³⁵ Шрьодер П. Нове публічне адміністрування або як досягнути ефективного врядування? / П. Шрьодер.– К.: Вид-во «Заповіт», 2008.– 76 с.

кризиса, не смотря на все проводимые реформы. Источник – отсутствие доверия к системе в глазах населения и осознания всей полноты её функций, целей и задач со стороны власти. Поэтому, для понимания проблем, стоящих перед ГУ Украины, необходимо провести компаративный анализ различных мировых школ АГУ, которые решают вышеперечисленные задачи в теории и на практике, и сравнить полученные результаты.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно, с учётом современного опыта АГУ в странах Запада.

При анализе динамики систем ГУ развитых стран мира, можно выделить два решающих фактора, влияющих на административно-государственные институты: постоянное научно-техническое развитие и активные политические процессы. И сейчас они усиливают своё влияние. Если профессиональная деятельность бюрократии в начале XX ст. была направлена на процедурность, подотчетность и политическую нейтральность, то в конце века АГУ нацелено на применение программных и проблемных методов управления с опорой на новейшую вычислительную технику, с использованием плюралистической линейки политического обеспечения (парламентов, партий, групп влияния и т. п.).

Кардинально изменился стиль АГУ. Если чиновники в начале XX ст. избегали рискованных действий, не воспринимали инноваций (боясь допускать ошибки, которые были административно наказуемыми), занимались рутинной деятельностью и не стремились переучиваться. То в конце века – это постоянное применение инноваций (а, значит, развития умения рисковать), восприятие ошибок (с их анализом, пониманием и обучением за их счет), концентрация внимания на новых шансах и возможностях, приоритетность достижений и стремление к постоянному повышению квалификации³³⁶.

³³⁶ Демб А., Нойбаер Ф. Корпоративне управління: віч-на-віч з парадоксами: Пер. з англ.– К.: Основи, 1997.– 120 с.

В современном АГУ нет застывших схем и моделей, поскольку, как и все социально-политические явления, оно находится в процессе непрерывного изменения и развития. Поэтому для Украины важно исследовать и обобщать опыт развития мировой науки в сфере ГУ³³⁷.

В поисках оптимальной концепции ГУ в Украине, олицетворяемого государственной службой, серьёзное место занимает вопрос относительно целей, задач и механизмов этого социального института. Приоритетным должно быть задание общественно-политического и государственно-правового обеспечения реальной связи госслужбы с населением. Опираясь на анализ опыта западных демократий, можно увидеть следующую концепцию механизмов его осуществления. Личности, группы и общественные организации могут влиять на процессы ГУ в трех направлениях, что позволяет обеспечивать необходимый баланс общественных и индивидуальных интересов в процессе принятия государственных решений: 1) осуществляя собственный контроль над системой АГУ; 2) выявляя и изучая потребности общества; 3) принимая участие в публичных обсуждениях проектов реформ, в переговорах и заключении предварительных договоренностей³³⁸.

Анализ современного опыта АГУ в западных странах показывает, что демократическое государство может эффективно функционировать только в том случае, если в нём однозначно разделены: 1) сферы частного и публичного права; 2) области политики и исполнения законов; 3) центральные и региональные службы, и когда те и другие отделены от служб местного самоуправления³³⁹.

³³⁷ Девіс Стівен. М. Боротьба за вдосконалення всесвітнього корпоративного управління // Економічні реформи сьогодні.– 1999.– № 25.– С. 6-11.

³³⁸ Назарова Г. В. Організаційні структури управління корпораціями: монографія. / Г. В. Назарова; 2-ге вид., допов. і переробл.– Х.: ВДШЖЕК, 2004.– 420 с.

³³⁹ Державне управління і менеджмент: Навчальний посібник у таблицях і схемах / Г. С. Одинцова, Г. І. Мостовий, О. Ю. Амосов та ін.; За заг. ред. д-ра екон. наук, проф. Г. С. Одинцової.– Харків: ХарРІДУ УАДУ, 2002.– 492 с.

Сейчас доминирует общий подход к системе АГУ и современной бюрократии, как к политическим феноменам. Такая концепция «политической бюрократии» ориентирована не на абстрактное общее благо, а на конкретные политические интересы и цели. В АГУ США, Германии, Франции, Великобритании сегодня нет «нейтральной» администрации: везде ключевые должности в госаппарате занимают политические чиновники, а высшие эшелоны бюрократии обладают определенной политической самостоятельностью в принятии решений. Это обусловлено высоким уровнем специализации АГУ, поэтому чиновники действуют самостоятельно в своей узкой сфере управления, имея общие решения от президента или парламента³⁴⁰.

Вместе с тем политическая активность рядовых членов госслужбы ограничивается – во время исполнения своих функций они обязаны руководствоваться исключительно законодательством, а в госорганах запрещено создавать структуры в интересах отдельных политических партий или общественных организаций.

Любопытная тенденция проявляется в последние десятилетия и в формировании моделей аппарата госслужащих в развитых западных странах. Исторически сложилось так, что в госаппарате США достаточно долго имели преимущество чиновники-специалисты, в то время как в Великобритании и Франции – администраторы широкого профиля – дженералисты. Время показало, что обе модели имеют свои сильные и слабые стороны. Несомненно, широкое использование дженералистов упрощает задачу общей координации управления. Администраторы широкого профиля, способные трансформировать мнения экспертов в предложения и проекты, понятные политическим руководителям, оказывают большую помощь лицам, принимающим решения. Очевидно и то, что узкие специалисты не способны

анализировать проблему в широком контексте общегосударственных интересов. Однако в условиях постоянно растущей специализации управления, расширения и усложнения сфер государственных интересов, администраторы широкого профиля не справляются с растущим объемом задач – значительная часть времени экспертов тратится на то, чтобы изложить им проблему в простой и доступной форме. Именно поэтому возникла компромиссная тенденция – создание интегральной иерархии, при которой специалисты и дженералисты работают бок обок под единым руководством высшего чиновника. Это позволяет объединить сильные стороны двух подходов, избегая их слабостей³⁴¹.

Именно эту модель и следует использовать для формирования аппарата госслужащих в Украине. Оптимальным для украинского госслужащего стоит считать профессиональное образование, дополненное общим курсом по госадминистрированию. Основными критериями для повышения по службе, в первую очередь, должны быть не стаж или возраст, а деловые качества, личная инициатива, новаторство, сложность и качество выполненной работы. Это поставит преграды политическим силам, пытающимся использовать государственные институты Украины в своих интересах³⁴².

Во всех развитых странах мира большое значение имеет вопрос о контроле над системой ГУ. Сегодня в демократическом обществе уже невозможно представить ее без системы парламентского контроля и административной юстиции (причем особенное значение предается именно различным формам парламентского контроля). Во многих европейских странах (Великобритании, Франции, Швеции и др.) в последние десятилетия все больший

³⁴⁰ Уильямс Р. Управление деятельностью служащих / Р. Уильямс.– СПб.: Питер, 2003.– 302 с.

³⁴¹ Катъкало В. С. Эволюция теории стратегического управления: монография / В. С. Катъкало; С.-Петербург. гос. ун-т, факультет менеджмента.– СПб.: Издат. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2006.– 548 с.

³⁴² Оболенский О. Ю. Державна служба України: реалізація системних поглядів щодо організації та функціонування: Монографія.– Хмельницький: Поділля, 1998.– 294 с.

авторитет получает институт парламентского уполномоченного (посредника или омбудсмана), который изучает жалобы, возникающие в связи с деятельностью госадминистрации, переданные ему из парламента. Наличие такой посреднической инстанции призвано смягчить отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти. Целесообразно создать подобный институт и в Украине, где сегодня особенно важно сгладить противоречия между различными отраслями ГУ.

Однако, несмотря на все успехи в развитии теории и практики АГУ в демократических странах, пока остаются еще много не решенных проблем, и в первую очередь: оптимальное сочетание централизации и децентрализации в ГУ; рациональная иерархия отношений в системе госадминистрации; эффективные методы борьбы с бюрократизацией государственной машины и др.

Проблемой является и адаптация мирового опыта АГУ к национальным условиям развивающихся государств³⁴³. Для Украины этот вопрос особенно актуален, поскольку и общая теория управления, и теория АГУ только начинают по-настоящему развиваться в украинской науке.

ГУ в Украине – составляющая политического управления обществом (с одновременным применением политических и административных средств) и отдельными его элементами (группами, организациями, институтами) в различных сферах деятельности с целью обеспечения реализации целей власти. Оно распространяется на все ее ветви – исполнительную, законодательную и судебную. Под функциями ГУ, относительно которых существуют различные точки зрения, к сожалению, понимаются задания существующей власти, которые выполняются госорганами, их структурными подразделениями и должностными лицами в

процессе осуществления руководства государством и обществом³⁴⁴.

ГУ Украины присущи черты переходных обществ. Это обусловлено тем, что вследствие отсутствия реальной административной реформы органы ГУ оказались неспособны к общественным реформам. А в результате активного лоббирования властными структурами интересов аграрных, промышленных и финансовых олигархий в сфере выгодного распределения бюджетных и кредитных ресурсов, государственной собственности, создания льготных налогового и таможенного режимов взамен на получение теневых доходов, госслужба не выполняет свои обязанности в полной мере и перестала быть механизмом охраны интересов общества, прав и свобод его граждан. Это вызвано снижением в последние годы роли многих политических институтов, а госслужба стала местом, где украинец напрямую столкнулся с политикой³⁴⁵.

Поэтому становится проблематичной целостность государства из-за: кланово-корпоративного, а не партийного принципа формирования госорганов; сращивания бизнеса и политики, государственного и частного в государственных учреждениях и организациях; зависимости политико-административных и государственных органов от госаппарата; избыточной централизации принятия государственных решений; нечеткости и размытости границ компетенции госорганов, в результате чего дублируются их функции; малообразованной и коррумпированной бюрократии; закрытой кадровой системы набора госслужащих; их продвижения по службе в зависимости не от профессиональных и личных качеств, а от личной преданности своему начальству; отсутствия инициативы и риска среди управленческих кадров; высокой степени

³⁴³ Круглов М. И. Стратегическое управление компанией: Учебник для вузов.– М.: Русская деловая литература, 1998.– 111 с.

³⁴⁴ Куриц С. Я. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права: монография / С. Я. Куриц, В. П. Воробьев; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России.– М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. – 472 с.

³⁴⁵ Малиновський В. Я. Державне управління: Навчальний посібник.– Вид. 2-ге, доп. та перероб.– К.: Атака, 2003.– 576 с.

корпоративности и клановости; умения имитировать бурную деятельность; способности оказывать консолидированное сопротивление любым нововведениям; пренебрежительного отношения к массе населения³⁴⁶.

Если проанализировать факторы, тормозящие развитие АГУ в Украине, то: 1) госучреждения, занимающиеся профессиональной подготовкой госслужащих, не участвуют в научных исследованиях; 2) научные исследования не совпадают с текущими проблемами и заданиями, стоящими перед ГУ; 3) процесс принятия решений не отвечает научному анализу; 4) профессиональные госслужащие мало интересуются современными научными исследованиями и часто занимают негативную позицию относительно внедрения научных методов АГУ; 5) увеличивается секретность и ограничение свободного предоставления информации для проведения исследований; 6) научные исследования часто не соответствуют необходимым местным условиям³⁴⁷.

Поэтому нужно использовать имеющиеся исследовательские и аналитические ресурсы для соединения развития теории и практики АГУ – статистические управления различных министерств, ведомств и т. п., которые должны заниматься различными видами анализа. А университеты, академии и другие учреждения, специализирующиеся на изучении общественных проблем, должны принимать в этом процессе активное участие³⁴⁸.

Для того чтобы ускорить развитие украинской школы АГУ, нужно сближать публичное администрирование и управление предприятиями различных форм собственности. В Украине это особенно

важно, поскольку в управлении предприятиями существуют серьезные разработки отечественных ученых, которые можно и нужно использовать в ГУ³⁴⁹.

Из исследований в сфере АГУ должны финансироваться только программы, предоставляющие практические рекомендации и обоснованные проекты реформ³⁵⁰. Такой подход позволит найти для проведения научных исследований как государственные, так и частные источники финансирования, что особенно важно в условиях сложной экономической ситуации в Украине. А преподавание для широкой аудитории в ВУЗах курсов администрирования, управления персоналом, бюджетной техники, теории организации позволит подготовить соответствующее количество специалистов, которые смогут осуществить необходимую реформу АГУ. Это нуждается в большом количестве преподавателей, учебных пособий, монографий, диссертационных исследований, но именно так поступили в 30-50-ые гг. XX ст. в США и добились огромных успехов: американская школа АГУ стала основой развития национальной экономики, которая сейчас занимает ведущее место в мире.³⁵¹

Определяя направления реформ АГУ в Украине, некоторые специалисты выделяют своеобразие форм украинской государственности, считая, что опыт

³⁴⁶ Нижник Н. Р., Машков О. А. Системний підхід в організації державного управління: Навчальний посібник / За заг. ред. Н. Р. Нижник.– К.: УАДУ, 1998.– 160 с.

³⁴⁷ Дьюбіел Стенлі Корпоративне управління: вдосконалення методів організації роботи корпорації // Економічні реформи сьогодні.– 1999.– № 25.– С. 12-18.

³⁴⁸ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций.– М.: Юридическая литература, 1997.– 86 с.

³⁴⁹ Булеев И. П. Формирование организационно-экономического механизма управления предприятием по обработке цветных металлов.– Донецк: ИЕП НАН Украины, 1993.– С. 32-34.; Брюховецька Н. Ю. Економічний механізм підприємства в ринковій економіці: методологія і практика.– Донецьк: ІЕП НАН України, 1999.– С. 25-28.; Еременко-Григоренко О. А. Организационно-экономический механизм управления хозяйственной деятельностью предприятия: Дисертация канд. экон. наук: 08.06.01.– Донецк, 1999.– 186 с.; Лисенко Ю., Єгоров П. Організаційно-економічний механізм управління підприємством // Економіка України.– 1997.– № 1.– С. 86-87.

³⁵⁰ The Bologna Declaration of 19 June 1999. Joint declaration of the European Ministers of Education.– P. 3 // - [On-line]: http://www.bologna-berlin2003.de/pdf/bologna_declaration.pdf (Посещение сайта: 03.12.2012).

³⁵¹ Антошкіна Л. І. Науково-методичні основи державного регулювання вищої освіти: Дис...док. ек. наук: 08.02.03.– К., 2005.– 420 с.

западных стран не может быть основой для формирования ее национальной концепции. Они предлагают опираться на исторический опыт Украины и использовать преимущественно национальные формы и традиции в сфере АГУ. Такая точка зрения очень привлекательна, поскольку прошлое всегда дорого и свято: исторические традиции Украины допускают сохранение в стране унитарного типа АГУ с сильными центростремительными тенденциями (которые сейчас необходимо развивать и поддерживать) и последующим формированием самостоятельности отдельных районов и регионов. Но в Украине нарушена непрерывность национальных общественных форм, и применять то, что стало историей, нецелесообразно. Однако использовать национальный опыт необходимо, т. к. особенностью современной Украины является своеобразная конвергенция двух систем АГУ – федеральной и унитарной. Что является отображением изменений в современном мировом сообществе: федеральные государства двигаются в унитарном направлении, а унитарные системы эволюционируют в федеральном³⁵².

Другой подход, абсолютизируя значение заграничного опыта, требует использования уже отработанных эффективных современных западных общественных форм (расхождения существуют лишь по поводу использования моделей: американской, немецкой, французской и т. д.). Однако, перенимая западный опыт, очень сложно обеспечить эффективное функционирование соответствующих институтов по причине различий в путях их образования и эволюции.

По нашему усмотрению недостаточно ориентироваться на очевидные формальные свойства демократических институтов, более важно искать варианты их приспособления к потребностям украинского народа. Украинская школа АГУ должна делать

³⁵² Рудницька Р. М., Сидорчук О. Г., Стельмах О. М. Механізми державного управління: сутність і зміст / За наук. ред. д. е. н., проф. М. Д. Лесечка, к. е. н., доц. А. О. Чемериса.– Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2005.– С. 28.

акцент не на имитацию или перенос западного опыта управления, а на адаптацию к нему и самостоятельное открытие даже уже известных решений в организации АГУ. В его украинской практике первые места должны занимать экспертиза и дискреционная деятельность, возможность принимать решения и самостоятельно разрабатывать государственные программы – совмещение административных и политических функций является требованием времени. Поэтому целесообразно введение политических должностей для высших правительственных чиновников в государственном аппарате Украины – это поможет политической силе, которая победила на выборах, более рационально и эффективно проводить в жизнь свою политическую линию, что, естественно, повысит её социальную ответственность. Нужен синтез из собственного национального опыта, в том числе и советского периода³⁵³, и отбор того, что можно реально использовать из мирового опыта. Однако мировые достижения мысли в сфере АГУ в Украине до сих пор малоизвестны, поскольку работы ведущих западных ученых все еще не переведены на украинский язык.

Но существует и опасность традиционного развития имеющийся в Украине унитарной формы власти: если политическая власть монополизирована, то из компетенции госорганов будет исключено целеполагание, принятие решений, разработывание и оценивание программ и планов общественного развития. А задачи АГУ сведутся к обеспечению реализации решений, принятых соответствующими партийными или олигархическими структурами (только исполнительно-распорядительная деятельность по формуле «делай, что я сказал»)³⁵⁴. Критические замечания, альтернативные поиски и другие

³⁵³ Теория управления социалистическим производством / Под ред. З. П. Румянцева.– 2-е изд.– М.: Экономика, 1993.– 116 с.; Юзьков Л. П. Государственное управление в политической системе развитого социализма.– К., 1983.– 226 с.

³⁵⁴ Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса.– М., 1998.– С. 32-38.

творческие моменты в деятельности госадминистрации допускаться не будут, и наука АГУ станет не нужна.

От качества ГУ зависит успешное функционирование всех общественных подсистем и структур, реализация интересов и возможностей людей, их безопасность и будущее. А развитие гражданского общества в Украине будет содействовать формированию действительно демократической системы АГУ. Учитывая её современное состояние, из-за воздействия внешних и внутренних факторов, она нуждается в реформировании, предусматривающем изменение её принципов, которое обязано начинаться с перестройки его методологической матрицы, без чего реформы принципиально невозможны.

Для выбора направления реформ необходимо определить их концепцию. Сторонники европейского вектора развития Украины, демократы, считают, что всё ГУ должно быть публичным, а администрирование – это основание для возрождения тоталитаризма. Практики национального управления считают, что современное ГУ должно быть административным, с использованием элементов публичности (ее «передозировка» нанесет ущерб государству и обществу). Сами европейцы, теоретики и практики АГУ, считают, что публичное и административное синкретичны и выступают в определённом органичном единстве, как публичное администрирование.

После выборов 2012 г. в ВРУ украинское общество снова вступит в период обострения необходимости реформы ГУ, которое полностью показало свою неэффективность в процессе экспериментов последних лет. При всей привлекательности европейской модели АГУ стало понятно, что ее невозможно реализовать в нынешних условиях Украины, поскольку обществу и государству не хватает необходимого уровня экономической, политической, социальной и институциональной зрелости; и запаса прочности этих систем. Европейская модель АГУ является результатом длительного развития государства, постоянных научных

поисков, экспериментов и согласования нововведений с гражданским обществом. Поэтому, для воплощения этой модели Украине необходимо долго идти путем целенаправленной европеизации своей собственной общественной и государственной сущности. И основные принципиальные проблемы, которые она должна будет разрешить на этом пути: коррупция органов и должностных лиц ГУ и местного самоуправления; разбалансированность системы ГУ; нарушение прав и свобод граждан; подмена управленческой деятельности политическим пиаром; неадекватность управленческой деятельности ее целям, задачам, ресурсам, ситуации и ценностям.

В украинском обществе последние 600 лет насаживалась логократия, что привело к историческому отсутствию у населения уважения и авторитета к органам управления, а значительная прослойка населения вообще выступает против их существования, побуждая и принуждая других к девиантному поведению и деятельности. В настоящий момент в Украине наблюдается трансформация логократии в логодемократию, когда за разговорами население лишается практически всех возможностей дилократии, ориентированных на свободу, и своего участия в экономической, социальной и политической жизни государства³⁵⁵.

Отсюда – двойная неадекватность украинского ГУ, характеризующаяся «европейской» утопичностью и отсутствием управления состоянием «здоровья» государства, развитием всех его составляющих: административной деятельности; публичного, электронно-сетевого и информационно-технологического управления и их взаимодействия. Незрелость этого сложного единства и подмена его суррогатами – главная особенность методологии ГУ в Украине. Поэтому важнейшим методологическим принципом реформы ГУ в Украине должно быть его

³⁵⁵ Державне управління: Словник-довідник / За заг. ред. В. М. Князева, В. Д. Бакуменка.– К.: УАДУ, 2002.– 228 с.

построение таким образом, чтобы оно обеспечивало сначала санацию, а затем – оздоровление государства (а не наоборот, как делается сейчас властью), формирование идеала и развитие ГУ в соответствии с ним в аспекте овладения передовыми мировыми, в т. ч. и европейскими, достижениями теории и практики ГУ.

Для этого предлагается алгоритм механизма исследования состояния и направлений усовершенствования ГУ: 1) изучение теоретических и практических аспектов в эволюции; 2) изучение зарубежного опыта и анализ возможности его использования; 3) анализ влияния на эффективность деятельности; 4) определение основных проблем; 5) разработка предложений относительно усовершенствования; 6) разработка проектов нормативных документов, направленных на реализацию разработанных предложений.

Следующий этап в эволюции методологии ГУ в Украине должен быть связан с увеличением типов его (ГУ) субъектов, главными среди которых являются граждане и институции гражданского общества, как субъекты самоуправления, с характерными (по примеру нового публичного администрирования в англоязычных странах, в первую очередь, в Новой Зеландии): ориентацией на потребности гражданина как клиента; целостным менеджментом качества; необходимостью снижения расходов и повышения результативности; ориентацией управления на конечный продукт, а не на ресурсы на входе; разграничением стратегического и оперативного уровней, функций предоставления и финансирования услуг; созданием структур управления, близких по характеру к концерну; заказом (контрактами) на услуги структур, предоставляющих их с целью решения экономических задач в интересах общества; конкуренцией на внутреннем рынке, внешним распределением заказов и приватизацией; серьезным контролем на соответствие критериям качества и результативности (контроллинг); практикой немонетарных стимулов и оплаты труда по результатам.

Такая методологическая структура нового публичного управления свидетельствует о том, что оно сформировалось в результате последовательного развития классической и постклассической методологий, и базируется на принципах рациональности и результативности, которые подчинены гуманистическому принципу ориентации на качество услуг для граждан.

ГУ, на этом этапе, являет собой систему взаимосогласованных управленческих влияний, взаимодействий и самоуправляющейся деятельности, перераспределяющей управление от чиновников к общественности, передавая ей своеобразный «контрольный пакет» акций в управлении в виде, например, контролирующих процедур. Это создает важные социальные условия для сокращения управленческого аппарата посредством обучения населения деятельности самоуправления.

ГУ в Украине, в настоящий момент, находится на этапе перехода от классического этапа (организация бюрократии основывается на иерархической власти и жесткой структуре, где политику определяет верхушка организации, относящаяся к клиентам, как к подчиненным) к неоклассическому (организация бюрократии основывается на горизонтальном перераспределении власти, гибкой организационной структуре и определении политики по согласованию, когда к клиентам относятся как к равным), а переход к постнеоклассическому этапу видится лишь в исторической перспективе, как стратегическая цель развития. Это означает, что в Украине не завершено отделение ГУ от политики, а политики от бизнеса, недостаточно развита общественная самоуправляющаяся составляющая, качество услуг ГУ является невысоким, система управления охвачена тотальной коррупцией, что определяет низкий уровень ее цивилизованности³⁵⁶.

³⁵⁶ Бармаков Б. П. Эволюция оргструктур: [эволюция форм административной структуры организации] / Б. П. Бармаков // Управление компанией.– 2006.– № 5.– С. 14-20.

Принципиально важной проблемой украинского ГУ выступает низкое качество работы госслужащих и работников местного самоуправления. Их деятельность характеризуется: вымыванием ценностей служения государству и народу, подменой их националистическими и индивидуальными ценностями; низким уровнем их компетентности в технологиях публичного и электронного управления; отсталым авторитарным стилем управления без взятия на себя ответственности за свои действия; неумением пользоваться консалтингом и аналитическими технологиями.

Общий анализ механизмов влияния внешней политики Украины на её системы государственного управления

Под конец жизни лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц с горечью отмечал, что основное для стран-участниц СНГ было построение системы верховенства права, а не проведение приватизации, как он ошибочно считал и рекомендовал ранее. Причина – различия в историческом развитии и отношении к проблемам социального роста, обусловленные природной средой и социальными схемами формирования славянской цивилизации³⁵⁷.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно, с учётом механизмов влияния на системы ГУ Украины её внешней политики, воздействия различных факторов и акторов МО.

Проблемы социально-экономического развития Украины в 2012 г. связаны не только с врождёнными или приобретенными изъянами и пороками её системы ГУ, но и с глобальными кризисными явлениями, и процессами неолиберализации мировой экономики, которые, из-за слабости украинских национальных защитных барьеров, вызывают недовольство существующей властью и противодействие ей большинства населения Украины. Низкое качество управленческой элиты и преобладания ее корпоративных интересов

над государственными – объективные предпосылки такой слабости: те, кто обладают состоянием, боятся за него и вывозят капиталы за границу, а, значит, не могут или не хотят отстаивать интересы украинского государства. Поэтому стагнирует производство, усиливаются миграционные потоки, растут цены и дефицит, обостряется борьба за различные ресурсы, что ведёт к эволюции характера внутренних конфликтов в Украине. Следование направленным извне инициативам и отсутствие внутренних административных реформ ведёт страну к потере независимости и суверенитета. Ведь она имеет очень ограниченные возможности маневрирования (слабость политических институтов, неэффективная государственная политика, структурные деформации в экономике, незавершенность процесса национального строительства и т. п.) и является заложницей деструктивной внутренней политики, подвергающейся, дополнительно, негативному влиянию её же непоследовательной внешней политики – неподкреплённые попытки соблюдения региональных балансов и близорукая политика поиска кратковременных выигрышей вылились в бесперспективную внутриэкономическую ситуацию.

Отсутствие постоянных инвестиционных потоков, неэффективность внутренних модернизационных преобразований отдалили возможность европейской интеграции Украины. Непривлекательность для инвестиций связана с дополнительными административными расходами для бизнеса, ограничением конкуренции и медленным импортом новых технологий. Это сталкивает Украину к арьергарду экономического развития, даже в условиях формально неплохих показателей экономической динамики при её высокой энергоёмкости и зависимости от России.

Регионализация и появление локальных протекционистских движений на европейском континенте, как следствие естественного процесса структуризации ЕС и ТС, и ослабление доминирования США в мире, наряду с ростом новых центров силы (интересы ЕС направлены на внутреннее

³⁵⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.– М.: Эксмо, 2007.– С. 331-333.

уравновешивание, США – переместились в Азиатско-Тихоокеанский бассейн, а РФ стала «Джокером» в борьбе с/за КНР), позволят России более активно проводить интервенцию в сторону Украины и региона Центрально-Восточной Европы, за чем американское правительство будет достаточно спокойно наблюдать, делая, время от времени, резкие заявления.

Однако важным следствием для Украины из этой негативной ситуации является увеличение евразийских товаропотоков по оси «Европа – Азия». Украина, в этом смысле, является ключевым транзитным государством в ближайшие 20-30 лет, как быстрая альтернатива поставкам через Суэцкий канал³⁵⁸. Однако конкуренция, прежде всего Турции и стран Балтии, не даёт априорности этому направлению развития для Украины. Но на этот период она может стать полезной основным мировым экономическим игрокам и не потерять собственный суверенитет (при условии проведения необходимых реформ), приобретя, даже, некоторую свободу действий. К тому же Украина, менее задействованная в системе транснациональных экономических отношений, может рассматриваться другими государствами в качестве средства диверсификации их внешнеэкономической деятельности и развития межрегионального сотрудничества на евразийском пространстве.

Для Украины тенденция мировых мусульманских элит консолидироваться в противостоянии Западу является опасной с точки зрения усиления политической исламизации крымских татар (одновременно с ростом влияния Турции). Такой ход событий активизирует действия РФ в Крыму против крымских татар, а, заодно, и украинцев. Следствием игнорирования интересов крымчан, традиционного попустительства со стороны центральных властей и использования этих проблем в олигархическом противостоянии в борьбе за власть в Украине, на полуострове

радикализируется ситуация на основе политического сепаратизма.

В Украине обострение социально-экономических проблем связано с безработицей, низким уровнем жизни, отсутствием перспектив для значительной части молодежи (от 3 до 5 млн. украинцев-«заробитчан» уже находятся за её границами). В этом важную роль сыграли политический застой, коррупция и nepотизм правящей верхушки, подавления свобод при формальном признании демократии. Однако вступление в ЕС не будет панацеей от всех проблем – украинцы столкнутся с тем же, существующим и там, «кумовством», нетерпимостью и зашоренностью, только более скрытыми. Украина получит роль поставщика некоторых полуфабрикатов и ресурсов при определённой политической свободе и демократии. Вступление в ТС приведет к полному размыванию сначала экономического, а, затем, и политического суверенитета, которое завершится подписанием союзного договора.

Поэтому необходимо искать альтернативные направления развития Украины – экономический прагматизм должен стать основой её политики и экономики. Необходимо налаживать широкое сотрудничество с ведущими латиноамериканскими государствами, имеющими крупный и далеко не полностью раскрытый потенциал. Они имеют общую с Украиной систему общественно-политических ценностей, подобную организацию хозяйственной жизни и государственно-политических институтов, и сходные механизмы функционирования общества. К тому же возможно воспользоваться историческим опытом построения латиноамериканской государственности и избежать ее ошибок: после «потерянного десятилетия» неолиберальных реформ и заигрывания с США произошел резкий поворот к социалистическим идеям – во власть конституционным путем начали приходить альтернативные силы и лидеры, что может произойти и в Украине.

Центры потребления смещаются из развитого мира в развивающиеся страны,

³⁵⁸ Сірко А. Корпоративна власність у транзитивній економіці // Економіка України.– 2003.– № 2.– С. 57-64.

которые концентрируют все больше производственных мощностей и инфраструктурных проектов, становясь, одновременно, и главными потенциальными потребителями украинской продукции, и главными конкурентами для украинских предприятий. Однако соответствующего внимания во внешней политике Украины экономическому сотрудничеству с ними пока не уделяется.

С целью развития экономики государства необходимо обратить внимание и использовать имеющиеся относительные преимущества Украины в производстве некоторой продукции тяжелого машиностроения, фармакологии, химии перед государствами с аналогичным отечественному или низшим уровнем развития. Такие товары имеют незначительный спрос в развитых странах, но займут соответствующую «нишу» в развивающихся государствах. Подобным образом продукция последних для Украины намного дешевле, чем аналогичные изделия из развитых государств, даже когда она по качеству в чём-то уступает.

Поэтому сегодня Украине крайне необходимо активно пробиваться на рынки динамично развивающихся держав «третьего мира», иначе она обречена на постепенный, но неминуемый упадок. Пассивность и непонимание приоритетов, напрасные расходы ресурсов на выстраивание неравноправных отношений с развитыми государствами (которые, зная, что Украина – государство с относительно дешевыми условиями производства, применяют к её товарам антидемпинговые мероприятия) приведет к потере оставшихся конкурентных преимуществ и научного потенциала.

Несмотря на развитие новых технологий, мировая экономика остается материалоёмкой. Следовательно, на протяжении ближайшего десятилетия глобальное экономическое развитие и в дальнейшем будет иметь экстенсивную природу, нуждаясь в наращивании объемов использования полезных ископаемых и других природных ресурсов. Поэтому в ближайшее время произойдет повышение интереса, в т. ч. и развивающихся стран, к

сырьевым ресурсам. А Украина имеет различные полезные ископаемые, которые даже еще не разрабатывались.

Но главным направлением развития Украины следует признать поставки продовольственных ресурсов (ячменя, семян подсолнуха и подсолнечного масла, рапса, кукурузы, пшеницы и др.), важность которых в ближайшие годы стремительно вырастет ввиду развивающегося продовольственного кризиса. Украина имеет шанс занять нишу наибольшего мирового поставщика продовольствия при условиях повышения эффективности сельского хозяйства, привлечения инвестиций и модернизации аграрного сектора. К тому же, украинские порты являются центрами перевалки экспорта зерновых России и Казахстана.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в данном направлении. Существующая в Украине система ГУ остается, в целом, неэффективной, эклектически сочетая в себе новые и старые институты. Она внутренне противоречива, незавершена, громоздка и оторвана от людей, в результате чего стала тормозом в проведении социально-экономических и политических реформ. Поэтому её возможности, как инструмента преодоления трансформационного кризиса украинского общества, исчерпаны.

Новая система ГУ в Украине должна создаваться путем проведения эффективной административной реформы с комплексной перестройкой существующей системы управления всеми сферами общественной жизни и созданием еще несуществующих, но необходимых Украине, как суверенному государству, некоторых институтов ГУ.

Целью административной реформы должно быть поэтапное создание системы ГУ, обеспечивающей становление Украины, как высокоразвитого, правового, цивилизованного европейского государства с высоким уровнем жизни, социальной стабильности, культуры и демократии, позволяющей ей стать влиятельным игроком на мировой арене. Основной задачей – формирование системы ГУ, близкой к потребностям и запросам людей, а главным

приоритетом – служение народу и национальным интересам. Она должна быть эффективной, прозрачной, построенной на научных принципах и подконтрольной народу. А расходы на содержание управленческого персонала – адекватными финансово-экономическому состоянию государства.

Разработку механизмов ГУ необходимо осуществлять в следующих направлениях: 1) создание новой регламентирующей правовой базы; 2) формирование новых институтов, организационных структур и инструментов; 3) разработка новой системы кадрового обеспечения; 4) укрепление и формирование новых финансово-экономических основ; 5) развитие постоянного научного и информационного обеспечения; 6) формирование механизмов научного и информационного мониторинга.

Госслужащий должен получать удовольствие от своей работы, а для этого ему необходимы автономность (самому принимать решения), сложность и четкая связь между действием и результатом (получать на результаты работы своевременную соответствующую реакцию).

Украина не может рассчитывать на выход из кризиса в 2013-14 гг. – продолжается снижение активности в приватном секторе. Поэтому усилятся проблемы с:

- мероприятиями экономии, необходимость в которых совсем не очевидна (по признанию того же МВФ), и вытекающим отсюда увеличением социального напряжения и количества актов агрессии, и протеста;

- замедлением экономического роста в крупных центрах-мегаполисах, что вытеснит за пределы экономической активности периферийные районы;

- реализацией любых конструктивных идей, поскольку в государстве отсутствует единство жизнедеятельности;

- безработицей молодежи, порождающей депрессию целого поколения (стратегия сегодняшних властей может помочь в преодолении кризиса пенсионерам, но не молодым людям);

- устаревшим оборудованием, модернизация которого требует значительных капиталовложений;

- высоким уровнем загрязненности окружающей природной среды.

Системный кризис затянется на десять-пятнадцать лет. Он катастрофичен даже без остроты – рост в Украине конфликтного потенциала грозит вызывать открытое противостояние и раскол государства. Выйти из него Украине удастся только, если произойдет: восстановление рабочих мест; сокращение дефицита бюджета; полномасштабный переход к местному управлению; усиление обороноспособности страны. Облегчить протекание кризиса в Украине можно с помощью:

- банковского федерализма, позволяющего ликвидировать болезненную зависимость мелких и средних субъектов экономической деятельности от крупных финансовых институтов, а также снижающего опасность банкротства некоторых банков для всей банковской системы;

- реального бюджета, основанного на расширении границ банковского контроля и введении полного страхования депозитов;

- структурных реформ системы государственной власти, в т. ч. и наделение НБУ ролью «кредитора последней надежды», который предоставляет для резидентов чрезвычайно низкие процентные ставки и скупает облигации государственных ссуд.

Украине целесообразно придерживаться стратегии поиска альтернативных источников снабжения ресурсами и уменьшения зависимости от природного газа, разрабатывая восстанавливаемые источники энергии и применяя энергосберегающие технологии.

В условиях ограниченной ресурсной базы для внутреннего потребления, отставания от экономик развитых стран, Украине необходимо сосредоточиться на масштабных национальных проектах, способных вывести её в мировые лидеры (она обладает залежами угля и урана, в полной мере достаточных для обеспечения ее промышленности, а также является нетто-экспортёром электрической

энергии). Но для этого руководству страны необходимо понимать, куда движется мир, активно и эффективно действовать во внешнеполитической плоскости, осуществляя соответствующие внутренние преобразования (особенно привлечение инвестиций и увеличение урожайности до европейского уровня в отечественном агросекторе). Однако этих преимуществ недостаточно для обеспечения энергетической безопасности Украины – её экономика неэффективна с точки зрения потребления энергии.

Высокая энергоёмкость украинской экономики, необходимость потреблять энергоресурсы по завышенным ценам являются факторами её неконкурентоспособности и односторонней зависимости от России, что создает дополнительные риски и ослабляет переговорные позиции государства – Украина не может это компенсировать с помощью альтернативных источников энергии (их развитие и модернизация украинской газотранспортной системы проходят слишком медленно).

Для Украины полноценное членство в Евросоюзе сделает невозможным решение многих проблем, которые будут стоять и перед ЕС в следующие десять лет. И добавит трудностей внутренним реформам благодаря требованиям копенгагенских критериев. Однако владение Украиной наибольшей в Европе системой нефте- и газопроводов, хоть и обветшалой – главный актив государства в сложной проблеме энергетической зависимости Европы.

Украине не избавиться экономической, энергетической и информационной зависимости от России. Однако возможно уменьшить доминирование российских внешнеполитических интересов, сохраняя добрососедские отношения. Но подчинение им вызовет потерю права на формирование и имплементацию независимой внутренней и внешней политики.

Украина нуждается в усилении собственной роли мирового игрока за счет расширения присутствия в структурах регионального и межрегионального сотрудничества, а также участия в

реализации успешных проектов и урегулировании замороженных конфликтов на постсоветском пространстве.

Старые формы государства отмирают – весь привычный нам уклад жизни изменится в следующие 10-20 лет. Новые государства будут с более ограниченными возможностями и перераспределением властных полномочий на уровень местных органов самоуправления и транснациональных структур. Государству останется, прежде всего, полицейская функция, а ее система управления будет гибче и ориентирована на социальный интерес. Мир выйдет из этого управленческого и мировоззренческого кризиса с новыми институтами, идеалами и экономикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аквинский Фома. Сумма теологии // Мир философии: В 2-х т. – М.: Изд-во полит. лит., 1991.– Т. 2.– С. 375-377.
2. Амосов О. Ю. Перетворення механізмів державного регулювання економічного розвитку // Державне управління та місцеве самоврядування: Збірник наукових праць: У 2 ч. / За заг. ред. Г. І. Мостового, Г. С. Одінцової.– Харків: ХарРІДУ УАДУ, 2001.– Вип. 2.– С. 10-16.
3. Антошкіна Л. І. Науково-методичні основи державного регулювання вищої освіти: Дис...док. ек. наук: 08.02.03.– К., 2005.– 420 с.
4. Астапова Г. В., Астапова Е. А., Лойко Д. П. Организационно-экономический механизм корпоративного управления в современных условиях реформирования экономики Украины.– Донецк, 2001.– 279 с.
5. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций.– М.: Юридическая литература, 1997.– 86 с.
6. Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем) / Г. В. Атаманчук.– М.: Изд-во РАГС, 2008.– 400 с.
7. Бармаков Б. П. Эволюция оргструктур: [эволюция форм административной структуры организации] / Б. П. Бармаков // Управление компанией.– 2006.– № 5.– С. 14-20.
8. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Наука и религия.– 1995.– № 10.– С. 2-4.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории.– М.: Мысль, 1990.

10. Бичок І. В. Ментальна співзвучність української та європейської філософської традиції: «Кордоцентричні мотиви» // Київські обрії: історико-філософські нариси.– К.: Стило, 1997.– С. 316-337.
11. Бычок И. В. Познание и свобода.– М.: Политиздат, 1969.– 215 с.
12. Брюховецька Н. Ю. Економічний механізм підприємства в ринковій економіці: методологія і практика.– Донецьк: ІЕП НАН України, 1999.– С. 25-28.
13. Булеев И. П. Формирование организационно-экономического механизма управления предприятием по обработке цветных металлов.– Донецьк: ІЕП НАН України, 1993.– С. 32-34.
14. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч.– Ч. II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова.– М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007.– 495 с.
15. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.– М.: Эксмо, 2007.– С. 331-333.
16. Девіс Стівен. М. Боротьба за вдосконалення всесвітнього корпоративного управління // Економічні реформи сьогодні.– 1999.– № 25.– С. 6-11.
17. Декарт Р. Начала философии // Антология мировой философии: В 4 т.– Т. 2.– М.: Мысль, 1970.
18. Демб А., Нойбаер Ф. Корпоративне управління: віч-на-віч з парадоксами: Пер. з англ.– К.: Основи, 1997.– 120 с.
19. Державне управління в Україні: Навчальний посібник / За заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Б. Авер'янова.– К.: Видавництво ТОВ «СОМІ», 1999.– С. 35-39.
20. Державне управління і менеджмент: Навчальний посібник у таблицях і схемах / Г. С. Одінцова, Г. І. Мостовий, О. Ю. Амосов та ін.; За заг. ред. д-ра екон. наук, проф. Г. С. Одінцової.– Харків: ХарРІДУ УАДУ, 2002.– 492 с.
21. Державне управління: Словник-довідник / За заг. ред. В. М. Князева, В. Д. Бакуменка.– К.: УАДУ, 2002.– 228 с.
22. Дьюбіел Стенлі Корпоративне управління: вдосконалення методів організації роботи корпорації // Економічні реформи сьогодні.– 1999.– № 25.– С. 12-18.
23. Економічна енциклопедія: У 3 т. / Відп. ред. С. В. Мочерний.– К.: Видавничий центр «Академія», 2001.– Т. 2.– С. 355-372.
24. Еременко-Григоренко О. А. Организационно-экономический механизм управления хозяйственной деятельностью предприятия: Дисертация канд. экон. наук: 08.06.01.– Донецьк, 1999.– 186 с.
25. Загрийчук И. Д. Космополитизм и маргинальность в национальной культуре. – Рукопись. Дисертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.04 – философская антропология, философия культуры. – Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды.– Харьков, 2010.
26. Ильин В. В. Теория познания: Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин.– Изд. 2-е, испр.– М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.– 168 с.
27. Катькало В. С. Эволюция теории стратегического управления: монография / В. С. Катькало; С.-Петерб. гос. ун-т, факультет менеджмента.– СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.– 548 с.
28. Ковалюк О. М. Фінансовий механізм організації економіки України (проблеми теорії і практики): Монографія.– Львів: Видавничий центр Львівського національного університету ім. Івана Франка, 2002.– 396 с.
29. Коломийчук В. С. Соціально-економічні механізми управління адміністративним районом в системі регіонального розвитку: Автореферат дис... д-ра екон. наук: 08.10.01 / НАН України. Інститут регіональних досліджень.– Львів, 2000.– 50 с.
30. Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України: Монографія.– Харків: Видавництво ХарРІДУ НАДУ «Магістр», 2006.– 220 с.
31. Кримський С. Кінець історії чи мета історія? // Collegium.– 1994.– № 1.– С. 28-39.
32. Круглов М. И. Стратегическое управление компанией: Учебник для вузов.– М.: Русская деловая литература, 1998.– 111 с.
33. Кульман А. Экономические механизмы.– М.: Прогресс; Универс, 1993.– С. 63-94.
34. Куриц С. Я. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права: монография / С. Я. Куриц, В. П. Воробьев; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России.– М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. – 472 с.
35. Лисенко Ю., Єгоров П. Організаційно-економічний механізм управління підприємством // Економіка України.– 1997.– № 1.– С. 86-87.
36. Малиновський В. Я. Державне управління: Навчальний посібник.– Вид. 2-ге, доп. та перероб.– К.: Атака, 2003.– 576 с.

37. Марк Аврелий Антонин. Размышления.– Л.: Наука, 1971.– 228 с.
38. Маркс К. Маркс – Анненкову, 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.– Т. 27.– М.: Изд-во. полит. лит., 1962.
39. Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество.– М.: Наука, 1992.– С. 204-208.
40. Назарова Г. В. Організаційні структури управління корпораціями: монографія. / Г. В. Назарова; 2-ге вид., допов. і переробл.– Х.: ВДШЖЕК, 2004.– 420 с.
41. Нечухрин А. Методологические основы российской историографии в 80-ые гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм) // Наш радавод.– 1994.– Кн. 6.– Ч. 1.– С. 23-189.
42. Нижник Н. Р., Машков О. А. Системний підхід в організації державного управління: Навчальний посібник / За заг. ред. Н. Р. Нижник.– К.: УАДУ, 1998.– 160 с.
43. Оболенський О. Ю. Державна служба України: реалізація системних поглядів щодо організації та функціонування: Монографія.– Хмельницький: Поділля, 1998.– 294 с.
44. Основы социального управления: Учебное пособие / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и др.; Под ред. В. Н. Иванова.– М.: Высшая школа, 2001.– 265 с.
45. Отрешко Н. Б. Трансформация эпистемологических оснований социологии: субъект, метод познания, картина социального мира / Н. Б. Отрешко.– К.: Ин-т социологии НАН Украины; «ВИПОЛ», 2009.– 268 с.
46. Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера // Вопросы философии и психологии.– 1907.– № 4.– С. 469-503.
47. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестн. СПбГУ. Сер. 8.– 2004.– Вып. 2. (16).– С. 51-68.
48. Платон. Государство // Сочинения в 3 т.– Т. 3.– М.: Наука, 1971.
49. Романенко Ю. В. Матриці смислопродукування в соціальних системах західних і східних країн: порівняльний аналіз / Ю. В. Романенко // Мультиуніверсум: Філософський альманах: [збірник наукових праць] / Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України.– К.: Український Центр духовної культури, 2005.– Вип. 49.– С. 50-62.
50. Рудницька Р. М., Сидорчук О. Г., Стельмах О. М. Механізми державного управління: сутність і зміст / За наук. ред. д. е. н., проф. М. Д. Лесечка, к. е. н., доц. А. О. Чемериса.– Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2005.– С. 28.
51. Сірко А. Корпоративна власність у транзитивній економіці // Економіка України.– 2003.– № 2.– С. 57-64.
52. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / Вячеслав Семенович Степин.– М.: Прогресс-традиция, 2003.– 744 с.
53. Теория управления социалистическим производством / Под ред. З. П. Румянцева.– 2-е изд.– М.: Экономика, 1993.– 116 с.
54. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса.– М., 1998.– С. 32-38.
55. Тихонов А. В. Социология управления.– Изд. 2-е, доп. и перераб. / А. В. Тихонов.– М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.– 472 с.
56. Уильямс Р. Управление деятельностью служащих / Р. Уильямс.– СПб.: Питер, 2003.– 302 с.
57. Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994-2009 гг. Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – II. Антилиберальные течения на постсоветском пространстве – Русское издание № 2, 2011 - [On-line]: [http://www.1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss16.html\(7Umland.pdf\)](http://www.1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss16.html(7Umland.pdf)) (Посещение сайта: 03.12.2012).
58. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма.– М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.– 730 с.
59. Цыплакова Е. П. Особенности формирования партийной системы Украины // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 10-11 декабря 2010 г.- СПб.: 2010.- С. 22-34.
60. Цыплакова Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве – Рукопись. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. – Санкт-Петербургский государственный университет.– Санкт-Петербург, 2011.– 197 с.
61. Шинкарук В. И. Предмет и задания истории философии как науки.– К.: Наук. думка, 1957.– 342 с.
62. Шинкарук В. І. Методологічні засади філософських вчень про людину // Філософська антропологія: екзистенціальні проблеми.– К., 2000.– С. 8-48.

63. Шрьодер П. Нове публічне адміністрування або як досягнути ефективного врядування? / П. Шрьодер.– К.: Вид-во «Заповіт», 2008.– 76 с.

64. Шульга М., Бойко Н. Уряди України: соціологічний портрет владної еліти (1990-1997 рр.) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг.– 1998.– № 3.

65. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.– Т. 21.– М.: Изд-во. полит. лит., 1961.

66. Юзьков Л. П. Государственное управление в политической системе развитого социализма.– К., 1983.– 226 с.

67. Яценко А. И. Целеполагание и идеалы.– К.: Наук. думка, 1977.– 275 с.

68. Hettner Geschichte der deutschen Literatur im 18 Jahrhundert, Bd. 1.– Berlin, 1961.

69. The Bologna Declaration of 19 June 1999. Joint declaration of the European Ministers of Education.– P. 3 // - [On-line]: http://www.bologna-berlin2003.de/pdf/bologna_declaration.pdf. (Посещение сайта: 03.12.2012).

**Copyright©Vladislav AKULOV-MURATOV,
2013.**

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елена ЧЕРНЕЦКАЯ*

REZUMAT:

INSTITUTUȚIA ORGANELOR REPREZENTATIVE ALE AUTOGUVERNĂRII LOCALE DIN UCRAINA ȘI ALTE ȚĂRI: ANALIZĂ JURIDICĂ COMPARATIVĂ

În acest articol științific se efectuează analiza comparativ-juridică a instituției organelor reprezentative ale autoguvernării locale din Ucraina și alte state. În special, se cercetează sistemul de surse și izvoare a instituției organelor reprezentative, competențele și, de asemenea, sunt caracterizate anumite elemente ale statutului constituțional-juridic al deputaților consiliilor locale.

După proclamarea independenței Ucrainei și adoptarea în 1996 a Constituției, au început procese cardinale de reformă și de democratizare a societății și a statului. La etapa actuală Ucraina, în mod practic, este în proces de transformari la o scară largă a tuturor sferelor vieții sociale și publice la nivel național. Una din direcțiile acestor schimbări o constituie reforma de drept public, care a condus la o schimbare fundamentală în sistemul organelor puterii de stat și autoguvernării locale.

În condițiile efectuării reformei sistemului de drept public o deosebită importanță și actualitate revine elementelor de utilizare a "standardelor europene" în instituția organelor reprezentative ale autoguvernării locale în scopul funcționării eficiente a acestora. Organele reprezentative ale autoguvernării locale, în ciuda problemelor complexe necesare pentru a asigura buna funcționare a acestora, sunt o instituție importantă de exprimare a reprezentării populației în sistemul autorităților publice din Ucraina.

Cuvinte cheie: *organe reprezentative ale administrației publice locale, consilii locale, competența consiliilor locale, deputat al consiliului local.*

РЕЗЮМЕ:

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В научной статье проводится сравнительно-правовой анализ института представительских органов местного самоуправления Украины и зарубежных стран. В частности, рассматривается система источников института представительских органов, компетенция, а также характеризуются отдельные элементы конституционно-правового статуса депутатов местных советов.

После провозглашения независимости Украины и принятия в 1996 году Конституции

* **CERNEȚCAIA Elena** - Doctor în drept, conferențiar universitar, Catedra de drept internațional și comparat, prorector pentru munca științifică la Universitatea de drept de la Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina); **CHERNETSKAYA Elena** - PhD in law, Associate Professor of the Departament of international and comparative law, Pro-Rector on scientific work of the Kyiv University of law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine); **ЧЕРНЕЦКАЯ Елена Васильевна** - Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, проректор по научной работе Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина).

начались кардинальные процессы реформирования и демократизации общества и государства. В настоящее время Украина находится в процессе широкомасштабных трансформаций практически всех сторон как общегосударственной, так и общественной жизни. Одним из направлений таких преобразований есть государственно-правовая реформа, которая привела к коренному изменению в системе функционирования органов государственной власти и местного самоуправления.

В условиях государственно-правовой реформы особую актуальность приобретает важность элемент “европейских стандартов” института представительских органов местного самоуправления ради эффективного функционирования системы публичной власти на местах. Представительские органы местного самоуправления, невзирая на комплекс проблем связанных с обеспечением их надлежащего функционирования, являются важной институцией выражения народного представительства в системе публичной власти Украины.

Ключевые слова: представительские органы местного самоуправления, местные советы, компетенция местных советов, депутат местного совета.

(перевести на английский)

ABSTRACT:

THE INSTITUTE OF REPRESENTATIVE ORGANS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT OF UKRAINE AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

РЕЗЮМЕ:

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В научной статье проводится сравнительно-правовой анализ института представительских органов местного самоуправления Украины и зарубежных стран. В частности, рассматривается система источников института представительских органов, компетенция, а также характеризуются отдельные элементы конституционно-правового статуса депутатов местных советов.

После провозглашения независимости Украины и принятия в 1996 году Конституции начались кардинальные процессы реформирования и демократизации общества и государства. В настоящее время Украина находится в процессе широкомасштабных трансформаций практически всех сторон как общегосударственной, так и общественной жизни. Одним из направлений таких преобразований есть государственно-правовая реформа, которая привела к коренному изменению в системе функционирования органов государственной власти и местного самоуправления.

В условиях государственно-правовой реформы особую актуальность приобретает важность элемент “европейских стандартов” института представительских органов местного самоуправления ради эффективного функционирования системы публичной власти на местах. Представительские органы местного самоуправления, невзирая на комплекс проблем связанных с обеспечением их надлежащего функционирования, являются важной институцией выражения народного представительства в системе публичной власти Украины.

Ключевые слова: представительские органы местного самоуправления, местные советы, компетенция местных советов, депутат местного совета.

После провозглашения независимости Украины и принятия в 1996 году Конституции начались кардинальные процессы реформирования и демократизации общества и государства. В настоящее время Украина находится в процессе широкомасштабных трансформаций практически всех сторон как общегосударственной, так и

общественной жизни. Одним из направлений таких преобразований есть государственно-правовая реформа, которая привела к коренному изменению в системе функционирования органов государственной власти и местного самоуправления.

Стоит отметить, что отдельные проблемы представительских органов

местного самоуправления (местных советов) исследовали как украинские, так и российские ученые, в частности М.А.Баймуратов, А.В.Батанов, И.П.Бутко, Глущенко П.П., Д.М.Горшков, И.В.Дробуш, В.Б.Евдокимов, В.М.Кампо, А.Н.Колодий, В.В.Кравченко, О.Е.Кутафин, П.М.Любченко, М.П.Орзих, М.В.Питцик, В.Ф.Погорилко, Н.В.Постовой, Пылин В.В. С.Г.Рябов, М.И.Ставнийчук, Ю.Н.Тодыка, О.Ф.Фрицкий, Ю.С.Шемшученко и другие.

Правовое положение представительских органов местного самоуправления вызывает обоснованный интерес теоретиков конституционного и муниципального права. Это обусловлено, прежде всего, новизной статуса местных советов как представительских органов публичной власти на местном уровне. После принятия Украиной Декларации о государственном суверенитете и провозглашении Акта независимости, состоялись радикальные изменения в сфере организации и осуществления публичной власти. В частности, состоялось разгосударствление местных советов, которое привело к новому подходу и пониманию места и роли представительских органов в обществе.

Основным субъектом представительских органов местного самоуправления является депутат. Его конституционно-правовой статус отображает все основные недостатки и преимущества соответствующих представительских органов, а его деятельность – уровень и эффективность работы местных советов, а гарантии его деятельности – обеспеченность эффективности деятельности местных советов.

Кроме этого, следует указать на то, что последние два десятилетия украинского государство- и правоправедения стали неопровержимым фактом того, что принцип демократизма нашего государства, который закреплен в первой статье Основного Закона Украины имеет уже не декларативный характер, а действительно нашел свое выражение в реалиях общественной жизни. И именно

свидетельством и подтверждением этому есть последние президентские, парламентские и местные выборы в Украине.

Считаем, что после президентских выборов 2004 года в корне изменилось отношение граждан Украины к базовым ценностям гражданского общества, которые уже давно стали характерными для стран развитой демократии. А именно, такими ценностями является достояние современной европейской цивилизации, которое нашло свое отображение в законодательстве Европейского Союза. К ним следует отнести: 1) принцип уважения прав человека и основных свобод; 2) принцип свободы; 3) принцип демократии; 4) принцип правового государства или господства права; 5) принцип равенства. Основной силой института представительской демократии являются именно депутаты представительских органов местного самоуправления. Ведь, в независимом, демократическом и правовом государстве, а именно на это указывает Конституция Украины, конституционно-правовой институт депутатов местных советов, который составляет нормативную основу правового статуса депутатов, исполняет роль инструмента политико-правовой реализации воли территориального сообщества.

В современных условиях функционирования представительских органов местного самоуправления должна повыситься роль и значение депутатского мандата, поскольку суть его заключается в представительском статусе депутата местного совета, который выражает интересы территориального сообщества. Особенную актуальность это приобретает при условии ориентации Украины, на современном этапе, на опыт стран с развитой демократией в сфере местного самоуправления ради оптимизации институтов представительской демократии.

Как самостоятельный институт конституционного права, институт представительских органов местного самоуправления регламентируется системой источников, которые отличаются за своей юридической силой. Это

нормативно-правовые акты как общегосударственного, так и локального характера, а именно Конституция Украины, Закон Украины “О местном самоуправлении в Украине”, Закон Украины “О статусе депутатов местных советов”, Регламенты местных советов. Но практика применения норм этого института значительно отстает от европейских стандартов.

Конституционно-правовой статус депутата местного совета – это целостный внутренне согласован комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, который совмещает нормативно регламентированные характеристики института депутата местного совета как представителя территориального сообщества, общественного деятеля и члена представительского органа местного самоуправления, который осуществляет функции и полномочия на основании Конституции и законов Украины.

Прежде всего следует отметить, что депутат представительского органа местного самоуправления получает мандат у результатов выборов. Сама по себе тема местных выборов является актуальной в большинстве стран мира. Но проводятся местные выборы в разное время. Местные выборы в странах континентальной Европы являются пробой политических сил и проводятся, как правило за год или два перед парламентскими выборами. В Украине местные выборы проводятся одновременно с парламентскими.

В соответствии с законодательством Украины местными советами в Украине являются сельские, поселковые, городские, районные и областные советы, которые формируются путем прямых выборов сроком на пять лет. Сельские, поселковые, городские советы являются органами местного самоуправления, которые представляют соответствующие территориальные сообщества и осуществляют от их имени и в их интересах функции и полномочия местного самоуправления. Областные и районные советы являются органами местного самоуправления, которые представляют общие интересы территориальных

сообществ сел, поселков, городов, в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины, этим и другими законами, а также полномочий, переданных их сельскими, поселковыми, городскими советами (статья 10 Закона Украины “О местном самоуправлении в Украине”). То есть, из содержания этой статьи vyplывает, что базовым (низовым) уровнем местных советов являются сельские, поселковые и городские советы, а региональный уровень местных советов – это районные и областные советы.

Законодательная практика зарубежных стран свидетельствует о формировании представительских органов местного управления, как на низовом, так и на региональном уровнях. Для государств континентальной системы местного управления характерная система управления на низовую уровни при участии муниципалитетов, правами которых пользуются как городские, так и сельские общины независимо от территории и численности населения. Во Франции жители каждой коммуны выбирают свой муниципальный совет сроком на шесть лет [9, с.418]. В Италии коммунальные советы избираются сроком на пять лет.

Представительские органы регионального уровня зарубежных стран формируются как прямыми, так и непрямыми выборами. В частности, в Швеции ландстингкомун (областные представительские органы) формируются прямыми выборами сроком на три года, в Германии крайстаги избираются на четыре года, а генеральные советы французских департаментов – на шесть лет. Представительские органы регионального уровня могут формироваться и путем не прямых выборов. В Венгрии, члены областных советов выбираются на собраниях делегатов сельских и городских представительских органов [9, с.417].

Содержание деятельности представительских органов местного самоуправления определяется через такие элементы статуса как функции и полномочия. Сфера деятельности местных советов определяется функциями. Одним

из условий создания полноценной системы местного самоуправления есть законодательное определение компетенции органов местного самоуправления. Данное требование предусмотрено Европейской Хартией местного самоуправления, а именно согласно части 1 статьи 4 главных полномочия и функции органов местного самоуправления определяются конституцией или законом.

Органы местного самоуправления, в том числе и представительские, действуют на основании закрепленной за ними компетенции, а именно полномочий и предметов ведения. Порядок предоставления органам местного самоуправления полномочий в разных странах является неодинаковым. Прежде всего, такая разница связана со спецификой национальных правовых систем той или другой семьи правовых систем. Например, в США, Англии (странах прецедентного права) в основу определения компетенции положен принцип „позитивного” регулирования. То есть, объем полномочий органов местного самоуправления устанавливается путем детального перечисления их прав и обязанностей, а именно местные органы вправе осуществлять лишь те полномочия, которые непосредственно предусмотрены законом.

В Англии местные органы имеют лишь те полномочия, которые предоставлены им парламентскими уставами. Для получения любых дополнительных полномочий местные органы могут обратиться в парламент с просьбой принять соответствующий закон. Принцип „позитивного” регулирования компетенции применяется и в ряде других стран, а именно Израиле, Дании и тому подобное.

В странах континентального права компетенция органов местного самоуправления определяется через принцип ”негативного” регулирования, то есть органы местного самоуправления могут осуществлять любые действия, которые не запрещены законом и которые не входят в сферу компетенции других органов власти.

Принцип „негативного” регулирования

компетенции органов местного самоуправления закреплен в конституционном праве Германии, Франции и тому подобное.

Конституция Украины от 28 июня 1996 г., признавая и гарантируя местное самоуправление и закрепляя при этом статус органов и должностных лиц, устанавливает, что органы местного самоуправления в пределах своих полномочий самостоятельно могут решать вопросы местного значения. То есть, государство на законодательном уровне закрепляет за органами местного самоуправления, в частности представительскими, определен объем полномочий – основные полномочия, необходимые для решения вопросов местного значения с целью реализации заданий и функций местного самоуправления.

В зарубежной литературе под компетенцией местного самоуправления понимают установленную нормами конституции, законов, подзаконных актов совокупность прав, обязанностей и предметов ведения территориального общества, органов и должностных лиц местного самоуправления для осуществления функций и заданий местного самоуправления [8, с.274].

Например, к сфере компетенции муниципального совета Франции принадлежит утверждения бюджета и финансового отчета мэра; создания муниципальных служб и их организация; управление имуществом коммуны; регуляция общественных работ; утверждение коммунального плана землепользования и т.д. [5, с.133]. В Германии на депутатов местных советов полагаются важные управленческие и контрольные задания, а именно депутаты принимают решение относительно: бюджета, планов застройки; создание, расширение и ликвидация хозяйственных предприятий; налогов.

Задачи и компетенцию местного самоуправления в Польше определяет Конституция, провозглашая, что это публичные задачи, направленные на удовлетворение потребностей

территориального сообщества. Основная компетенция гмин охватывают дела: образования и воспитания (детские садики, начальные школы, гимназии, лицеи); социальной опеки; жилищного и коммунального хозяйства и жилищного строительства; содержания улиц и локальных дорог, а также пассажирского транспорта в городах; планирование застройки, землеустройства и охраны среды и тому подобное [6, с.33-34].

Компетенция депутатов местных советов являет собой законодательно закрепленные совокупность прав и обязанностей (полномочия), а также предметов (сферы) ведения для решения вопросов местного значения.

Закон Украины „Про местное самоуправление в Украине” от 21 мая 1997 года закрепляет два вида компетенции депутатов местных советов, а именно статья 25 – общую, а статья 26 – исключительную компетенцию. В соответствии со статьей 25 Закона Украины “О местном самоуправлении в Украине” от 21 мая 1997 года, в пределах общей компетенции депутаты сельских, поселковых, городских советов правомочны рассматривать и решать вопросы, отнесенные Конституцией и законами Украины к их ведению. Общая компетенция депутатов местных советов конкретизируется отраслевым законодательством, которое обязывает осуществлять те или другие полномочия в разнообразных сферах общественной жизни.

По нашему мнению, чрезвычайно важным является то, что Закон Украины “О местном самоуправлении в Украине” от 21 мая 1997 года содержит детальное определение предмета ведения и компетенции местных советов, которая служит залогом от вмешательства в их деятельность государственных органов, гарантией их самостоятельности в границах, определенных законом. Кроме того, анализ компетенции местных советов дает воображение об их правосубъектности. Следует отметить, что Конституция Украины закрепляет полномочия местных советов как

относительно определенные. То есть, с одной стороны, она устанавливает определенный перечень этих полномочий, а из другого предусматривает возможность их расширения путем принятия новых нормативно-правовых актов.

Рядом с этим, следует отметить, что депутаты местных советов Украины осуществляют свои полномочия, не прекращая производственной или служебной деятельности.

Если обратиться к международному опыту в этом вопросе, то следует подчеркнуть, что каждая страна имеет свой специфический подход к данной проблеме. В таких странах, как Германия, Норвегия, Франция народные представители работают на общественных началах. В Англии депутаты не получают компенсации, а свою депутатскую деятельность совмещают с производственной или служебной деятельностью.

Но, рядом с этим, в Японии депутаты получают оплату ежемесячно, которая же до того более высокая на треть от среднемесячного заработка по стране. Оплата деятельности народных представителей предусмотрена и в США, а также и в других странах [4, с. 17-18].

Как известно, депутаты местных советов совмещают реализацию функций и полномочий с выполнением своих производственных или служебных обязанностей за основным местом работы, то есть осуществляют депутатскую деятельность на общественных началах. И именно, в этой связи, отводится незаурядная роль гарантиям деятельности депутатов местных советов. На сегодня депутатская неприкосновенность как гарантия деятельности имеет дискуссионный характер.

В демократических странах право депутатской неприкосновенности в том или другом виде сохраняется. Так, например, в США, Японии, Ирландии, Норвегии и ряду других стран признано безусловное запрещение ареста депутатов во время парламентской сессии, а также на время их пути на сессии или во время возвращения из нее. Это, по мнению

законодателей названных стран, должно обеспечить отсутствие давления на работу представительского органа в целом и на его отдельных членов. Но сказанное не снимает вопроса о возможности притягивания депутата к судебной ответственности в любое другое время. Например, в Российской Федерации депутатская неприкосновенность имеет территориальные границы, то есть ограниченная территорией муниципального образования. Это значит, что депутат может быть привлечен к криминальной ответственности (в случае совершения правонарушения) вне границ муниципального образования и без согласия прокурора. Конституция Польши закрепляет, что “депутаты не могут быть привлеченными к ответственности за действия, которые являются результатом осуществления их мандату”. При этом, это правило действует как во время срока полномочий, так и по завершении. Единственным ограничением, установленным Конституцией, которое лишает депутата неотвеченности, если его действия “нарушают личные интересы других”. При этом, польский законодатель закрепляет объем парламентского иммунитета следующим образом, а именно “Депутаты не могут быть привлечены к криминальной ответственности, не могут быть арестованы или задержаны без согласия сейму или сенату”. Во Франции парламентская неприкосновенность заключается в гарантиях освобождения от судебного преследования, представленных члену парламента, за действия, не связанные с выполнением его депутатских обязанностей. В период между сессиями парламента для ареста или преследования необходимо согласие бюро парламента. В Великобритании парламентские привилегии включают свободу депутатов от ареста, свободу слова в парламенте. Против члена парламента не может быть судебного преследования за высказывания в парламенте. Арест депутата возможного только с разрешения Палаты. Но член Палаты не имеет привилегии от ареста по уголовному делу.

Таким образом, в большинстве

государств Западной Европы конституционно правовой институт представительских органов местного самоуправления закреплен в нормативно правовых актах, хотя его объем и характер достаточно разный, но основные принципы статуса депутата, которые связаны с осуществлением народовластия и гарантиями депутатской деятельности является единственными для всех стран развитой демократии. Украина в целом стремится к европейским стандартам в сфере институтов представительской демократии.

Следовательно, в условиях государственно-правовой реформы особую актуальность приобретает важность “европейских стандартов” института представительских органов местного самоуправления ради эффективного функционирования системы публичной власти на местах. Ведь, местное самоуправление, как осуществление власти на местах – является неотъемлемым элементом конституционного строя Украины. Представительские органы местного самоуправления, невзирая на комплекс проблем связанных с обеспечением их надлежащего функционирования, являются важной институцией выражения народного представительства в системе публичной власти Украины.

Литература:

1. Про выборы депутатов Верховного Совета АРК, местных советов та сельских, поселковых, городских глав. Закон Украины от 06.04.2004 р. // ВВР. – 2004. – №40. – Ст. 290
2. Про местное самоуправление в Украине. Закон Украины от 21.05.1997 р. // ВВР. – 1997. – №24. – Ст.170
3. Глущенко П.П., Пылин В.В. Муниципальное право. Учебное пособие. Издательство Михайлова В.А. Санкт-Петербург. 2000. – 352 с.
4. Дорожкин Ю.Н. Реформы местной власти // Социс. – 1997. – №8, – С.17 – 18.
5. Євдокимов В.Б., Старцев Я.Ю. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. – М.: Спарт, 2001. – 251 с.
6. Майгер Б. Местное самоуправление Польши и Украины. Выбранные юридические

проблемы. – Варшава, 1999

7. Конституционно-правовые основы становления украинской государственности / В.Я.Таций, Ю.Н. Тодыка, О.Г.Данилян та др.; За ред. акад. НАН Украины В.Я.Тация, акад. АПрН Украины Ю.Н.Тодыки. – Х., 2003. – 328 с.

8. Постовой Н.В. Муниципальное право. Москва: Новый юрист. – 1998. – 274 с.

9. Сравнительное конституционное право: Уч.пособие / Отв. ред. В.Е.Чиркин. – М.: Междунар.отношения, 2002. – 448 с.

10. Черкасов А.И. Сравнительное местное управление: теория и практика. – М.: Издательская группа “ФОРУМ – ИНФРА-М”, 1998. – 160 с.

Елена Чернецкая

ОСОБЕННОСТИ УСИЛЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ИННОВАЦИОННАЯ СФЕРА

*Николай ВАСИЛЕНКО**

ABSTRACT:

CARACTERISTICI PRIVIND COOPERAREA CONSOLIDATĂ DINTRE STATELE MEMBRE ALE UNIUNII EUROPENE: DOMENIUL INOVARE

Analiza crearea și funcționarea sistemului de inovare al UE. Într-o perspectivă comparativă a explorat strategia de "cooperare consolidată" și "diferențiere", în temeiul juridic al inovare a UE și de reglementare. A indicat că diferențierea și cooperarea consolidată vizează depășirea contradicțiilor dintre statele membre ale UE din punctul de vedere al dezvoltării în continuare și o existență cu succes a educației supranaționale.

Cuvinte cheie: Uniunea Europeană, sistemul de inovare al UE, în cooperare aprofundată, uhlublennoe colaborare, diferențierea.

РЕЗЮМЕ:

ОСОБЕННОСТИ УГЛУБЛЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ИННОВАЦИОННАЯ СФЕРА

Проанализирован процесс создания и функционирования инновационной системы ЕС. В сравнительном аспекте исследованы стратегии «углубленного сотрудничества» и «дифференциации» в правовой основе ЕС и регулирования инноваций. Указано, что дифференциация и усиленное сотрудничество направлены на преодоление противоречий между странами-членами ЕС с позиции дальнейшего развития и более успешного существования этого надгосударственного образования.

Ключевые слова: Европейский Союз, Европейское сообщество, инновационная система ЕС, углубленное сотрудничество, дифференциация.

ABSTRACT:

FEATURES ENHANCED COOPERATION OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES: INNOVATION

Analyzed the creation and functioning of the EU innovation system. In a comparative perspective explored the strategy of "enhanced cooperation" and "differentiation" in the legal basis of the EU and regulatory innovation. Indicated that the differentiation and enhanced cooperation aimed at overcoming

* **VASILENCO Nicolae** - Doctor în fizică și matematică, profesor, profesor la Catedra Dreptul UE și Drept Comparat a Universității Naționale "Academia de Drept din Odesa" (Odesa, Ucraina); **VASYLENKO Mykola** - Doctor of Math & Phys. Sciences, Professor, Professor of the Department of EU Law and Comparative Law, National University "Odessa Law Academy" (Odessa, Ukraine); **ВАСИЛЕНКО Николай Дмитриевич** - Доктор физико-математических наук, профессор, профессор кафедры права ЕС и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия» (Одесса, Украина).

the contradictions between the EU member states from the perspective of further development and a successful existence of subnational foundation.

Keywords: *European Union, European Community, the EU innovation system, in-depth cooperation, uhlublennoe collaboration, differentiation*

Принципиальный этап инновационного развития Европейского сообщества, который заключался в создании инновационной системы ЕС, начался в марте 2000 г., когда на заседании Европейского совета в Лиссабоне была предложена программа создания инфраструктуры знаний, активизации инноваций и экономических реформ, модернизации систем социальной поддержки и реформы образования.

Данная программа была нацелена на построение наиболее компетентной и динамичной экономики, основанной на знаниях, что обеспечивало бы ЕС мировое лидерство. «Лиссабонская Стратегия» ЕС была направлена, в частности, и на развитие «экономики знаний» посредством поощрения исследований, улучшения политики в области образования, развития информационных технологий и создания благоприятного инновационного климата для Союза в целом, и инновационных структур, в частности. Развитие сферы НИИКР и укрепления инновационного потенциала входили и входят в число основных политических и экономических потенциалов стран-членов ЕС. Одной из особенностей проведения политики в указанной сфере для ЕС было и остается существование и взаимодействие инновационной политики ЕС и инновационной политики государств-членов ЕС. Поскольку регулирование в сфере инновационной деятельности относится к исключительной компетенции государств-членов ЕС, деятельность самого ЕС в этой сфере может осуществляться только в рамках т. н. режима «открытой координации», основанного на добровольном сотрудничестве государств-членов ЕС и принятия актов, которые носят исключительно рекомендательный характер, с последующей их имплементацией в национальное законодательство. Однако, эффективность

национальной политики инновационного и технологического развития стран все же до конца не обеспечивает рост показателей инновационного развития на уровне Союза в целом.

Известны публикации, в которых показано, как степень сотрудничества в инновационных программах ЕС укрепляет усиленное сотрудничество, повышая эффективность и производительность инновационного развития как стран-членов, так и межгосударственного сообщества в целом¹. Автором также были исследованы некоторые проблемные вопросы «усиленного сотрудничества» стран-членов ЕС в инновационной сфере².

Цель статьи заключается в исследовании правового обеспечения инновационного развития как стран-членов ЕС, так и всего Европейского сообщества в рамках механизма усиленного сотрудничества. Целесообразным, по мнению автора, является проведение сравнительного анализа механизмов дифференциации и усиленного сотрудничества» в инновационной сфере ЕС.

Согласно исследованию автора³, сферы инновационного, образовательного,

¹ Integrating the effects of geography into EU Cohesion Policy impact modeling: The GMR-approach, Paper presented at the modeling workshop of the German Section of the European Regional Science Association / A. Varga, Y. Schalk, A. Koike, P. Jarosi, L. Tavasszy . – Brussels, 2008. – P. 3-27

² Василенко М. Д. Диференціація та просування співпраця у рамках Європейського Союзу. В : Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2006, Т. 5, с. 268-275; Василенко М. Д. Інноваційна політика ЄС: діяльність технопарків і технополісів. В. : Науковий вісник. Одеський національний економічний університет. Науки: Економіка, політологія, історія. 2012, № 8, с. 143-152.

³ Василенко М. Д. Господарсько-правовий досвід ЄС в інноваційному розвитку: створення технопарків (технополісів). В : Науковий вісник Чернівецького університету. Правознавство : зб. наук. пр. 2008, вип. 461, с. 57-62.

медицинского, культурного характера были и продолжают оставаться предметом совместных полномочий, а на практике предметом специальных полномочий стран-членов. Это означает, что соглашения в этих областях заключаются совместно ЕС и государствами-членами. По этой причине аналогичные соглашения называются смешанными. Эти соглашения характеризуются тем, что они объединяют страны, которые имеют различные отношения к дальнейшим шагам в направлении политической централизации в Европе. Одни государства стремятся к ускорению интеграционных процессов и ради этого готовы согласиться на новые ограничения государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов Союза. Другие, наоборот, испытывают по этому поводу скептицизм, а порой, и прямую враждебность. ЕС неоднократно был ареной борьбы политических сил, стремившихся или к максимальному углублению интеграции, или к развитию сотрудничества, которое не требует передачи суверенных полномочий наднациональным органам. Неоднократно противоречие удавалось нивелировать за счет того, что на углубление интеграции шла лишь часть потенциальных партнеров. Именно таким образом и возник на мировой арене Союз. Наконец, ключевой проблемой политико-правовой интеграции в ЕС остается вопрос о влиянии такой интеграции на суверенитет государств-членов, которая до сегодняшнего дня не получила однозначного толкования. Как известно⁴, наибольшее влияние получили три концепции: теория «разделенного» суверенитета, теория «слияния» суверенитетов государств-членов и концепция потери суверенитета на современном этапе общественного развития. При этом оптимальным вариантом можно считать положение в рамках ЕС, когда возможным является вариант неучастия стран-членов в

гармонизации или наоборот, углубленное сотрудничество. Однако, в научной литературе этот вопрос почти не исследован. Существуют пробелы в понимании места этих процессов в рамках ЕС и механизмах их осуществления при функционировании институтов ЕС.

Оценки уровня инновационного развития стран-членов ЕС, проведенные экспертами-аналитиками статистических служб ЕС, подтвердили наличие тенденций к дифференциации стран-членов ЕС, так же как и при сравнении общего уровня инновационной активности стран-членов с другими странами. В 2007 г., опираясь на расчеты суммарного индекса инновационного развития⁵ (Summary Innovation Index, SII), аналитики ЕС выделили четыре группы ведущих стран, в том числе и стран-членов ЕС. Суммарный индекс инновационного развития используется при расчетах для реализации Лиссабонской стратегии.

В первую группу стран, лидирующих по уровню инновационного развития, вошли Швеция, Швейцария, Финляндия, Израиль (не имеющая членства в ЕС), Дания, Япония, Германия, Великобритания и США (не имеющая членства в ЕС).

В группу стран, в которых уровень инновационного развития является сообразно средним значениям по странам ЕС-27 или не ниже, чем у лидеров, вошли Люксембург, Исландия, Ирландия, Австрия, Нидерланды, Франция, Бельгия, а также Канада (не имеющая членства в ЕС). Такие страны, как Австралия (не имеющая членства в ЕС), Норвегия, Чехия, Эстония, Словения, Италия, Кипр и Испания, вошли в группу тех стран, которые стремятся достичь среднего значения индекса по странам ЕС-27. Такие страны как Мальта, Литва, Венгрия, Греция, Португалия, Словакия, Польша, Хорватия, Болгария, Латвия и Румыния оказались в числе тех, которые «отстают». Группировка стран осуществляется на основании 25 индикаторов, которые, в свою очередь,

⁴ Василенко М. Д. Правове обмеження суверенітету держав-членів в рамках Європейського Союзу. В: Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2005, Т. 4. , с. 80-88.

⁵ Summary Innovation Index, SII : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.proinno-europe.eu/page/summary-innovation-index-0>

также разбиты на пять групп. Раздел «Условия для инноваций (Innovation Drivers)» включает индикаторы, отражающие влияние инфраструктурных условий на развитие инновационного потенциала. Индикаторы группы «Инвестиции в знания (Knowledge Creation)» измеряют объемы инвестиций, направляемых государством и частным сектором в НИИКР. «Инновации и предпринимательство (Innovation & Entrepreneurship)» измеряют инновационную активность на уровне фирм. Индикаторы группы «Применение инноваций (Applications)» отражают роль производительности труда и деловой активности в инновационных секторах экономики, а показатели группы «Интеллектуальная собственность (Intellectual Property)» измеряют результаты успешных ноу-хау. Несмотря на разные точки зрения по поводу влияния правовой и политической интеграции на суверенитет государств-членов, никто не отрицает факта наделения ЕС в лице его институтов и органов частью суверенной компетенции, ранее принадлежавшей исключительно государствам-членам. Соответствующие положения содержатся как в конституциях государств-членов, так и в решениях национальных конституционных судов, а также Европейского суда. Дифференциация и углубленное сотрудничество частично помогают преодолеть этот барьер⁶. Однако, даже после реставрации Лиссабонской стратегии в 2005 г., когда совместные усилия стран-членов привели к заметным достижениям в области научных исследований, знаний и инноваций, каждая из стран-членов ЕС самостоятельно выбирает формы сотрудничества по поддержке инновационной деятельности. Принципиальными остаются требования со стороны ЕС относительно прозрачности фискальных преференций и процедуры их получения. Проекты должны быть

инновационными и иметь соответствующее значение для экономики страны и ЕС.

При этом ЕС все еще отстает от США и Японии по многим параметрам, которые характеризуют развитость инновационной экономики, и, несмотря на значительное сокращение разрыва между странами, в ближайшее время ЕС будет трудно догнать признанных лидеров, к которым присоединился еще и Китай.

В ЕС существуют два подхода к процессам интеграции. Первый способ представляет собой исключение общепринятого формата интеграции, который называют дифференциацией. Договор о Европейском Союзе ввел дифференциацию, которая определена как «право на неучастие» в гармонизации. Именно это право позволяет странам-членам оставаться вне гармонизации в сфере социального (Социальный договор и протокол), экономического и валютного союза. Второй способ можно сформулировать как углубленное сотрудничество в рамках ЕС. Концепция углубленного сотрудничества была разработана и нашла свое закрепление в учредительных актах ЕС сравнительно недавно. Она исходит из возможности и целесообразности согласования единой политики между странами ЕС, осуществления программ и мероприятий интеграционного характера с опорой на институты и органы ЕС, создания в этих целях необходимых специализированных структур без обязательного участия в этой деятельности всех государств-членов ЕС. Фактически дифференциация и усиленное сотрудничество очень тесно связаны между собой. Суть обоих способов заключается в следующем: кто хочет и может, тот участвует, при условии, что участников достаточно много, а усиленное сотрудничество направлено на общие интересы ЕС. Фактически механизмы углубленного сотрудничества разрабатывались достаточно долго, прежде чем получили правовое оформление.

Со вступлением в ЕС стран Центральной и Восточной Европы требования ЕС к их валютной политике не

⁶ Василенко М. Д. Диференціація та просунута співпраця у рамках Європейського Союзу. В: Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2006, Т. 5, с. 268-275.

снизилась. Известны четыре критерия сближения, предусмотренных в ст. 119 Договора о функционировании Европейского Союза:

1. Критерий достижения высокого уровня стабильности цен означает, что показатель цен государства-члена, характеризующий долговременный средний темп инфляции, наблюдаемый в течение года до экономического кризиса, не должен был превышать более чем на 1,5% такой же показатель в трех государствах-членах с наименьшим показателем.

2. Критерий стабильных финансовых платежей означает, что соответствующее государство-член не имеет на данный момент чрезмерного бюджетного дефицита, то есть против него не возбуждено процедуры чрезмерного бюджетного дефицита.

3. Критерий здоровых государственных финансов означает нормальное участие в механизме обменных курсов, что означает отсутствие особых усилий для участия в этом механизме. В частности, государство не должно было допускать девальвации своей валюты относительно валюты любой другой страны-члена (в частности, на двусторонней основе).

4. Критерий сближения, достигнутого государством-членом, и его участия в механизме обменных курсов, отраженный на уровне долгосрочных процентных ставок, означает, что в течение года государство-член имела среднюю номинальную величину долгосрочной процентной ставки не превышающей более чем на 2% этот же показатель у государств с наибольшим уровнем стабильности цен.

Как уже было отмечено, исключения из интеграционных обязательств возникают из Маастрихтского договора, который ввел способы дифференциации, которые называются «правом на неучастие»⁷.

Амстердамский договор ввел возможность усиленного сотрудничества, которая еще составляет принцип

⁷ Treaty on European Union: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://europa.eu/about-eu/basic-information/decision-making/treaties/index_en.htm

«гибкости»⁸. Таким образом, механизм углубленного сотрудничества представляет собой совокупность правил и процедур, в рамках которых осуществляется делегирование ЕС дополнительной компетенции со стороны отдельных государств-членов этой организации.

Значение данного механизма, очевидно, со временем будет возрастать в связи с процессом увеличения числа государств-членов и, соответственно, ростом внутренней неоднородности организации Европейского Союза.

Вопросу углубленного сотрудничества много внимания было уделено в проекте Договора о введении Конституции для Европы. Предложенный на утверждение государствам-членам (и ими же успешно провален) проект этого договора дублировал некоторые положения об углубленном сотрудничестве, которые нашли свое отражение в Договоре о Европейском Союзе (раздел IV) и в Договоре о функционировании Европейского союза (раздел III части 6). Таким образом, Договор о функционировании Европейского Союза закрепил следующие основополагающие принципы усиленного сотрудничества⁹.

1) усиленное сотрудничество должно соответствовать Договору и праву Союза (абз. 1, ст. 326). Таким образом, мы видим закрепление одного из важнейших принципов правового государства - законности, что подразумевает то, что любой нормативный акт, любое действие или решение государств-членов ЕС должны базироваться на Договоре (Основном законе) и не противоречить ему;

⁸ Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Related Acts. - Official Journal C 340, 10 November 1997: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html>

⁹ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) (2007/C 306/01). [On line]: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon> (Дата посещения 25.11.2012).

2) такое сотрудничество не должно наносить ущерб внутреннему рынку или экономическому, социальному или территориальному единству (абз. 2, ст. 326). Данным принципом гарантируются единство и целостность экономического пространства Европейского Союза, внутри которого не могут функционировать таможенные или другие барьеры. Углубленное сотрудничество также не должно препятствовать усилиям Союза по достижению на всем его пространстве, по возможности, одинакового уровня жизни и благосостояния людей, т. е. способствует развитию региональной политики ЕС;

3) усиленное сотрудничество не должно создавать препятствий или дискриминации в торговле между государствами-членами и порождать нарушения конкуренции между ними (абз. 2, ст. 326), то есть должно быть направлено на защиту единства экономической территории ЕС;

4) участники, поддерживающие усиленное сотрудничество должны уважать полномочия, права и обязанности тех членов, которые не принимают в ней участия (ст. 327), а другие государства-члены не должны затруднять ее реализацию для государств-членов, участвующих в сотрудничестве (ст. 327);

5) усиленное сотрудничество может осуществляться в любой сфере общественной жизни, кроме сфер исключительной компетенции и общей внешней политики и политики безопасности (ч. 1, ст. 329). Сферы исключительной компетенции ЕС, изъяты из ведения государств-членов и осуществляемые Союзом на всей его территории, совершенно очевидно, не могут быть объектом делегирования или ограничения со стороны отдельных стран.

6) усиленное сотрудничество возможно для всех государств-членов, если они соответствуют условиям участия, которые определены европейским решением, предопределяющим такое сотрудничество. Оно также возможно для них при условии, что государства кроме вышеупомянутых условий, соблюдают акты, уже установленные в рамках сотрудничества (ч. 1, ст. 328).

Открытость - последний принцип углубленного сотрудничества. Этот принцип служит ключевым условием, которое обеспечивает полноценный характер интеграции внутри Союза. Углубленное сотрудничество является скорее вынужденной мерой, к которой прибегают, несмотря на сопротивление отдельных государств-членов новым интеграционным проектам или их неготовности к этому.

В Лиссабонском договоре 2007 года (вступил в силу с 1 января 2009 г.) указано, что с изменением ситуации, в частности, со сменой правительства, государство не может изменить свое решение, то есть со временем углубленное сотрудничество отдельных стран превращается в интеграцию для всех, а решения институтов, участвующих в этой сфере, - в источники права для всего Европейского Союза.

В Договоре о Европейском Союзе указано, что углубленное сотрудничество должно «объединять как минимум восемь стран-членов». Сначала (в редакции Амстердамского договора) предельное количество было установлено в относительном выражении: большинство государств-членов (то есть 8 из 15), но с учетом расширения Союза сложилась ситуация, когда в углубленном сотрудничестве принимают участие менее трети государств-членов (8 из 27). В Лиссабонском договоре (2007 г.) подчеркивается, что сотрудничество согласно ст. 328 Договора о функционировании ЕС, возможно для всех государств-членов в любое время. В Договоре о ЕС указано, что Совет принимает решение, которое позволяет усиленное сотрудничество как крайнее средство при условии, что в таком сотрудничестве примут участие по меньшей мере девять государств-членов.

Основную роль в механизме усиленного сотрудничества играют Совет и Комиссия, которые согласно ст. 329 Договора о функционировании ЕС, должны обеспечивать согласование действий в рамках углубленного сотрудничества, а также их согласованность с другими

политиками Союза и, соответственно, сотрудничают для достижения этой цели.

Процедура введения в действие механизма углубленного сотрудничества включает три этапа:

1) инициатива заинтересованных государств-членов, когда указанная инициатива оформляется в виде «запроса», в котором указываются цели и задачи предусмотренного углубленного сотрудничества, который предоставляется главному исполнительному органу ЕС - Комиссии;

2) Комиссия изучает «запрос» и направляет предложение Совету. Следует отметить, что Комиссия обладает правом вето, хотя при этом она должна проинформировать заинтересованные государства-члены и указать причины своего отказа;

3) разрешение на углубленное сотрудничество дает Совет после консультации или с согласия Европарламента. В разрешении Совета указываются вопросы, которые составляют предмет углубленного сотрудничества в конкретном случае. Разрешение оформляется решением.

В соответствии с Лиссабонским Договором предусмотрены также и те случаи, когда страны, которые изначально не пожелали участвовать в усиленном сотрудничестве, но впоследствии изменившие свое решение, могут присоединиться к данному механизму.

Такое государство должно сообщить о своем намерении Совету Министров и Комиссии. Комиссия, в течение 4 месяцев с даты получения такого уведомления, подтверждает участие соответствующего государства-члена. Она констатирует, в случае необходимости, что все условия, необходимые для участия выполнены, и устанавливает переходные положения, которые считает необходимыми для применения правовых актов, уже установленных в рамках углубленного сотрудничества (ст. 331 Договора о функционировании ЕС)¹⁰.

Однако, если Комиссия посчитает, что определенные условия участия не были выполнены, она указывает на положения, которые следует принять для выполнения этих условий, и устанавливает крайний срок для пересмотра запроса (ч. 1, ст. 331).

Финансирование мероприятий дифференциации и усиленного сотрудничества не может проводиться из единого бюджета Европейского Союза, поскольку это было бы несправедливо, с учетом того, что доходы бюджета поступают из всех стран ЕС, а в углубленном сотрудничестве участвует только их часть.

Подытоживая вышеуказанное, заметим, что на сегодняшний день именно Лиссабонский договор устанавливает возможность усиленного сотрудничества посредством реализации принципа гибкости, который обеспечивает:

1) усиленное сотрудничество, которое позволяет менее девяти государствам-членам сотрудничать в области неисключительной компетенции;

2) постулат, что усиленное сотрудничество направлено на развитие целей Союза;

3) положение о том, что углубленное сотрудничество возможно при условии невозникновения помех на общем рынке

4) постулат, что усиленное сотрудничество не может касаться торговли между государствами-членами или угрожать конкуренции между ними;

5) положения о том, что другие государства-члены позже могут присоединиться к углубленному сотрудничеству, что предотвращает ситуационное создание «твердого ядра».

Таким образом, применение механизмов дифференциации и усиленного сотрудничества иллюстрируют желание ЕС преодолеть разногласия между странами-членами в рамках дальнейшего развития и более успешного существования этого надгосударственного образования. Углубленное сотрудничество на сегодняшний день является жизненнонеобходимым фактором

¹⁰ Договір про Європейський Союз від 07.02.1992. [Он line]:

http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_029 (Дата посещения 25.11.2012).

дальнейшего существования Европейского Союза с учетом возможностей и пожеланий «новых» и «старых» государств-членов ЕС.

Библиография:

1. Summary Innovation Index, SII. [On line]: <http://www.proinno-europe.eu/page/summary-innovation-index-0> (Дата посещения 25.11.2012).

2. Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Related Acts. - Official Journal C 340, 10 November 1997. [On line]: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.htm> (Дата посещения 25.11.2012).

3. Treaty on European Union. [On line]: http://europa.eu/about-eu/basic-information/decision-making/treaties/index_en.htm (Дата посещения 25.11.2012)

4. Василенко М. Д. Господарсько-правовий досвід ЄС в інноваційному розвитку: створення технопарків (технополісів). В : Науковий вісник Чернівецького університету. Правознавство : зб. наук. пр. 2008, вип. 461, с. 57-62.

5. Василенко М. Д. Диференціація та просунута співпраця у рамках Європейського Союзу. В: Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2006, Т. 5, с. 268-275.

6. Василенко М. Д. Диференціація та просунута співпраця у рамках Європейського Союзу. В : Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2006, Т. 5, с. 268-275

7. Василенко М. Д. Інноваційна політика ЄС: діяльність технопарків і технополісів. В. : Науковий вісник. Одеський національний економічний університет. Науки: Економіка, політологія, історія. 2012, № 8, с. 143-152.

8. Василенко М. Д. Правове обмеження суверенітету держав-членів в рамках Європейського Союзу. В: Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. пр. 2005, Т. 4. , с. 80-88.

9. Лиссабонський договір, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) (2007/С 306/01). [On line]: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon> (Дата посещения 25.11.2012).

Николай ВАСИЛЕНКО

ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗМА В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ 1917-1918 ГОДОВ

Ольга ЗАБЗАЛЮК*

REZUMAT: IDEILE FEDERALISMULUI ÎN GÂNDIREA POLITICO-JURIDICĂ DIN UCRAINA ÎN ANII 1917-1918

Acest articol este dedicat studiului ideilor federalismului în gândirea politică și juridică ucraineană, în anii 1917-1918, care include perioada de existență și activitate a Radei Centrale Ucrainene, a Republicii Populare Ucrainene, cât și a hatmanului Ucrainei Pavlo Skoropadsky. Lucrarea analizează, de asemenea, principalele etape ale mișcării de eliberare națională, precum și ideile federaliste ale elitei politice a societății ucrainene, cum ar fi, Hrushevsky Michal, Serghei Efremov, Vinnichenko Vladimir și alții.

La creșterea interesului față de problemele federalismului, administrației de stat regionale și locale privind auto-guvernarea, au contribuit schimbările socio-economice și politice, care sunt deosebit de intense în ultimii ani. Aceasta motivează o serie de lucrări științifice din care sunt dedicate acestui subiect și au apărut în ultimii ani.

Ideea federalismului și-a avut ideologi și adepții săi în istoria multor națiuni europene, americane și asiatice. Nu există excepții și privitor la națiunile slave, în special ucraineană. Dacă analizăm istoria Ucrainei, se poate constata faptul că problema definiției structurii teritoriale a Ucrainei a fost foarte relevantă în toate perioadele și epocile, iar soluționarea ei este, de obicei, însoțită de luptă între părtașii ideilor federaliste și unitare. Acesta este motivul pentru care, este extrem de actuală o întoarcere la moștenirea teoretică a ideilor reprezentanților federalismului în gândirea politică și juridică ucraineană de la începutul secolului al XX-lea, într-un moment când Ucraina activ lupta pentru independența sa.

Cuvinte cheie: autonomie, federație, federalism, Rada Ucraineană Centrală, Statul Ucrainean.

РЕЗЮМЕ: ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗМА В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ 1917-1918 ГОДОВ

Данная статья посвящена исследованию идей федерализма в украинской политико-правовой мысли в 1917-1918 годов, который включает период существования и деятельности Украинской Центральной Рады, Украинской Народной Республики и Украинской Державы гетмана Павла Скоропадского. В статье также анализируются основные этапы национально-освободительного движения, а также федералистские идеи представителей политической элиты украинского общества, таких как, Михаил Грушевский, Сергей Ефремов, Владимир Винниченко и другие.

Повышению интереса к проблемам федерализма, государственного регионального управления, местного самоуправления способствовали социально-экономические и политические

* **ZABZALIUC Olga** - Competitor, Catedra teoria și istoria statului și dreptului, Universitatea de Stat a Afacerilor Interne din Lvov (Lvov, Ucraina); **ZABZALYUK Olga** - Competitor for the Theory and History of State and Law Department of the Lviv State University of Internal Affairs (Lviv, Ukraine); **ЗАБЗАЛЮК Ольга Васильевна** - Соискатель кафедры теории и истории государства и права Львовского государственного университета внутренних дел (г. Львов, Украина).

изменения, которые особенно интенсивно проходят в последние годы. Это мотивирует выход ряда научных работ, которые посвящены данной проблематике и которые появились в последнее время.

Идея федерализма находила своих идеологов и последователей в истории многих европейских, американских и азиатских народов. Не исключением были и славянские нации, в частности, украинская. Если проанализировать украинскую историю, то можно отметить, что проблема определения территориального устройства Украины была очень актуальной во все периоды и эпохи, а ее решение, как правило, сопровождалось борьбой сторонников федералистских и унитарных подходов. Именно поэтому, особенно актуальным есть возврат к теоретическому наследию представителей идей федерализма в украинской политико-правовой мысли начала XX века, в период, когда Украина активно боролась за свою независимость.

Ключевые слова: автономия, федерация, федерализм, Украинская Центральная Рада, Украинская Держава.

(перевести на английский)

ABSTRACT:

IDEI FEDERALISM IN THE UKRAINIAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHTS OF 1917-1918

the Increasing interest in federalism, State regional administration, local Governments had contributed to the socio-economic and political changes that are intensively in recent years. This motivates the exit of a number of scientific works on the subject and that have appeared in recent years.

The idea of federalism has found its ideologues and followers in the history of many European, American and Asian peoples. No exception was Slavic nation and, in particular, the Ukrainian. If you analyze the Ukrainian history, the problem of determining the territorial structure of Ukraine was very relevant in all periods and epochs, and the decision is usually accompanied by the struggle of a federalist supporters and unitary approaches. That is why, particularly relevant are returning to the theoretical heritage of ideas of federalism in the Ukrainian political and legal thoughts in the early 20th century, at a time when Ukraine was actively fought for their independence.

This article is devoted to the ideas of federalism in the Ukrainian political and legal thought in the 1917-1918 period which includes the period of the existence and the activities of the Ukrainian Central Rada of the Ukrainian national Republic and Ukrainian State Hetman Pavlo Skoropadskyi. The article also reviews the major stages of the national liberation movement, as well as the federalist idea of the political elite of the Ukrainian society, such as, Mikhail Hrushevsky, Sergey Efremov, Vladimir Vinnichenko and others.

Keywords : autonomy, federation, federalism, the Ukrainian Central Rada, Ukrainian State.

Постановка проблемы. Период национально-освободительного движения на украинских землях был характерен значительной активизацией государственно-правовых взглядов, среди которых идеи федерализма занимали далеко не последнее место, а иногда просто доминировали.

Победа февральской революции способствовала утверждению и доминированию тенденций, связанных с идеями автономии и федерализма в украинском национально-освободительном движении. Это был период больших

надежд и ожиданий со стороны представителей прогрессивной украинской политической элиты, которая надеялась на решение национально-государственных проблем в режиме конструктивного диалога с представителями нового российского демократического государства. Они считали, что ликвидация самодержавия в России откроет новые возможности для самобытного развития Украины, а также удовлетворит главные потребности украинского общества. Лозунги широкой национально-территориальной автономии в составе

Российской демократической федеративной республики были признаны первостепенными и широко поддерживались в среде украинской политической элиты и украинского общества в целом. Эти моменты ярко продемонстрировали и первые постреволюционные форумы отечественных политических партий и различных общественных организаций.

Целью данной статьи есть историко-правовой анализ становления и развития идей федерализма в период существования Украинской Народной Республики и Украинской Державы гетмана Павла Скоропадского, а также главных предпосылок их становления.

Исследование идей федерализма в украинской политико-правовой мысли имеет большую историю. Особенно ценными в этом аспекте есть труды известных мыслителей середины XIX – начала XX века, таких как: М. Грушевский, В. Винниченко, В. Гнатюк, С. Днистрянский, Д. Донцов, Д. Дорошенко, М. Драгоманов, О. Эйхельман, С. Ефремов, А. Жилин, Н. Костомаров, В. Кучабский, Л. Лащенко, К. Левицкий, В. Леонтович, И. Лысяк-Рудницкий, В. Липинский, М. Лозинский, О. Лотоцкий, Н. Михновский, О. Назарук, Ю. Охрымович, Е. Петрушевич, В. Подолинский, С. Подолинский, П. Скоропадский, С. Сосенко, О. Терлецкий, С. Томашиевский, Т. Шевченко, С. Шелухин, И. Франко, С. Ярославин и др.

Современный этап исследований данной проблематики представлен в работах О. Аркуша, Т. Андрусика, А. Бойка, Д. Бондаренка, С. Бостана, В. Верстюка, Л. Вынара, С. Гелея, Я. Грыцака, Л. Ивановой, О. Копыленко, Г. Королева, А. Коцура, И. Кресиной, М. Кугутяка, Ю. Левенца, О. Любовец, В. Макарчука, Р. Метельского, Л. Могильного, Д. Морозова, И. Музыки, Н. Поповой, В. Потульницкого, Т. Прыймака, О. Рэнта, О. Салтовского, О. Скакун, В. Солдатенка, О. Сушинского, И. Терлюка, В. Тихонова, М. Томенка, Ю. Фигурного, Ф. Шульженка, Д. Яневского и др.

Изложение основного материала. В

результате Февральской революции 1917 года с новой силой активизировались украинские политические силы, большинство из которых выступили за общую и согласованную организацию украинского революционного движения. С целью реализации поставленного задания была основана Украинская Центральная Рада, которая стала отображением внутреннего компромисса в среде украинских политических сил и выступила как институция, что должна осуществлять координационные функции.

Центральная Рада как политический и представительский орган революционных слоев украинского народа заявила про первостепенную потребность перестройки общественного строя, выходя из неотъемлемого права украинцев на самоопределение¹.

Несмотря на это, целостной программы реализации и утверждения этого права не существовало. Идеино-политические предложения и проекты отечественной элиты не успевали за быстрым развитием революционных процессов в Украине. Поэтому основные положения своей деятельности нужно было концептуально оформить из уже существующих национально-государственных программ.

В истории Украинской Центральной Рады можно выделить два этапа: автономистский (март – октябрь 1917 г.) и государственно-уэнэровский (октябрь 1917 – апрель 1918 гг.)².

Первый связан с попытками реализовать идею национально-территориальной автономии, юридической констатацией определенного статуса относительно украинских земель, характеризуется «политической войной» между Центральной Радой и Временным

¹ Український вибір: політичні системи XX століття і пошук власної моделі суспільного розвитку / В.Ф. Солдатенко, Т.А. Бевз, О.Д. Бойко та ін. – К.: Парламентське видавництво, 2007, с. 108.

² Верстюк В. Українська Центральна Рада та П Універсали: Третій та Четвертий // Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921рр.— Вип. 1./ В. Верстюк – К., 2002, с. 11

правительством³. Другой - государственно-уэнэровский – означен неудачными шагами утверждения автономии и превращения Центральной Рады на центр борьбы за перестройку России на федералистских и демократических началах⁴.

Наличие у Украинской Центральной Рады всеукраинского статуса требовало от ее руководителей осуществить процесс легитимации новой власти не только в среде украинской интеллигенции, но и среди представителей других слоев общества. Если для первой социальной группы осознание роли Украинской Центральной Рады было понятным, то для крестьянства и рабочего класса ее образ ассоциировался как очередной революционный орган без конкретной программы преобразований. Поэтому была высказана идея проведения Всеукраинского национального конгресса, который бы задекларировал права украинского народа на широкую автономию.

Да и «анализ выданных Центральной радой официальных и нормативных документов позволяет говорить про целенаправленную политику, направленную на появление реальных предпосылок автономии и федерации»⁵.

Так, к примеру, основополагающий курс на автономию был задекларирован в I Універсале Украинской Центральной Рады в июне 1917 года. Кроме того, Универсал зафиксировал полномочия органов государственной власти, согласно которых высшим законодательным органом должны были стать Всенародные украинские обори. То есть был обозначено курс на «реальную автономию в рамках

демократической федеративной республики России»⁶. На Всеукраинском конгрессе 15 сентября 1917 года были приняты резолюции, основным лейтмотивом которых было восприятие России как федеративной демократической республики. «Этим реально закладывались предпосылки перестройки империи на автономно-федералистских основах, но события развивались так быстро, что этим планам не дано было сбыться»⁷.

Следует отметить, что развитие политико-правовых идей в среде украинской элиты проходило под влиянием западноевропейских общественно-политических учений. Поэтому обращение Президента Украинской Центральной Рады Михаила Грушевского к идеям автономии и федерализма выглядели абсолютно закономерными. Более того, они стали базой внутрениполитического курсу Украинской Центральной Рады и ее Президента Михаила Грушевского. «В то время ученый был полностью в плену своей концепции федерализма, которая интерпретировала будущее Украины только лишь в российском контексте»⁸.

М. Грушевский, будучи главой Украинской Центральной Рады предлагал практический механизм национально-территориальной автономии Украины. В его основе лежал концепт общей демократизации российского имперского режима, что должен сформировать алгоритм федеративного переустройства Российского государства, который должен базироваться на принятии Конституции и трансформации общественных структур в структуры гражданского общества.

Реализация идеи федерализма, по

³ Кудлай О.Б. Центральна Рада - Тимчасовий уряд: боротьба за автономію (березень – жовтень 1917 р.) / Автореф. дис... канд. іст. наук / О.Б. Кудлай – К., 1997, с. 14.

⁴ Геннадій Корольов. Український федералізм в історичному дискурсі (XIX — початок XX століття). / Г. Корольов – К.: Інститут історії України НАН України, 2010, с. 95

⁵ Українська Центральна Рада (4 березня – 9 грудня 1917р.). Документи і матеріали: у двох томах / [упоряд. В.Ф. Верстюк (керівник), О.Д. Бойко та ін.] – К.: Наукова думка, 1996. – (Серія V: Пам'ятки історії України, Джерела новітньої історії України).

⁶ Солдатенко В.Ф. Внесок М.С. Грушевського в розробку концепції національно-демократичної революції. / В.Ф. Солдатенко // Михайло Грушевський – науковець і політик в контексті сучасності. Збірник наукових праць. – К., 2002, с. 202

⁷ Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917-1919 рр. (історико-генетичний аналіз). / Ю. Павленко, Ю. Храмов – Київ: Манускрипт, 1995, с. 55

⁸ Грушевський М. Спомини. (Публікація С.Білоконя. Вступ Ф.Шевченка) / М. Грушевський // Київ. – 1988. - №9., с. 145.

мнению М. Грушевского, была возможна лишь в случае широкой децентрализации государственных органов, а также принятия необходимой для этого законодательной базы с целью построения гражданского общества и правового государства.

М. Грушевский считал, что право народа на самоуправление следует иметь каждой территории, на которой проживает миллион и более жителей. Органами непосредственного представительства должны были стать областные (или национальные) сеймы. На территории с большим количеством населения полномочия сеймов соответственно расширились бы, приобретая формы политической автономии. Именно такой территорией должна была стать Украина.

Политические взгляды и проекты М. Грушевского четко характеризовали европейский вектор украинской политико-правовой мысли начала XX века. Данная концепция вобрала в себя и славянофильскую идеологию Кирилло-Мефодиевского Братства, и политические приоритеты «народников», и федералистские идеи М. Драгоманова.

М. Грушевский хотел хотя бы, в какой-то степени реализовать свои конституционные предложения, поэтому его сотрудничество с Украинской парламентской группой в I Государственной Думе было закономерным шагом ученого и раскрывало его, как политического деятеля. Важным моментом в работе Украинской парламентской группой в I Государственной Думе стала разработка «Декларации про автономию Украины», в которой прописывался четкий механизм разделения полномочий между центральными и местными органами власти. Специальными законами предусматривалось обеспечить в Украине права национальных меньшинств. Уже само появление «Декларации про автономию Украины» стало прогрессивным явлением в том еще имперском обществе. Она демонстрировала развитие политического самосознания украинской интеллигенции.

Таким образом, можно со всей ответственностью констатировать, что идея федерализма разрабатывалась М. Грушевским и его соратниками целиком и полностью осознано, она постоянно развивалась и совершенствовалась.

Формирование и эволюция федерализма М. Грушевского конца XIX – начала XX века убеждает, что его ни в коем случае нельзя рассматривать как альтернативу независимости и самостоятельности⁹. Федерализм тогда понимали как наиболее эффективную и правильную систему управления в больших за масштабам государства и средством противодействия бюрократическому централизму, а также необходимым условием построения гражданского общества.

Другой лидер Украинской Центральной Рады Сергей Ефремов настаивал на внедрении национально-территориальной и областной автономии. «По его мнению, автономия укрепит государство, будет способствовать консолидации народов, гармонизирует интересы разных частей государства, объединит неполный суверенитет отдельных самоуправляющихся регионов с выгодами общегосударственного единения»¹⁰.

Автономия дала бы украинскому народу через представителей, избранных в местные законодательные органы власти, формировать национальную, правовую, культурную и социально-экономическую политику. С. Ефремов считал, что реализовать все социальные идеалы можно только после получения украинским народом права самостоятельно строить собственную политическую и социально-экономическую жизнь¹¹.

Данные постулаты четко определяли позицию С. Ефремова относительно дальнейших шагов развития Украины, а именно: «разработка проекта автономии Украины, консолидация украинских сил,

⁹ Копиленко О.Л. Повернення М.С. Грушевського. / О.Л. Копиленко – К.: Вид-во "Знання", 1991 (Сер. 1: Час і суспільство, № 4.), с. 18

¹⁰ Могильний Л. П. Сергій Єфремов у суспільно-політичному житті України: монографія / Л.П. Могильний. – К.: ТОВ «ПанТот», 2011, с. 114.

¹¹ там же, с. 104-106.

объединение широких слоев населения на экономической, политической и культурной почве, возвращения из-за рубежа в Украину интеллигенции, приобщения к государственной работе украинцев из Галиции и использование их опыта¹².

С. Ефремов был инициатором создания Союза украинских автономистов-федералистов, который вскоре трансформировался в Украинскую партию социалистов-федералистов¹³. В преамбуле к программе партии федерализм обозначался как всемирный идеал, этап на пути перестройки российского государства на федералистских началах. Изменение действительной формы правления должна была осуществиться путем децентрализации власти и предоставления каждой народности на своей территории автономии с правом местного краевого законодательства. В демократической федеративной республике Украина рассматривалась как отдельный штат.

Интересные мысли было выложено в программе относительно государственных институтов на федеративном уровне. Так, например, на общегосударственном уровне предусматривался Федеральный совет, который должен был контролировать законодательную деятельность всех законодательных органов федерации: Общегосударственного парламента и краевых сеймов¹⁴.

С. Ефремов предлагал решения, в том числе и национальных вопросов, поэтому необходимо, чтобы каждый народ на собственной этнической территории имел право местного самоуправления, «был сам себе хозяином... а другой народ в это не вмешивался»¹⁵.

¹² Лотоцкий О. Сторінки минулого. У 3-х ч. / О. Лотоцкий. – Варшава: УНІ, 1934. – Ч. 3., с. 349-350.

¹³ Лебедева О.А. Громадсько-політична діяльність Сергія Єфремова (1897-1929 рр.) / Автореф. дис... канд. іст. наук / О.А. Лебедева – Київ, 2009, с. 10

¹⁴ Шульженко Ф. П., Андрусак Т. Г. Історія політичних і правових вчень. / Ф.П. Шульженко, Т.Г. Андрусак – К.: Юрінком Інтер, 1999, с. 205-206.

¹⁵ ЦДІАК України, Ф. 274, оп. 1, спр. 1942, арк. 26; там же, Ф. 317, оп. 1, спр. 4847, арк. 3.

С. Ефремов первый, кто ввел название «Украинская Народная Республика» и данная аббревиатура была официально утверждена Третьим Универсалом Украинской Центральной Рады, как официальное название государства, полная независимость которого была официально провозглашена Четвертым Универсалом 25 января 1918 года.

Самостоятельность Украины С. Ефремов воспринимал как необходимое условие для формирования равноправной федерации народов. Он надеялся, что в будущем Украина будет играть более важную роль в европейской геополитической игре¹⁶. Хотя к независимости Украины он относился достаточно осторожно.

Следует отдать должное и другой известной личности национально-освободительного движения – первому руководителю украинского правительства периода Украинской Центральной Рады – Генерального Секретариата, известному ученому и политику Владимиру Винниченко.

В. Винниченко принадлежал к тем проводникам национального возрождения, которые пытались достичь стратегической цели легитимным путем, используя тактику поступательного убеждения Временного правительства в справедливости и абсолютной безвредности требований украинцев¹⁷.

Во время подготовки Третьего Универсала В. Винниченко заявлял: «...Для украинской демократии вопрос стоял так: или признать петроградское Правительство Народных Комиссаров и идти вместе с ним, разделяя всю его социальную и политическую программу, либо вести целиком самостоятельную, ни с кем уже не связанную акцию. Центральная Рада избрала второй путь... Силой обстоятельств Украина фактически отрезалась от России, имея с ней только

¹⁶ Могильний Л. П. Указ. соч., с. 167

¹⁷ Солдатенко В.Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. / В.Ф. Солдатенко – К., Світогляд, 2007, с. 92.

номинальную федеративную связь»¹⁸.

В. Винниченко предложил усовершенствовать федеративную связь между Российской Федерацией и Украиной. Он считал необходимым, чтобы правительства этих республик выступили с заявлением про неограниченную, полную украинскую государственность, про необходимость экономических связей, разработали план хозяйственного развития Украины и согласовали его с интересами обеих республик. Ему принадлежала идея про разработку федеративной Конституции¹⁹.

Находясь в гуще событий, принимая ежедневно важные решения, В. Винниченко в числе первых из украинских политиков начал склоняться к мысли об изменении государственного статуса Украинской Народной Республики. Он уже в сверхсложной ситуации декабря 1917 года идейно обосновал необходимость исповедования самостоятельного курса²⁰.

Однако, непостоянство политической позиции В. Винниченко, отчасти играл с ним злую шутку, что непременно сказывалось на его взглядах и симпатиях. Поэтому, со временем, суверенитет у В. Винниченко «меняется на федерацию»²¹.

В своем знаменитом труде «Завет борцам за освобождение», написанной в 1949 году, была высказана идея создания мировой федерации. По этому поводу он пишет: «Мы, украинцы, в мировой федерации видим приоритетно обеспечение нашей национально-государственной самостоятельности, которую мы так искренне хотим, за которую принесли столько жертв. Мы лучше, нежели так называемые самостоятельные государства, знаем, что в

этой мировой конъюнктуре, которая происходит на планете развитием мировой экономики, не может быть как следует обеспеченной самостоятельности, а тем более в государствах несамостоятельных. Поэтому мы, когда хотим иметь свою национальную самостоятельность, должны быть в самых первых и самых активных рядах борцов за осуществление идей Мировой Федерации Народов, которая уничтожит какую-либо возможность одной нации набросить другой свое господство»²².

В январе 1918 года большинство отечественных политических партий еще оставались на автономно-федералистских позициях, признавали федерацию наиболее приемлемой формой государственной жизни в будущем для Украины. Как говорил И. Лысяк-Рудницкий, «большая часть украинской интеллигенции Надднепрянщины, а не будем забывать, что более чем четыре пятых украинского народа жило в пределах Российской империи, продолжала стоять на позициях федерализма»²³.

Невозможно не коснуться вопроса украинской Конституции 1918 года, которую разрабатывало правительство Украинской Народной Республики, и которая была принята на последнем заседании Украинской Центральной Рады 29 апреля 1918 года под названием «Статут про государственное устройство, права и вольности УНР»

Особенный интерес в контексте исследованной проблематики представляют положения, которые касаются проблем государственного устройства. Так, к примеру, в параграфе 5 первого раздела говорится: «Не нарушая единой своей власти, УНР дает своим землям, волостям и громадам права широкого самоуправления, придерживаясь принципа децентрализации»²⁴.

¹⁸ Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [marecъ 1917 р. – грудень 1919 р.] Частина II. / В. Винниченко – Київ-Відень, 1920, с. 73-74.

¹⁹ Шульженко Ф. П., Андрусак Т. Г. Указ. соч., с.198-199

²⁰ ЦДАГО України. – Ф.57. – Оп.2. – Спр.119, арк. 31.

²¹ Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [marecъ 1917 р. – грудень 1919 р.] Частина III. / В. Винниченко – Київ-Відень, 1920, с.307

²² Винниченко В.К. Заповіт борцям за визволення. / В. Винниченко – К.: Вид. т-во „Криниця”, 1991, с.84.

²³ Іван Лисяк-Рудницький. Між історією й політикою. / І. Лисяк-Рудницький – Мюнхен: Вид-во «Сучасність», 1973, с.184-185

²⁴ Державний Центр Української Народної Республіки в екзилі: Статті і матеріали /Зредагували Любомир Р. Винар і Наталія Пазуняк. –

Там же речь идет и про права национальных меньшинств: «Каждая из населяющих Украину наций имеет право на национально-персональную автономию, то есть право на самостоятельное обустройство своей национальной жизни»²⁵.

Для осуществления права, которое обозначено в параграфе 69, граждане УНР, которые принадлежат к другим нациям, создают на территории УНР Национальный Союз..., который пользуется законодательным правом в рамках своей компетенции. Национальному Союзу принадлежит право представительства данной нации, которая живет на территории УНР перед государственными и общественными учреждениями²⁶.

В апреле 1918 года, в силу сложившейся политической ситуации в Украине, к власти пришел гетман Павел Скоропадский. Гетман распустил Украинскую Центральную Раду, аннулировал законодательство Центральной Рады, а Украинскую Народную Республику переименовал на Украинскую Державу.

Многие исследователи, в большинстве советские и российские, представляют Павла Скоропадского как яркого сторонника немецкой политики. Но такой односторонний взгляд объясняется недостаточным ознакомлением с личностью гетмана, его взглядами и деятельностью.

Павел Скоропадский был человеком двух культур – украинской и русской²⁷, и именно этим можно объяснить его взгляды на будущее Украины. Например, потребностью создания федерации с Россией, что была задекларирована

грамотой от 14 ноября 1918 года, и потребностью создания «всероссийской федерации».

П. Скоропадский и большая часть окружения гетмана видели политическое будущее своего государства в рамках российской (конечно, не советской) федерации народов с получением Украиной самых полных прав в этом объединении²⁸. Можно сказать, что «Гетман отбрасывал идею полной независимости Украины и отстаивал идею федерации с Россией»²⁹.

Именно поэтому симптоматичным итогом развития Украинской Державы, как украино-российской государственности, было оглашение П. Скоропадским федеративной грамоты, в которой говорилось: «На принципах федеративных должно быть обновлено давнее могущество и сила всероссийского государства. В этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест»³⁰.

Принятие П. Скоропадским федеративной грамоты было обусловлено обострением внутреннеполитической и международной обстановки Украины, а также русофильскими, промонархическими рудиментами ментальности гетмана³¹.

Что понимал гетман под федерацией? В частности, в «Воспоминаниях» он пишет: «Я не скрываю, что хочу только широко децентрализованную Россию, я хочу, чтобы жила Украина и украинская национальность, я хочу, чтобы этом более тесном союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место и чтобы все эти области и государства сливались как равные с

Філадельфія; Київ; Вашингтон, Фондація ім. С.Петлюри: Веселка: Фондація родини Фещенко-Чопівських, 1993, с.295

²⁵ там же, с. 303

²⁶ Конституції і конституційні акти України: Історія і сучасність. 3-є вид. (До 15-річчя Конституції України і 20-ї річниці незалежності України). Упорядники І.О. Кресіна, О.В. Батанов. Відп. ред. Ю.С. Шемчушенко. – К.: Видавництво „Юридична думка”, 2011, с.48

²⁷ Павло Скоропадський. Спогади. / Під ред. Я. Пеленського. – Київ-Філадельфія, 1995, с.14

²⁸ Борисенко С.А. Україно-російські відносини: квітень – грудень 1918 року // Автореф. дис... канд. іст. наук / С.А. Борисенко – Київ, 2003, с. 16.

²⁹ Бондаренко Д.Я. До питання про українську державність 1917-1918 рр.: порівняльний аналіз Центральної Ради і Гетьманату // Матеріали I Міжнародної конференції: „Революції в Україні у ХХ-ХХІ століттях: співзвуччя епох”. – Одеса, 2005, с. 51.

³⁰ Дорошенко Д. Історія України 1917 – 1923 рр. – Т. 2.: Українська Гетьманська Держава. / Д. Дорошенко – К., 2002, с. 286

³¹ Борисенко С.А. Указ. соч., с. 18.

равными в одном сильном организме, под названием Великая Россия»³².

Анализируя сказанное, можно констатировать, что «во-первых, Скоропадский применял термин «федерация» свободно, в том популярном понимании (он не был ни историком, ни юристом, ни политологом); во-вторых, его концепцию отношений Украины и России нельзя очертить словом «федерация» в современном политолого-юридическом толковании, поскольку оно усилится на Украину как на «государство» с «отдельным» «самобытным» статусом»³³.

П. Скоропадский, несмотря на то, что его упрекали то в ориентации на Германию, то на Россию, был преданным идее построения украинского государства. В числе прочил его заслуг можно отметить и построение мощных вооруженных сил, эффективной правоохранительной и судебной системы.

Следует также сказать, что П. Скоропадский «во-первых, поддерживал потребность консолидации государственной территории, включительно из действиями по присоединению Крыма и даже части Кубани (это был один из первых исторических прецедентов украинских претензий на Крым); во-вторых, он признавал конечную необходимость интеграции населения Украины не за этническим, а за территориально-государственным принципом, а также настаивал на стабилизации власти и суверенности во внешних отношениях»³⁴.

В общем, «такой подход к построению государства и его отношений с другим, большим государством трактуется в науке не как федерация, а как конфедерация, или содружество независимых государств (commonwealth)»³⁵.

Но все же, многие исследователи критически относятся к подписанию и оглашению П. Скоропадским грамоты про федерацию Украины с Россией. Так, современный исследователь Ю.С.

Фигурный считает это «наибольшей стратегической и тактической ошибкой гетмана... Ней он подписал смертный приговор независимой Украине и поставил крест на своей дальнейшей карьере лидера и отца украинской нации»³⁶.

В свою очередь Д.Б. Яневский считает, что «деятельность центральной гетманской администрации в направлении развития местного самоуправления надо оценивать взвешено. В данном конкретном случае нужно взять во внимание, что Украинская Держава de facto превратилась в федеративное государство, что распалось на 8 губернских старост, в которых все вопросы решались, исходя из политических и личных амбиций старост-губернаторов»³⁷.

Но все-таки, нужно признать, что П. Скоропадский «сознательно шел на федерализм, по крайней мере, формальное, декларативное ущемление ради того, чтобы спасти Украину и ее народ от нового большевистского завоевания»³⁸.

Несмотря на очень сложную международную ситуацию и внутренние проблемы, П. Скоропадский во время своего правления обеспечил не только единство и сохранение базовых украинских этнических земель, но и смог добиться включения новых территорий в ее состав, и значительно поспособствовал улучшению ее европейского статуса»³⁹.

Даже в эмиграционной деятельности «гетманское правительство старалось присоединить к Украинскому государству все окраинные земли, которые исторически, этнографически, экономически были связаны с Украиной, а именно: Крым, Бессарабия, Холмщина и Кубань»⁴⁰.

³² Павло Скоропадський. Указ соч., с. 267.

³³ там же, с. 26

³⁴ там же, с. 26-27

³⁵ там же, с. 27

³⁶ Фігурний Ю.С. Державотворча та етнонацієтворча діяльність українського гетьмана Павла Скоропадського в українознавчому вимірі. / Ю.С. Фігурний – К., НДІУ. – 2008, с. 56-57

³⁷ Яневський Д.Б. Проект „Україна”, або Спроба Павла Скоропадського / За ред. Д.Б. Яневського. – Харків: Фоліо, 2010, с. 124.

³⁸ Павленко Ю., Храмов Ю. Указ соч., с. 182.

³⁹ Фігурний Ю.С. Указ. соч., с. 34

⁴⁰ Дорошенко Дм. Історія України. Видання п'яте. / Дм. Дорошенко – Нью-Йорк: Булава, 1957, с. 238

Если сравнить поведение П. Скоропадского с поведением других известных политиков Центральной Рады и Директории УНР в эмиграции, то бывший гетман занимал однозначную позицию: хоть он и не признавал публичное провозглашение федерации Украины с Россией за ошибку, но в эмиграционный период до конца жизни принадлежал к сторонникам политической самостоятельности Украины⁴¹.

Идея федерализма в период 1917-1918 годов была одновременно перспективой и своего рода пропастью. Успехи построения государства и трагизм судьбы лидеров революции тесно переплетен с ее развитием. Федерализм стал индикатором процессов построения украинского государства периодов Украинской Центральной Рады и Украинской Державы гетмана Павла Скоропадского. Даже после их крушения идея федерализма не покидала мыслей представителей украинской политико-правовой мысли. Особенно хотим отметить тот факт, что, несмотря на политические реалии данного времени, идеи федерализма трансформировались в курс на построение самостоятельного украинского государства.

Библиография:

1. Бондаренко Д.Я. До питання про українську державність 1917-1918 рр.: порівняльний аналіз Центральної Ради і Гетьманату //Матеріали І Міжнародної конференції: „Революції в Україні у ХХ-ХХІ століттях: співзвуччя епох”. – Одеса, 2005. – 298 с.
2. Борисенко С.А. Україно-російські відносини: квітень – грудень 1918 року //Автореф. дис... канд. іст. наук / С.А. Борисенко – Київ, 2003. – 21 с.
3. Верстюк В. Українська Центральна Рада та П Універсали: Третій та Четвертий // Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921рр. — Вип. 1 /В. Верстюк – К., 2002.

⁴¹ Піскун В. Політичний вибір української еміграції (20-ті роки ХХ століття): Монографія. / В. Піскун – К.: „МП Леся”, 2006, с. 388

4. Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р] Частина II. / В. Винниченко – Київ-Відень, 1920. – 328 с.
5. Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р] Частина III. / В. Винниченко – Київ-Відень, 1920. – 535 с.
6. Винниченко В.К. Заповіт борцям за визволення. / В. Винниченко – К.: Вид. т-во „Криниця”, 1991. – 128 с.
7. Геннадій Корольов. Український федералізм в історичному дискурсі (XIX — початок ХХ століття). / Г. Корольов – К.: Інститут історії України НАН України, 2010.— 150 с.
8. Грушевський М. Спомини. (Публікація С.Білокона. Вступ Ф.Шевченка) / М. Грушевський // Київ. – 1988. - №9. – С.115-149.
9. Державний Центр Української Народної Республіки в екзилі: Статті і матеріали /Зредагували Любомир Р. Винар і Наталія Пазуняк. – Філадельфія; Київ; Вашингтон, Фундація ім. С.Петлюри: Веселка: Фундація родини Фещенко-Чопівських, 1993. – 494 с.
10. Дорошенко Д. Історія України 1917 – 1923 рр. – Т. 2.: Українська Гетьманська Держава. / Д. Дорошенко – К., 2002.
11. Дорошенко Дм. Історія України. Видання п'яте. / Дм. Дорошенко – Нью-Йорк: Булава, 1957. – 252 с.
12. Конституції і конституційні акти України: Історія і сучасність. 3-є вид. (До 15-річчя Конституції України і 20-ї річниці незалежності України). Упорядники І.О. Кресіна, О.В. Батанов. Відп. ред. Ю.С. Шемчушенко. – К.: Видавництво „Юридична думка”, 2011. – 328 с.
13. Копиленко О.Л. ”Українська ідея” М.С. Грушевського: історія та сучасність. / О.Л. Копиленко – К.: Либідь, 1991. – 183 с.
14. Копиленко О.Л. Повернення М.С. Грушевського. / О.Л. Копиленко – К.: Вид-во ”Знання”, 1991 (Сер. 1: Час і суспільство, № 4). – 48 с.
15. Кудлай О.Б. Центральна Рада - Тимчасовий уряд: боротьба за автономію (березень – жовтень 1917 р.) /Автореф. дис... канд. іст. наук / О.Б. Кудлай – К., 1997. – 19 с.
16. Лебедева О.А. Громадсько-політична діяльність Сергія Єфремова (1897-1929 рр.) /Автореф. дис... канд. іст. наук / О. А. Лебедева – Київ, 2009. – 17 с.
17. Іван Лисяк-Рудницький. Між історією й політикою. / І. Лисяк-Рудницький – Мюнхен:

Вид-во «Сучасність», 1973. – 441 с.

18. Лотоцький О. Сторінки минулого. У 3-х ч. / О. Лотоцький. – Варшава: УНІ, 1934. – Ч. 3.

19. Могильний Леонід Петрович. Сергій Єфремов у суспільно-політичному житті України: монографія / Л.П. Могильний. – К.: ТОВ «ПанТот», 2011. – 296 с.

20. Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917-1919 рр. (історико-генетичний аналіз) / Ю. Павленко, Ю. Храмов – Київ: Манускрипт, 1995. – 261 с.

21. Павло Скоропадський. Спогади. / Під ред. Я. Пеленського. – Київ-Філадельфія, 1995. – 493с.

22. Піскун В. Політичний вибір української еміграції (20-ті роки ХХ століття): Монографія. / В. Піскун – К.: „МП Леся”, 2006. – 672с.: іл.

23. Солдатенко В.Ф. Внесок М.С. Грушевського в розробку концепції національно-демократичної революції. / В.Ф. Солдатенко // Михайло Грушевський – науковець і політик в контексті сучасності. Збірник наукових праць. – К., 2002. – С. 202-208.

24. Солдатенко В.Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. / В.Ф. Солдатенко – К., Світогляд, 2007. – 621 с.

25. Український вибір: політичні системи ХХ століття і пошук власної моделі

суспільного розвитку / [Солдатенко В.Ф., Бевз Т.А., Бойко О.Д. та ін.] – К.: Парламентське видавництво, 2007. – 576 с.

26. Українська Центральна Рада (4 березня – 9 грудня 1917р.). Документи і матеріали: у двох томах / [упоряд. В.Ф. Верстюк (керівник), О.Д. Бойко та ін.] – К.: Наукова думка, 1996. – (Серія V: Пам'ятки історії України, Джерела новітньої історії України). – 590 с.

27. ЦДАГО України. – Ф.57. – Оп.2. – Спр.119. – Арк. 31.

28. ЦДАК України, Ф. 274. – Оп. 1. – Спр. 1942. – Арк. 26.

29. ЦДАК України, Ф. 317. – Оп. 1. – Спр. 4847. – Арк. 3.

30. Фігурний Ю.С. Державотворча та етнонацієтворча діяльність українського гетьмана Павла Скоропадського в українознавчому вимірі. / Ю.С. Фігурний – К., НДІУ. – 2008. – 128 с.

31. Шульженко Ф. П., Андрусак Т. Г. Історія політичних і правових вчень. / Ф.П. Шульженко, Т.Г. Андрусак – К.: Юрінком Інтер, 1999. – 300 с.

32. Яневський Д.Б. Проект „Україна”, або Спроба Павла Скоропадського / За ред. Д.Б. Яневського. – Харків: Фоліо, 2010. – 284 с.

Olga Zabzalyuk

ГЕОПОЛИТИКА ЧЕРНОМОРЬЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ¹

Владимир ДЕРГАЧЕВ*

РЕЗЮМЕ:

ГЕОПОЛИТИКА ЧЕРНОМОРЬЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

В данной статье анализируется геополитическая ситуация в Причерноморском регионе, где после распада СССР доминировала идея создания Большого Черноморья — эффективной экономической региональной группировки. В 1992 году был подписан Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве, на основании которого в 1999 году причерноморские государства образовали Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС).

Однако эта идея вошла в противоречие с логикой глобальной конкуренции и евразийской доктриной США. Ведущими геополитическими игроками в Черноморском регионе стали Европейский Союз, США, Турция и Россия. Основная цель заключалась в геополитическом реформатировании региона. Членами Европейского Союза и НАТО стали Болгария и Румыния. Грузия оказалась под особым патронажем США, превратившем республику в форпост Америки на Кавказе. Были созданы региональное экономическое объединение ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), Организация за демократию и экономическое развитие, коммуникационный проект ТРАСЕКА (Шелкового пути через Южный Кавказ и Черное море). Но прошло время, и эти крупномасштабные проекты оказались малоэффективными или провальными.

Организация ЧЭС не стала полноценной региональной группировкой. Парадоксальная особенность этого регионального сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор. Конкуренция между ними за транзитные функции доминирует над интеграционными проектами субрегионального сотрудничества.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, Причерноморский регион, глобальная конкуренция, ЧЭС, ГУАМ.

REZUMAT:

GEOPOLITICA MĂRII NEGRE: PROVOCĂRI INTERNE ȘI EXTERNE

Acest articol analizează situația geopolitică în regiunea Mării Negre, care după prăbușirea Uniunii Sovietice a fost dominată de ideea de a crea o mare zonă a Marii Negre - o grupare eficientă economică regională. În 1992 a fost semnat un acord cu privire la cooperare economică la Marea Neagră, în baza căruia în 1999 statele riverane au constituit Organizația pentru Cooperare Economică la Marea Neagră (ОСЕМН).

¹ Доклад на международной конференции «Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления» (Симферополь, 15-18 ноября 2012 года). - <http://www.regnum.ru/news/1600298.html> (Дата посещения 05.12.2012 г.).

* **DERGACIOV Vladimir** - Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, profesor de la Universitatea Națională din Odesa (Odessa, Ucraina); **DERGACHEV Vladimir A.** - Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics, Professor of the Odessa National University (Odessa, Ukraine); **ДЕРГАЧЕВ Владимир Александрович** - Доктор географических наук, профессор, эксперт в геополитике, профессор Одесского национального университета (Одесса, Украина).

De menționat, că această idee a intrat în conflict cu logica de concurență globală și doctrina euroasiatică a SUA. Mari actori geopolitici în regiunea Mării Negre au devenit Uniunea Europeană, Statele Unite ale Americii, Turcia și Rusia. Scopul de bază a fost reformatarea geopolitică a regiunii. Membri ai Uniunii Europene și NATO au devenit Bulgaria și România. Georgia s-a pomenit sub patronajul special al SUA, devenind un avanpost al Americii în Caucaz. Au fost create entitățile regionale de integrare economică GUAM (Georgia, Ucraina, Azerbaidjan, Moldova), Organizația pentru Democrație și Dezvoltare Economică, proiectul de comunicare TRACECA (Drumul mătăsii prin sudul Caucazului și Mării Negre). Dar timpul a trecut, și aceste proiecte grandioase au fost ineficiente sau chiar au eșuat.

OCEMN nu a devenit o grupare regională cu drepturi depline. Caracteristica paradoxală a acestei cooperări regionale constă în faptul, că majoritatea țărilor membre, ignorând realitățile geografice și geopolitice, declară ca un vector strategic calea europeană sau cea pro-americană. Între ele există o concurență pentru funcția de tranzit și această concurență domină proiectele de integrare și cooperare subregională.

Cuvinte cheie: situație geopolitică, regiunea Mării Negre, concurență globală, OCEMN, GUAM.

(перевести на английский)

РЕЗЮМЕ:

ГЕОПОЛИТИКА ЧЕРНОМОРЬЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

В данной статье анализируется геополитическая ситуация в Причерноморском регионе, где после распада СССР доминировала идея создания Большого Черноморья — эффективной экономической региональной группировки. В 1992 году был подписан Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве, на основании которого в 1999 году причерноморские государства образовали Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС).

Однако эта идея вошла в противоречие с логикой глобальной конкуренции и евразийской доктриной США. Ведущими геополитическими игроками в Черноморском регионе стали Европейский Союз, США, Турция и Россия. Основная цель заключалась в геополитическом реформатировании региона. Членами Европейского Союза и НАТО стали Болгария и Румыния. Грузия оказалась под особым патронажем США, превратившем республику в форпост Америки на Кавказе. Были созданы региональное экономическое объединение ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), Организация за демократию и экономическое развитие, коммуникационный проект ТРАСЕКА (Шелкового пути через Южный Кавказ и Черное море). Но прошло время, и эти крупномасштабные проекты оказались малоэффективными или провальными.

Организация ЧЭС не стала полноценной региональной группировкой. Парадоксальная особенность этого регионального сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор. Конкуренция между ними за транзитные функции доминирует над интеграционными проектами субрегионального сотрудничества.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, Причерноморский регион, глобальная конкуренция, ЧЭС, ГУАМ.

После самоубийства Советского Союза и распада мировой социалистической системы в период краткого рыночного романтизма доминировала идея создания Большого Черноморья — эффективной экономической региональной группировки. В 1992 году был подписан Договор о

Черноморском экономическом сотрудничестве, на основании которого в 1999 году причерноморские государства образовали Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Однако эта идея вошла в противоречие с логикой глобальной конкуренции и

евразийской доктриной США. Ведущими геополитическими игроками в Черноморском регионе стали Европейский Союз, США, Турция и Россия. Основная цель заключалась в геополитическом переформатировании региона. Членами Европейского Союза и НАТО стали Болгария и Румыния. Грузия оказалась под особым патронажем США, превратившем республику в форпост Америки на Кавказе. Были созданы региональное экономическое объединение ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), Организация за демократию и экономическое развитие, коммуникационный проект ТРАСЕКА (Шелкового пути через Южный Кавказ и Черное море). Но прошло время, и эти крупномасштабные проекты оказались малоэффективными или провальными.

Организация ЧЭС не стала полноценной региональной группировкой. Парадоксальная особенность этого регионального сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор. Конкуренция между ними за транзитные функции доминирует над интеграционными проектами субрегионального сотрудничества.

В результате провала по созданию «розово-оранжевого» геополитического пояса верности на рубежах евразийских цивилизаций произошло очередное поражение в евразийской геополитике Соединенных Штатов. Искусственно созданное межгосударственное политическое и экономическое объединение ГУАМ практически прекратило свою деятельность. Этот американский проект, не имеющей экономической целесообразности, должен был выполнять геополитическую антироссийскую роль по углублению раскола постсоветского пространства и его переформатирования в интересах Запада. Попытка реанимировать проект за счет создания региональной Организации за демократию и экономическое развитие тоже провалилась. Режимы, созданные в результате «цветных» революций

американскими политтехнологами на Украине и в Грузии, потерпели поражение. Участие в антироссийском геополитическом образовании ГУАМ не принесло Киеву политического капитала и экономических выгод. Внешнеторговый оборот со странами этой группировки не превышал 2%.

Не оправдал радужных ожиданий широко разрекламированный проект Европейского Союза ЕвроАзиатского международного транспортного коридора (ТРАСЕКА) из Западной и Северной Европы через Черное море на Южный Кавказ и Центральную Азию в Китай. Отсутствие перспективных массовых грузопотоков свидетельствуют об ограниченных возможностях этого варианта возрождения Великого Шёлкового пути. В связи с созданием Таможенного Союза возросло значение транзита из АТР в Европейский Союз через территорию Казахстана, России, Белоруссии, образующих единое таможенное пространство. Тогда как по маршруту ТРАСЕКА сохранилось множество таможенных и других пограничных барьеров...

Черноморский регион из-за политической нестабильности остается непривлекательным для зарубежных инвестиций. В результате не только мирового финансового, а системного кризиса неolibеральной модели Черноморский регион оказался на мировой периферии. Почему?

Одной из ошибок, характерной для относительно молодой с позиций исторического времени западной политэкономической системы, явилось игнорирование мировых геополитических циклов. Известная геополитическая модель Кондратьева — Валлерстайна была создана для капиталистической системы, насчитывающей несколько столетий, и не учитывает вероятность смены больших геополитических циклов. Мировой системный кризис неolibеральной модели глобализации совпал со сменой мирового геополитического цикла Восток — Запад — Восток. Согласно авторской геополитической теории Больших

многомерных пространств выделяются следующие геополитические циклы: краткосрочные 40-летние циклы, среднесрочные 100-летние циклы, долгосрочные 500-летние циклы кардинальной смены мировой геополитической архитектуры и мировых (глобальных, трансконтинентальных) коммуникаций.

Происходит кардинальная смена мировой геополитической архитектуры мира. Начинается новый 500-летний геополитический цикл, ведущий к смене генерального направления Восток — Запад — Восток, и соответствующей трансформации мировых (трансконтинентальных) коммуникаций и мировых полюсов экономического и технологического развития. В настоящее время Евразия входит в новый геополитический (коммуникационный) цикл, когда Южные моря получают приоритет над трансконтинентальными маршрутами между Западом и Востоком Евразии. Третий раз в евразийской истории с интервалом в пять столетий наступает Великий час Южных морей — Великого морского пути между странами АТР и Европой. Как показывает история Евразийского континента, когда начинает возрождаться морской путь, происходит затухание Шелкового пути. Надежды на возрождение этой мировой коммуникации из-за отсутствия конкурентного контейнерным перевозкам груза оказались преувеличенными.

Великие державы после распада СССР начали сражение за Большие геополитические пространства. Государства Западной Европы форсировали процесс расширения на Восток Европейского Союза, куда из причерноморских государств были приняты Румыния и Болгария. Соединённые Штаты, реализуя евразийскую доктрину, объявили о создании геополитического проекта Большой Ближний Восток, куда включили бывшие советские кавказские республики (Грузию, Азербайджан и Армению). А чтобы не допустить чрезмерного «братания» Германии и России начали

вести последовательную политику по созданию Черноморско-Балтийского коридора с опорой на Польшу и Румынию. В целях недопущения усиления мощи России за счёт интеграции с Украиной, особое внимание было уделено организации «оранжевой» революции, а самостийные провинциальные националисты были объявлены буревестниками демократии. С большим опозданием после геополитического самоубийства СССР просыпается демократическая Россия с намерениями создания Евразийского экономического пространства (Евразийского Союза). Успешно осуществившая модернизацию Турция также не желает ограничиваться черноморским экономическим сотрудничеством, тем более что она стала образцом подражания и притягательности для тюркских государств и республик на постсоветском пространстве. Учитывая такое качество значительной части украинской политической элиты как продажность, не исключена при ухудшении экономического положения самостийного государства трансформация так называемого стратегического партнёрства Киева с Пекином в создание китайского протектората в Черноморском регионе.

Соединённые Штаты не отказались и не откажутся от реализации геополитической евразийской доктрины, получившей название «демократической петли Анаконды». Если в эпоху противостояния двух сверхдержав эта «петля» сдерживания советского блока охватывала береговую зону Евразии, то на рубеже веков она сместилась на рубежи (берега) евразийских цивилизаций от Польши через Черноморье и Южный Кавказ, Центральную Азию и Монголию, то есть от Балтики к Тихому океану. Реальностью стали военные базы НАТО в странах Прибалтики, Польше, Юго-Восточной Европе (Румынии и Болгарии), американское присутствие на Южном Кавказе (Грузии) и Центральной Азии (Киргизия). За влияние в Монголии идет ожесточенная борьба между США и Китаем при слабеющем присутствии России.

В связи с тем, что не оправдались прогнозы американских аналитиков в отношении Пекина, и Китай по экономической мощи может опередить США значительно раньше (к 2016 году), Вашингтон делает основной акцент в евразийской геополитике на создание санитарного кордона в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Принята Тихоокеанская военная доктрина, направленная на сдерживание Поднебесной в регионе. Американские военные базы в АТР будут усилены за счет передислокации значительной части американских войск из Афганистана. Переформатирование во внешней политике ослабляет, но не отменяет военное присутствие США в Черноморском регионе.

В реализации своей евразийской доктрины США рассчитывают на помощь союзника в регионе по НАТО — Турцию, которая безуспешно пыталась интегрироваться в Европейский Союз. Вашингтон последовательно проводит политику «демократической петли Анаконды» по созданию буферной зоны между Западной Европой и Россией. Американский геополитик Джордж Фридман предлагает Турции альтернативу европейской интеграции — возглавить буферную зону между Балтикой и Черноморьем (Intermarium), в которой Америка активно опекает Польшу и Румынию.

Однако у Турции существуют другие геополитические планы. Анкара реализует либеральную многопартнерскую версию неоевразийской доктрины с элементами «третьего пути», эффективно сотрудничая с Западом и Востоком, в отличие от многовекторной российской политики постоянных уступок. Этот курс обострил борьбу местных западников и евразийцев. В 2010 года в Турции состоялся исторический референдум, на котором правящая Партия справедливости и развития получила «вотум доверия» в отношении дальнейшей демократизации и ограничения роли армии, которая выступала гарантом сохранения курса кемализма. Турция не только возрождается

как региональная держава, но и смогла предложить свою модель интеграции в многополярном мире. В отличие от примитивной и провальной национальной российской идеи «удвоения ВВП», фундаментом турецкой модернизации стало сочетание высоких технологий с высокими моральными качествами. Турция эффективно использует евразийское геополитическое положение страны на историческом перекрестке торговых путей. Но главное, в многопартнерской геополитике Турции доминирует чувство национального достоинства и отсутствует слепое раболепие власти перед Западом. Турция ведет активную внешнюю политику на Южном Кавказе, где её основным союзником является Азербайджан. Строительство железнодорожной магистрали Карс (Турция) — Тбилиси — Баку усилит присутствие Турции на Кавказе. Турецкий бизнес широко представлен в грузинской Аджарии (Батуми).

Геополитика не терпит пустоты, и на постсоветском пространстве в Азербайджане, Аджарии и Гагаузии возросло влияние Турции, в Молдове — Румынии, в Грузии — США. На российском Дальнем Востоке, Киргизии, Казахстане и Таджикистане — Китая, в Туркмении и Таджикистане — Ирана и Турции. Несмотря на это, Россия остаётся главным геополитическим игроком на постсоветском пространстве СНГ, является основным или крупным торговым партнером для большинства новых независимых государств. Обеспечивая работу для миллионов гастарбайтеров, Россия снимает социальную напряженность в странах ближнего зарубежья.

В последние годы возросла активность России в Черноморском регионе, что обусловлено энергетическим фактором (проект «Голубой поток» по дну Черного моря в обход Украины) и подготовкой к Олимпийским играм в Сочи. Россия заинтересована, чтобы военная угроза не исходила с её южных границ в Черноморье и на Кавказе. Несмотря на утрату экономической мощи, Россия остаётся

второй ядерной державой. Московский Кремль не пытается воссоздать Российскую империю, так как не желает брать ответственность за новые независимые государства, но стремится не допустить их военно-политического союза с Западом (НАТО) и предлагает интеграционную евразийскую модель наподобие Европейского Союза. Но чтобы сохранить статус великой державы, Россия часто позволяет использовать себя как «дойную корову».

В связи с озвученным проектом Евразийского Союза усилилось давление Запада на Белоруссию и Казахстан, чтобы не допустить интеграции постсоветского пространства. Для Белоруссии в качестве пряника предлагается обсудить с помощью прозападных НПО мифическую интеграцию Белоруссии в Европейский Союз с учетом неудавшегося опыта Украины. Здесь посредником выступают преимущественно Польша и Литва. Эта проблема обсуждалась на международной конференции «Беларусь на перекрестье интеграций: отношения с ЕС в ситуации формирования Евразийского Союза» (Минск, ноябрь, 2012 года). В дальнейшем предлагается реализация идеи «интеграции интеграций» несуществующего Евразийского Союза с Европейским Союзом. Нельзя также игнорировать активизации роли успешно модернизированной Турции на постсоветском пространстве, особенно в отношениях с Казахстаном.

Украина остается государством с «некомпетентным суверенитетом». Джордж Фридман после посещения Киева пришел к следующему выводу, что Украина является независимым государством, но не знает, «что делать с этой независимостью». Он подметил известные особенности ментальности украинской элиты, озабоченной проблемой под кого «залечь» — под Европейский Союз, Россию или США.

Историческая природа украинской независимости основана на антирусской идее. Поэтому перманентные российско-украинские конфликты будут продолжаться в обозримом будущем, пока

вместо расколотой Западной и Восточной Украины не состоится единая украинская нация. В отличие от России, украинские олигархи имеют огромное влияние на власть и используют её для решения своих корпоративных задач. Независимой Украине еще предстоит преодолеть синдром «младшего брата», который привык рассчитывать на преференции «старшего брата», независимо от своего поведения.

Проблемы вступления в Зону свободной торговли ЕС и Таможенный союз СНГ не имеет чисто экономического решения для Украины. Выбор зависит не от политической воли власти, а от желания украинских олигархов получить на Западе легитимность для выведенных в оффшоры капиталов и активов. За последнее время на фоне перманентного ухудшения деловых отношений с Россией Украина начала форсировать китайский геоэкономический вектор, что может привести к созданию китайского протектората в Восточной Европе. С учетом политики Китая в отношении выкупа долговых ценных бумаг некоторых государств Евросоюза Пекин становится новым геополитическим игроком на европейском континенте.

Россия на протяжении двух столетий затратила огромные материальные и финансовые ресурсы и создала мощную инфраструктуру для коммуникационного «южного окна» в Европу и другие части света. Усиление позиций НАТО в Черноморье, принятие Турцией в одностороннем порядке ограничений режима судоходства в Проливах, нанесло существенный ущерб интересам России. Формируется новая коммуникационная ось Санкт-Петербург — Москва — Воронеж — Ростов-на-Дону — Новороссийск. Создание нового пути «из варяг в греки» еще больше сузит хинтерланд украинских портов и усилит тяготение районов Восточной Украины к этой скоростной магистрали. Будущее российско-украинских отношений будет зависеть от умения использовать созидательную рубежную энергетику многомерного коммуникационного евразийского пространства в целях достижения

геополитического баланса между Востоком и Западом, Севером и Югом, при доминирующей роли России.

За геополитикой «Большой трубы» Украина видится из Кремля как транзитное государство, а не самое большое за пределами пространства русского языка и культуры. Если Кремль проиграет последнюю битву за Восточную Европу и целостность православной цивилизации, можно будет поставить крест на возрождении великой державы.

Румыния претендует на роль региональной державы в Юго-Восточной Европе. Страна впервые за последнее столетие освободилась от угрозы отторжения причерноморской Добруджи, через которую проходил стратегический сухопутный коридор Российской/Советской империи на Стамбул. Румыны, гордящиеся римскими корнями названия государства и языка, ощущают себя частью Западной Европы. Находясь в социалистическом лагере, румынское руководство часто дистанцировалось от советской политики, и ориентировалось на Запад. Благодаря западным кредитам коммунистическая Румыния реализовала грандиозный проект строительства канала Черноводы — Констанца. Коммунистическое руководство выплатило внешний долг, но подорвало уровень жизни румын. После падения Берлинской стены в Румынии были осуществлена кровавая антикоммунистическая революция, «гений Карпат» — президент Чаушеску был казнен, а спецслужбы (секуритате) стали составной частью «демократизации» страны. Европейский Союз и НАТО были выбраны новой властью как надежная «крыша» для сохранения суверенитета. Но как показало время «крыша» оказалась дырявой.

Националистическая партия «Великая Румыния» выступает за территориальные претензии к Украине, за пересмотр государственных границ и воссоединение с Румынией южной Бессарабии и северной Буковины и создания Великой Румынии в границах 1940 года. Партия была представлена в румынском парламенте, но

на выборах 2008 года не преодолела пятипроцентный барьер. Доктрина «Великой Румынии» стала возможной благодаря провинциальным националистам Украины и Молдовы, считающим преступным пакт Молотова-Риббентропа. Создание Великой Румынии на основе воссоединения с Молдавией всегда будет находить сторонников среди политической элиты страны (Очевидно под «воссоединением» подразумевается повторная оккупация Бессарабии и Буковины Румынией, по аналогии с оккупацией в 1918 — 1940 и 1941-1944 гг. Формирование румынского государства и румын как нации происходило на части территории современной Румынии — в Валахии и Молдавии — во второй половине XIX века, когда Бессарабия уже была в составе Российской империи, а Буковина — в составе Австро-Венгрии — прим. ИА REGNUM). Оппоненты румынских националистов считают румынскую идентичность вторичной по отношению к молдавской. Молдова была процветающей советской республикой. Поэтому здесь в отличие от стран ЦВЕ сохранилась ностальгия по советскому прошлому.

В Румынии, преимущественно в Трансильвании, проживает 1,5 млн. венгров, которые борются за автономию. Заметную роль в политической пространстве Румынии играет Демократический союз венгров Румынии, имеющий представительство при Европейском парламенте. В 2011 году в Венгрии вступил в силу закон о предоставлении не только второго венгерского гражданства, но и избирательного права представителям диаспоры. Аналогичный закон, направленный на «воссоединении нации» за счет Молдовы и Южной Бессарабии имеется в Румынии. Поэтому форсирование румынскими националистами создания «Великой Румынии» может привести к утрате Трансильвании.

Соединённые Штаты отводят Румынии важную роль в создании антироссийской оси Варшава — Бухарест. Тем более, что в

новой истории уже озвучивались попытки её соорудить (польская концепция Третьей Европы, проекты Центрально-европейского союза и создания «центрально-европейской федерации стран народной демократии»). Вашингтон рекомендует Румынии активнее сотрудничать с членами Вышеградской четвёрки (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), лоббируя их интересы в Черноморском регионе — важном коридоре транспортировки энергоресурсов.

«Головокружение от успехов» привело к поспешному расширению Европейского Союза на Восток. В нарушение правил были приняты новые страны, чьи макроэкономические показатели не отвечают среднеевропейскому уровню. Кроме того, не завершился процесс модернизации принятых в ЕС средиземноморских стран (Португалии, Испании и Греции). В результате Евросоюз разделился на страны доноры во главе с Германией и периферийные депрессивные страны. В условиях разразившегося кризиса еврозоны у Брюсселя ограничились возможности по поддержке периферийных стран. Европейский Союз не обладает военно-политической мощью, а США абсолютно доминируют в НАТО. Поэтому, хотя военный блок престал быть оборонительным союзом, страны ЦВЕ вынуждены лавировать между ориентацией на Брюссель и Вашингтон.

В странах ЦВЕ до кризиса еврозоны сохранялся иждивенческий «еврооптимизм» при падении проамериканских настроений. Джордж Фридман считает, что страны ЦВЕ должны преодолеть наивную фантазию, что младенческий по возрасту Европейский Союз «представляет тысячелетнее преобразование Европы в мирное Царствие Небесное». Кризис еврозоны наглядно показал, что это не так.

В Восточной Европе региональным индикатором процессов геополитической и геоэкономической трансформации является историческая область Новороссия (с Крымом) или Украинское Причерноморье. Здесь сосредоточен самый большой за рубежом России массив русских и других

нетитульных для Украины народов. Это социокультурный регион с глубокой исторической памятью сформировался в геополитическом пространстве Российской империи. Новороссия стала самым удачным примером создания полиэтничного социума по-европейски с элементами личной и экономической свободы. В отличие от украинцев Галиции, бывшей колониальной окраине Австро-Венгерской империи, в менталитете жителей Причерноморья интернационализм всегда доминировал над идеями национализма.

Новороссия — самый успешный пример европейской региональной интеграции в Российской империи связанной с личностями государственных деятелей, для которых интересы отечества были выше личных. Европейский либерализм, полиэтничность и традиции экономической свободы обеспечили не только уровень жизни, но и высокое её качество. В результате во время Гражданской войны Новороссия в основном была на стороне белых, а зажиточное крестьянство встало под знамена батьки Махно. Поэтому советская власть наказала Новороссию репрессиями, особенно в Крыму и Одессе, а название края было выведено из употребления. Ныне эту политику продолжает украинская власть.

Этот регион в традиционной геополитике выступает в качестве важнейшего геополитического узла не только Восточной Европы и Черноморья, но и Евразии наряду с Балканами и Афганистаном. Украинское Причерноморье играет исключительно важную роль в формировании геополитического кода Украины.

Неблагоприятная трансформация Украинского Причерноморья обусловлена не только перманентными политическими кризисами в стране, но и геополитическими факторами. Непризнанная Приднестровская республика является фактором нестабильности, превратила Одессу в главные криминальные ворота Тирасполя на мировые рынки (Тиражируемая преимущественно молдавскими СМИ

информация о существовании масштабной контрабанды, в том числе оружия, из Приднестровья, была официально опровергнута миссией Европейского союза по оказанию приграничной помощи Молдавии и Украине (EUBAM), которая начала свою деятельность 30 ноября 2005 года в результате совместного обращения президентов Молдавии и Украины Владимира Воронина и Виктора Ющенко. Основанием для осуществления деятельности EUBAM послужили, в частности, обвинения молдавской стороны в масштабной контрабанде и нелегальном экспорте вооружений из Приднестровья. В ходе своей работы миссия не нашла подтверждений этим обвинениям. 27 июля 2010 года руководитель EUBAM Удо Буркхолдер заявил, что миссия Европейского союза по оказанию приграничной помощи Молдавии и Украине никогда не считала Приднестровье «чёрной дырой», и это также подтверждается информацией ОБСЕ и Европейской комиссии — прим. ИА REGNUM). Требуется последовательная политика в украинско-российских отношениях по проблемам Азовского моря и Керченского пролива. Как показали события 2003 г. отсутствие согласованного юридического статуса Азовского моря и пролива может привести к межгосударственному конфликту. Но самой большой проблемой остается геополитическая трансформация социокультурного исторического региона с многомиллионным русским населением, рубежной русско-украинской культурой и доминированием русского языка. Обостряется проблема и других нетитульных народов, не желают отождествлять свое будущее с бедным государством криминально-коррупцированной демократии. Эта неопределенность отрицательно сказывается на инвестиционном климате в Украинском Причерноморье.

После падения «железного занавеса» изменилась геоэкономическая обстановка в Причерноморье. После двухсотлетнего периода регион «вернулся» на северную периферию средиземноморского

пространства, где его хозяйство оказалось неконкурентоспособным, а исторические функции транзитной торговли утрачены. Следует констатировать, что долгая славянская дорога к Черноморью сменилась дезинтеграцией исторического коммуникационного пространства на западных рубежах Великой Евразийской степи.

На Южном Кавказе Грузия выполняет функции главного форпоста США в идеологическом и геополитическом противостоянии с Россией. В прошлом на геополитический выбор Грузии влияло Православие. Но чтобы восстановить роль грузинской церкви, необходимо доминирование в обществе истинно верующих граждан. Грузия при Сталине была образцово-показательной советской республикой, живущей преимущественно на дотации Москвы. Был создан миф об особой грузинской ментальности. У местных радикальных националистов доминирует миф о «единой и неделимой» Грузии. Грузинская политическая элита настроена преимущественно антироссийски и не собирается отказываться в военном отношении от зависимости от США и вступления в НАТО. Грузия утратила после очередного грузинского блицкрига территории Абхазии и Южной Осетии.

Ведущей отраслью грузинской экономики является пищевая промышленность. В сельском хозяйстве занята половина трудоспособного населения. Сельскохозяйственные земли переданы в частную собственность и активно скупаются китайцами, азербайджанцами и армянами. Местные предприниматели заинтересованы в восстановлении экономических отношений с Россией. Грузинская экономика, особенно сельское хозяйство не могут эффективно существовать без российского рынка. Сельскохозяйственная продукция Грузии, расположенной на северной периферии создаваемого американцами Большого Ближнего Востока, является здесь абсолютно неконкурентоспособной. В советские времена Грузию посещало до 5 млн. туристов. В 2006 году впервые за

годы независимости — всего 976 тыс. Поэтому восстановление экономических связей с Россией возможно при отказе от создания на территории Грузии кавказского плацдарма НАТО. При этом нереально участие православной Грузии в Евразийском Союзе, который пока существует как намерение. Только после эффективной работы Таможенного Союза можно будет обсуждать более глубокую экономическую стадию интеграции евразийского пространства.

Соединённые Штаты осуществили в Грузии крупномасштабный проект по модернизации правовой системы и правоохранительных органов Грузии. На этом фоне реформа правоохранительных органов в России выглядит как пародия на грузинскую правоохранительную систему, хотя и не устранившую, кроме коррупции, другие местные проблемы.

Из-за эмиграции катастрофически сокращается число этнических грузин и увеличивается доля мусульман. В России проживает свыше 2 млн. грузин. Осталось 60 тыс. русских, а сотни тысяч уехали в Россию. Из 100 тыс. греков осталось 10 тыс. На азербайджанское и армянское меньшинства приходится свыше 15% от общей численности населения Грузии (без Абхазии и Южной Осетии). В регионах их компактного проживания (Джавахети и Картли) отмечается напряженность межэтнических отношений. Меньшинства не владеют государственным языком, их участие в общественной жизни страны ограничено, все важные местные должности занимают этнические грузины. Идет процесс миграции меньшинств в Армению и Азербайджан.

Азербайджан рассматривался как главный энергетический союзник Европейского Союза на Кавказе. Внешняя политика Соединённых Штатов направлена на недопущение тесных экономических связей между Азербайджаном и Ираном, где имеется многочисленная азербайджанская диаспора. Но, несмотря на это, в ближайшем будущем будет введена в эксплуатацию железная дорога из Ирана в Азербайджан — как часть

международного транспортного коридора «Север — Юг» из России в Иран.

В Армении наблюдается противостояние между пророссийским и проамериканским вектором внешней политики. Особенно в 90-е годы важная роль в этом процессе принадлежала армянской диаспоре в Америке.

Выводы. За последнее время Черноморский регион постепенно превращается в периферийную зону мировой политики. Организация Черноморского экономического сотрудничества не стала полноценной региональной группировкой. Преувеличенной оказалась её роль в обеспечении региональной безопасности. Трудности региональной экономической интеграции обусловлены геополитической обстановкой на рубежах евразийских цивилизаций.

В обозримом будущем геополитическая обстановка в Черноморье будет характеризоваться столкновением геостратегических интересов НАТО, ЕС, России и Турции, реальными политико-экономическими возможностями контроля транспортировки энергоресурсов. Попытки США вытеснить Россию из Черноморского региона за счет усиления роли Украины и превращения её в региональную державу не увенчались успехом. Однако отсутствие у России последовательной и твердой черноморской политики может привести к утрате геополитических позиций в регионе.

В результате мирового системного кризиса ослабло влияние в Черноморском регионе Европейского Союза и США при росте активности России и Турции. События в Сирии стали испытанием для российско-турецких отношений. Сирия была главным советским союзником на Ближнем Востоке, а Турция — оплотом НАТО в регионе. Поэтому требуется время для геополитического переформатирования. В Черноморском регионе гарантами безопасности должны выступать в первую очередь Россия и Турция, имеющие многовековой исторический опыт решения региональных проблем и присутствия на Кавказе. Необходимо усилить взаимодействие

России и Турции в решении проблем Южного Кавказа. Главный союзник Турции на Южном Кавказе — Азербайджан, проводит традиционно умеренно дружескую политику в отношении России (очевидно, по аналогии с «умеренно дружеской политикой» Молдавии или той же Украины в отношении РФ — прим. ИА REGNUM). Для Москвы главным союзником на Южном Кавказе остается Армения.

Украина и Грузия не имеют самостоятельной региональной политики, служат пешками в чужой геополитической игре. Болгария и Румыния не только вступили в НАТО, но и предоставили свои территории для размещения американских военнослужащих и объектов ПРО.

Неблагоприятная геополитическая и геоэкономическая трансформация исторической области Новороссии (Украинского Причерноморья) закончилась утратой морской мощи и генеральных коммуникаций, включая транзитные функции, возможности создания курорта международного значения в Крыму. Инвестиционная привлекательность региона имеет ряд ограничений. С севера — перманентная политическая нестабильность киевской власти, с запада — нерешенная проблема Приднестровья, с востока — беспокойный Крым с проблемой базирования российского ВМФ. Только на юге удалось решить проблему Змеиного за счет существенных потерь континентального шельфа («Решением проблемы» стал проигрыш в феврале 2009 года Украиной в Международном суде ООН (на который она согласилась добровольно) пограничного спора с Румынией. В результате Румыния получила 80% спорной территории вокруг о. Змеиный. На отсуженном Румынией у Украины шельфе обнаружены потенциально значительные запасы газа и нефти, которые в настоящее время исследуются на предмет рентабельности их добычи — прим. ИА REGNUM).

Крым занимает особое место в геополитической трансформации Черноморского региона и в ближайшем будущем станет полигоном испытания

украинской государственности. Крым никогда за свою тысячелетнюю историю не был связан на протяжении длительного периода со слабым националистическим государством. На фоне непрекращающейся российско-украинской конфронтации Крым может быть навсегда потерян для Киева и Москвы.

Утрата в геополитическом коде Украины транзитных функций морских рубежей может обострить проблему Крыма. Этот геополитический «остров» слабо связан с коммуникационным пространством Украины. Формирование транспортного коридора из Западной Европы в направлении Берлин — Львов — Керчь с созданием стационарного перехода через Керченский пролив и далее на Кавказ и Средний Восток реально может усилить коммуникационные функции украинского и российского Причерноморья, особенно Крыма и Новороссии. Поэтому украинская власть должна поддержать предложение Тбилиси о возобновлении движения по железной и автомобильной дороге вдоль черноморского побережья через Абхазию. Восстановление этого транспортного коридора приведет к переформатированию в региональной геополитике на Южном Кавказе. Но расширение возможностей для экономических связей выгодно для всех стран региона. Как говорит восточная мудрость «когда идет торговля — пушки молчат».

Формирующаяся геополитическая архитектура станет безопаснее, если будет формироваться на принципах региональной биполярности. Биполярный мир более устойчив, чем однополярный не только в масштабах всей планеты, но и на региональном уровне. Наиболее приемлемой является геополитическая архитектура Евразии, исходящая из триады — Западная Европа, Восточная Европа и Туран, учитывающая особенности западно-христианской, православной и мусульманской (тюркской) цивилизаций. Фундаментом такой архитектуры миропорядка может служить геополитическая ось Берлин — Москва — Анкара. Такая геополитическая

конфигурация на основе важным гарантом мира в Евразии и
межцивилизационного диалога будет Черноморье

Владимир ДЕРГАЧЕВ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ УКРАИНЫ И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ¹

Сергей ЮРЧЕНКО*

РЕЗЮМЕ:

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ УКРАИНЫ И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

В данной статье анализируется проблематика относительно внешнеполитических вызовов и угроз которым подвергается Украина исходя из того, что формирование внешнеполитических приоритетов и выбор способов обеспечения национальной безопасности государства в числе других факторов определяется характером вызовов и угроз, на которые государство вынуждено реагировать. При этом они возникают, в большей мере, из-за наличия противоречий между интересами государств, их союзов или государств и негосударственных акторов международных отношений.

Географическое положение Украины, ее размеры и количество населения — вторая по территории и седьмая по количеству населения страна Европы — определяют основополагающий внешнеполитический вызов, который, по выражению президента Леонида Кучмы, заключался в том, что «мы между двух огней: с одной стороны — Россия, с другой — Запад». Рациональный вывод из этого положения заключается в том, что «исторические и географические реалии практически исключают возможность ориентации Украины только на одно стратегическое внешнеполитическое направление». Поэтому императив поддержания баланса между различными векторами внешней политики государства — «западным» и «восточным» — выступает в качестве перманентного внешнеполитического вызова.

Развитие этих глобальных тенденций определяет несколько блоков вызовов и угроз: экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственные конфликты; внутренние конфликты; ОМУ; терроризм; транснациональная организованная преступность. Соответственно, эти тенденции и угрозы порождают перед Украиной долговременные внешнеполитические вызовы.

Ключевые слова: внешнеполитические вызовы, внешнеполитические приоритеты, акторы международных отношений, черноморский регион, межгосударственные конфликты; внутренние конфликты.

REZUMAT:

PROVOCĂRI EXTERNE CONTRA UCRAINEI ȘI PROIECȚIILE LOR ÎN REGIUNEA MĂRII NEGRE

¹ Доклад на международной конференции «Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления» (Симферополь, 15-18 ноября 2012 года). - <http://www.regnum.ru/news/polit/1600793.html> (Дата посещения 05.12.2012 г.).

* **YURCHENKO Serghei** - Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, șef al Departamentului de științe politice și relații internaționale a Universității Naționale "Vernadsky" din Taurida (Simferopol, Ucraina); **YURCHENKO Serghei** - Doctor of political sciences, Professor, Head of the Department of political science and international relations of Taurida National University "Vernadsky" (Simferopol, Ukraine); **ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич** - Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И.Вернадского (Симферополь, Украина).

În acest articol se analizează problemele referitoare la provocările și amenințările externe cu care se confruntă Ucraina, reieșind din faptul că formarea priorităților politicii externe și alegerea metodelor de asigurare a securității naționale a statului, se bazează și se determină, printre alți factori, în baza provocărilor și amenințări la care statul trebuie să reacționeze. Ele apar, în mare măsură, din cauza contradicțiilor existente între interesele statelor, uniunilor de state, sau actorii statali sau non-statali în relațiile internaționale.

Poziția geografică a Ucrainei, care conform dimensiunilor de suprafață și numărului populației este a doua și a șaptea țară din Europa, determină provocarea fundamentală de politică externă, care, potrivit expresiei Președintelui Leonid Kuchma, constă în faptul că "suntem între două focuri: pe de o parte, Rusia, și pe de altă parte - Occidentul". Concluzia rațională din această realitate este că "realitățile istorice și geografice practic exclude posibilitatea de orientare a Ucrainei doar pe o singură politică strategică. Prin urmare, imperativul de a menține un echilibru între vectorii diferiți al politicii externe a statului "Vest" și "Est"- este ca un apel al unor provocări permanente în politica externă.

Dezvoltarea acestor tendințe globale, definește mai multe blocuri de amenințări și provocări: amenințările economice și sociale, inclusiv sărăcia, bolile infecțioase și degradarea mediului ambiant; conflicte interstatale; conflicte interne; pericolul de aplicare a armelor de distrugere în masă; terorism; crimă organizată transnațională. În consecință, aceste tendințe și amenințări prezintă provocări de politică externă pe termen lung cu care se va confrunta Ucraina.

Cuvinte cheie: provocări de politică externă, prioritățile politicii externe, actori ai relațiilor internaționale, regiunea Mării Negre, conflicte interstatale; conflicte interne.

(перевести на английский язык)

РЕЗЮМЕ:

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ УКРАИНЫ И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

В данной статье анализируется проблематика относительно внешнеполитических вызовов и угроз которым подвергается Украина исходя из того, что формирование внешнеполитических приоритетов и выбор способов обеспечения национальной безопасности государства в числе других факторов определяется характером вызовов и угроз, на которые государство вынуждено реагировать. При этом они возникают, в большей мере, из-за наличия противоречий между интересами государств, их союзов или государств и негосударственных акторов международных отношений.

Географическое положение Украины, ее размеры и количество населения — вторая по территории и седьмая по количеству населения страна Европы — определяют основополагающий внешнеполитический вызов, который, по выражению президента Леонида Кучмы, заключался в том, что «мы между двух огней: с одной стороны — Россия, с другой — Запад». Рациональный вывод из этого положения заключается в том, что «исторические и географические реалии практически исключают возможность ориентации Украины только на одно стратегическое внешнеполитическое направление». Поэтому императив поддержания баланса между различными векторами внешней политики государства — «западным» и «восточным» — выступает в качестве перманентного внешнеполитического вызова.

Развитие этих глобальных тенденций определяет несколько блоков вызовов и угроз: экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственные конфликты; внутренние конфликты; ОМУ; терроризм; транснациональная организованная преступность. Соответственно, эти тенденции и угрозы порождают перед Украиной долговременные внешнеполитические вызовы.

Ключевые слова: внешнеполитические вызовы, внешнеполитические приоритеты, акторы международных отношений, черноморский регион, межгосударственные конфликты; внутренние конфликты.

Формирование внешнеполитических приоритетов и выбор способов обеспечения национальной безопасности государства в числе других факторов определяется характером вызовов и угроз, на которые государство вынуждено реагировать. При этом они возникают, в большей мере, из-за наличия противоречий между интересами государств, их союзов или государств и негосударственных акторов международных отношений.

Содержание и характер внешнеполитических вызовов конкретному государству в значительной степени определяется как долговременными факторами, связанными с географическим положением страны, размерами ее территории, численностью населения, историческими и культурными традициями, так и тенденциями развития международной системы, изменения которой трансформируют вызовы и угрозы, имеющие, таким образом, и темпоральные характеристики.

Географическое положение Украины, ее размеры и количество населения — вторая по территории и седьмая по количеству населения страна Европы — определяют основополагающий внешнеполитический вызов, который, по выражению президента Леонида Кучмы, заключался в том, что «мы между двух огней: с одной стороны — Россия, с другой — Запад» [1, с.25]. Рациональный вывод из этого положения заключается в том, что «исторические и географические реалии практически исключают возможность ориентации Украины только на одно стратегическое внешнеполитическое направление» [2, с.48]. Поэтому императив поддержания баланса между различными векторами внешней политики государства — «западным» и «восточным» — выступает в качестве перманентного внешнеполитического вызова.

Темпоральные характеристики внешнеполитических вызовов Украине связаны с конфигурацией основных международных тенденций: реализацией геополитической мощи США и ее экстраполяцией на глобальное окружение; ростом экономики в индустриальном треугольнике — Северная Америка,

Западная Европа и Восточная Азия, в результате которого развитое меньшинство подчиняет своей власти большинство людей; разрушительным хаосом вследствие ослабления государств-наций на фоне укрепления влияния ТНК и НПО, создающих нерегулируемые процессы; обращением народов к новой идентичности; поляризацией бедного большинства и материально благоденствующего меньшинства; ростом населения Земли, особенно его бедной части; подъемом Китая, России, Индии, Бразилии; иммиграцией; конфессиональным разобщением; уменьшением количества ресурсов; развитием науки, давшей толчок производительным силам, но и оснастившей человека средствами глобального разрушения [3, с.18-19].

Развитие этих глобальных тенденций определяет несколько блоков вызовов и угроз: экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственные конфликты; внутренние конфликты; ОМУ; терроризм; транснациональная организованная преступность. Соответственно, эти тенденции и угрозы порождают перед Украиной долговременные внешнеполитические вызовы.

Еще один комплекс процессов, определяющих конфигурацию внешнеполитических вызовов Украине, связан с тем, что распад великих империй, в том числе и Советской империи, порождает в международных отношениях несколько видов напряженности для их наследников. Первый из них связан с попытками сильных соседей присоединить осколки великой державы или установить над ними контроль. Второй — с попытками бывшего имперского центра частично или полностью восстановить свои позиции. Третий — с противоречиями между вновь образовавшимися государствами.

Украина обрела независимость тогда, когда на смену биполярному миру пришел мир однополярный, в котором США выступали в качестве единственной сверхдержавы. В новых условиях возникла необходимость смысловой интерпретации

новой эры, которая нашла разрешение в понятии «глобализация» [4, с.36-38]. В сущности, речь шла о переформатировании мира в интересах евроатлантического сообщества и его лидера — США, взявшими курс на сохранение американской империи в течение длительного времени [5, р.205]. В этой политике США ориентировались на «оправдание однополярной диктатуры и создание атмосферы ее питающей: противопоставление правящих элит массам; стран, согласившихся на роль американских сателлитов, — их региональному окружению...; насаждение «управляемого хаоса» в целях подкрепления миссии «американского народа» как последнего гаранта ускользающего порядка» [6, с.250].

Одним из проектов реализации этой стратегии стала концепция «Балто-Черноморской дуги», в которую включалась и Украина, для того чтобы стать «защитной стеной», отделяющей демократический Запад от потенциально враждебной России. Этот вызов Украине четко понимался руководством страны, и Л.Кучма впоследствии отмечал: «Суть дела — в противостоянии Америки и России. Можно не говорить «противостояние». Можно найти другое слово. Но то, что Россию американцы поджигают со всех сторон, очевидно» [1, с.260]. Императив маневрирования между усилившимися США и ослабевшей Россией составлял для Украины важный внешнеполитический вызов на протяжении всех лет независимости. Кроме этих общих тенденций, развивавшихся в 1990-2000-е годы, Украина в разное время сталкивалась с различными внешнеполитическими вызовами и угрозами, которые могут быть сгруппированы, исходя из задач, стоявших перед государством на протяжении нескольких этапов его истории.

В 1991-1994 гг. основные внешнеполитические вызовы были связаны с формированием механизмов «цивилизованного развода» постсоветских республик и позиционированием Украины в СНГ; обеспечением международного признания украинского государства и

созданием его позитивного имиджа; разрешением вопроса о ликвидации ядерного оружия, оставшегося на территории Украины; выработкой доктринальных и институциональных основ внешней политики с учетом сохранения нейтрального статуса и европейского выбора. 14 января 1994 г. в Москве президенты России, США и Украины подписали заявление, подтверждавшее ликвидацию ядерных сил на территории Украины. 5 декабря 1994 г. Россия, США и Великобритания подписали Меморандум о предоставлении гарантий безопасности Казахстану, Беларуси и Украине в связи с их присоединением к ДНЯО в качестве безъядерных государств. Однако, «механизм внедрения этих гарантий и до сих пор не разработан. Следовательно, положения о гарантиях безопасности Украинскому государству нуждаются в дальнейшей проработке и утверждении на наивысшем уровне, поскольку, как показала практика, эти гарантии уязвимы своей неясностью относительно уровня эскалации конфликта, после которого государство, которое предоставило гарантии, сможет вмешаться в конфликт» [7, с.142].

Эти важные вопросы разрешались в сложных условиях формирования институтов суверенного государства, механизмов выработки и реализации внешней политики, острой общественно-политической борьбы на фоне ухудшавшегося экономического положения — факторов, которые сами по себе были серьезными вызовами. Позднее Л.Кучма отмечал: «Нам сильно навредил разрыв хозяйственных связей в масштабах бывшего Советского Союза, общий развал экономической системы. Ну и психология, конечно... Что ни говори, а вчерашним советским элитам в новых государствах было невероятно трудно по-настоящему перестроиться на новое, независимое государственное существование... Элиты всех наших стран настроены более легковесно. Разбились на враждующие группы, борются за власть и деньги более рьяно, чем за укрепление государственности своих стран» [1, с.229].

В первую очередь, это касалось Украины, где внутривнутриполитическая борьба различных группировок обусловила непоследовательный, конвульсивный характер формирования и реализации внешней политики. В июне 2007 г. тогдашний советник главы Секретариата президента Украины В.Карасев отметил: «Украина в своей внутренней и внешней политике движется либо рывками, либо, как сегодня, находится в ситуации дрейфа, пытаясь при этом работать на многих внешнеполитических векторах... Страна фактически разделена пополам, и эта раздвоенность имеет не столько региональное, сколько политико-структурные и элитные измерения. Одна часть элиты связывает будущее Украины и, разумеется, свое будущее, с курсом на военную интеграцию в Североатлантический альянс... Другая половина элит, причем, не столь консолидированная, старается работать в континенталистской, а не атлантической парадигме, пытаясь одновременно идти на экономическое сближение с Европейским союзом и на интенсификацию экономических и политических взаимосвязей с Россией. Поэтому часто внешняя политика Украины состоит из различных сигналов и неопределенной или завуалированной дипломатической риторики» [8]. В более широком плане в Украине не создана система, в которой крупный бизнес, с одной стороны, отделен от государства, а с другой — его интересы активно защищаются государственными структурами за рубежом.

Попытки опереться в решении проблем на помощь западных государств наткнулись на противоречивую позицию. США стремились создать равновесие в Евразии и выступать в качестве политического арбитра, используя образовавшиеся независимые государства в качестве фактора недопущения консолидации бывшего советского имперского пространства. «Геополитический плюрализм на пространстве бывшего Советского Союза, — подчеркивал З.Бжезинский в 1993 г., — должен рассматриваться Западом как цель,

не уступающая по важности проблеме системных преобразований. Это положение заслуживает того, чтобы его повторить: геополитический плюрализм так же важен, как системные преобразования» [9, с.30]. Он подчеркивал, что существование Украины «как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [10, с.61]. Фактором, гарантирующим интересы США, являлось сохранение НАТО, а перспективой — расширение блока на Восток. Отсюда следовало: «...Если Украина сблизится с Западом и вступит в Европейский союз и НАТО, то Россия с большей долей вероятности последует ее примеру, чем если Украина этого не сделает» [11]. Его прогноз о присоединении Украины к западному сообществу, гласил, что «где-то между 2005 и 2010 годами Украина... должна быть готова к серьезным переговорам как с Европейским Союзом, так и с НАТО» [10, с.105-106].

В то же время практические вопросы оказания помощи Украине не встречали обнадеживающей реакции. Л.Кучма вспоминал, о том, «как ловко Запад пользовался нашей неопытностью и доверчивостью сразу после распада Советского Союза... Не стеснялись нас обманывать, увлекать и сбивать с толку обещаниями... И все — под разговоры, что этого требует дух демократии... Помню, как меня убеждали, что Украина не должна заниматься высокотехнологичным производством. Это, мол, функция, прерогатива, призвание Запада! Вы же, украинцы, занимайтесь только тем, что сегодня требует мировой рынок. А требует он от вас сырья, в лучшем случае — полуфабриката, и больше ничего» [1, с.295-296].

Вместе с этими вызовами Украине обозначилась угроза неприкосновенности государственных границ. В апреле 1993 г. Украина получила из Бухареста единственную в своем роде ноту: ссылаясь на распад СССР, Румыния провозгласила неправомерным Договор о режиме советско-румынской государственной

границы от 27 февраля 1967 г., и в 1994 г. в одностороннем порядке подтвердила свое решение денонсировать этот договор. Впоследствии вопрос удалось уладить, но, отмечал Л.Кучма, оставался «под сомнением остров Змеиный, есть разночтения по руслу Дуная. Румыны говорят, что Дунай меняет свое русло и что их сторону он омывает больше. Но главное — Змеиный. Я бы не хотел, чтобы мы остались без него» [2, с.108-109].

Опасения второго президента Украины подтвердились в феврале 2009 г. когда было вынесено решение Международного суда в Гааге по территориальному спору между Румынией и Украиной, по которому о.Змеиный не мог считаться частью прибрежной линии Украины в определении срединной линии при делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны. В связи с этим многие политики и СМИ заявляли, что Украина потеряла значительные запасы нефти и газа. Украинский политолог А.Ермолаев отметил: «Это событие я считаю действительно поражением для Украины. Причем, поражением сразу в нескольких плоскостях — в плоскости геополитической, в плоскости правовой, в плоскости социальной, и в плоскости социального проектирования будущего... В плане геополитическом работает такой термин, как «жизненное пространство»... Украина оказалась в ситуации, когда тот формат страны, который был обеспечен Беловежскими соглашениями с действующими претензиями на границы, на сферы влияния, решением суда пересмотрен. А это означает, что жизненное пространство мы уступили нашему конкуренту. Впервые Запад в широком смысле в лице Румынии продемонстрировал, что нас не связывают партнерские отношения..., а мы являемся жесткими конкурентами за жизненное пространство. Это первый случай в истории Украины, когда Украина проиграла геополитическую игру — так откровенно и безапелляционно. В плане правовом создан прецедент, когда в судебном порядке использован принцип

хронополитики — пересматриваются те реалии границ, которые были защищены предыдущими договорами и взаимными гарантиями, как многосторонними, так и односторонними. Этот прецедент теперь может быть использован и в других ситуациях — и не только в отношении Украины... В плане социальном, несомненно, это событие повлияет на общественные настроения. Этот факт подтвердит, во-первых, то, что Запад — не партнер, а конкурент, и структуры, куда стремилась Украина, — Евросоюз, партнерство с НАТО, которые рассматривались как гарант безопасности, гарант развития, оказались просто геополитическими хищниками, которые готовы претендовать на сферу интересов Украины. А это означает, что курс западного романтизма, реализуемый в последнее время, получил еще одну торпеду в бок... Наконец, в плане социального проектирования... Это влияние на климат в стране, влияние на отношение к режиму. В этом проявляется и отношение к действующей власти, которой не поверили и не поддержали ее» [12]. Интересы Украины затрагивает и комплекс отношений между Румынией и Молдовой.

В этот период значительным напряжением характеризовались и украинско-российские отношения, в особенности в связи с проблемами Крыма и Севастополя, правомочность принадлежности которых к Украине ставилась под сомнение Государственной думой России в 1992-1993 гг.

Период 1994-2005 гг. характеризовался завершением доктринального и институционального оформления основ внешней политики Украины; последовательным маневрированием между мировыми центрами силы; попытками интенсифицировать евроатлантический и европейский векторы внешней политики с сохранением экономического взаимодействия с Россией. Украина, выступала в качестве субрегионального объекта политики США, ЕС и России, выстраивание отношений с которыми стало сущностью внешней политики страны. Но практической

помощи от западных стран Украине не поступало, и Л.Кучма с горечью подчеркивал: «Практически помощь была нулевая... Для меня это тоже был шок. Я и сейчас пребываю в состоянии этого шока. Украину бросили на произвол судьбы. Запад посчитал, что свою задачу он блестяще выполнил: угроза со стороны Москвы перестала существовать, и можно, так сказать, отдыхать. Нам фактически сказали: выбирайтесь сами, спасение утопающих — дело рук самих утопающих... Исторический факт: Украина выстояла и начала подниматься не благодаря Западу, а — вопреки... Правда, нельзя не отметить поставки российских энергоносителей по ценам, значительно ниже мировых, а иногда просто в долг... Со стороны богатого Запада такой помощи не было... Нам все время ставили условия: проводите реформы, устанавливайте у себя демократию — тогда что-то получите» [1, с.584-586]. У руководства страны было четкое представление о том, что «именно Россия, учитывая ее могучий ресурсный и экономический потенциал, в первую очередь формирует политический микроклимат региона, в котором размещена Украина» [13].

Производной от этого положения была «многовекторная» внешняя политика президента Л.Кучмы, который подчеркивал: «Какие бы камни ни летели в мой огород, я был и остаюсь твердо убежден, что многовекторная политика — это наилучшая политика вообще и для Украины — в частности... Уверен, что Украина вернется к ней» [1, с.97]. В рамках политики многовекторности решались проблемы делимитации, демаркации и обустройства границ с Беларусью, Молдовой и Россией, в отношении с которой в 2003 г. возник острый кризис по поводу принадлежности о. Коса Тузла; развивалось сотрудничество со странами СНГ; предпринимались меры по урегулированию отношений с Россией, в том числе по вопросу раздела Черноморского флота, завершившиеся подписанием 31 мая 1997 г. договора «О дружбе и сотрудничестве», определявшим и аренду Севастополя в качестве

российской военно-морской базы до 2017 г.; активизировалась деятельность по линии ООН, ОБСЕ, Совета Европы; сотрудничества с ЕС, НАТО и ЗЕС; наращивания сотрудничества в регионе ЦВЕ; развития отношений с США; взаимодействия с МВФ и Мировым банком в контексте осуществления экономических реформ; приобретения статуса безъядерного, нейтрального, внеблокового государства.

В контексте характеристики внешнеполитических вызовов Украине следует отметить и попытку ее участия в энергетических проектах, когда в связи с перспективами транспортировки каспийской нефти в Европу было принято решение о строительстве нефтепровода Одесса-Броды, которое осуществлялось в 1996-2002 гг. и обошлось в 100 млн. долл. Предполагалось, что впоследствии будет проложена труба из Брод до Плоцка, который был соединен нефтепроводом с Гданьском. Однако в 2002-2004 г. нефтепровод простаивал, а потом работал в реверсном режиме. Российский исследователь С.Жильцов отмечает: «Основной просчет украинских властей... состоял в том, что они попали под влияние той эйфории, которая царила в новых прикаспийских государствах, предвкушавших скорый нефтяной рай. Эти ожидания сознательно подогревались американской стороной, заинтересованной в том, чтобы заявить о своих интересах на Каспии, не приступая к немедленной разработке каспийских месторождений. К тому же изначально не был сделан анализ потенциальных поставщиков нефти из Каспийского региона, не говоря уже о заключении с ними договоров. В итоге, в силу геополитической игры и серьезных просчетов он оказался незадействованным. Основная причина — отсутствие свободных объемов каспийской нефти. Свою роль оказала и политическая нестабильность в Украине, чьи партнеры, наблюдая за колебаниями внешнеполитического курса, исключили ее из своих стратегических проектов. Реализация данного проекта значительно опередила темпы добычи каспийской

нефти» [14]. В этой связи, как вызов, возникает проблема экономической и внешнеполитической калькуляции международных проектов, в которых планирует участвовать Украина.

События «оранжевой революции» и президентство Виктора Ющенко в 2005-2010 гг. обозначили новый этап в эволюции внешней политики Украины, характеризовавшийся резким движением в сторону НАТО и ЕС. Приоритет евроатлантического направления во внешней политике Украины — вступление в НАТО — был закреплён законодательно. Однако факторы как внутреннего — настроения большинства населения, — так и внешнего порядка — позиция России и «старой Европы», не позволили реализовать этот внешнеполитический вектор. Ориентир на то, что евроатлантическая и европейская интеграция Украины будут ускорены только потому, что она вступит в конфронтацию с Россией, был глубоким заблуждением.

Сложившаяся ситуация обозначила в качестве вызова при формировании и реализации внешней политики Украины необходимость соотнесения внешних приоритетов с императивом их внутренней поддержки. В своем отношении к проблеме вступления в НАТО украинская политическая элита и общество были раздвоены, при этом проявлялось противоречие между политической элитой, властвующими группировками которой ориентированы на присоединение страны к альянсу, и обществом, большая часть которого выступала против вступления в этот союз. Обе стороны воспринимали проблему как вопрос самоидентификации, принадлежности к соответствующей цивилизации, поэтому сложно было говорить о четкой внешнеполитической перспективе. При этом внешнеполитическая активность на одном из направлений, при сложном социально-экономическом положении в стране, порождала подозрения в ангажированности власти, принятии невыполнимых обязательств, одностороннем понимании национальных интересов. Это порождало

непоследовательную в стратегической перспективе внешнюю политику. Неподготовленная попытка втянуть Украину в НАТО несла серьезную угрозу внутреннему единству страны и региональной стабильности. Поэтому вопросы, связанные с изменением вектора долговременного внешнеполитического развития, должны проходить серьезную экспертизу, как среди специалистов, так и широких кругов общественности. Решения же принимаемые узким кругом в таких принципиальных вопросах приводят только к потере времени и растрате национальных ресурсов, выступая серьезным вызовом. Неслучайно украинские исследователи подчеркивали: «Наибольшее влияние на национальную безопасность Украины в течение 2009 г. имели внутренние факторы, в первую очередь, разрушительная политическая конкуренция, отсутствие консенсуса украинских элит относительно политики безопасности государства, прогрессирующая слабость и недееспособность публичных институтов, и значительное распространение в них коррупции» [15, с.103].

Проблемными, несмотря на официальную риторику, оставались и перспективы Украины в отношении членства в ЕС. Сбывались грустные мысли Л.Кучмы, который отметил в записях еще в январе 2005 г.: «Посмеивался сегодня весь день (скоро полночь, а смеюсь до сих пор), да не тем смехом, которым хотелось бы смеяться. Олег Рыбачук, которого прочат на должность вице-премьера «по евроинтеграции», нарисовал сегодня... следующие перспективы этого процесса. Получение Украиной статуса ассоциированного члена ЕС (Понятия «ассоциированное членство» в базовых документах ЕС не существует — прим. ИА REGNUM) уже в этом году! А через пять лет — полноправное членство!» [1, с.20-21]. Однако, такой еврооптимизм не учитывал как влияния внутренних факторов, так и особенностей эволюции ЕС. Как справедливо отмечал российский исследователь А.Миллер: «Все, что происходило в ЕС в 2005 г., лишь

подчеркивало бесперспективность надежд Украины. Европейская конституция была провалена. Расширение 2004 г. создало много проблем, которые ЕС не может быстро переварить. Бюджет на 2001-2013 гг. принят с трудом, и дебаты ясно показали, что наиболее богатые страны весьма жестко борются за сокращение собственной доли финансового бремени» [16, с.31]. Таким образом, в качестве внешнеполитического вызова выступала «романтизация» европейского вектора, ожидания быстрой интеграции в европейские структуры.

Основываясь на евроатлантическом оптимизме и стремлении выйти за рамки выбора «Запад-Россия», шел поиск новой стратегии Украины, ознаменовавшийся «провозглашением курса на региональное лидерство в 2005 г.» [17, с.608]. Актуализировались «южный вектор», имевший «энергетический подтекст»; «содействие утверждению демократии и стабильности в регионе»; инициативы по созданию Сообщества демократического выбора в 2005 г. и трансформации ГУАМ в Организацию за демократию и экономическое развитие — ГУАМ в 2006 г. Активность украинской власти стимулировалась США. Обосновывая «естественное лидерство» Украины в Черноморском регионе, американский исследователь С.Коноплев подчеркивал: «...Если Украина будет пребывать в западном лагере..., и не будет подвержена влиянию России, то роль ее будет еще усиливаться благодаря стараниям, прежде всего, США... Западу будет выгодно иметь Украину в качестве лидера в этом регионе, хотя бы для того, чтобы противопоставить ее влиянию влиянию России и Турции» [18].

Однако такие намерения выглядели нереалистическими в связи с реальными возможностями Украины в Черноморском регионе. Украинский исследователь А.Кудряченко отмечал в 2006 г.: «Рубежность положения Украины, его действительно уязвимые и потенциально сильные стороны государственностроителями нового исторического периода были далеко не полно взвешены, оценены и

использованы. Так, закарпатские, буковинские, южнобессарабские земли и полуостров Крым... стали наиболее депрессивными территориями... Всего демографические потери за 15 лет независимости составляют 7 млн. граждан...

Коммуникационные возможности Причерноморья в значительной мере утрачены... В условиях открытой экономики наше черноморское хозяйство оказалось неконкурентноспособным...

Причерноморье не стало привлекательной для иностранных инвесторов зоной, а превратилось в регион повышенного риска. Особенно это касается Крыма, Придунавья. Отсутствие современной инфраструктуры, в том числе скоростных коммуникаций, дефицит качественного водообеспечения и другие проблемы откинули регион на мировую периферию. Украина утратила геополитические и геоэкономические измерения реальных позиций в Причерноморье и Придунайской зоне» [19, с.170-173].

В таких условиях с рубежа 2006-2007 гг. в политическом и научном сообществе Украины актуализировались подходы, обосновывающие императив нейтрального статуса государства как модели обеспечения национальных интересов. Событием, изменившим геополитическую ситуацию, стала «пятидневная война» на Кавказе — нападение Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г. «Южная Осетия, — подчеркивал один из лидеров оппозиции Д.Табачник, — стала рубежом в изменении существующего миропорядка... План построения глобальной американской империи с управляемыми сателлитами похоронен отныне навсегда, что встречено с плохо скрываемой радостью даже некоторыми натовскими союзниками США. Россия показала, что в безвозвратное прошлое ушла ельцинско-козыревская внешняя политика «непротивления злу насилеием». Отныне и навсегда каждая попытка агрессии и применения силы к любой части русскокультурного мира будет пресекаться Россией, что делает принципиально иной существующую геополитическую

ситуацию» [20]. Война, по сути, обозначила новые измерения мировой ситуации, связанной с закатом однополярного мира и появление мира многополярного.

С пониманием реальных итогов «оранжевой революции» усиливалась критика внешней политики президента В.Ющенко. Исследователи подчеркивали, что «в условиях, когда шансов на вступление в ЕС нет, культивировать идею евроинтеграции как заглавную, как национальную идею, — неосмотрительно. Евроиллюзии, поднятые на такой уровень, не только напрасны, но и опасны». Украинский академик Ю.Пахомов отмечал, что «по ряду фундаментальных причин (рост значимости эффекта масштаба, преимущественный интерес корпораций к гигантским рынкам и т.д.) оставаться Украине страной одинокой, находящейся вне мощных интеграционных группировок опасно и накладно... Шанс вырваться вперед имеют не малые «тигры» и «драконы», а такие центры притяжения и силы, как Китай, Индия, Бразилия, Россия» [21].

Эти противоречия и вызовы стали одним из факторов, определивших в 2010 г. победу на президентских выборах Виктора Януковича и попытки сбалансировать внешнеполитический курс Украины за счет улучшения отношений с Россией. 21 апреля 2010 г. в Харькове было подписано «Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины», по которому срок аренды военно-морской базы ЧФ РФ в Крыму был продлен на 25 лет с правом дальнейшей пролонгации еще на пять лет. В ходе переговоров были достигнуты и договоренности по газу на период 2009-2019 гг. В соответствии с Законом Украины «Об основах внутренней и внешней политики» от 1 июля 2010 г. основными принципами внешней политики являются: политика внеблоковости, участие в совершенствовании европейской системы коллективной безопасности, партнерство с НАТО и другими военно-политическими блоками, обеспечение

интеграции Украины в европейское пространство с целью приобретения членства в ЕС [22].

В конечном итоге, в ответах на внешнеполитические вызовы в украинской политике сформировались четыре варианта выбора между Западом и Востоком, Европой (или Евроатлантикой) и Россией. Первый — «собака на сене» — балансирование с минимальной выгодой для себя. Второй — «блудный сын» — периодическое возвращение то к одной, то к другой силе с покаянными обещаниями остаться в ее лоне. Третий — «навсегда вместе» — обещание фактической реинтеграции с Россией, в основном экономической. И, наконец, четвертый — «не ждали» — решительная интеграция в европейские структуры» [23, с.80].

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. подвел черту под мироустройством последних 20 лет, обозначив новые внешнеполитические вызовы, в том числе и для Украины, которая только на протяжении 2009 г. потеряла почти 12% ВВП и более 20% промышленного производства [15, с.104]. Продолжительность и глубина кризиса не оставляют сомнений в том, что выход из него может носить только проектный характер, и будущая эпоха выступает как эпоха новых империй — крупных политико-экономических блоков, поскольку гармонизации мировой политической и экономической систем можно добиться лишь двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировой экономической порядок или сократив охват экономических институтов до размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры.

В этом контексте проявилась ограниченность ряда моделей демократии и недостаточная гибкость доминирующих политических институтов; в определенной мере были дискредитированы модели западной либеральной демократии, которая выдавалась за единственный образец демократии как таковой; продемонстрирован отрыв элитных групп от массы населения; выявился императив

использования новых методов государственного регулирования; государства со слабой экономикой и отсутствием демократических традиций проявили склонность к авторитарным мерам для смягчения социальных последствий кризиса, причем — с одобрения широких масс населения; наметилась тенденция трансформации антикризисного государственного вмешательства в перманентное регулирование, предполагающее институционализацию участия государства в функционировании рыночной экономики с целью предотвращения подобных потрясений; изменилась парадигма глобального лидерства, предполагающая формирование новых субъектов, транслирующих новые смыслы.

В новых условиях министр иностранных дел Украины К.Грищенко отмечал 9 марта 2012 г.: «Полоса глобального процветания в последующие десять лет настолько же вероятна, как и экономический кризис, который приведет к пересмотру привычных основ международной жизни. Украина должна быть готова и к первому, и ко второму сценарию» [24]. В этом контексте у руководства Украины существует понимание того, что Запад находится в кризисе, имеющем три измерения — экономическое, геополитическое и идеологическое. В связи с этим у США и ЕС впереди сложный период, на протяжении которого они, вероятно, сосредоточатся на внутренних проблемах. «Специфика ситуации заключается не только в том, что Запад будет вынужден посвятить ближайшее десятилетие решению своих экономических проблем. Она состоит и в том, что другие регионы мира переживают период самоутверждения, осознания собственных амбиций и возможностей на международной арене... Происходит децентрализация глобального влияния, образуется новая система международных отношений...» [24]. При этом перспектива отношений Украины с ЕС будет определяться тем, что после присоединения Балкан можно ожидать продолжительной или даже очень

продолжительной паузы в процессе расширения ЕС на Восток, и «у него субъективно нет желания (а также объективно нет ресурсов) видеть Украину в качестве страны-кандидата. Это может измениться в перспективе, но сейчас нам нужно принять это как данность, которая будет непосредственно влиять на европейскую политику Украины в ближайшее десятилетие» [24]. В этих условиях Украине необходимо стратегическое равновесие во внешней политике, поскольку она вступила в третье десятилетие своей независимости на фоне выраженного замедления западной экспансии, экономического подъема Востока и возобновления сильного национального духа в России. Чем больше точек опоры будет иметь украинская внешняя политика за пределами линии ЕС-РФ, тем более стабильной, уверенной она будет [24]. Вопрос и вызов заключается в том, возможно ли найти эти точки.

Источники:

1. Кучма Л.Д. После майдана: Записки президента. 2005-2006/Л.Д.Кучма.- Киев: Довира; Москва: Время, 2007.- 688 с.
2. Костирев А. Методичні проблеми визначення місця та ролі України у сучасній геополітиці/А.Костирев//Університет.- 2007.- № 4.- С.36-51.
3. Уткин А.И. Новый мировой порядок/А.И.Уткин.- М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.- 640 с.
4. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы/З.Бжезинский.- М.: Междунар. отношения, 2007. — 240 с.
5. Odom W. America's Inadvertent Empire/Odom W., Dujarric R. — New Haven: Yale University Press, 2004.- 285 p.
6. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке/А.С.Панарин.- М.: Алгоритм, 2003.- 560 с.
7. Чекаленко Л.Д. Зовнішня політика України (від давніх часів до наших днів): підручч. для студ. вищ. навч. закл./Л.Д.Чекаленко, С.Г.Федуняк; за заг. ред. Л.Д.Чекаленко.- К.: ДП «Вид. дім «Персонал», 2010.- 464 с.
8. Карасев В. Игра на два поля [Электронный ресурс]/В.Карасев.- Режим

доступа:

<http://www.kreml.org/opinions/153022412>

9. Бжезинский З. Великое преобразование/З.Бжезинский//Демократия 1990-х.- Специальный выпуск журнала «Глобальные проблемы переходного периода».- № 6.- С.23-31.

10. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы/Збигнев Бжезинский; [пер. с англ.]- М.: Междунар. отношения, 2003.- 256 с.

11. З.Бжезинский: «Идея сдерживания когда-то превратилась в догму» [Электронный ресурс]/ З.Бжезинский. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/240057.html>

12. Ермолаев А. Решение Международного суда ООН по Змеиному — поражение для Украины. Причем, сразу в нескольких плоскостях [Электронный ресурс]/А.Ермолаев. — Режим доступа: <http://www.sofia.com.ua/page109.html>

13. Зеркало недели.- 1995, 28 октября.

14. Жильцов С. Каспийско-черноморская рулетка [Электронный ресурс]/ С.Жильцов. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/printed/102767>

15. Зовнішня політика України — 2009: стратегічні оцінки, прогнози та пріоритети/За ред. Г.М.Перепелиці.- К.: ВД «Стилос», 2010.- 320 с.

16. Миллер А.И. «Новая» Восточная Европа: политика и геополитика/А.И.Миллер//Россия и современный мир.- 2006.- № 3(52).- С.23-42.

17. Україна в 2005-2009 рр.: стратегічні оцінки суспільно-політичного та соціально-

економічного розвитку: Монографія/За заг. ред. Ю.Г.Рубана.- К.: НІСД, 2009.- 655 с.

18. Коноплев С. США заинтересованы в черноморском лидерстве Украины [Электронный ресурс] / С.Коноплев.- Режим доступа:

http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=961#961

19. Кудряченко А.І. Геополітичні виклики сучасної України/А.І.Кудряченко//Стратегічні пріоритети.- 2006.- № 1.- С.167-174.

20. Табачник Д. У роковой черты: Украина после Цхинвала [Электронный ресурс]/Д.Табачник.- Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1597>

21. Пахомов Ю. Возьмут ли Украину в ЕС? [Электронный ресурс]/Ю.Пахомов. — Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=201>

22. Закон України Про засади внутрішньої і зовнішньої політики [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2411-17>

23. Касьянов Г.В. Украина между Россией и Европой: превратности выбора / Г.В.Касьянов//Новая и новейшая история.- 2005.- № 3.- С.76-81.

24. Грищенко К. Стратегическое равновесие как шанс Украины в многополярном мире [Электронный ресурс] / К.Грищенко. — Режим доступа:

http://zn.ua/POLITICS/strategicheskoe_ravnovesie_kak_shans_ukrainy_v_mnogopolyarnom_mire-98501.html

Юрченко Сергей

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD OF THE
“MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Republica Moldova) – *Redactor-șef.*

BURIAN Alexander,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor in chief.*

БУРИАН Александр Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор.*

CHIRTOACĂ Natalia,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Secretar științific al Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Secretar științific.*

CHIRTOACA Natalia,

Doctor of Law, Associate Professor, Scientific secretary, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Scientific secretary.*

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна,

Кандидат юридических наук, доцент, Ученый секретарь Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Ученый секретарь.*

CHINDÎBALIUC Oleana,

Magistru în relații internaționale, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Redactor.*

KINDIBALYK Olyana,

Master of international relations, Scientific Fellow, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Editor.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна,

Магистр международных отношений, научный сотрудник Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Редактор.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membru al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor of Law, Full Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТИ,
Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) - *Член редакционного совета.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea din Parma (Italia) – *Membru al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The University of Parma (Italy) – *Member of editorial board.*

АРХИЛИОК Виктория Нестеровна,
Доктор юридических наук, профессор, Пармский университет (Италия) - *Член редакционного совета.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Federația Rusă) - *Membru al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (Russian Federation) - *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович,
Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Россия) - *Член редакционного совета.*

BALAN Oleg,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Vicerector al Academiei de Administrare Publică pe lângă Președintele Republicii Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Vicerector of The Academy of Public Administration of the Office of The President of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович,
Доктор юридических наук, профессор, Проректор Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BENIUC Valentin,
Doctor habilitat în științe politice, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin,
Doctor Habilitat of Political Science, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

БЕНИЮК Валентин Анастасьевич,
Доктор политических наук, Ректор Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The Kiev University of Law of The National Academy of Science of Ucraina (Ukraine) – *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович,

Доктор права, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

FUEREA Augustin,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin,

Doctor of Law, Full Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин,

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) – *Membru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor of Law, Full Professor, The University of Viena (Austria) – *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг,

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) – *Член редакционного совета.*

KAPUSTIN Anatolii,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional.*

KAPUSTIN Anatoly,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The Russian Friendship University, President of The Russian Association of International Law (Russian Federation) – *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич,

Доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Президент Российской ассоциации международного права (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

MAZILU Dumitru,

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru,

Doctor of Law, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру,

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) – *Член редакционного совета.*

NAZARIA Sergiu,

Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergei,

Doctor Habilitat of Political Science, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович,

Доктор политических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

POPESCU Dumitra,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București (România) - *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitra,

Doctor of Law, Full Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра,

Доктор права, профессор, Бухарестский университет им. Титу Майореску (Румыния) – *Член редакционного совета.*

ROȘCA Alla,

Doctor habilitat în științe politice; profesor universitar, Universitatea din Tulan, New Orleans, Louisiana (SUA) - *Membru al consiliului redacțional.*

ROSCA Alla,

Doctor Habilitat of Political Science, Full Professor, The Tulane University of Louisiana, New Orleans, Louisiana (USA) – *Member of editorial board.*

РОШКА Алла,

Доктор политических наук, профессор, Туланский университет, Луизиана, Нью Орлеан (США) – *Член редакционного совета.*

SEDLEȚCHI Iurie,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

SEDLITSCHI Yuri,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич,

Кандидат юрид. наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

TIMCENCO Leonid,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

TIMCHENKO Leonid,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) – *Member of editorial board.*

ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

DATE DESPRE AUTORI
DATES OF AUTHORS
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

	<p>AKULOV-MURATOV Vladislav. Doctor în științe administrative, post-doctorand al Academiei Naționale de Administrare Publică de pe lângă Președintele Ucrainei (Kiev, Ucraina).</p> <p>AKULOV-MURATOV Vladyslav. PhD in administrative sciences, post-PhD student of the National Academy of Public Administration in addition to the President of Ukraine (Kyiv, Ukraine).</p> <p>АКУЛОВ-МУРАТОВ Владислав Викторович. Кандидат наук государственного управления, докторант Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (Киев, Украина).</p>
	<p>BURIAN Alexandru. Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Doctor habilitat în drept, profesor universitar, consultant științific principal, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei; președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova. (Chișinău, Republica Moldova).</p> <p>BURIAN Alexander. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (Ret.), Doctor Habilitat of law (International Law), full professor, Chief Scientific Adviser, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova, president of the Moldavian Association of International Law. (Kishinev, The Republic of Moldova).</p> <p>БУРИАН Александр Дмитриевич. Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Доктор юридических наук, профессор, главный научный консультант Института истории, государства и права Академии наук Молдовы, президент Молдавской Ассоциации международного права. (Кишинев, Республика Молдова).</p>
	<p>CERNETȘAIA Elena. Doctor în drept, conferențiar universitar, Catedra de drept internațional și comparat, prorector pentru munca științifică la Universitatea de drept de la Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).</p> <p>CHERNETSKAYA Elena. PhD in law, Associate Professor of the Department of international and comparative law, Pro-Rector on scientific work of the Kyiv University of law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).</p> <p>ЧЕРНЕЦКАЯ Елена Васильевна. Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, проректор по научной работе Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина).</p>
	<p>CHINDÎBALIUC Oleana. Magistru în relații internaționale, doctorand, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova).</p> <p>KINDIBALYK Olyana. Master of international relations, PhD student, scientific fellow, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova).</p> <p>КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна. Магистр международных отношений, научный сотрудник, аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).</p>
	<p>CHIRTOACĂ Natalia. Doctor în drept, conferențiar universitar, Secretar științific al Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).</p> <p>CHIRTOACA Natalia. PhD in law, Associate Professor, Scientific secretary, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).</p> <p>КИРТОАКЭ Наталия Михайловна. Кандидат юридических наук, доцент, Ученый секретарь Института истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).</p>

	<p>COTOVICI Alexandru. Competitor, Catedra Drept Penal și Procedură penală, Universitatea Internațională din Kiev (Kiev, Ucraina).</p> <p>КОТОВЫЧ Alexander. PhD student, The Kiev International University, Criminal Law and Process Department (Kiev, Ukraine).</p> <p>КОТОВИЧ Александр. Соискатель кафедры уголовного права и процесса Киевского международного университета (Киев, Украина).</p>
	<p>DERGACIOV Vladimir. Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, profesor de la Universitatea Națională din Odesa (Odessa, Ucraina).</p> <p>DERGACHEV Vladimir A. Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics, Professor of the Odessa National University (Odessa, Ukraine).</p> <p>ДЕРГАЧЕВ Владимир Александрович. Доктор географических наук, профессор, эксперт в геополитике, профессор Одесского национального университета (Одесса, Украина).</p>
	<p>FLOREA Dumitrița. Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Lector universitar, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava (Suceava, România).</p> <p>FLOREA Dumitrita. PhD student, Institute of history, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Chișinău, Republica Moldova); Lecturer, University "Stefan cel Mare", Suceava (Suceava, Romania).</p> <p>ФЛОРЯ Думитрица. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинёва, Республика Молдова); Преподаватель, Университет имени Штефана чел Маре, Сучава (Сучава, Румыния).</p>
	<p>HACHATURIAN Tamara. Doctorand, Lector, Departamentul de drept internațional și drept comparat, Universitatea Internațională din Kiev (Kiev, Ucraina).</p> <p>КНАЧАТУРИАН Тамара. PhD student, Lecturer, Department of international and comparative law at the Kyiv International University (Kyiv, Ukraine).</p> <p>ХАЧАТУРЯН Тамара Хачатуровна. Аспирант, преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Киевского международного университета (Киев, Украина).</p>
	<p>HORODYSKYI Ivan. Magistru în drept internațional, doctorand, Departamentul de drept internațional, Universitatea Națională ”Ivan Franko” din Lvov (Lvov, Ucraina).</p> <p>HORODYSKYI Ivan. Master in international law, PhD student, the International Law Department of the Lviv national University ” Ivan Franko” (Lviv, Ukraine).</p> <p>ГОРОДИСКИЙ Иван. Магистр международного права, аспирант кафедры международного права Львовского национального университета имени Ивана Франко (Львов, Украина).</p>
	<p>MĂTĂȘEL Alina. Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Avocat (Iași, România).</p> <p>MATASHEL Alina. PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney (Iasi, Roumania).</p> <p>МЭТЭШЕЛ Алина. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат (Яссы, Румыния).</p>

	<p>MĂȚĂȘEL Adrian. Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Avocat (Iași, România).</p> <p>MATASHEL Adrian. PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney (Iasi, Roumania).</p> <p>МЭТЭШЕЛ Адриан. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат (Яссы, Румыния).</p>
	<p>POLGÁR Michal. Doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).</p> <p>Ing. POLGÁR Michal. PhD Candidate, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic).</p> <p>ПОЛГАР Михал. Аспирант, факультет международных отношений, Университет экономики в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).</p>
	<p>VASILENCO Nicolae. Doctor în fizică și matematică, profesor la Catedra Dreptul UE și Drept Comparat a Universității Naționale "Academia de Drept din Odesa" (Odesa, Ucraina).</p> <p>VASYLENKO Mykola. Doctor of Math & Phys. Sciences, Professor of the Department of EU Law and Comparative Law, National University "Odessa Law Academy" (Odessa, Ukraine).</p> <p>ВАСИЛЕНКО Николай Дмитриевич. Доктор физико-математических наук, профессор кафедры права ЕС и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия» (Одесса, Украина).</p>
	<p>YURCHENKO Serghei. Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, șef al Departamentului de științe politice și relații internaționale a Universității Naționale "Vernadsky" din Taurida (Simferopol, Ucraina).</p> <p>YURCHENKO Serghei. Doctor of political sciences, Professor, Head of the Department of political science and international relations of Taurida National University "Vernadsky" (Simferopol, Ukraine).</p> <p>ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич. Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И.Вернадского (Симферополь, Украина).</p>
	<p>ZABZALIUC Olga. Competitor, Catedra teoria și istoria statului și dreptului, Universitatea de Stat a Afacerilor Interne din Lvov (Lvov, Ucraina).</p> <p>ZABZALYUK Olga. Competitor for the Theory and History of State and Law Department of the Lviv State University of Internal Affairs (Lviv, Ukraine).</p> <p>ЗАБЗАЛЮК Ольга Васильевна. Соискатель кафедры теории и истории государства и права Львовского государственного университета внутренних дел (г. Львов, Украина).</p>

CERINȚELE

privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză, germană (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor”.

Consiliul Redacțional acceptă manuscrisul articolului pentru publicare în corespundere cu profilurile ediției („drept” și „științe politice”), cu un volum nu mai mult de 20 de pagini, inclusiv figuri și tabele. Manuscrisul ar trebui să conțină doar materiale originale, efectuat la un înalt nivel științific, reflectând rezultatele cercetării efectuate de către autor, obținute cu cel mult un an înainte de publicare, și care conține un element clar privitor la inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului. Sunt acceptate pentru publicare materialele care anterior nu au fost publicate în alte ediții și nu au fost destinate pentru publicarea simultană în diverse ediții. Articolele sunt expuse recenzării obligatorii. Pentru doctoranzi (competitori) este obligatorie recenzarea articolelor de către conducătorul științific. Pot fi publicate doar articolele care au primit recenzii pozitive. Pentru publicarea articolelor nu se plătește și nu se încasează taxe.

Cerințele menționate mai sus se aplică tuturor materialelor trimise pentru publicare în adresa revistei. Consiliul Redacțional are dreptul de a nu accepta publicarea materialelor în caz de: a) nerespectarea cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor; b) plagiat; c) conținutul articolului este neadecvat cu profilurile revistei.

În cazurile când nu sunt respectate cerințele redacția are dreptul să nu examineze manuscrisul. Consiliul Redacțional își rezervă dreptul de a reduce volumul articolului prezentat (dacă este necesar), expunându-l în versiunea redacției (introducând modificări redacționale, care nu schimbă sensul general al articolului prezentat de autor). Formulările și prezentarea materialelor în articolele publicate nu reprezintă întotdeauna poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția. Aceste materiale se publică în ordine de discuție, în scopul asigurării posibilității de a expune diverse opinii. Responsabilitatea asupra conținutului articolelor, selecției și preciziei faptelor și informației citate revine în exclusivitate autorilor. În același număr al revistei poate fi publicat doar un singur articol al unui autor.

Numărul de autori al unui articol nu poate fi mai mare de două persoane. Autorul (ii) trimite redacției 2 exemplare originale a articolului (semnate de autor) în imprimare pe hârtie și trimite articolul în format electronic prin e-mail la adresa: alexandruburian@yahoo.com.

Volumul articolului nu trebuie să depășească 1,5 c.a. dactilografiate pe hârtie, format A4 (60 de mii de caractere, sau 16-20 de pagini de text), inclusiv figuri, tăblițe, referințe și scheme. Atunci când se plasează referințe bibliografice în limba engleză este necesar de indicat denumirea oficială a surselor (revistelor) în limba engleză.

Pentru a plasa un articol în Revistă este necesar de prezentat următoarele documente: cerere, informațiile despre autor (ia), articolul, fotografia autorului (autorilor) în format JPG, adnotare (abstract, rezumat) în trei limbi (română, rusă și engleză) într-un volum de 200 de cuvinte, cuvinte-cheie (5-7 cuvinte). Adnotarea nu trebuie să conțină referiri la literatura citată, tabele și figuri.

Informația despre autor (i) conține următoarele date: numele, prenumele, patronimicul autorului (autorilor), locul de muncă, funcția, titlul științific, gradul științific, adresa poștală, adresa electronică și numărul de telefon. Numele autorului (autorilor) ar trebui să fie listate sub titlul articolului, în dreapta.

Cerințele tehnice pentru perfectarea manuscrisul pentru publicare:

Titlul articolului nu trebuie să depășească trei linii. Titlul ar trebui să fi dat numai cu majuscule (Times New Roman 16) și centrat. Sursele literare utilizate în articol trebuie prezentate într-o singură listă la sfârșitul textului (bibliografie), în conformitate cu **Anexa 2**. Referirile la literatura de specialitate menționate în text sunt obligatorii, trebuie să fie plasate în partea de jos a fiecărei pagini a textului și necesită să fie perfectate în conformitate cu **Anexa 1**. Referirile la sursele externe sunt prezentate într-o limbă străină și sunt urmate, în cazul traducerii în română și rusă, cu indicație privitor la traducere. Numerotarea referirilor la sursele literare este dată în ordinea menționată în text. Trimiteri la lucrări nepublicate nu sunt permise. Lista bibliografică (de la sfârșitul textului) este dată în ordine alfabetică în funcție de prima literă a prenumelui autorului (autorilor).

Acronimele și abrevierile trebuie să fie descifrate la prima mențiune în textul articolului. În textele în limba română, engleză, franceză, spaniolă și germană se utilizează ghilimele germane („ ”), în textele în limba rusă se utilizează ghilimelele franceze (« »).

Parametrii paginii:

Documentul trebuie salvat în MS Word, formatul de pagină A 4, marginile paginii: sus și jos - 2 cm, dreapta - 1,5 cm, stânga - 3 cm, Font - Times New Roman; Dimensiune font - 12, spațiere - 1,5. Aliniere pe lățime, un spațiu la stânga - 1,5. Numerotarea paginilor este consecutivă, secvențială, în partea de jos a paginii, pe centru.

Redactarea textului:

Despărțirea manuală în silabe a cuvintelor (transferul din rând în rând) este inacceptabilă. Figurile și tabelele trebuie să fie numerotate, să aibă denumire, legendă și subiect. Titlurile lor și trebuie să fie prezentate în text după alineatul care conține un link de referință la ele.

Exemplarele autorului:

Fiecare autor al articolului obține doar un număr al revistei, indiferent de numărul de autori.

Colegiul Redacțional

Anexa 1

Exemple de referințe bibliografice:

Referințele (citatele) de la sfârșitul fiecărei pagini trebuie să conțină semnele de punctuație și să urmeze aceleași reguli ca și plasarea lor în descrierea bibliografică.

Dacă textul nu este citat de o sursa originală, dar de un alt document, atunci se utilizează următoarele cuvinte la început de referință: citat de: (citând sursele împrumutate):

Exemplu:	Citat de: Dumitru Mazilu. Drept diplomatic. București: Editura Lumina Lex, 2003, p. 115. Citat de: Alexandru Burian. Drept diplomatic și consular. Chișinău: Editura ARC, 2003, p. 154.
----------	--

La amenajarea secvențială a referințelor (citadelor) primare și repetate se utilizează termenul "Ibid." sau ("Ibidem"):

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Ibid., p. 47 sau Ibidem., p. 47.

La amenajarea nesecvențială a referințelor (citadelor) primare și repetate, când referințele urmează nu concomitent una după alta, se utilizează termenul *Op. cit.* (opus citato) și este prezentat folosind caractere cursive:

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Anexa 2

Exemple de „Listă bibliografică” (bibliografie):

Lista bibliografică este plasată după textul articolului cu titulatura „Bibliografie”. Toate link-urile din listă sunt numerotate secvențial și sunt aranjate în ordine alfabetică.

Descrierea unei cărți cu un singur autor:

Exemplu	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea de mare putere politica. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. XII + 359 p.
---------	---

Descrierea unei cărți cu trei sau mai mulți autori:

Exemplu	David G. Victor... [et al.]. Gaze naturale și geopolitică: din 1970 pînă în 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

Descrierea unui articol publicat într-o revistă:

Este necesar de a indica numele autorului articolului, denumirea articolului, denumirea revistei, anul, numărul ediției sau volumul, numărul paginei de la începutul și sfârșitul articolului.

Exemplu	Serghei Lavrov. Rusia și lumea în secolul XXI. În: Rusia în afacerile globale. Iulie-septembrie 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 - 18.
---------	---

Descrierea unei teze de doctorat:

Exemplu	Vladislav Boiko. Securitatea energetică în contextul globalizării. Teză de doctor în științe politice. Moscova, 2012. 250 p.
---------	--

Descrierea unui autoreferat a tezei de doctorat:

Exemplu	Yuri Jukov. Centrismul politic în Rusia. Autoreferatul tezei... candidat în științe politice. Sankt-Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Descrierea publicațiilor științifice electronice:

Pentru surse de electronice, trebuie să specificați practic aceleași informații ca pentru reviste: autorul, titlul, numele site-ului (sau secțiune a site-ului) și URL-ul. Articolul ar trebui să conțină noțiunea [On-line]; informații la data de partajare pe rețeaua electronică (după fraza „Vizitat la:” indica data, luna și anul): (Vizitat la: 03.02.2012).

Exemplu	Burian Alexandru, Gurin Corina. Procesul decizional în politica externă și influența lui asupra negocierilor. În: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2011, nr. 4, p. 39 - 55. [On-line]: http://www.rmdir.md/pdf/RMDIRI20114.p.df/ . (Vizitat la: 07.09.2012).
---------	---

REQUIREMENTS **to papers for publication in the** **„Moldavian Journal of International Law and International Relations”**

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” being a scientific-theoretical journal admits for publication articles in Moldovan (Romanian), Russian, English, Spanish, French, German (optional author) languages, containing the results of original research, designed in accordance with the „Requirements for the articles”.

An Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, accept manuscript for publication corresponding to the edition profiles, no more than 20 pages, including figures and tables. The manuscript should contain only original material, performed at a high academic level, reflecting the author's research results, completed no more than one year before publication, and containing a clear element of creation of a new knowledge. The materials which earlier were not published and have been not intended to the simultaneous publication in other editions for printing are accepted. Articles are exposed to obligatory reviewing. For post-graduate students (competitors) the review of the supervisor of studies is obligatory. We print only articles which have received only positive reviews. The fee for the publication is not paid.

The rules mentioned above apply to all the material sent to the journal for publication. The Editorial Board has the right not to accept materials to the publication in a case of: a) non-compliance of the paper with the requirements for its publication; b) plagiarism; c) inappropriate content of the presented paper to the journal profiles.

In cases when the requirements are not respected the editorial board has the right not to examine the manuscript. The editors reserve the right to reduce the volume of the article (if it is necessary), exposing it to editorial revision, make editorial (which do not change the general sense) changes in the author's original. Editors can publish materials without sharing author's opinion (in order of discussion). Authors are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotes, and other information. Journal will only publish one article per author in each volume of the issue.

The number of authors should not be more than two people. Author (s) sent to the editor two copies of the article (signed by the author both in print and electronic form and send the article in electronic form by e-mail at: alexandruburian@yahoo.com.

The paper shouldn't exceed 1,5 printer's sheet of the typewritten text of format A4 (60 thousand characters, or 16-20 pages of text), including tables, list of references and drawings (schemes). At drafting of bibliographic references in English it is necessary to specify official English-speaking names of journals.

In order to place an article in the journal you should present following documents: an application, information about the author (s), an article, one author (s) photograph in JPG form, annotation provided in three languages (Romanian, Russian and English) in a volume of 200 words, key words (5 - 7 words). Abstract should not contain references to the quoted literature, tables and figures.

Information about the author (s) contains: author's name, affiliation, post a scientific degree, an academic status, mailing address, e-mail address and telephone number Author's name should be listed under the article's title on the right.

Technical requirements to registration of the manuscript for the publication:

Title of the article should not exceed three lines. The title should be given only in capital letters (Times New Roman 16) and centred. Literary sources used in the paper should be submitted in one list at the end (bibliography). Bibliographical list is presented after the text item in accordance with the *Appendix 2*. Footnotes to the literature mentioned in the text are mandatory and must be prepared in the bottom of the

page in accordance with the **Appendix 1**. References to the foreign sources are given in a foreign language and are followed in the case of translation into Romanian and Russian indication of the translation. The numbering of the sources is given in the order mentioned in the text. References to unpublished works are not permitted. The bibliography is given in alphabetic order according to the first letter of authors surnames. Acronyms and abbreviations should be deciphered in a place of the first mention in the text. In text presented in Romanian, English, French, German or Spanish language, German inverted commas („pads”) should be used; in text presented in Russian language the French inverted commas («fur-trees») are used.

Page Setup:

The document must be saved in MS Word, A 4 page format, page margins: top and bottom - 2 cm, right - 1.5 cm, left - 3 cm Font - Times New Roman; font size - 12, line spacing - 1,5. Alignment on width, a space at the left - 1,5. Numbering of pages is through, in the bottom of the page, on the centre.

Text drafting:

Using of manual transfer (manual hyphenation) is unacceptable. Figures and tables should have a caption and subject headings and should be presented in the text after the paragraph containing a link to them.

Author's copies:

Each author obtains only one issue of the journal, regardless of the number of authors.

The Editorial Board

Appendix 1

Example of bibliographic footnotes:

Punctuation and prescribed punctuation in citations should follow the same rules as their placement in the bibliographic description.

If the text is not cited by the original source, but by another document, then following words are used: in the beginning of the reference: *Quoted by*, with a reference to the citing sources of borrowed text:

Example:	Quoted by: Ernst Gabriel Frankel. Oil and Security A World Beyond Petroleum. The Netherlands: Springer, 2007, p. 115.
----------	---

«Ibid.» or (Ibidem) are used in the sequential arrangement of primary and repeated references.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 21.
<i>Repeated</i>	Ibid., p. 47.

Op. cit. (opus citato) is used in repeated footnotes containing item to the same document without following the primary reference and is presented using italics.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
<i>Repeated</i>	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Examples of a bibliography:

Bibliographical list is placed after the text article and is supplied after the notion „Bibliography”. All links in the list are numbered sequentially and are arranged in alphabetical order.

Book with one author:

Example	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. xii + 359 p.
---------	--

Book with three and more authors:

Example	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

The paper from the journal:

Article from a journal should contain following description - author (s), article title, journal name, year, and page number of the beginning and of the end of the article.

Example	Sergei Lavrov. Russia and the World in the 21 st Century. In: Russia in global affairs. July-September 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 – 18.
---------	--

Dissertation

Example	Vladislav Boiko. Energy security in the context of globalization. Political Science Dissertation. Moscow, 2012. 250 p.
---------	--

A dissertation synopsis:

Example	Yuri Jukov E.H. Political centrism in Russia. Dissertation synopsis ... candidate in political science. Saint Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Description of the electronic scientific publications:

For electronic sources, you need to specify practically the same information as for journals: author, title, name of the site (or section of the website) and the URL. The item should contain the notion [On-line]; information on the date of the electronic network share (after „Visited on:” indicate the date, month and year): (Visited on: 03.02.2012) is used in referring to the e-resource e-mail address.

Example	Chietigi Bajpae. China’s Quest for Energy Security. In: Power and Interest News Report. February 25, 2005. [On-line]: http://www.pinr.com/ . (Visited on: 07.09.2011).
---------	---

ТРЕБОВАНИЯ

к оформлению статей для публикации в

«Молдавском журнале международного права и международных отношений»

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском, немецком (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению статей».

Редакция «Молдавского журнала международного права и международных отношений» принимает к публикации рукописи, соответствующие профилям издания, не более 20 страниц, включая рисунки и таблицы. Рукопись должна содержать только оригинальный материал, выполненный на высоком научном уровне, отражая результаты исследований автора, завершённых не более чем за год до публикации и содержать очевидный элемент создания нового знания. К печати принимаются материалы, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Статьи подвергаются обязательному рецензированию. Для аспирантов (соискателей) обязательна рецензия научного руководителя. Печатаются только статьи, получившие положительные рецензии. Гонорар за публикации не выплачивается.

Настоящие правила распространяются на все материалы, направляемые в редакцию журнала для публикации. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае: а) несоблюдения автором правил оформления рукописи; б) выявления элементов плагиата; с) несоответствия материала тематике журнала.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись. Редакция оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергая их редакционной правке, вносить редакционные (не меняющие общего смысла) изменения в авторский оригинал. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения). Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и прочих сведений. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Число авторов статьи не должно быть более двух человек. Автор (ы) присылают в редакцию 2 экземпляра статьи (подписанные автором) в печатном виде и направляют статью в электронном виде по электронной почте по адресу: alexandrurburian@yahoo.com.

Объем статьи не должен превышать 1,5 п. л. машинописного текста формата А4 (60 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста), включая таблицы, список литературы и рисунки (схемы). При оформлении библиографических ссылок на английском языке необходимо указывать официальные англоязычные названия журналов.

Для размещения статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию заявку, информацию об авторе (ах), статью, фотографию автора (ов) в формате JPG, аннотацию, представленную на трех языках (румынском, русском, английском) объемом – 200 слов, ключевые слова (5-7 слов). Аннотация не должна содержать ссылок на цитируемую литературу, рисунки, таблицы.

Информация об авторе (ах) содержит: ФИО авторов, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес, электронный адрес и контактный телефон. ФИО автора должно быть указано под названием статьи справа.

Технические требования к оформлению рукописи для публикации:

Название статьи не должно превышать трех строк. Название должно даваться только заглавными буквами (Times New Roman 16) и располагаться по центру. Литературные

источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце (Библиография). Библиографический список приводится после текста статьи в соответствии с **Приложением 2**. Сноски на упомянутую литературу в тексте обязательны и должны быть оформлены внизу страницы в соответствии с **Приложением 1**. Ссылки на иностранные источники даются на иностранном языке и сопровождаются в случае перевода на румынский и русский язык указанием на перевод. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы (библиография) дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания в тексте статьи. В тексте на румынском, английском, французском, испанском языке используется немецкие кавычки („лапки”), в тексте на русском языке используются французские кавычки («ёлочки»).

Параметры страницы:

Документ должен быть сохранён в формате MS Word. Формат страницы А 4; поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое - 1,5 см, левое - 3 см. Шрифт - Times New Roman; кегль - 12; межстрочный интервал - 1,5. Выравнивание по ширине, отступ слева - 1,5. Нумерация страниц – сквозная, внизу страницы, по центру.

Оформление текста:

Использование ручных переносов (manual hyphenation) неприемлемо. Рисунки и таблицы должны иметь нумерационный и тематический заголовки и должны быть представлены в тексте после абзацев, содержащих ссылку на них.

Авторские экземпляры:

Каждому автору полагается один авторский экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи.

Редакционный совет

Приложение 1

Пример оформления библиографических сносок:

В библиографических сносках расстановка знаков препинания и предписанной пунктуации должна подчиняться тем же правилам, что и расстановка их в библиографическом описании.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: Цит. по: (цитируется по), Приводится по: , с указанием источника заимствования:

Пример оформления:	Цит. по: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010, с. 325.
--------------------	---

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок используют слова «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику:

<i>Первичная</i>	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012, с. 27.
<i>Повторная</i>	Там же, с. 47. или Ibid., p. 47.

В повторных сносках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят заголовок, а основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Цит. соч.» (цитируемое сочинение), «Op. cit.» (opus citato):

<i>Первичная</i>	Жинкина Ю.В. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: Российский научный фонд, 1995, с. 87.
<i>Повторная</i>	Жинкина Ю.В. Указ. соч., с. 67. или Жинкина Ю.В. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Приложение 2

Примеры оформления списка библиографии:

Библиографический список приводится после текста статьи и следует после слова «Библиография». Все ссылки в списке последовательно нумеруются и располагаются в алфавитном порядке.

Описание книги одного автора:

Пример оформления	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 479 с.
-------------------	--

Описание книги четырех и более авторов:

Пример оформления	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
-------------------	--

Описание статьи из журнала:

Для статьи из журнала нужно указать автора (ов) статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Пример оформления	Конобеев В.Н. Геостратегия США в Евразии. В: Проблемы управления. 2008, №1 (26), с. 87 – 97.
-------------------	--

Описание диссертаций

Пример оформления	Ганюхина Т.Г. Модификация свойств ПВХ в процессе синтеза: дис. ... канд. хим. наук: 02.00.06. Н. Новгород, 1999. 109 с.
-------------------	---

Описание авторефератов диссертаций:

Пример оформления	Жуков Е.Н. Политический центризм в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.
-------------------	---

Описание электронных научных изданий:

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [On-line]:, при ссылке на электронный ресурс после электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу (после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год): (Дата посещения: 02.03.2012)

Пример оформления	Китай встает на «правильную сторону истории» в Персидском заливе. В: Мировая политика и ресурсы. [On-line]: http://www.wpr.ru/?p=2591 . (Дата посещения: 07.01.2012).
-------------------	---

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale,, a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale. Într-o perioadă relativ scurtă, grație revistei, arta dezbaterilor axate pe diverse probleme științifico-practice, purtate pe paginile sale, a cunoscut o ascensiune substanțială. De asemenea, publicația a reușit să creeze și să dezvolte un profil propriu, să devină mai bogată și variată, abordând o arie tematică științifico-analitică complexă.

Aceste calificative reflectă un grad înalt de profesionalism și erudiție, diferite abordări inovaționale în elucidarea temelor dificile, prin care atrage atenția practicienilor cu experiență, precum și a tinerilor cercetători.

Actualmente, publicația este o revistă de concept despre diferite domenii ale dreptului internațional, ultimul devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori. Unul din avantajele importante ale revistei îl constituie faptul că oferă tinerilor cercetători oportunitatea de a se manifesta. Doctoranzii și magistrii, care abia acumulează experiență în domeniul cercetărilor științifice, dar care doresc să se afirme, își pot face publice opiniile cu privire la diferite probleme actuale din domeniul relațiilor internaționale contemporane și al dreptului internațional.

Publicația conține articole ale specialiștilor de vază din republică și de peste hotare, doctori habilitați și doctori – adepți ai diferitelor viziuni, care tratează și se expun activ pe marginea proceselor ce au loc în viața politică, economică și socială a țării. Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și a relațiilor internaționale.

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The „Moldavian Journal of International Law and International Relations” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations. In a relatively short period of his life the journal raised an art of scientific and practical discussions to a higher altitude developed its profile, become richer and more varied, designed scientific-analytical subject. In this connection, it differs from high professionalism, erudition, new approaches to disclosing the difficult themes. Consequently, journal attracts both skilled experts, and young researchers.

Today it is a conceptual journal about various fields of international law, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors. One of the important advantages of the publication is that it provides an opportunity for young authors as – post-graduate students and master’s students, yet not possessing a wide experience of researching, but willing to assert themselves, express their views on topical issues about contemporary international relations and international law.

The journal contains articles of known Moldavian and foreign experts, doctors and candidates of sciences – advocates of different views, who actively illuminate the processes occurring in the political, economic and social life. Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Издание «Молдавского журнала международного права и международных отношений» стартовало в 2006 г. как открывая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений. За относительно короткий срок своей жизни журнал поднял на большую высоту искусство научно-практических дискуссий, выработал свой профиль, стал более насыщенным и разнообразным, оформил научно-аналитическую тематику, в связи с чем и отличается высоким профессионализмом, эрудицией, инновационными подходами к раскрытию сложных тем, чем привлекает к себе как опытных практиков, так и молодых исследователей.

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив. Одним из важных достоинств издания является то, что он предоставляет возможность молодым авторам – аспирантам и магистрантам, пока не обладающим большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по актуальным вопросам современных международных отношений и международного права.

На страницах нашего журнала публикуются статьи известных молдавских и иностранных специалистов, докторов и кандидатов наук – сторонников разных взглядов, которые активно освещают процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны. Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

**Publicație periodică științifico-teoretică și informațional-practică
fondată de Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova**

**Accreditată prin Hotărârea CSȘDT al AȘM și C.N.A.A.
în calitate de publicație științifică de profil la specialitățile:
12.00.10 – drept internațional public (*profilul drept*)
și 23.00.04 – teoria și istoria relațiilor internaționale
și dezvoltării globale (*profilul științe politice*)**

ISSN 1857-1999

Apare trimestrial
Nr. 1 (27), 2013

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS**

**Scientific-theoretical and information-practical periodical publication founded by
Association of International Law from the Republic of Moldova**

**Accredited
by decision of the Supreme Council for Science and Technological Development of the
Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation
of the Republic of Moldova as of profile scientific publication in the field of:
12.00.10-international public law (*profile of legal science*)
and 23.00.04-theory and history of international relations and global development (*political science profile*)**

ISSN 1857-1999

Published quarterly
Nr. 1 (27), 2013

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Научно-теоретический и информационно-практический периодический журнал,
основанный Ассоциацией международного права Республики Молдова**

**Аккредитован
решением Верховного Совета по Науке и Технологическому развитию Академии наук Молдовы
и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации Республики Молдова
как профильная научная публикация по специальностям:
12.00.10 - международное публичное право (*профиль юридические науки*)
и 23.00.04 - теория и история международных отношений и глобального развития (*профиль
политические науки*)**

ISSN 1857-1999

Издаётся ежеквартально
Nr. 1 (27), 2013

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2013.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**
www.rmdiri.md

Bun de tipar 15.02.2013.

Format A4

Coli de tipar 18,66. Coli editoriale 18,70.

Tipar *Riso*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda _____. Tirajul 200 ex.

ELAN POLIGRAF S.R.L., S.C.

str. Mesager, 7 MD-2069 mun. Chisinau

(+373-22) fax: 746500; tel: 746503; 745800

info@elan.md

www.elan.md